

4 (31)

2015

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Электронный журнал

**№ 4 (31)
2015**

ISSN 2071-0437 (online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ИПОС СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН, зам. директора по науке; Бужилова А.П., чл.-кор. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова, директор; Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН, г.н.с.; Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия); Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США); Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН, зав. отделом; Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.; Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.; Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), директор; Яблонский Л.Т., д.и.н., Ин-т археологии РАН, зав. отделом

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия); Дегтярева А.Д. (зам. главного редактора), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Зах В.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Ключева В.П., к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН, ст.н.с.; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Московченко Д.В., д.г.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ИПОС СО РАН, в.н.с.; Ткачев А.А., д.и.н., ИПОС СО РАН, зав. сектором

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Электронное периодическое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство Эл № ФС 77-32570 от 15 июля 2008 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2015

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Сериков Ю.Б. Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья	4
Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI (по итогам раскопок 2005 г.)	17
Епимахов А.В., Мосин В.С. Хронология зауральского энеолита	27
Илюшина В.В. Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье (результаты технико-технологического анализа)	38
Зими́на О.Ю. Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья	48
Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Цветная металлообработка иткульской культуры (предварительные результаты аналитических исследований)	57
Барсуков Е.В., Боброва А.И. Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии	67

Антропология

Свиридов А.А., Васильев С.В. Три черепа из Меланезии (острова Луайоте) с отверстиями в мозговой коробке: трепанация, генетическая патология или инфекция?	77
Зубова А.В., Кубарев Г.В. Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ	85
Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Алексеева Е.А. Краниология, одонтология и реконструкция внешнего облика северных селькупов по материалам могильника Кикки-Акки	93

Этнология

Самигулов Г.Х. К истории ичкинских татар последней трети XVII — XVIII в.	105
Белич И.В. «План» тобольского землемера 1806 г., или о том, как он выдал желаемое за действительное (к вопросу о местонахождении могилы Ермака)	113
Богордаева А.А. О русских заимствованиях в жилище манси (историографический обзор по материалам XVIII — начала XXI в.)	122
Давыдова Е.А. «Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка): стремление ухода в мир мертвых Тымнэнэтына	130
Темплинг В.Я. Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии (XIX — начало XX в.)	136
Клюева В.П. «В настоящее время религия переживает серьезный кризис»: реакция советских верующих на антирелигиозную пропаганду	143
Алишина Г.Н. Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны	151

Палеоэкология

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Афонин А.С., Кисагулов А.В. Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1 (Приишимье в начале I тыс. до н.э.)	157
Пошехонова О.Е., Афонин А.С., Кисагулов А.В., Гимранов Д.О., Некрасов А.Е., Якимов С.А., Якимов А.С., Баженов А.И. Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов по данным палеоэкологических исследований	165
Курманов Р.Г. Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II методом спорово-пыльцевого анализа	175
Информация для авторов	185
Список сокращений	187

На передней стороне обложки: мансийские избы, д. Верхнее Нильдино Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2010 г. (фото А.А. Богордаевой); наконечники стрел и втульчатое долото иткульской культуры.

Contents

Archaeology

Serikov Yu.B. Traces of early Paleolithic age on the territory of Middle Trans-Urals	4
Lychagina Ye.L., Mitroshin Ye.N., Poplevko G.N. Complex analysis of stone inventory from the settlement of Chashkinsky Ozero VI (after excavation results of 2005).....	17
Yepimakhov A.V., Mosin V.S. Chronology of Trans-Urals Eneolithic	27
Ilyushina V.V. Pottery of the Fyodorovo culture from the settlement of Schetkovo 2 in the Low Tobol basin (results of technical-and-technological analysis).....	38
Zimina O.Yu. Complexes of the Krasnoozerka culture of the Low Ishim-and-Irtysh basins	48
Kuzminykh S.V., Degtyareva A.D. Production of non-ferrous metal of Itkul culture (preliminary results of analytical researches).....	57
Barsukov Ye.V., Bobrova A.I. Urlyuk hillfort: historical evidences and archaeological realities	67

Anthropology

Sviridov A.A., Vasilyev S. V. Three skulls from Melanesia (Loyalty Islands) with holes in a brain skull: trepanation, genetic pathology or infection?	77
Zubova A.V., Kubareva G.V. Craniological characteristic of Early Medieval population from Gorny Altai after materials from Kudyirge burial ground.....	85
Poshekhonova O.Ye., Zubova A.V., Alexeyeva Ye.A. Craniology, odontology and appearance of North Selkups after materials of Kikki-Akki burial ground.....	93

Ethnology

Samigulov G.Kh. On history of the Ichkin Tartars in the last third of XVII century — XVIII century	105
Belich I.V. «Plan» by Tobolsk land surveyor, 1806, or how he took the wish for the reality (on location of Yermak's grave)	113
Bogordayeva A.A. On Russian borrowings in Mansi dwelling (historiographic review after materials of XVIII c. — early XXI c.)	122
Davydova Ye.A. «Voluntary death» and «new life» in Amguem tundra (Chukotka): a wish to escape into the world of the dead Tymnanantyn.....	130
Templing V.Ya. Health care in the Far North of Tobolsk province (XIX — early XX c.c.)	136
Kluyeva V.P. «At present, religion is passing through a deep crisis»: a response of Soviet believers to antireligious propaganda	143
Alishina G.N. The Evangelical Lutheran Church and Lutheran pastors of the Russian Empire during the First world war	151

Paleoecology

Ryabogina N.Y., Ivanov S.N., Afonin A.S., Kisagulov A.V. Paleobotanical and archaeozoological investigation on the site of Borki 1 (Low Ishim basin in the early I millennium B.C.).....	157
Poshekhonova O.Ye., Afonin A.S., Kisagulov A.V., Gimranov D.O., Nekrasov A.Ye., Yakimov S.A., Yakimov A.S., Bazhenov A.I. Certain elements of burial rite with North Selkups after data of paleoecological studies	165
Kurmanov R.G. Studying of successions of plant communities from the settlement of Ufa II, using method of spore-pollen analysis	175
Memo to the Authors	185
Abbreviations	187

АРХЕОЛОГИЯ

СЛЕДЫ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Ю.Б. Сериков

Представлены сведения о единичных каменных изделиях, покрытых толстой патиной. Они обнаружены на переотложенных местонахождениях раннего палеолита, иногда встречаются в составе поздних комплексов, куда попали в качестве минерального сырья для последующей реутилизации или в качестве сакральных древностей. Среди патинированных изделий выделяются ручные рубила, бифасы, скребла, массивные отщепы. Типы изделий, технология их изготовления и глубокая патина позволяют отнести их раннему палеолиту.

Ранний палеолит, переотложенные памятники, рубила, бифасы, скребла, патина, вторичное использование древних предметов.

Природные условия различных эпох плейстоцена и их изменения на территории Урала изучены только в общих чертах. Степень изученности для различных регионов различна. По многим вопросам (размеры оледенений, синхронность оледенений и морских трансгрессий, существование подпрудных водоемов и др.) до сих пор нет единого мнения. Тем не менее изменения в оценке палеогеографии Урала пробили брешь в точке зрения о недоступности его территории в эпоху раннего палеолита. Этому способствуют и постоянно накапливающиеся материалы раннепалеолитических памятников.

Первоначальное заселение Урала и Среднего Зауралья в частности было длительным и сложным процессом. Оно совершалось в разное время и с различных территорий. Долгое время считалось, что из-за водно-ледниковых барьеров заселение Урала не могло произойти ранее микулинского межледниковья. Этот традиционный взгляд на недоступность данной территории в раннепалеолитическую эпоху сыграл отрицательную роль в развитии уральского палеолитоведения и на несколько десятков лет задержал введение в научный оборот новых материалов по первоначальному освоению региона.

Сегодня считается, что древний человек мог проникнуть на Урал уже во времена лихвинского межледниковья. Это межледниковье пришло на смену окскому оледенению и характеризовалось теплым и влажным климатом. Оно было продолжительнее всех последующих, поэтому эта эпоха была благоприятной для расселения древних людей в том числе и на территории Урала.

Первый раннепалеолитический памятник на территории Урала был открыт еще в 1955 г. — Старо-Тукмалинское местонахождение в Республике Башкортостан. Костеносный горизонт находился на глубине 9,5 м, однако в то время данная информация не привлекла особого внимания [Котов, 2009, с. 23]. Большую известность имела стоянка Мысовая, открытая в 1961 г. на оз. Карабалакты. Комплекс каменных изделий был разделен на две группы — ашельского и мустьерского возраста [Бадер, Матюшин, 1974].

На западном склоне Урала известны местонахождения каменных изделий в совместном залегании с костями трогонтериевого слона — Харутино на р. Адзьве (Республика Коми) и Ельники II на берегу Камского водохранилища (Пермский край) [Павлов, 1996, с. 44, 68].

В настоящее время раннепалеолитические комплексы (к сожалению, в большинстве случаев переотложенные) известны на всем протяжении Урала. Харутино находится на 67° с.ш. В Среднем Приуралье на размываемых берегах Камского и Воткинского водохранилищ выявлены целые серии раннепалеолитических местонаждений (Слудка, Ганичата I и II, Тупица, Борисово, Сосновка, Большой Глухой и др.) [Павлов, 1996, с. 34–71]. Не меньше раннепалеолитических местонаждений известно и на Южном Урале (Долина I и II, Карышкино 5, Улек-Хазы 6, Кызыл-Яр 2, 4, 13 и др.) [Котов, 2009, с. 23–29].

Все памятники, которые можно отнести к раннему палеолиту, на территории Среднего Зауралья представлены переотложенными местонахождениями в основном с единичными наход-

Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья

ками. В настоящее время известно 16 местонахождений, на которых собрано около 180 каменных изделий.

Самый крупный комплекс обнаружен в 1954 г. местным краеведом-минерологом П.Э. Рикертом на северо-восточном склоне горы Голый Камень — Гальянская стоянка (рис. 1, 6). Гора находится на юго-западной окраине г. Нижнего Тагила. Ее абсолютная отметка +364, но над окружающей поверхностью она возвышается на 150 м. В плане гора почти круглая, ее диаметр по подошве составляет около 8,5 км. Очертания горы плавные, ближе к вершине она вздымается куполом, завершающимся скалистым шиханом высотой до 15 м. С юга и юго-запада гора омывается левым притоком р. Тагил — р. Леба. С северо-востока к горе примыкает Гальянский торфяник — бывшее проточное озеро. Расстояние от вершины до торфяника — 1,8 км.

Все находки (117 экз.) собраны на прилегающем к торфянику северо-восточном склоне горы. Пятью локализованными местонахождениями они тянутся на 180 м вдоль берега торфяника и на такое же расстояние поднимаются вверх по склону горы. Высшая точка находок от уровня торфяника отстоит на 35–40 м по вертикали. Все изделия покрыты слоем патины толщиной 1–2 мм. Причем патина покрывает и обработку изделий. По определению П.Э. Рикерта, все изделия изготовлены из окремнелых туфов различной степени силификации. Эти туфы встречаются повсеместно выше по склону в выходах скал. Именно они слагают в основном массив горы Голый Камень [Кипарисова, 1956, с. 121]. Работы автора позволили уточнить определения П.Э. Рикерта. Выяснилось, что древние орудия изготовлены из двух видов сырья. Одна порода при современном сколе показывает под патиной темно-коричневый цвет, это и есть окремнелый туф. А вторая порода при сколе обнажает темно-зеленый цвет с включениями темных крапинок. Петрограф Лайской геологоразведывательной партии И.А. Завалишина определила ее как «авлевротуфы порфиринов» (полное название — авлевротуфы андезитовых, андезитодацитовых порфиринов кристалло-витрокластические спекшиеся) [Сериков, 1988, с. 205].

Поскольку в 1954 г. на территории Среднего Зауралья не было известно ни одного палеолитического и мезолитического памятника, Н.П. Кипарисова столь необычный комплекс предварительно отнесла к мезолиту [1956, с. 121–122]. Этим же временем в 1961 г. материалы Гальянской стоянки и Голокаменной мастерской датировала и В.М. Раушенбах [1961, с. 170–171].

В 1988 г. автор опроверг мезолитическую дату макролитов Гальянской стоянки и впервые высказал предположение об их раннепалеолитическом возрасте [Сериков, 1988, с. 206–207]. В том же году вышла совместная работа В.Т. Петрина и автора, в которой публиковались материалы Гальянской стоянки и обосновывалась их раннепалеолитическая датировка [Петрин, Сериков, 1988].

Коллекция Гальянской стоянки в настоящее время состоит из 104 каменных изделий. Типологически ее можно разделить на несколько категорий: изделия первичного раскалывания (преформы и нуклеусы), орудия (скребла, остроконечник, нож) и отходы производства (технические вертикальные и горизонтальные сколы, пластины, отщепы и обломки).

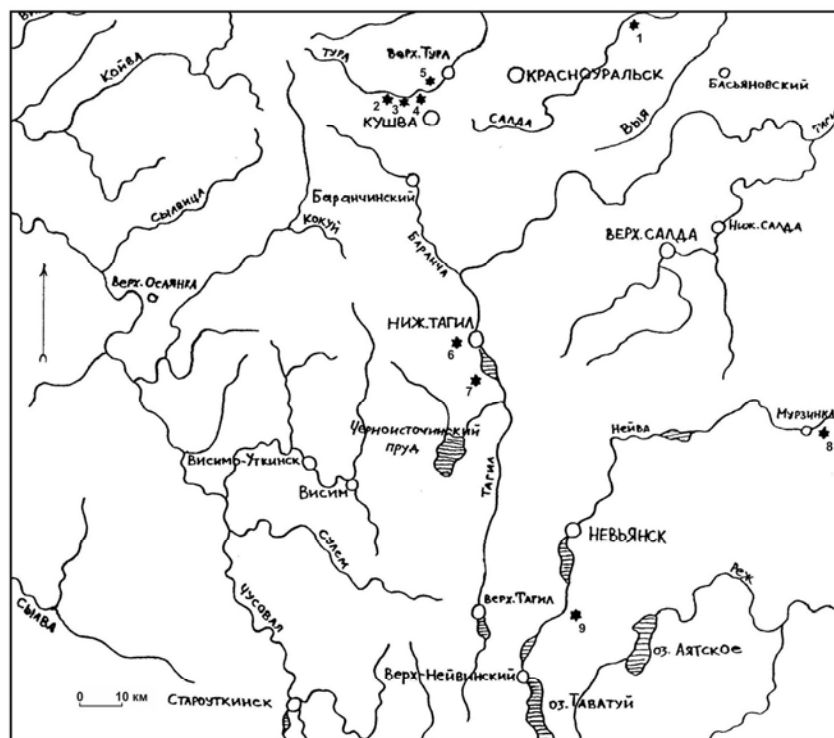
Преформы (28 экз.) представлены кусками, для которых характерно наличие апробирующих сколов. Иногда они имеют упорядоченный характер в виде параллельных сколов.

Наиболее выразительными изделиями в коллекции являются нуклеусы (4 экз.). Один нуклеус подтреугольной формы, изготовлен из плитки камня длиной 14,7 см (рис. 1, 2). Ударная площадка его сильно скошена, негативы сколов свидетельствуют о веерообразном принципе расщепления. По всей видимости, нуклеус еще использовался в качестве ударного и рубящего орудия, на что указывают сработанные участки на широком конце и одном из боковых краев изделия.

Второй нуклеус — многоплощадочный. Для его изготовления использована плиточная форма длиной 14,5 см. Ударными площадками служили плиточные поверхности, с которых снимались широкие укороченные сколы.

Нуклеусы параллельного принципа расщепления (2 экз.) изготовлены из плиток окремнелого туфа длиной 11–13 см. Первый нуклеус двухплощадочный, монофронтальный. Фронт скалывания расположен на узкой стороне, ударная площадка находится под прямым углом к плоскости скалывания. Второй нуклеус полностью аналогичен первому, но немного меньше его по размерам.

Приемы первичного расщепления достаточно многообразны. Но если учитывать так называемые технические сколы (вертикальные — 4 экз. и горизонтальные — 2 экз.), принадлежащие явно нуклеусам параллельного принципа расщепления, то следует признать, что техника параллельного расщепления заметно доминирует.

1

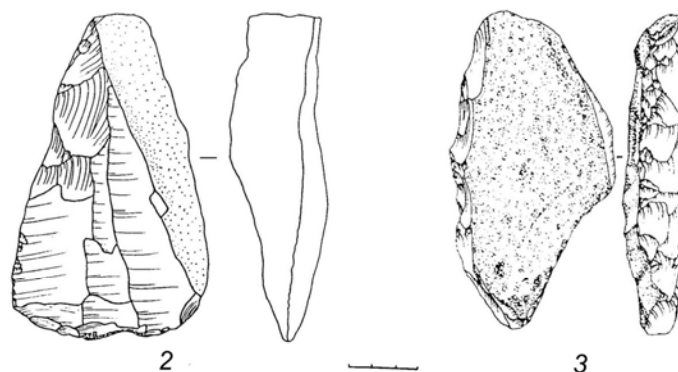

Рис. 1. Карта-схема раннепалеолитических местонахождений Среднего Зауралья (1) и каменные изделия Гальянской стоянки (2, 3):

1 — Прокопьевская Салда VI; 2 — Гаревая II; 3 — Уральские Зори-болото; 4 — Уральские Зори III; 5 — Уральские Зори V; 6 — местонахождения на горе Голый Камень; 7 — местонахождения на Горбуновском торфянике; 8 — Амбарка I; 9 — местонахождения Шайтанского озера.

Среди орудий большая часть изделий (10 экз.) относится к скреблам. Практически все они изготовлены на плитках. Скребла достаточно сильно различаются между собой размерами и характером расположения и оформления рабочего края (рис. 1, 3). Довольно интересно скребло высокой формы, изготовленное из коричневого кремнистого туфа (рис. 2, 1). Его рабочий край имеет зубчато-выемчатую форму; возможно, орудие имело многофункциональное назначение.

Еще одно изделие можно определить как остроконечник. Он имеет небольшие размеры — 5,5 см в длину. Ударный бугорок убран подтеской со стороны брюшка. Один боковой край остроконечника для придания ему формы обработан крупной ретушью со спинки.

Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья

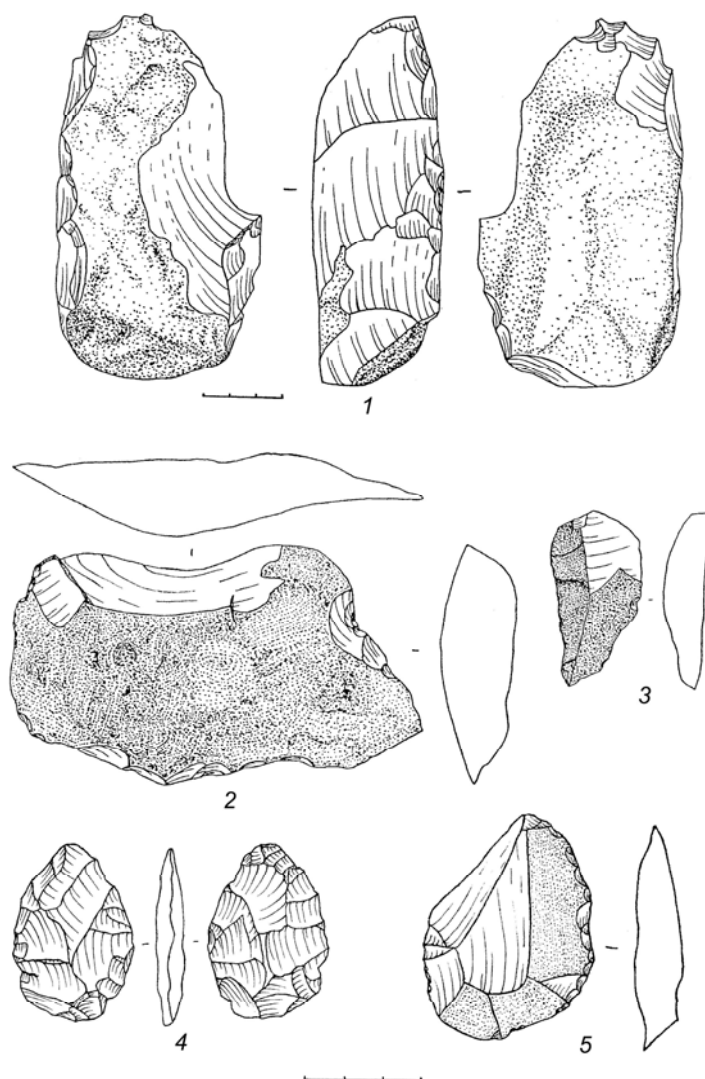

Рис. 2. Раннепалеолитические изделия Среднего Зауралья:
1 — Гальянская стоянка; 2 — Голокаменная мастерская; 3 — Голый Камень-шихан; 4 — Южный шихан;
5 — Шайтанский шихан.

Нож с обушком также небольших размеров. Ретушь нанесена по одному из краев и имеет двусторонний характер.

Семь предметов имеют вторичную эпизодическую подработку. Ретушь носит утилизационный характер.

Пластины (2 экз.) представлены массивными экземплярами, имеют неправильную огранку.

Отщепы (22 экз.) и обломки (14 экз.) связаны с первичным расщеплением камня и отличаются друг от друга лишь размерами.

Подводя итоги описания каменного инвентаря, необходимо отметить, что 39,2 % изделий связаны с первичным расщеплением, 33,3 % представляют собой отходы производства и 27,5 % можно отнести к орудиям.

Появление каменных изделий на склонах Голого Камня явно связано с выходами кремнистых пород, которые использовались человеком на протяжении длительного времени. Однако соотношение различных категорий каменных изделий внутри комплекса показывает, что он не мог принадлежать только мастерской. Около трети (27,5 %) орудий свидетельствуют о поселенческом характере памятника. Поэтому местонахождение на северо-восточном склоне горы (Гальянскую стоянку) можно предварительно определить как поселение-мастерскую [Петрин, Сериков, 1988, с. 34].

Уже после публикации материалов Гальянской стоянки в 1988 г. автору стало известно еще одно орудие, в настоящее время хранящееся в частной коллекции сына первооткрывателя памятника И.П. Рикерта.

Изделие представляет собой средних размеров (10,2×5,5×3,7 см) ручное рубило подтреугольной формы. Оно выполнено из типичного для стоянки кремнистого туфа. Поверхность изделия покрыта глубокой патиной. Рубило изготовлено посредством грубых сколов, образующих в профиле извилистую линию. Один из боковых краев изделия обработан серией мелких сколов. От типичных ашельских рубил его отличают разве что четко выраженная подтреугольная форма и меньшие размеры.

По мнению автора, это не единственное рубило в коллекции Гальянской стоянки. В работе 1988 г. одно подобное изделие опубликовано как нуклеус леваллуа. Оно имеет подтреугольную форму и обработано с двух сторон крупными сколами. Размеры изделия — 11,5×8,0×4,2 см (рис. 3, 2). В публикациях Н.П. Кипарисовой и В.М. Раушенбах также приводятся рисунки изделий, которые можно интерпретировать как ручные рубила. Н.П. Кипарисова отмечает особенно архаичный вид трех изделий. Одно из них ромбовидной формы с заостренным углом, крупных размеров (около 20×15×10 см) [Кипарисова, 1956, рис. 5, 3] (рис. 3, 3). Второе изделие, размером 12×10×3,3 см, по мнению Н.П. Кипарисовой, очень напоминает остроконечник ашельского типа (рис. 6, 2) [Там же, рис. 5, 1). В.М. Раушенбах одно из изделий Гальянской стоянки характеризует как «орудие, напоминающее по форме палеолитические рубила» [1961, рис. 1, 2].

Учитывая типы изделий и технологию расщепления, можно предполагать, что комплекс Гальянской стоянки не является единовременным в рамках нижнего палеолита.

Следует отметить, что отсутствие на памятнике культурного слоя вынуждает производить датирование комплекса только посредством типологического метода. Шурфы В.М. Раушенбах в 1954 г. не обнаружили культурного слоя. Шурф автора глубиной 2 м в 1995 г. был доведен до скалы, но дал только одну находку: на глубине 0,7 м — отщеп такого же кремневого туфа и с такой же значительной патиной. Но в отличие от остальных изделий Гальянской стоянки отщеп не имел заглаженных граней, а выглядел достаточно свежим. По всей вероятности, он также переотложен, но не находился на поверхности так долго, как остальные.

На склонах Голого Камня выявлено еще три местонахождения с патинированными изделиями: Голоокаменная мастерская, Голый Камень III и Голый Камень-шихан.

Летом 1993 г. после сильнейших ливневых дождей склоны Голого Камня во многих местах были размывы на глубину 0,5–0,8 м. В глубоких промоинах на площади Голоокаменной мастерской автору удалось собрать свыше десятка сильно патинированных изделий, ничем не отличающихся от макролитов Гальянской стоянки. Коллекция находок содержит только нуклевидные формы и отщепы. Большой интерес представляет раннепалеолитический отщеп размером 15,7×8,2 см, который был использован вторично, но уже в мезолитическую эпоху (рис. 2, 2). Отщеп имеет первичную корку на спинке и хорошо выраженный массивный ударный бугорок на брюшке. Вся его поверхность сильно патинирована, но сколы со стороны спинки (вверху и справа) имеют свежий характер, типичный для мезолитических изделий. К тому же они сняли слой патины и обнажили внутренний цвет породы. Порода эта не кремнистый туф, характерный для Гальянской стоянки, а типичный для мезолитической мастерской голоокаменный алевротуф. Подобные случаи использования ранних изделий в более поздние эпохи достаточно известны, и характерны они прежде всего для камнеобрабатывающих мастерских, расположенных у выходов сырья.

Следует отметить, что Голоокаменная мастерская расположена на высоте около 30 м над уровнем р. Леба, омывающей Голый Камень с юга и юго-запада, и находится в 1,5 км к югу от Гальянской стоянки.

Еще одно раннепалеолитическое местонахождение находится на южном склоне горы Голый Камень в 1 км к югу от вершины. Оно связано с первой береговой террасой р. Леба и находится на высоте около 10 м над уровнем реки. Здесь на одном из мысов обнаружена кратковременная стоянка эпохи мезолита и средневековья — Голый Камень III. Среди находок — два архаичных отщепа из голоокаменского алевротуфа. Один из них слегка патинирован, а второй — с первичной коркой на спинке — имеет такую же толстую патину, как изделия Гальянской стоянки.

На вершине скалистого шихана горы Голый Камень находится святилище, которое функционировало в раннем железном веке и средневековье. В 1996 г. на святилище обнаружено два отщепа архаичного вида. Один из них представляет собой сильно патинированное изделие из

Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья

голокаменского кремнистого туфа с первичной коркой на спинке (рис. 2, 3). Второй менее патинирован и изготовлен из алевротуфа. Подобные отщепы хорошо известны на Гальянской стоянке, которая располагается ниже по склону горы в 1 км к северо-востоку от святилища. Палеолитические отщепы могли попасть на шихан горы в древнюю эпоху, когда святилища на вершине еще не существовало, либо их принесли на святилище в более позднее время. Этнографические материалы показывают, что местное население с почитанием относилось к древним предметам и часто использовало их в культовой практике [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 159–166].

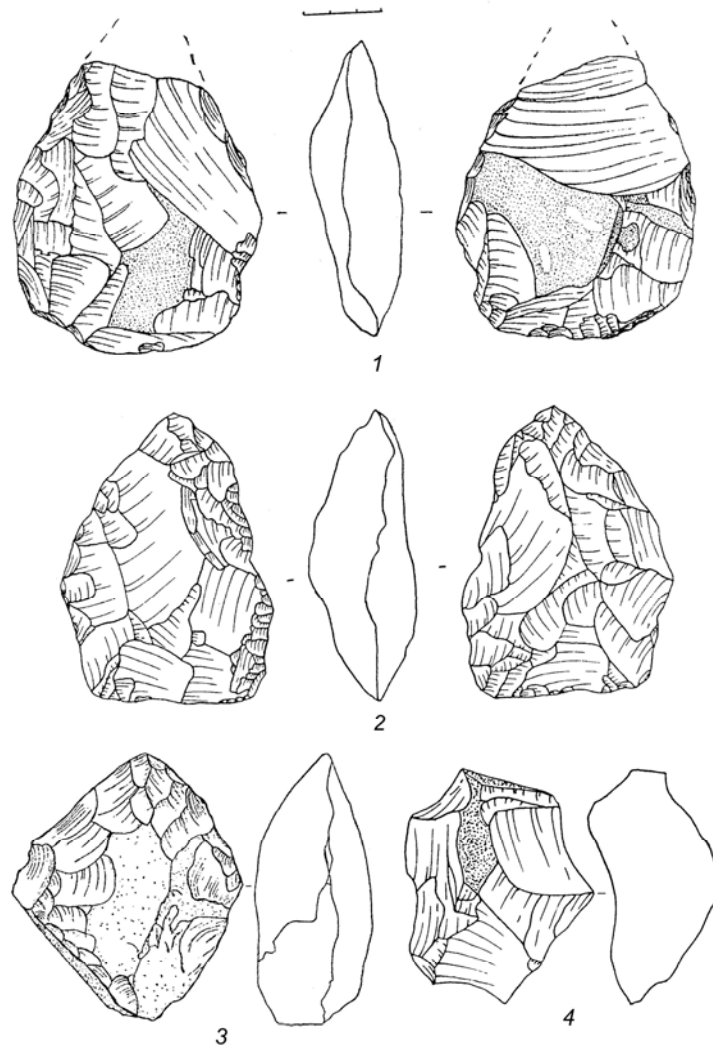

Рис. 3. Раннепалеолитические изделия Среднего Зауралья:
1 — Полуденка I; 2, 3 — Гальянская стоянка; 4 — Амбарка I.

Еще четыре раннепалеолитических комплекса выявлено в верховьях р. Туры (Кушвинский р-н Свердловской обл.), где в 1985–1990 гг. при строительстве Новотуринского водохранилища широко исследовались археологические памятники. Обнаружены они на площади однослойных мезолитических поселений, но к мезолиту явно не относятся.

Стоянка Гаревая находится на правом берегу р. Тура в 450 м ниже по течению от места впадения в нее р. Ближняя Гаревка, в 6 км к северо-западу от г. Кушва Свердловской обл. (рис. 1, 2). Памятник расположен на скалистом мысу высотой от 4 до 6 м. Площадь стоянки не превышает 400 м². Раскопками исследована центральная часть памятника общей площадью 116 м². Культурные остатки залегают сразу под дерном в слое коричневого и буро-коричневого суглинка, мощность которого колеблется от 15 до 40 см. Материком является плотный суглинок с боль-

шой примесью щебня и камня-рухляка или скала. Памятник однослойный и датируется эпохой мезолита.

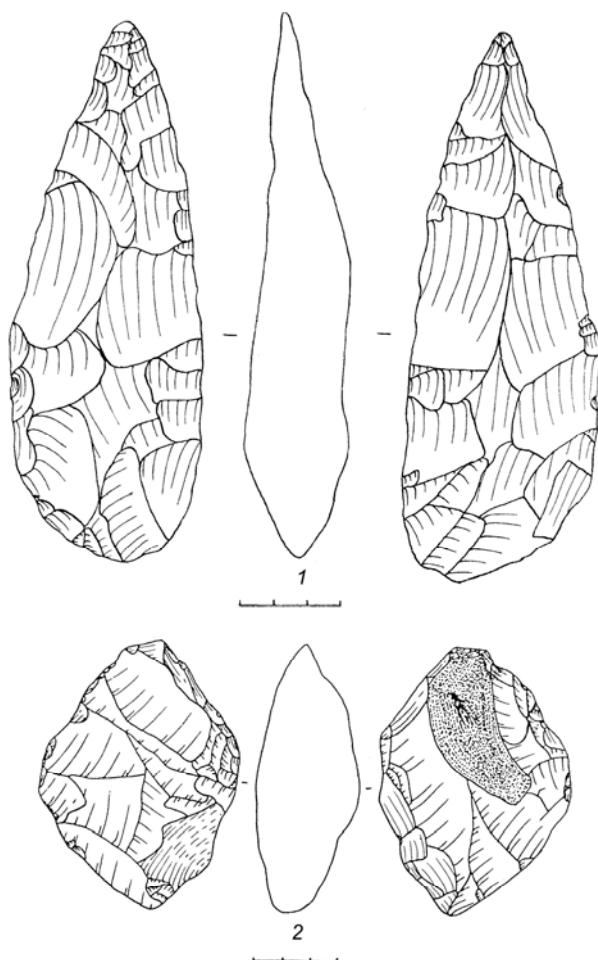

Рис. 4. Раннепалеолитические изделия Среднего Зауралья:
1 — III Береговая стоянка Горбуновского торфяника; 2 — Уральские Зори-болото.

Кроме 1157 мезолитических каменных изделий на стоянке выявлено 36 предметов архаичного облика. Из них 14 изделий имеют нуклевидные формы, 2 — можно отнести к скреблам, 6 — к пластинам, 14 — отщепы. На одном из нуклеусов отмечены следы обработки, которая была произведена в более позднее (мезолитическое) время: сколы сняли слой патины, покрывающей все изделие. Все отщепы массивные, довольно толстые, имеют ударную площадку, расположенную под тупым углом к плоскости скалывания. Архаичный комплекс изделий изготовлен из местных синеватых алевротуфов, грани сколов заглажены, поверхность покрыта глубокой патиной [Сериков, 1998, с. 197].

Сезонное поселение Уральские Зори III расположено не на береговом мысу, а над ним, на склоне горы, на высоте 12–13 м от уровня воды (правый берег р. Туры в 2,6 км по течению ниже Гаревой II) (рис. 1, 4). Площадь памятника не превышает 400 м². Раскопом вскрыто 104 м², получена коллекция находок из 2819 каменных изделий. Культурные остатки залегают сразу под дерном в слое светло-коричневого суглинка мощностью от 15 до 40 см. Материком является плотный бурый суглинок или скала. Как и Гаревая II, памятник однослойный, датируется эпохой мезолита.

На стоянке найдено два архаичных изделия. Одно из них — отщеп алевротуфа с заглаженной поверхностью, второе — скребло. Оно изготовлено на массивном отщепе серо-зеленоватого алевротуфа размером 5,5×5,1×1,3 см. Лезвие скребла оформлено крупной ретушью со стороны брюшка. Фасетки ретуши заглажены и покрыты тонкой патиной, но пять сколов на

Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья

спинке в верхней части отщепа сняли слой патины. Переоформление орудия могло произойти только в мезолитическую эпоху, так как памятник является однослойным [Сериков, 1998, с. 197]. Следовательно, его первичное использование можно связывать с предыдущей, палеолитической, эпохой, причем с ранним ее этапом, так как на изделиях позднего палеолита на территории Среднего Зауралья патина отсутствует, да и сырье в позднем палеолите использовалось уже другое [Сериков, 1989, с. 33–34].

Еще одно сезонное поселение — Уральские Зори V — находится на левом берегу р. Туры при переходе реки в Верхнетуринский пруд, в 1 км ниже поселения Уральские Зори III (рис. 1, 5). Памятник расположен на хорошо выраженном мысу высотой 3 м, образованном поворотом реки (пруда). Его площадь около 500 м², раскопом 1990 г. вскрыто 120 м². Культурные остатки залегают сразу под дерном в слое светло-коричневого суглинка мощностью 20–25 см. Материалом является плотный буро-коричневый суглинок или скала. Памятник практически однослойный. Основная масса находок (9665 экз.) относится к мезолиту и лишь незначительная — к энеолиту (6 находок) и средневековью (17 находок).

В комплексе находок выделяется массивный отщеп светло-серого алевротуфа размером 8,1×9,0×2,4 см. Он имеет выпуклый ударный бугорок и расположенную под тупым углом к плоскости скалывания ударную площадку. Вся поверхность заглажена и патинирована. По краям отщепа сохранилась плиточная корка. По сырью, сохранности и технике изготовления он ничем не отличается от других архаичных изделий из верховьев Туры [Сериков, 1998, с. 197–198].

При строительстве водохранилища экскаватором для добычи галечника были вскрыты русловые отложения р. Туры. Обследование многочисленных куч галечника привело к находкам интересных каменных изделий (местонахождение Уральские Зори-болото) (рис. 1, 3). Три из них заслуживают особого рассмотрения.

Первое изделие представляет собой архаичный плоский нуклеус (рис. 4, 2). Он довольно массивен, его размеры — 9,8×7,1×3,6 см. Изготовлен нуклеус из местного синеватого алевротуфа хорошего качества. Все сколы изделия сглажены, но патина отсутствует. Изделие оформлено плоскими сколами, его боковые края очень извилисты и имеют заметную забитость. На одной из сторон сохранилась плиточная корка. Архаичный вид изделия позволяет связывать его с эпохой раннего палеолита. Два оставшихся изделия — это отщепы синеватого алевротуфа с заглаженными и слегка патинированными поверхностями. Особенно интересен один из них. Он довольно тонкий, имеет ярко выраженный ударный бугорок и расположенную под тупым углом к плоскости скалывания ударную площадку. Плиточная корка, сохранившаяся на спинке отщепа, показывает, что он сколот с плитки алевротуфа.

В 1985 г. при раскопках III Береговой стоянки Горбуновского торфяника (8 км к юго-востоку от г. Голый Камень (рис. 1, 7) П.К. Халяевым было обнаружено около десятка необычных каменных изделий. Они представляли собой крупные и массивные отщепы с рельефно выраженными ударными бугорками и скошенными под тупым углом к плоскости скалывания ударными площадками. Кроме отщепов архаичного облика в комплексе выделяются три массивных изделия типа бифасов. К большому сожалению, в свое время данный комплекс не был опубликован, а после смерти П.К. Халяева и вовсе оказался утерянным. Лишь недавно часть комплекса удалось обнаружить в неразобранных материалах Нижнетагильского музея-заповедника, где они и хранятся в настоящее время.

Из трех бифасов только один сохранился целиком. Длина его 16 см, ширина 5,8 см, толщина до 3 см. С двух сторон бифас обработан крупными и средними сколами до получения вытянутой слегка асимметричной листовидной формы (рис. 4, 1). Аналогов данному изделию в каменном веке Урала нет. Второе изделие является верхней частью точно такого же бифаса. Длина сохранившейся части 9,3 см, ширина — 5,3 см, толщина в месте слома — 2,4 см. В технике изготовления обоих бифасов никаких различий нет. Третье изделие по форме несколько отличается от вышеописанных. Судя по одинаковой толщине профиля бифас изготовлен из плитки камня. К сожалению, он также сломан. Длина сохранившейся части 13,6 см, ширина 9,7 см, толщина 1,8 см. С двух сторон бифас обработан только крупными сколами [Сериков, 2008, с. 99–100].

Все три изделия изготовлены из зеленоватого тонкозернистого песчаника, по структуре и окраске очень похожего на змеевик (серпентинит). Использование данного сырья на территории Среднего Зауралья отмечено впервые.

Второе отличие архаичных изделий с III Береговой стоянки состоит в том, что на них отсутствует патина. Обычно все раннепалеолитические каменные изделия покрыты слоем патины раз-

личной толщины. Наличие ее является важным признаком, по которому находка может быть отнесена к раннему палеолиту. Здесь же тип изделий и техника их изготовления выглядят очень архаично, а патина отсутствует. Следует отметить, что на соседнем с III Береговой стоянкой памятнике — II Береговой — обнаружены отщепы и крупные куски такого же зеленоватого тонкозернистого песчаника, но изделий архаичного облика из такого материала там пока не выявлено.

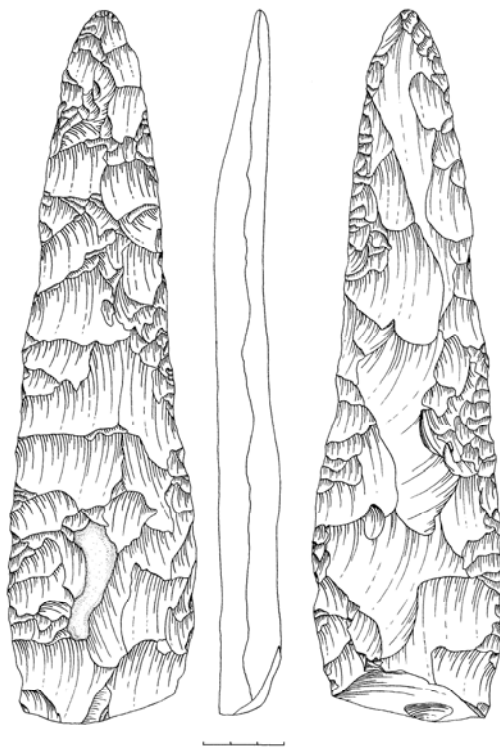

Рис. 5. Раннепалеолитический бифас из Нижней Салды.

В процессе раскопок на III Береговой стоянке найдены материалы мезолита, неолита, энеолита и раннего железа. Преобладают каменные изделия эпохи мезолита. Каменная индустрия всех представленных на стоянке эпох изучена достаточно хорошо, однако ни для одной из них вышеописанные бифасы не характерны. В то же время по технике обработки их можно соотнести с архаичными изделиями Гальянской стоянки. Видимо, этим временем (ранним палеолитом) и следует датировать весь комплекс.

Целенаправленный поиск патинированных изделий в коллекциях из предыдущих раскопок Нижнетагильского музея-заповедника позволил выявить еще две раннепалеолитические находки. На I Береговой стоянке Горбуновского торфяника обнаружен массивный отщеп длиной 7,7 см, шириной 5,8 см и толщиной до 2,7 см. Он полностью покрыт глубокой патиной толщиной около 1 мм. Ударная площадка без подработки, имеет округлую форму, полностью покрыта желвачной коркой. Желвачная корка присутствует и на нижней части отщепа, это свидетельствует, что сколот он с небольшого желвака. На спинке отщепа сохранились следы поперечных снятий, что дает возможность интерпретировать его как технический скол. Левый край отщепа имеет несистематическую ретушь, которая сняла патину и обнажила внутренний слой изделия. Отщеп изготовлен из голокаменского сырья — зеленоватого алевротуфа порфиритов, выходы которого находятся на склонах горы Голый Камень. По всей видимости, отщеп был принесен с мастерской на стоянку в качестве минерального сырья для его вторичной утилизации.

Такое же происхождение, по всей видимости, имеет и бифасиальное изделие, обнаруженное в смешанном комплексе поселения Полуденка I. Изготовлено оно из темно-серого (почти черного) кремнистого туфа, покрыто миллиметровой патиной, боковые его края сильно окатаны (рис. 3, 1). На боковых плоскостях изделия местами присутствует нетронутая обработкой плиточная корка. Обработано оно крупными и средними сколами, некоторые места подправле-

Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья

ны мелкими сколами. Его размеры — 8,5×7,4×2,7 см. Длина изделия была большей, о чем свидетельствует отмеченный на одной из плоскостей негатив скола, снявшего верхнюю часть орудия. По сужению верхней части изделия его можно реконструировать как ручное рубило. Аналоги данному изделию по форме, технике изготовления, минеральному сырью и сохранности можно найти на Гальянской стоянке (рис. 3, 2). Скорее всего, изделие попало на стоянку, как и в других случаях, в качестве сырья для последующей реутилизации.

Единичное патинированное изделие обнаружено на мезолитической стоянке-мастерской Амбарка I. Расположена она на правом берегу р. Нейва в 1,5 км к северо-востоку от с. Мурзинка (Пригородный р-н Свердловской обл.). Занимает каменистый мыс высотой 8–9 м в устье р. Амбарка, на правом ее берегу. Площадь памятника значительна — не менее 5000 м². Рекогносцировочными раскопками вскрыта площадь 56 м². Исследования показали, что на этом месте находилась мезолитическая мастерская по изготовлению рубящих орудий из туфопорфирита. Коллекция каменных изделий содержит 1458 экз. Находки залегают сразу под дерном в слое светло-коричневого суглинка мощностью до 30 см. Материком является плотная бурая глина или скала.

Архаичное изделие, найденное на памятнике, представляет нуклеус поддисквидной формы (рис. 3, 4). Его размеры — 8,1×6,0×3,6 см. Все сколы сильно заглажены. Изделие полностью покрыто глубокой патиной. Местами на нуклеусе сохранилась первичная корка. Изготовлен он из серо-зеленоватого алевротуфа.

Несколько патинированных изделий найдено на скальных святилищах Шайтанского озера (Кировградский р-н Свердловской обл.). В древности это озеро, по всей вероятности, обладало особым сакральным статусом и считалось священным. На его берегах выявлено и исследовано 15 культовых памятников различного характера [Сериков, 2013].

Одно из святилищ — Шайтанский шихан — расположено на 11-метровом скалистом шихане, сложенном гранитными валунами. А сам шихан находится на труднодоступном острове среди болот, на северном берегу озера. Функционировало святилище в основном в раннем железном веке, но на нем встречены немногочисленные находки всех эпох от мезолита до бронзового века.

От всех изделий заметно отличаются два скребла из зеленоватого алевротуфа. У одного — размером 6×4,2×1,3 см — лезвие оформлено некрупной краевой ретушью. Со стороны спинки у него присутствует плиточная корка. Негативы сколов и скребковая ретушь покрыты тонким слоем патины (рис. 2, 5). У второго — лезвие и боковой край обработаны пологой ретушью. Его поверхность также покрыта патиной [Сериков, 2013, с. 143].

Необычной находкой является изделие типа наконечника стрелы с Южного шихана Шайтанского озера. Наконечник листовидной формы, с раздутыми боковыми краями (рис. 2, 4). Его размеры — 4,5×3,1 см. Толщина наконечника доходит до 0,7 см. По технике изготовления изделие больше похоже на миниатюрный бифас, чем на наконечник стрелы. Изготовлен он не техникой отжима, а посредством двусторонней оббивки. Боковые лезвия изделия в профиле имеют слабо выраженный зигзагообразный характер. Грани сколов заглажены и залощены. Учитывая, что на его краях присутствуют три хорошо выраженные выемки, можно предположить, что изделие использовалось в качестве своеобразной нашивки. Изготовлен наконечник из зеленоватой породы типа алевротуфа. По форме и технике изготовления наконечник трудно связать с какой-либо эпохой от мезолита до раннего железного века. Предположительно его можно отнести к раннему палеолиту [Сериков, 2013, с. 154]. Как и в других аналогичных случаях, появление древних предметов на святилище связано с их вторичным использованием [Сериков, 2011а].

Интересная находка сделана автором еще в 1976 г. на р. Салда (Красноуральский р-н Свердловской обл.). Из обнажения руслового галечника было поднято галечное изделие рубилообразной формы. Изготовлено оно из кварцевой гальки длиной 15,8 и шириной 9 см. Заостренный конец изделия обработан сколами с двух сторон. Но с одной стороны гальки эти сколы сильно заглажены, что и придает изделию архаичный облик [Сериков, 2000, с. 38].

Уникальное изделие найдено в 1972 г. в г. Нижняя Салда (35 км от Нижнего Тагила). Обнаружено оно при ремонте подвала местным жителем на глубине 50–70 см. Изделие представляет собой сломанный бифас, изготовленный из серо-зеленоватого алевротуфа. Длина сохранившейся части 26,5 см. Первоначальная длина бифаса с учетом его очертаний могла достигать 33–34 см. Это очень крупное изделие, на Урале такие не известны. Изделия из серо-зеленоватого алевротуфа происходят с мезолитических памятников Уральские Зори III (скребло) и Амбарка (нуклеус), где они найдены во вторичном залегании. Бифас имеет вытянутую листовидную форму, изготовлен техникой оббивки, его боковые плоскости покрыты хорошо вы-

раженными раковистыми сколами. Для придания изделию заданной формы после оббивки выступающие части бифаса были дополнительно обработаны мелкой отеской (видимо, мягким отбойником). Лезвия орудия слегка извилисты, что характерно для бифасов позднего ашеля и мустье. На одной из плоскостей сохранился небольшой участок галечной корки (рис. 5). Поверхность орудия покрывает глубокая патина толщиной около 1 мм. И минеральное сырье, и патина на территории Среднего Зауралья характерны только для раннепалеолитических изделий [Сериков, 2011б, с. 5–6].

Подводя некоторые итоги исследования столь редких для Среднего Зауралья находок, хотелось бы отметить следующее.

Восемь местонахождений Голого Камня свидетельствуют о необычной для Зауралья топографии памятников — все они расположены на склонах горы. Топография памятников, их количество, состав находок, а также наличие на горе выходов кремнистых туфов и алевротуфов позволяют видеть в данных местонахождениях серию стоянок-мастерских. Приуроченность голокаменных стоянок-мастерских к выходам сырья, на наш взгляд, бесспорна. Данный факт может оказаться важным критерием при поиске других памятников раннего палеолита.

Вполне возможно, что аналогичная ситуация характерна и для памятников туринского «куста». Все они расположены по периметру заторфованного участка реки, который в древности мог являться проточным озером, к концу мезолита оказавшимся полностью заболоченным. Обилие в мезолитических комплексах изделий из алевротуфа (от 21,3 до 52,7 %) позволяет выдвинуть предположение, что где-то поблизости находятся выходы сырья с приуроченной к ним довольно крупной стоянкой-мастерской эпохи раннего палеолита. Мезолитическое население верховьев Туры знало об этих выходах и неоднократно посещало их для сбора с поверхности необходимого ему сырья. Вместе с чистым сырьем на мезолитические стоянки иногда попадали и раннепалеолитические артефакты, которые переоформлялись в нужные орудия. Обследование берегов реки в районе стоянок и выше по течению не обнаружило выходов сырья. Можно предполагать, что они расположены на большем удалении от реки, чем обычные памятники, и связаны, как и на Голем Камне, со склонами какой-то горы. Причем эта гора с раннепалеолитической мастерской, возможно, находится выше по течению реки, за стоянкой Гаревая II, так как чем дальше вниз по реке от Гаревой II, тем меньше архаичных находок на памятниках (на Гаревой II — 36 экз.; болоте — 3 экз.; Уральских Зорях III — 2 экз.; Уральских Зорях V — 1 экз.).

В пользу предположения о наличии в верховьях р. Туры раннепалеолитической стоянки-мастерской у выходов сырья косвенно могут свидетельствовать несколько фактов: 1) присутствие архаичных изделий сразу на четырех местонахождениях; 2) относительная «скупенность» данных местонахождений — все они расположены на отрезке реки протяженностью 3,5 км; 3) переоформление изделий в более поздние археологические эпохи характерно прежде всего для мастерских, находящихся у выходов сырья.

Обращает на себя внимание тот факт, что за исключением двух находок (на Прокопьевской Салде и Амбарке) все раннепалеолитические изделия обнаружены на озерах — Гальянском, Горбуновском, Полуденском, Туринском, Шайтанском.

Имеется еще одна топографическая особенность, характерная для всех береговых памятников, на которых известны раннепалеолитические комплексы. Культурные слои всех этих памятников находятся на скалистых мысах и перекрыты незначительным по мощности (до 0,5 м) почвенным слоем. Возможно, мы не обнаруживаем раннепалеолитические комплексы именно потому, что они «растворены» в материалах многослойных памятников. Вполне вероятно, что тщательная ревизия хранящихся в музеях коллекций каменных изделий приведет к выявлению непонятых в свое время изделий необычного или архаичного облика.

Следующая особенность раннепалеолитических комплексов заключается в сырье. Кроме кварцитового изделия с Прокопьевской Салды VI все раннепалеолитические артефакты со всех известных в настоящее время местонахождений изготовлены из кремнистых туфов и алевротуфов. Эти породы при раскалывании дают менее острые края, чем яшма, кремль, кремнистый сланец. Края изделий из таких пород быстрее тупятся, заглаживаются, стираются. Но зато на территории Среднего Зауралья имеются значительные выходы подобных пород. Их легче искать, потому что они обычно находятся на склонах гор. Из таких пород можно получать заготовки крупных размеров — на склоне Голого Камня на площади Гальянской стоянки обнаружен торчащий из земли валун кремнистого туфа со следами обкалывания. Выходов же яшмы и кремня в Среднем Зауралье не известно вообще, их получали обычно из галечников рек и озер.

Следы раннего палеолита на территории Среднего Зауралья

Выходы кремнистого сланца известны, но они не дают крупных фракций. Пришлomu населению, еще плохо знакомому с окружающей местностью, гораздо проще было отыскать необходимое ему сырье на незалесенных склонах гор. Пусть это сырье обладало неважными изотропными свойствами, но оно давало крупные фракции, необходимые для изготовления привычных орудий. И такая ситуация была характерна не только для территории Среднего Зауралья.

Собственно памятником раннего палеолита на территории Среднего Зауралья пока можно считать только Гальянскую стоянку-мастерскую. Все остальные местонахождения представляют собой отдельные раннепалеолитические изделия или их небольшие комплексы, которые принесены в голоценовую эпоху с «коренного» раннепалеолитического памятника для вторичного использования в производстве или культе. Пока вторичное использование раннепалеолитических изделий зафиксировано в эпоху мезолита (местонахождения Голого Камня, верховьев Туры, Горбуновского торфяника, Амбарка) и раннего железа — средневековья (находки на святилищах Голого Камня и Шайтанского озера). Отбор мезолитическим населением раннепалеолитических изделий для их последующего переоформления, возможно, объясняется их массивностью и связан с сырьевым кризисом в эпоху мезолита. Появление ранних находок на святилищах связано с тем, что местным населением древние предметы наделялись особым, сакральным статусом и именно поэтому широко использовались в культовой практике как в древности, так и в этнографической современности. Имеются неоднократные свидетельства этнографов о включении археологических находок в число ритуальных атрибутов манси и других сибирских народностей. По их мнению, чем более древней являлась вещь, тем большей сакральной силой она обладала [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 13–16, 109, 162, 175].

Следует подчеркнуть, что выделение раннепалеолитических комплексов как на западном, так и на восточном склоне Урала явилось одним из важнейших достижений уральского палеолитоведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н., Матюшин Г.Н.* Новый памятник среднего палеолита на Южном Урале // СА. 1974. № 4. С. 135–142.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культовые места (XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Кипарисова Н.П.* Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // Учен. зап. ПГУ. 1956. Т. XI. Вып. 3. С. 113–124.
- Котов В.Г.* Палеолит // История башкирского народа. М.: Наука, 2009. Т. I. С. 23–53.
- Павлов П.Ю.* Палеолитические памятники Север-Востока Европейской части России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 194 с.
- Петрин В.Т., Сериков Ю.Б.* Комплекс эпохи палеолита с восточного склона Среднего Урала // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск: Наука, 1988. С. 27–36.
- Раушенбах В.М.* Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом // СА. 1961. № 2. С. 164–171.
- Сериков Ю.Б.* Голокаменная мастерская и ее место в мезолите Среднего Зауралья // СА. 1988. № 4. С. 203–209.
- Сериков Ю.Б.* Производящие формы труда населения Среднего Зауралья в каменном веке // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 32–45.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о путях и времени первоначального заселения Среднего Зауралья // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Ч. I. Екатеринбург, 1998. С. 196–199.
- Сериков Ю.Б.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2000. 430 с.
- Сериков Ю.Б.* Новые находки раннего палеолита в Среднем Зауралье // Ранний палеолит Евразии: Новые открытия: Материалы междунар. конф. Ростов н/Д, 2008. С. 99–102.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о вторичном использовании изделий предшествующих эпох // Твер. археол. сб. Вып. 8. Т. I: Материалы IV Твер. археол. конф. и 12-го заседания науч.-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь, 2011а. С. 289–295.
- Сериков Ю.Б.* Раннепалеолитический бифас из окрестностей Нижнего Тагила // Уфим. археол. вестн. 2011б. № 11. С. 5–7.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро — священное озеро древности. Ниж. Тагил: НТГСПА, 2013. 408 с.

*Российский государственный профессионально-педагогический университет
(филиал в Нижнем Тагиле)
u.b.serikov@mail.ru*

Ю.Б. Сериков

Subject to presentation being data on sporadic stone articles covered with thick patina. They were found on redeposited locations of early Paleolithic age. Sometimes they occur in later complexes where they could get as mineral raw materials for further reutilization or as sacral antiquities. Among aeruginous articles, the most noticeable ones being manual chippers, bifaces, strickles and massive fakes. Types of the articles, methods of their making and deep patina allows to refer them to early Paleolithic age.

Early Paleolithic age, redeposited sites, chippers, bifaces, strickles, patina, secondary use of ancient articles.

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЧАШКИНСКОЕ ОЗЕРО VI (по итогам раскопок 2005 г.)¹

Е.Л. Лычагина*, Е.Н. Митрошин*, Г.Н. Поплевко**

Статья посвящена комплексному анализу каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI. Данное поселение является одним из крупнейших и хорошо исследованных неолитических памятников на территории Верхнего и Среднего Прикамья. В качестве объекта исследований выбрана коллекция каменного инвентаря. Комплексный анализ позволил выявить следующие характерные черты: преобладание трасологически выделенных орудий на пластинах над орудиями на отщепках; небольшие размеры заготовок, использование разных типов заготовок для разных типов орудий (например, отщепов для скребков и пластин для ножей по мясу, рыбе); наличие разнообразных форм орудий при ведущей роли скребков, скобелей, ножей; отсутствие четко выраженных специализированных площадок для обработки того или иного материала.

Прикамье, неолит, каменный инвентарь, типологический анализ, трасологический анализ, планиграфический анализ, волго-камская неолитическая культура.

Введение

Поселение Чашкинское Озеро VI относится к крупнейшим и хорошо исследованным неолитическим памятникам на территории Верхнего и Среднего Прикамья. Присутствие керамики различных культурно-хронологических групп позволяет считать это поселение одним из ключевых источников при изучении неолита всего региона.

Поселение Чашкинское Озеро VI было открыто в 1975 г. В.П. Денисовым [Памятники археологии..., 1994, с. 24–25]. Оно находится на восточном берегу озера в 3 км к юго-западу от д. Чашкино Соликамского района Пермского края. Памятник расположен на невысоком (2–4 м), берегу озера, который является первой надпойменной террасой р. Камы. Впервые поселение исследовалось раскопками в 1979–1980 гг. В.П. Денисовым и А.Ф. Мельничуком. По итогам этих исследований А.Ф. Мельничуком и Л.В. Пономаревой была написана статья [1984]. Раскопки поселения Чашкинское Озеро VI продолжались в 1987–1991 гг. теми же исследователями и в 1999 г. одним из авторов данной статьи. В ходе этих работ были изучены хозяйственные ямы и остатки небольших сооружений. Последние по времени исследования на памятнике проводились Е.Л. Лычагиной в 2004–2005 гг. Некоторые их итоги опубликованы [Лычагина, 2006, 2007]. В отдельной статье охарактеризованы сырье и способы первичной обработки камня [Шмырина, Лычагина, 2013].

Радиоуглеродный анализ, проведенный на основе двух проб, взятых в 2004 г., позволил отнести существование памятника к концу VI — первой половине V тыс. до н.э. [Лычагина, Зарецкая, 2005].

На сегодняшний день материалы поселения Чашкинское Озеро VI, относящиеся к эпохе неолита, насчитывают более 10 тыс. предметов. Типологический и технологический анализ керамики показал, что территория памятника была заселена носителями разных гончарных традиций в течение продолжительного времени [Васильева, Выборнов, 2012; Жукова, 2010]. Более того, именно на этом памятнике фиксируются случаи взаимодействия носителей накольчатой и гребенчатой традиций орнаментации керамики [Лычагина, 2002]. Поэтому исследование поселения позволяет нам лучше понять те процессы, которые происходили в Прикамье в эпоху неолита.

При изучении материальной культуры неолитических памятников, расположенных в лесной полосе на песчаных почвах, где органические материалы практически не сохраняются, особое значение приобретает комплексный анализ каменного инвентаря.

Методика комплексного анализа каменных индустрий была предложена и опробована на памятниках различных регионов Г.Н. Поплевко [2007]. Данная методика включает в себя типологиче-

¹ Работа проведена при поддержке грантов РГНФ, проекты № 13-11-59003а/У и 15-11-59001а/У.

ский, технологический, трасологический и планиграфический анализ каменных индустрий. Как показывают исследования Г.Н. Поплевко [2007, 2008], использование комплексного анализа может существенно увеличить количество информации, получаемой с каждого памятника. В первую очередь данная методика позволяет реконструировать хозяйственные занятия населения, оставившего тот или иной археологический объект. По этой методике уже были проанализированы материалы таких памятников, как Чашкинское Озеро I [Лычагина, 2010], Чашкинское Озеро IV [Лычагина, Поплевко, 2012], Хуторская [Лычагина, Поплевко, 2011], Чернушка [Лычагина и др., 2014].

Результаты исследования

В качестве объекта исследований была выбрана коллекция каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI из раскопок 2005 г. Это связано с тем, что в раскопках 2005 г. более 95 % керамики орнаментировано наколом и относится к волго-камской культуре [Лычагина, 2006, с. 105–106]. Поэтому коллекцию каменного инвентаря мы с определенной долей условности также можем отнести к волго-камской культуре.

Типологический анализ. Так как результаты типологического анализа уже опубликованы [Лычагина, 2007], остановимся только на краткой характеристике основных категорий изделий. Коллекция каменного инвентаря состоит из 1082 предметов. Основная масса — отходы производства (832 экз.). К ним относятся: отщепы — 460 экз., чешуйки — 290 экз., сколы — 82 экз.

Значительную группу представляют нуклевидные формы — 49 экз. Среди них выделяются: 7 нуклевидных кусков, 12 сколов с нуклеусов и 30 нуклеусов в различной стадии обработки. Среди нуклеусов основная группа — торцовые (19 экз.). По одному изделию относятся к призматическим и коническим формам. Остальные не имеют четкой формы и отнесены нами к аморфным. Большая часть нуклеусов с одной ударной площадкой. Однако присутствуют и двухплощадочные нуклеусы — 4 изделия. Средние размеры нуклеусов 2–4х1–2,5 см.

К пластинам и сечениям без ретуши относится 57 изделий. Ширина пластин колеблется в пределах 0,5–1,7 см, но основная часть изделий имеют ширину 0,9–1,2 см. Пластины (98 %) узкие и средние. Толщина варьируется в пределах 0,1–0,4 см. Основные формы сечений пластин треугольные и трапециевидные. Стоит отметить, что подобная характеристика пластин типична для памятников с накольчатой керамикой на территории Среднего Предуралья в целом.

К изделиям с вторичной обработкой (орудиям) было отнесено 144 предмета. Для их изготовления использовались пластины, отщепы, сколы с нуклеусов, плитки, гальки. При этом на пластинах (в том числе неправильных и ребристых) было изготовлено 35 орудий, а на отщепах — 81 изделие. Соотношение орудий на пластинах и отщепах 30:70 %. Основные категории орудий — скребки, ножи, пластины с ретушью и скобели (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение данных типологии и трасологии поселения Чашкинское Озеро VI (2005 г.)

Категория орудий	Данные типологии		Данные трасологии	
	экз.	%	экз.	%
Скребки	39	27,9	83	30,3
Скобели	19	13,6	30	10,9
Резчик-скобель	—	—	5	1,8
Долотовидные	5	3,6	3	1,1
Стамески	—	—	2	0,7
Ножи	21	15	78	28,4
Наконечники	2	1,4	1	0,4
Сверла	6	4,3	20	7,3
Проколки	3	2,1	4	1,5
Строгальные ножи	—	—	19	7
Резцы	3	2,1	—	—
Резчики	—	—	22	8
Вкладыши гарпуна	—	—	4	1,5
Грузила	2	1,4	2	0,7
Наковальня	1	0,7	1	0,4
Пластины с ретушью	19	13,6	—	—
Отщепы с ретушью	16	11,5	—	—
Обломки орудий	4	2,8	—	—
<i>Итого</i>	140	100	274	100

Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI

Трасологический анализ. Анализ проводился при помощи стереоскопических микроскопов «Микромед МС-2-ZOOM» и «Лабомет — 2CR-ZOOM» (увеличение в 80–400 раз) на базе ЛАЭИ ПГГПУ и экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН. Под микроскопом была просмотрена вся коллекция каменного инвентаря, вне зависимости от наличия/отсутствия следов вторичной обработки. В результате следы использования были обнаружены на пластинах, отщепах, сколах с нуклеусов, не имевших явных следов вторичной обработки. Часть орудий имела больше одной рабочей поверхности. Это привело к тому, что количество орудий, выделенных трасологически, почти в 2 раза превышает количество орудий, выделенных типологически (табл. 1).

Как видно из табл. 1, некоторые категории изделий в результате трасологического анализа полностью «исчезли» (пластины и отщепы с ретушью, обломки орудий, резцы), но стало возможным выделить строгальные ножи, резчики-скобели, резчики, стамески, вкладыши гарпунов. Ведущими категориями орудий оказались те же скребки, скобели и ножи. Особенно заметно (более чем в 3,5 раза) увеличение количества ножей за счет орудий на пластинах и пластинчатых отщепах, не имеющих дополнительной подработки, а также за счет увеличения числа рабочих поверхностей на одном изделии. Необходимо отметить и значительное увеличение сверл и появление многочисленной группы резчиков (табл. 1).

Распределение трасологически выделенных орудий по технологическим заготовкам показано в табл. 2. Если количество орудий, изготовленных на отщепах (включая пластинчатые формы), увеличилось незначительно (с 81 до 93), то количество орудий на пластинах — более чем в 4 раза (с 35 до 143). Они соотносятся как 60 % (пластины) и 40 % (отщепы), что кардинально отличается от соотношения, зафиксированного по итогам типологического анализа (30:70 %). Превалирование орудий на пластинах над орудиями на отщепах является характерной чертой памятников волго-камской неолитической культуры. При этом отщепы чаще всего использовались для изготовления скребков, сверл, а пластины — ножей для мяса, резчиков-скобелей, резчиков, вкладышей гарпуна, проколов (табл. 2). Обращает на себя внимание микрولитический характер индустрии в целом. В качестве основных заготовок для изготовления орудий выступали мелкие отщепы (до 3 см) и пластины (шириной до 1 см). Это также характерная черта каменного инвентаря волго-камской культуры.

Распределение трасологически выделенных орудий по хозяйственным комплексам отражено в табл. 3. Наиболее представительные категории орудий — изделия, связанные с обработкой продуктов охоты и рыболовства (42 %) и дерева (37 %). Третью по численности группу составляют орудия, связанные с обработкой кости, рога (17 %). Комплекс орудий по обработке камня незначителен.

Рассмотрим особенности каждого из комплексов по отдельности. В группе, связанной с обработкой добычи, 2/3 орудий составляют мясные/рыбные ножи, что типично для неолитических памятников Прикамья [Лычагина и др., 2013, с. 26–27]. В качестве мясных/рыбных ножей, как правило, использовались мелкие и средние пластины без вторичной обработки (табл. 2). Часть орудий имели 2–3 рабочих лезвия (рис. 1, 1). Вторую по численности группу составляют скребки по шкуре, коже (рис. 1, 2). Для их изготовления использовались мелкие и средние отщепы, крупные пластины. Почти все орудия типологически тоже являются скребками. Четыре изделия имели по две рабочие поверхности.

В качестве проколов применялись либо мелкие и средние пластины без дополнительной подработки, либо обломок наконечника. Особый интерес вызывает находка четырех вкладышей гарпуна, для изготовления которых использовались фрагменты пластин с ретушью разной ширины (табл. 2). Это может быть косвенным свидетельством развития у местного населения острогожного рыболовства. Остальные категории орудий представлены единичными экземплярами (табл. 3).

Комплекс, связанный с обработкой дерева, более разнообразен (табл. 3). Самой большой группой здесь являются скребки. Для изготовления скребков, как правило, использовались мелкие отщепы. По два орудия были изготовлены на широких пластинах, плитках, сколах с нуклеусов и гальках. Шесть орудий имели по две рабочие поверхности, одно — три рабочих края. Стоит отметить, что типологически большинство из этих орудий также были определены в качестве скребков. По микроследам и функции близки к скребкам скобели, которые делались на широких и средних пластинах, имевших вогнутое лезвие, обработанное мелкой ретушью либо вообще без следов вторичной обработки. Значительно реже в качестве скобелей использовались отщепы (3), нуклевидные сколы (2) и фрагменты галек (1). Типологически они определялись в качестве пластин и отщепов с ретушью и без нее.

Распределение трасологически выделенных орудий по технологическим заготовкам

	Скребки	Скобели	Резчик-скобель	Долотовидные	Стамески	Ножи для мяса, рыбы	Наконечники	Сверла	Проколки	Строгальные ножи	Резчики	Вкладыши гарпуна	Грузила	Наковальня	Всего
Отщепы	47	7	—	1	—	4	1	8	1	5	3	—	—	—	77
Крупные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средние	11	1	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	16
Мелкие	36	6	—	1	—	4	1	4	1	5	3	—	—	—	61
Пластинчатые отщепы	4	2	—	—	—	4	—	3	—	3	—	—	—	—	16
Крупные	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средние	2	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	4
Мелкие	2	2	—	—	—	3	—	2	—	3	—	—	—	—	12
Пластины	21	13	5	—	—	67	—	3	3	9	18	4	—	—	143
Массивные (21 мм и более)	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Крупные (15–20 мм)	13	6	—	—	—	6	—	2	—	1	1	1	—	—	30
Средние (10–15 мм)	5	3	1	—	—	26	—	1	1	4	4	—	—	—	44
Мелкие (6–10 мм)	1	3	2	—	—	28	—	—	1	4	13	1	—	—	53
Микропластинки	—	—	2	—	—	7	—	—	1	—	—	2	—	—	12
Нуклеидные осколки	5	4	—	—	2	1	—	6	—	—	—	—	—	—	18
Плитки	2	3	—	1	—	1	—	—	—	2	—	—	—	—	9
Гальки и их фрагменты	4	1	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	2	1	11
Всего	83	30	5	3	2	78	1	20	4	19	22	4	2	1	274

Крупной серией представлены строгальные ножи, для изготовления которых в равной мере использовались как мелкие и средние пластины без ретуши, так и отщепы с мелкой приотсрающей ретушью (рис. 2, 3). Еще одно орудие было выполнено из плитчатого кремня, обработано бифасиальной ретушью, и имело два рабочих лезвия. Типологически это орудие было определено как нож. Кроме того, по две рабочие поверхности отмечено еще на трех изделиях.

Интересную группу представляют резчики по дереву, для изготовления которых чаще всего использовались мелкие пластины без ретуши. Пять пластин имеют по два рабочих края на противоположных углах (рис. 2, 1).

В качестве сверл по дереву чаще всего использовались обломки мелких и средних отщепов без дополнительной подработки (рис. 2, 1). Единичны сверло на средней пластине, обработанное дорсальной ретушью с двух сторон, и сверло на сколе с нуклеуса, имевшее бифасиальную обработку. Еще у одного изделия, изготовленного на среднем отщепе, зафиксировано два лезвия, расположенных на противоположных концах, при этом лезвие на проксимальном конце имело дорсальную ретушь с двух сторон.

Остальные категории орудий представлены единичными экземплярами, однако их наличие свидетельствует, что обработка дерева происходила непосредственно на исследованной раскоп 2005 г. части поселения и охватывала все стадии работ (табл. 3). Важно также отметить, что большинство резчиков и сверл, значительное количество скобелей и строгальных ножей не имели следов вторичной обработки и были выделены исключительно трасологическим анализом.

Достаточно крупная коллекция орудий из кости включает в основном скребки и скобели (табл. 3). Практически все скребки были изготовлены на мелких и средних отщепах. Исключение составляют один скребок на крупной пластине и один скребок на гальке. Три орудия имели по две рабочие поверхности. Большинство изделий типологически также были определены в качестве скребков. Как скобели использовались мелкие отщепы, крупные пластины и фрагменты плиток плитчатого кремня.

Отдельную группу составляют резчики по кости, для изготовления которых в основном использовались мелкие пластины, — 5 экз. По одному орудию были изготовлены на мелком отщепе и обломке с гальки. Все предметы имели по одной рабочей поверхности, расположенной на углу орудия. У половины изделий рабочий край был отретуширован. Типологически эти предметы определялись как пластины и отщеп с ретушью и без нее.

Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI

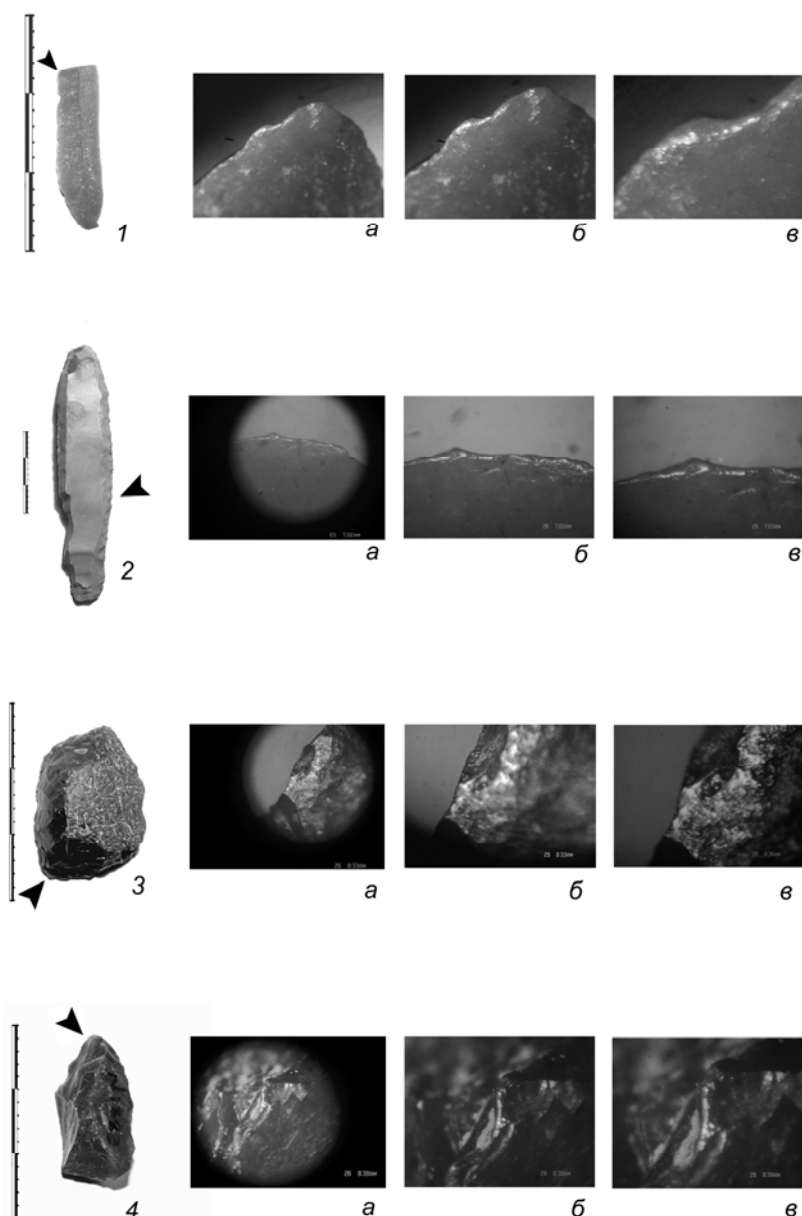

Рис. 1. Кремневые орудия и кромки рабочих лезвий:
 1 — нож по мясу/рыбе; 2 — скребок по шкуре; 3 — долото по кости; 4 — сверло по кости. Стрелкой указаны точки микрофотографирования на рабочих лезвиях. Увеличение: 1 — $\times 112$ (а), $\times 168$ (б), $\times 280$ (в); 2–4 — $\times 100$ (а), $\times 200$ (б), $\times 300$ (в).

В единственном экземпляре отмечены строгальный нож на мелкой пластине с ретушью, сверло на нуклеидном обломке (рис. 1, 4) и долото на продольном сколе с гальки, типологически определенное как скребок (рис. 1, 3). Отсутствие значительного разнообразия в орудиях по обработке кости, возможно, связано с тем, что часть процесса обработки кости проходила за пределами территории, исследованной раскопом 2005 г.

Среди изделий по обработке камня наибольший интерес представляют сверла (рис. 2, 4). Для них в основном использовались средние и мелкие отщепы. Рабочий край у всех орудий четко выражен и обработан ретушью (возможно, в некоторых случаях присутствует также ретушь утилизации). Не исключено, что часть изделий применялись для просверливания сквозных отверстий в керамике (фрагменты керамики со сквозными отверстиями есть в коллекции памятника), так как следы от работы по мягкому камню и керамике схожи.

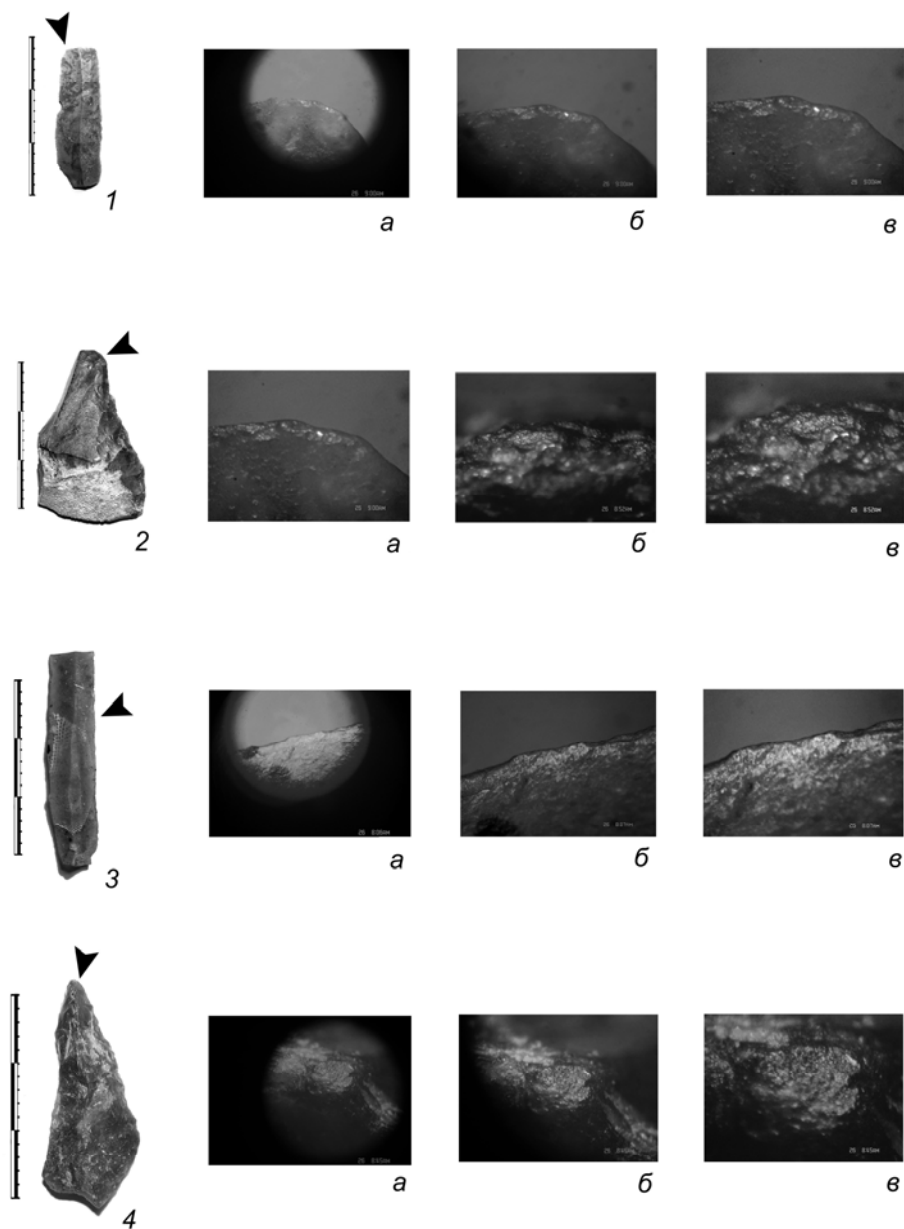

Рис. 2. Кремневые орудия и кромки рабочих лезвий:

1 — резчик по дереву; 2 — сверло по дереву; 3 — строгальный нож по дереву; 4 — сверло по камню, керамике. Стрелкой указаны точки микрофотографирования на рабочих лезвиях. Увеличение: а — $\times 100$; б — $\times 200$; в — $\times 300$.

Остальные орудия представлены единичными экземплярами (табл. 3). Незначительность комплексов, связанных с обработкой камня, характерна и для других неолитических памятников Верхнего и Среднего Прикамья.

Планиграфический анализ. Пространственная картина распределения каменных орудий отражена на рис. 3. Как уже было отмечено, самой массовой находкой являются ножи для резания мяса/рыбы. Они встречены практически на всех участках раскопа (за исключением СЗ угла), однако их наибольшая концентрация приходится на центральную часть. Особенно обращают на себя внимание участки К/40 и К-М/41, на которых, скорее всего, и происходила разделка добычи. В этой же части раскопа находились вкладыши гарпуна, единственный наконечник стрелы, резчик-скобель, проколка, скребки. В других частях раскопа орудия, связанные с обработкой продуктов охоты и рыболовства, не образовывали каких-либо крупных скоплений и располагались достаточно равномерно.

Хозяйственный комплекс орудий поселения Чашкинское Озеро VI (2005 г.)

Обработка кости (рога)		Обработка продуктов охоты, рыболовства: мяса, шкур		Обработка дерева		Обработка камня/керамики	
Сверла	1	Наконечники стрел	1	Сверла	12	Сверла	7
Строгальные ножи	1	Проколки	4	Строгальные ножи	18	Скребки	1
Скребки	25	Ножи для мяса (рыбы)	78	Скребки	32	Скобель	1
Скобели	12	Скребки	25	Скобели	17	Резчик	1
Резчик-скобель	2	Вкладыши гарпуна	4	Резчик-скобель	3	Наковальня	1
Резчик	7	Грузила	2	Резчик	14		
Долото	1			Долото	2		
				Стамеска	2		
Итого	49/18 %		114/41,5 %		100/36,5 %		11/4 %

Орудия, связанные с обработкой дерева, концентрировались в нескольких местах. В частности, выделяется СВ угол раскопа, в котором обнаружены скребки, скобели и резчики по дереву. Другое скопление орудий по обработке дерева зафиксировано на участках М–О/38–39. В этом скоплении встречены практически все возможные формы орудий от скребков до долот и резчиков-скобелей. Вполне вероятно, что именно в этом месте происходило изготовление орудий из дерева. Концентрация скоблевидных орудий отмечена также на участках И–К/39, И–Л/40. Еще одно скопление зафиксировано в южной части раскопа. Оно представлено скобелями, сверлами, строгальными ножами, резчиками (рис. 3).

Скопление орудий для обработки кости было отмечено на участке И–К/39–40, где оно накладывалось на скопления орудий для обработки других материалов. Еще одно место концентрации орудий для обработки кости зафиксировано на участке Н/37–39. Здесь представлены скоблевидные орудия, резчик и долото (рис. 3).

Орудия, связанные с обработкой камня, ввиду малочисленности не образуют скоплений и встречаются единично на площади раскопа.

В целом планиграфический анализ показал, что хозяйственные зоны, связанные с различной деятельностью, часто перекрывали друг друга или четко не разделялись. Скорее всего, это обусловлено спецификой изученной части памятника — береговая зона, где в разное время существовали выделяемые хозяйственные комплексы.

Соотношение хозяйственных комплексов неолитических памятников Среднего Прикамья, %

Культура	Памятник	Обработка кости (рога)	Обработка продуктов охоты, рыболовства: мяса, шкур	Обработка дерева	Обработка камня
Камская	Чернушка (2003)	—	59,5	38	2,5
	Хуторская (2006)	11	45	41	3
Волго-камская	Чашкинское Озеро VI (2005)	18	41,5	36,5	4
	Чашкинское Озеро IV (2002)	22,5	42	27,5	8
	Чашкинское Озеро VIII (2002)	9	22,5	64	4,5

Обсуждение результатов

Результаты комплексного анализа позволили серьезно расширить, а в некоторых случаях и изменить представление о каменном инвентаре данного памятника. Так, если по данным типологического анализа в качестве ведущей заготовки для орудий определен отщеп мелких и средних размеров, то по итогам трасологического анализа — это мелкие и средние пластины (табл. 2). При сравнении с материалами других неолитических памятников похожая ситуация зафиксирована на поселении камской культуры Чернушка [Лычагина и др., 2014], в то время как на остальных памятниках орудия на отщепах преобладают [Лычагина, Поплевко, 2011, 2012].

При сравнении хозяйственных комплексов поселения Чашкинское Озеро VI и других неолитических памятников Среднего Прикамья можно выявить некоторые закономерности (табл. 4). Так, наибольшее сходство фиксируется с соотношением хозяйственных комплексов стоянки Чашкинское Озеро IV, которая также принадлежит к волго-камской культуре [Лычагина, Поплев-

ко, 2012]. На обоих памятниках ведущую роль играют орудия, связанные с разделкой добычи, а на втором месте находятся комплексы по обработке дерева. В то же время значительную группу составляют орудия, связанные с обработкой кости. Материалы стоянки Чашкинское Озеро VIII достаточно специфичны (в исследованной части памятника было обнаружено скопление крупных орудий для обработки дерева) и не могут рассматриваться в качестве образца.

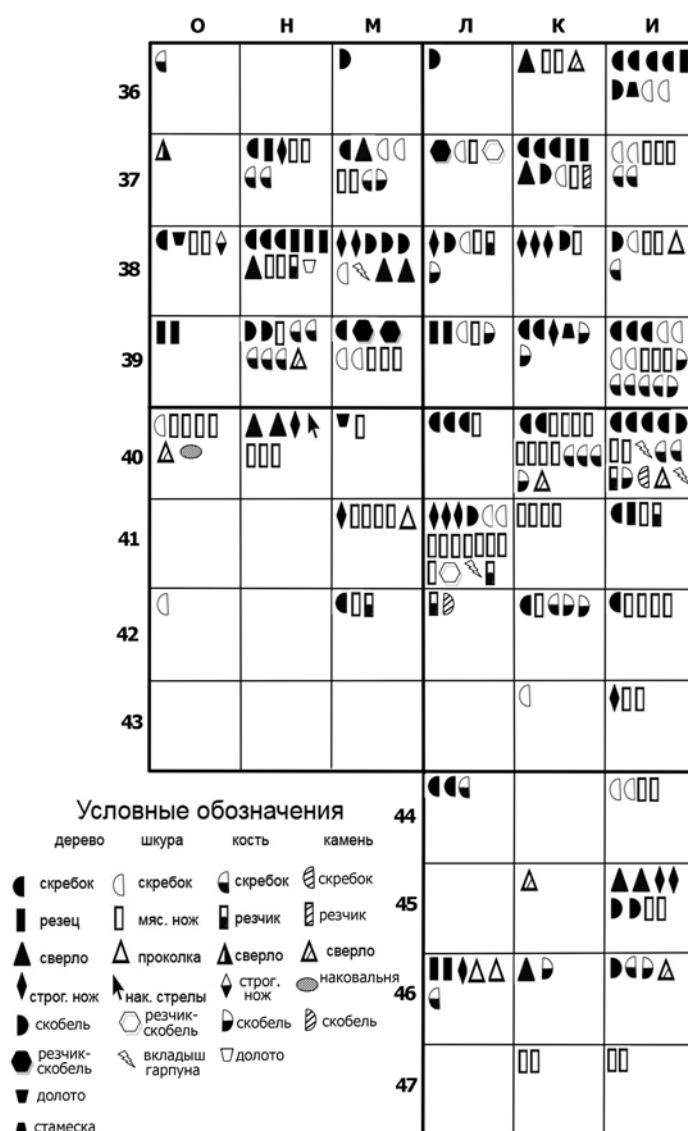

Рис. 3. Планиграфия трасологически выделенных орудий.

Сравнение с хозяйственными комплексами памятников камской культуры также показало значительное сходство [Лычагина, Поплевко, 2011]. Это в первую очередь касается ведущей роли комплексов, связанных с разделкой добычи и обработкой дерева (табл. 4). Вместе с тем обращает на себя внимание незначительность комплекса, связанного с обработкой кости. Особенно показательны в этом отношении материалы стоянки Чернушка, где данный комплекс вообще не фиксируется [Лычагина и др., 2014].

Заключение

Каменный инвентарь поселения Чашкинское Озеро VI (раскопки 2005 г.) насчитывает более 1000 предметов. На сегодняшний день это самая крупная коллекция в Среднем Предуралье, подвергшаяся комплексному анализу.

Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро VI

В результате проведенного нами комплексного анализа выявлены следующие характерные черты данного набора: превалирование трасологически выделенных орудий на пластинах над орудиями на отщепах; небольшие размеры заготовок, использование разных типов заготовок для разных типов орудий (например, отщепов для скребков и пластин для ножей по мясу, рыбе, резчиков); наличие разнообразных форм орудий при ведущей роли скребков, скобелей, ножей; отсутствие четко выраженных специализированных площадок для обработки того или иного материала.

Комплексный анализ каменного инвентаря других памятников волго-камской неолитической культуры позволит нам ответить на вопрос, являются ли эти черты характерными только для рассмотренного памятника или могут экстраполироваться на культуру в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. КАЭЭ. 2012. Вып. VIII. С. 33–50.

Жукова О.В. Техно-технологический анализ керамики поселения Чашкинское Озеро VI // Культурная специфика волго-сурского региона в эпоху первобытности. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. С. 127–134.

Лычагина Е.Л. Взаимодействие разнокультурных групп населения в эпоху неолита (на примере памятников Чашкинского озера) // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2002. С. 70–79.

Лычагина Е.Л. Новые исследования поселения Чашкинское Озеро VI в Пермском Предуралье // Вопр. археологии Поволжья. Самара, 2006. Вып. 4. С. 126–135.

Лычагина Е.Л. Неолитический комплекс поселения Чашкинское Озеро VI (по материалам исследований 2005 г.) // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: (IV Халиковские чтения): Материалы Всерос. конф. Йошкар-Ола, 2007. С. 105–115.

Лычагина Е.Л. Технологический и трасологический анализ каменного инвентаря поселения Чашкинское Озеро I // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности: Материалы межрегион. науч.-практ. полевого семинара. Чувашская Республика, Алатырский р-н, 31 июля — 4 авг. 2008 г. Чебоксары, 2010. С. 119–126.

Лычагина Е.Л., Зарецкая Н.Е. Новые данные по хронологии памятников с накольчатой керамикой на территории Пермского Предуралья // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: Материалы междунар. конф. Казань. 2005. С. 184–186.

Лычагина Е.Л., Митрошин Е.Н., Шмырина Н.С. Хозяйственные занятия населения Прикамья в эпоху неолита (на основе комплексного анализа каменной индустрии) // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 26–27.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Возможности комплексного анализа каменного инвентаря (на примере раскопа VI стоянки Хуторская) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1. С. 4–10.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря неолитической стоянки Чашкинское Озеро IV // Зап. ИИМК РАН. СПб., 2012. Вып. 7. С. 16–30.

Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н., Цыгвинцева Т.А. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Чернушка (раскоп II, 2003 г.) // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 1 (24). С. 15–27.

Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В. Неолитическая стоянка Чашкинское Озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С. 44–57.

Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье, 1994. 72 с.

Поплевко Г.Н. Методика комплексного исследования каменных индустрий. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 388 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. 23).

Поплевко Г.Н. Комплексное исследование материалов поселения майкопской культуры Пхагугапе // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.: ИА РАН, 2008. С. 222–255.

Шмырина Н.С., Лычагина Е.Л. Особенности каменной индустрии поселения Чашкинское Озеро VI (по результатам исследований 2004–2005 гг.) // Историко-культурное наследие — ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV Бадеровские чтения): Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 2013. С. 142–149.

**Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

LychaginaE@mail.ru

mitroshindjon@yandex.ru

***Санкт-Петербург, ИИМК РАН*

poplevko@yandex.ru

The article is devoted to complex analysis of stone inventory from the settlement of Chashkinsky Ozero VI. This settlement is one of the biggest and well investigated Neolithic sites on the territory of the Upper and Middle Kama basin. It was a collection of 2005 that was selected as an investigation object. In the course of work, they undertook a typological, traceological and planigraphic analysis of the stone inventory. Complex analysis allowed to identify the following typical features: prevailing of traceologically identified tools on plates over those on flakes; minor sizes of workpieces, use of different types of workpieces for different types of tools (for example, use of flakes for strickles, and plates for meat and fish knives); availability of various shapes of tools under a leading role of strickles, scrapers, and knives; absence of clearly distinct, special areas for treatment of this or that material.

The Kama basin, Neolithic age, stone inventory, typological analysis, traceological analysis, planigraphic analysis, the Volga-and-Kama Neolithic culture.

ХРОНОЛОГИЯ ЗАУРАЛЬСКОГО ЭНЕОЛИТА

А.В. Епимахов, В.С. Мосин

Обобщены результаты исследования энеолитических памятников Зауралья. Суммирование калиброванных радиоуглеродных дат позволило установить хронологические рамки периода (4300–3000 (4500–2200) гг. до н.э.) и констатировать полную или частичную синхронность большинства типов керамики. Их сочетание в пределах одних памятников предполагает, что территория функционировала как культурная непрерывность. Жизненное пространство зауральского энеолитического населения охватывало несколько природных зон: лесостепную, предгорную, лесную. Система связей поддерживалась за счет годовичного хозяйственного цикла, семейно-брачных и других форм отношений.

Энеолит, Зауралье, радиоуглеродная хронология, материальная культура, керамические традиции.

В настоящей работе под территорией Зауралья понимаются центральная часть восточных склонов Уральских гор от верховьев р. Урала на юге до верховьев р. Тавды на севере и равнинные регионы Притоболья на востоке. К настоящему времени раскопками исследовано более 100 памятников, материалы которых целиком или частично можно отнести к периоду энеолита (табл. 1, рис. 1).

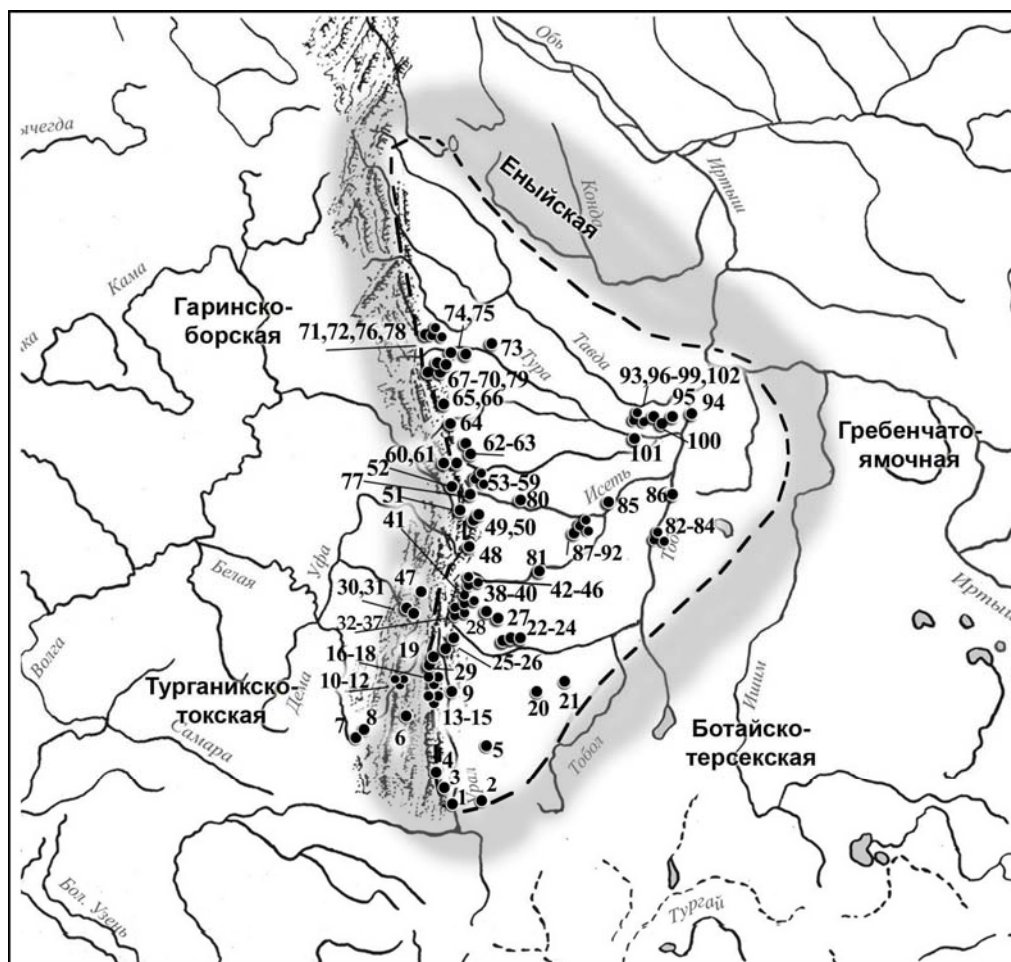

Рис. 1. Энеолитические памятники Зауралья и их культурное окружение. Номера на карте соответствуют номерам в табл. 1.

Энеолит Зауралья. Встречаемость керамики с различной орнаментацией и свидетельств металлургии в основных памятниках (нумерация памятников соответствует таковой на рис. 1)

№ п/п	Памятник	Тип керамики				Металл или следы металлургии
		Гребенчатая простая и геометрическая	Гребенчатая с косой нарезкой	Ложношнуровая, накольчатая	«Гусенички», «жучки», «веревочка»	
1	Ново-Кумакская	+			+	
2	Ударник	+			+	
3	Ишкиновка		+			
4	Макан I	+			+	
5	Александровский IV	+				
6	Карагай-Мурун 1	+				
7	Батран 1	+				
8	Грот археологов	+				
9	Агаповка I	+			+	
10	Бельская	+				
11	Кага I	+				
12	Кага II	+				
13	Суртанды III	+	+	+	+	+
14	Суртанды VI	+	+	+	+	+
15	Суртанды VIII	+	+	+	+	+
16	Банное I	+	+	+	+	+
17	Карабалыкты IX	+	+	+	+	+
18	Мысовая	+	+	+	+	+
19	Бакшай (Ново-Байрамгулово)	+	+			
20	Дружный	+				+
21	Бурли II	+	+	+		+
22	Стрелецкая II	+				
23	Стрелецкая IV	+				
24	Путиловская заимка	+	+	+		+
25	Карагайлы I	+				+
26	Речной I	+	+			
27	Красносельская	+	+	+		
28	Краснокаменка	+	+			
29	Мурат	+	+	+	+	+
30	Юрюзанская IIб	+			+	
31	Юрюзанская IIв	+			+	
32	Чебаркуль I	+	+	+	+	
33	Чебаркуль II	+	+	+	+	
34	Чебаркуль IV	+	+	+	+	+
35	Чебаркуль X	+	+	+		+
36	Чебаркуль XV	+	+			
37	Чебаркуль XVI	+	+	+		
38	Латочка	+	+	+	+	+
39	Кораблик	+	+	+	+	
40	Няшевка II	+	+	+	+	+
41	Песчаное I	+				
42	Кысы-Куль	+				+
43	Остров Веры	+		+		
44	Аргази VII	+	+	+		+
45	М.Липовый	+	+	+		+
46	Березки	+	+	+		+
47	Веселовка	+	+			
48	Шатанов 3	+		+		
49	Уфа IV	+	+	+	+	
50	Абселямовская	+	+	+	+	
51	Чусовское озеро III, IV	+				
52	Половинное I, II, V	+				
53	Верхняя Макуша	+	+		+	
54	Макуша III	+	+		+	
55	Шувакиш I	+		+		+
56	Шувакиш XI Д	+		+	+	
57	Палатки I, II	+		+	+	
58	Карасьезерская Ia	+		+	+	
59	Малый Шарташ	+				
60	Шитовской исток XI	+			+	
61	Таватуи	+				
62	Аятское I	+	+	+		
63	Аятское II	+	+	+		
64	Шайтанское озеро I	+		+		
65	Горушки I	+			+	
66	Шигирское городище	+	+	+	+	
67	Береговая I	+	+	+	+	
68	Береговая II	+			+	
69	Береговая III	+	+	+		
70	Горбуновский торфяник, VI разрез	+		+		+
71	Кокшарово I	+	+	+		
72	Кокшаровско-Юрьинская I	+	+	+		
73	Боровая 1	+		+		
74	Малый Таушкан	+				
75	Першинская I	+				
76	Юрьино IV	+	+	+		

№ п/п	Памятник	Тип керамики				Металл или следы металлургии
		Гребенчатая простая и геометрическая	Гребенчатая с косой нарезкой	Ложношнуровая, накольчатая	«Гусенички», «жучки», «веревочка»	
77	Разбойничий Остров	+		+	+	+
78	Кокшаровский холм	+				
79	Шайдурихинское V	+		+		
80	Боборыкино II	+			+	
81	Кочегарово 1	+	+	+	+	+
82	Вавилон 1	+		+	+	
83	Савин 1	+		+	+	
84	Слабодчики 1	+		+	+	
85	Коршуново 1	+			+	
86	Усть-Сурка 4	+			+	
87	Двухозерное I	+		+		
88	Липихинское 5	+		+	+	
89	Сазык 9	+			+	
90	Старолыбаево 4	+		+	+	
91	Нижнеингальское 3а	+		+		
92	Бузан 3	+		+		
93	Чепкуль 21	+		+		
94	Юртобор 21	+		+	+	
95	Чечкино 2	+		+		
96	Шакуль 1	+		+	+	
97	Малый Барашек 1	+		+	+	
98	Велижаны 1			+		
99	Велижаны 2			+		
100	Сосновый остров	+				
101	ЮАО-8	+		+	+	
102	Липчинская	+	+	+	+	

Основные черты энеолитических памятников Зауралья

Основные составляющие материальной культуры, доступные нам в артефактах,— керамическая посуда и орудия из камня на восточном склоне Урала характеризуются следующими признаками. Керамика была изготовлена из глины с примесью талька, имеет характерный блеск и часто красноватый оттенок; сосуды полуяйцевидной или слабо профилированной формы с отогнутым венчиком и округлым дном; в технике орнаментации отмечаются две основные традиции — гребенчатая и отступающе-накольчатая (ложношнуровая); орнаментальные композиции простые (линейные) и сложные геометрические. Каменный инвентарь представлен пластинчато-отщеповыми или отщепово-пластинчатыми (в зависимости от хронологии, местоположения и функциональной направленности) комплексами с использованием в разном процентном соотношении изделий из разноцветных фтанитов, фтанитоидов и яшм Магнитогорско-Тагильской мегазоны, которые являются своеобразной визитной карточкой Зауралья в эпоху камня.

На территории Притоболья по мере продвижения на восток на поселениях все больший процент составляет посуда западно-сибирского гребенчато-ямочного ареала: полуяйцевидной или слабо профилированной формы с отогнутым венчиком, обязательными рядами ямок под венчиком и по тулову, полосами «шагающей гребенки» с присутствием сосудов с крупными наколами, а также «жучками». Облик комплексов керамики постепенно меняется с ослаблением брачно-семейных, экономических и других связей с общинами восточного склона и нарастанием родственных связей с населением гребенчато-ямочных традиций. В Тоболо-Ишимье зауральские признаки окончательно растворяются в массиве «гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла» [Молодин, 2001, с. 38–40]. В юго-восточном направлении общины приобретают взаимно встречаемые признаки зауральских и ботайско-терсекских традиций, на юго-западе зауральская тальковая керамика присутствует на поселениях токско-турганикских общин, на северо-востоке — в среде населения бассейна Конды с керамикой еныйского типа (рис. 1).

Тесные связи зауральского населения отразились в существовании культовых холмов, например Кокшаровского и Усть-Вагильского, и круглоплановых святилищ: Савин I, Слабодчики I, Велижаны 2, керамические комплексы которых отражают весь спектр орнаментальных традиций региона в энеолите.

Основой системы жизнеобеспечения являлись охота и рыболовство. Объекты охоты — лошадь, лось, медведь, благородный олень, косуля, барсук, куница и выдра, а также водоплавающая дичь. Рыболовство реконструируется по наборам грузил различных форм и остаткам костей и чешуи рыб. Важные отрасли экономики представляли кожевенное производство и деревообработка. Население Зауралья в неолите и энеолите практиковало передвижения, соответствующие годовому хозяйственному циклу, объединявшему предгорные, лесные и лесо-

степные территории, и каждая община имела сеть стоянок и поселений — долговременных (зимних) и кратковременных (летних) [Мосин, Никольский, 2008; Волков, 2012].

Хронологии зауральского энеолита в историографии

Хронология уральского энеолита изначально имела несколько оснований. Во-первых, благодаря исследованиям стратиграфии торфяников А.Я. Брюсовым и В.М. Раушенбах было установлено соотношение с неолитическим периодом. Во-вторых, появились единичные радиоуглеродные даты [Виноградов и др., 1956]. Наконец, важную роль сыграли представления В.Н. Чернецова и О.Н. Бадера о существовании неолитических стоянок на Урале в конце IV — III тыс. до н.э. Соответственно следующий, энеолитический этап датировался второй половиной — концом III или началом II тыс. до н.э. [Брюсов, 1951, с. 69–77; Чернецов, 1953, табл. XX; Кипарисова, 1960, с. 22; Сальников, 1962, с. 25; Чернецов, 1968, с. 41; Бадер, 1970, с. 163; Крижевская, 1977, с. 125; Старков, 1980, с. 190–198]. В конце XX — начале XXI в. в рамках классификационного (культурно-исторического) подхода в Зауралье был выделен ряд энеолитических культур: кысыкульская, суртандинская, липчинская, аятская, шувакишская, шапкульская, байрыкская, лыбаевская, андреевская, которые в дальнейшем объединили в культурно-исторические общности: Урало-Иртышскую [Зайберт, 1993], Южноуральско-Североказахстанскую [Мосин, 1993], Зауральско-Североказахстанскую [Чаиркина, 1995], Зауральско-Казахстанскую [Шорин, 1995], Зауральскую общность энеолитических культур геометрической керамики [Калиева, Логвин, 1997]; для Тоболо-Ишимья и Прииртышья — в гребенчато-ямочную общность эпохи раннего металла [Молодин, 2001]. Начало энеолита было отодвинуто в конец IV тыс. до н.э., и намечена двухэтапная периодизация, основанная на немногих радиоуглеродных датах, наблюдениях за стратиграфией, но главным образом на интуиции и представлениях авторов об изменениях в традициях орнаментирования керамики [Косарев, 1981; Шорин, 1999; Мосин, 2003; Чаиркина, 2005]. Массовое датирование керамики, угля, дерева и кости [Зах, 2009; Shishlina et al., 2009; Мосин, Страхов, 2011, с. 244–245; Шорин, Шорина, 2011; Zaretskaya et al., 2012; Chairkina et al., 2013] в последние годы изменило наши представления о хронологии, периодизации и историческом содержании энеолитического периода в Зауралье.

При подготовке статьи авторы стремились внести определенность в установление временных границ существования зауральского населения этого времени. Количество энеолитических памятников на сегодняшний день достаточно велико, чтобы провести переоценку подходов в их осмыслении, и есть возможности для обсуждения хронологических проблем.

База данных радиоуглеродных анализов и методические аспекты их интерпретации

Список приведенных дат (табл. 2) характеризует стоянки и поселения, в том числе торфяниковые, святилища (Савин I, Слабодчики I и Бакшай), культовое место (Кокшаровский холм) и грунтовые могильники (Бузан 3 и Чепкуль 21). Общее число анализов, происходящих из 21 памятника, формально превышает порог достоверности (41)¹, однако следует признать, что серия включает образцы, относимые к разным культурным типам, и охватывает очень большой временной промежуток. Образцы дерева (10), угля (13), керамики (11) и костей животных (4) датировались в восьми лабораториях, три из них с использованием ускорительных технологий.

В общем списке дат Зауралья присутствует несколько определений, культурный контекст которых неясен. Две из них были опубликованы еще в 1956 г. в числе первых определений возраста радиоуглеродным методом в СССР (Мо-1 и Мо-2) [Виноградов и др., 1956]. Еще шесть дат: Горбуновского торфяника (Le-1480, Le-1479, Le-1532, Le-1533), Шигирского А (SOAN-5609) и Кокшаровско-Юрьинской стоянки (Le-2056) [Долуханов, Тимофеев, 1972; Тимофеев, Зайцева, 1996; Тимофеев и др., 2004; Черных и др., 2011] — отнесены к энеолиту на основании стратиграфии, и их культурный контекст, т.е. связь с тем или иным типом керамики, четко не определен. Аналогична ситуация с датировками святилища Бакшай, где использованы кости животных, резко отличавшиеся по сохранности от материалов эпохи бронзы [Косинцев, 2008].

Как уже отмечено, в культурной атрибуции конкретных памятников ключевую роль играет облик керамики, однако ситуация совместного залегания в нерасчлененном культурном слое разных типов обычна для рассматриваемой территории. В этой связи культурная атрибуция целого ряда датировок остается под вопросом. Прямое датирование керамики, казалось бы, снимает эту проблему с повестки дня, но возникает другой вопрос: об источнике датировемого

¹ Эта цифра включает примеры датирования торфа и сапропеля.

Хронология зауральского энеолита

углерода и его возрасте. Теоретически последний может не совпадать с датой образца. Впрочем, каждый из материалов датирования может иметь тенденцию к удревнению (эффект старого дерева, резервуарный эффект и пр.).

Таблица 2

Энеолит Зауралья. Результаты радиоуглеродного датирования

Памятник	Тип керамики	Шифр	Материал	¹⁴ C, л.н.	Дата калиброванная	
					68,2 %	95,4 %
Савин I	1, 3, 4	SPb-884	Кость животного	3758±80	2342–2046	2466–1984
Кокшаровско-Юрьинская I	1, 2, 3	LE-2056	Дерево	3860±40	2455–2235	2464–2206
Савин I	1, 3, 4	SPb-883	Кость животного	3950±120	2620–2212	2871–2138
»	4	SPb-549	Керамика	4000±200	2868–2286	3084–1947
Перейминский 2, погр. 5	1	LE-357	Уголь	4000±130	2850–2309	2888–2151
Боярка I	1, 3	SOAN-5779	Уголь	4210±95	2906–2636	3080–2495
Слабодчики	3	SPb-540	Керамика	4330±120	3321–2762	3354–2631
Бакшай (Ново-Байрамгулово)	1, 2	SOAN-7273	Кость животного	4335±110	3321–2780	3351–2666
Горбуновский т-к, VI разрез	?	MO-1	Дерево	4360±200	3354–2706	3626–2488
Бакшай (Ново-Байрамгулово)	1, 2	SOAN-7274	Кость животного	4415±125	3328–2914	350–2700
Шатанов 3	1, 3, 4	SOAN-6836	Уголь	4465±95	3338–3023	3484–2905
Макуша III	1, 2, 4	IERZ-130	Уголь	4525±175	3498–2942	3656–2760
Горбуновский т-к	?	LE-1480	Дерево	4530±60	3358–3106	3494–3024
Савин I	1, 3, 4	SPb-548	Керамика	4530±200	3506–2931	3706–2678
Горбуновский т-к	?	LE-1479	Дерево	4560±80	3490–3104	3619–3020
Шатанов 3	1, 3, 4	LE-7703	Уголь	4600±50	3500–3136	3520–3106
Бузан 3, погр. 2	1	IGAN-1840	Уголь	4640±120	3632–3127	3652–3024
Остров Веры	3	Ki-16396	Керамика	4650±90	3630–3346	3639–3104
Шигирское А	?	SOAN-5609	Сапропель	4660±35	3510–3370	3620–3362
Кочегарово I	4	Ki-16847	Керамика	4660±90	3628–3354	3641–3106
Горбуновский т-к, Стрелка	?	MO-2	Дерево	4800±200	3908–3353	4037–3021
Горбуновский т-к	?	LE-1532	Дерево	4810±50	3651–3526	3696–3384
Разбойничий Остров	1, 3, 4	IERZ-131	Торф	4960±210	3987–3520	4326–3140
Горбуновский т-к	?	LE-1533	Дерево	5070±60	3950–3799	3973–3712
Горбуновский т-к, VI разрез	1, 3	AA-86207	Дерево	5070±60	3950–3799	3973–3712
»	1, 3	AA-86208	Дерево	5070±60	3950–3799	3973–3712
Сазык 9	1, 3	LE-2295	Уголь	5100±60	3966–3802	4038–3714
Шувакишский т-к	1, 4	AA-86211	Дерево	5130±45	3981–3811	4039–3798
Бузан 3 мог-к, погр. 3	1, 3	SOAN-3537	Уголь	5140±60	4036–3806	4146–3776
Кочегарово I	1, 4	SOAN-7067	Уголь	5170±95	4221–3802	4240–3715
Чепкуль 21, погр. 2	1, 3	SOAN-4256	Уголь	5200±55	4146–3954	4230–3814
Кочегарово I	1	Ki-15544	Керамика	5220±80	4226–3959	4258–3804
Чепкуль 21, погр. 2, 3	1, 3	SOAN-4257	Уголь	5245±75	4226–3974	4321–3824
Кокшаровский холм	1	Ki-15907	Керамика	5250±90	4228–3976	4328–3813
Чепкуль 21, погр. 2, 3	1, 3	SOAN-4258	Уголь	5315±55	4232–4054	4322–3994
Боярка I	1, 3	SOAN-5778	Уголь	5330±45	4238–4060	4322–4042
Кочегарово I	1	Ki-15962	Керамика	5410±80	4348–4076	4444–4042
Кокшаровский холм	1	Ki-15541	Керамика	5440±90	4436–4078	4452–4050
Береговая VI	?	LE-6064	?	5570±50	4448–4361	4497–4336

Примечание. Тип керамики: 1 — гребенчатая простая и геометрическая; 2 — гребенчатая с косой нарезкой; 3 — ложношнуровая, накольчатая; 4 — «гусенички», «жучки», «веревочка».

Все результаты были приведены к форме, максимально приближенной современным требованиям [Millard, 2014]. К сожалению, способ обработки и представления результатов в отечественной практике существенно отличается от общепринятых. В частности, отсутствует возможность контроля качества с использованием данных по ¹³C, соотношение C/N и т.д. Поскольку единичные даты не могут быть сколько-нибудь надежным основанием для заключений, на первый план выходит не только накопление анализов, но и их группировка. Естественно, версий может быть множество, но в нашем случае в свете сравнительно небольшого числа анализов очень дробные варианты оказываются мало информативны. За основу формирования групп был взят облик керамики. Строго следуя авторским определениям керамического материала, можно выделить около десятка сочетаний орнаментальных традиций в пределах ряда коллекций. Естественно, что деление на группы четырех десятков имеющихся дат не способно дать содержательных ответов на интересующие нас вопросы.

В данной работе использованы лишь некоторые возможности моделирования в рамках байесовской статистики, поскольку качество исходных данных большего не позволяет. Среди

примененных процедур (программа OxCal 3.10, калибровочная кривая 2013 г.) — суммирование вероятностей, создание комбинированных дат, определение границ интервалов для последовательных этапов. Все результаты также были обработаны по единой схеме с использованием программы OxCal 4.2. Отметим, что калибровка в новой версии кривой 2013 г. радикальных расхождений в сравнении с ранее полученными результатами [Мосин и др., 2014] не выявила, однако сократила протяженность многих интервалов. Во всех без исключения случаях полученные индивидуальные интервалы (с вероятностью 68,2 и 95,4 %) имели довольно сложную структуру, что прямо обусловлено характером кривой. На первом этапе было проведено суммирование вероятностей для совокупности значений в целом.

График сумм вероятностей (4300–3000 (4500–2200)² гг. до н.э.) образует двухвершинную фигуру с «рубежом» около середины IV тыс. до н.э. (рис. 2, V), что, казалось бы, дает возможность разделить энеолит на два этапа. Так ли это на самом деле? Согласно представленному списку дат условно «ранние» из них происходят из материалов поселений Кочегарово I, Разбойничий остров и Боярка I, стоянки Сазык 9, культового места Кокшаровский холм, могильников Чепкуль 21 и Бузан 3, Шувакишского и Горбуновского торфяников, т.е. практически из всех типов археологических объектов. Коллекции из культурных слоев этих памятников содержат керамику, орнаментированную различными вариантами оттисков гребенчатого штампа, сочетанием оттисков гребенки и рядов ямок, отступающе-накольчатой (ложношнуровой) техникой, с простыми и геометрическими мотивами. Подобные керамические традиции ранее были отнесены к аятской, шапульской, шувакишской, байрыкской, липчинской археологическим культурам. Таким образом, в пределах «этапа» оказались как ранние (шувакишская, шапульская, липчинская керамика), так и поздние (аятская, байрыкская) типы.

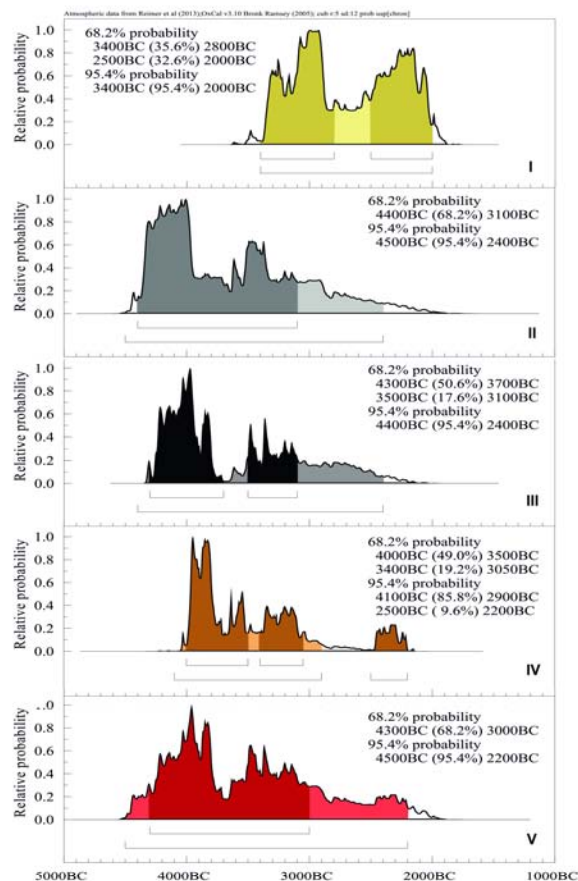

Рис. 2. Энеолит Зауралья. График суммирования вероятностей серий радиоуглеродных анализов (по датирующему материалу):

I — кость животного (4 образца); II — керамика (11); III — уголь (13); IV — дерево (10); V — вся совокупность (41).

² Здесь и далее за скобками представлены результаты калибровки в 1σ (68,2 %), в скобках — в 2σ (95,4 %).

Хронология зауральского энеолита

Вторая вершина графика сумм вероятностей содержит даты, характеризующие коллекции с керамикой как идентичной первой группе — гребенчатая, гребенчато-ямочная и ложношнуровая, так и отличной от нее — с косой нарезкой, «жучками», крупными наколами, «веревочкой». Эта группа также требует подробного комментария. Не менее пяти дат происходит из неясного контекста, часть датировок одного памятника оказались на разных концах суммарного интервала. Так, дата из поселения Боярка I на тысячу лет позже другой даты с этого поселения — 5330 ± 45 (SOAN-5778), явно вписывающейся в общий контекст, две даты со стоянки Шатанов 3, полученные в разных лабораториях и имеющих «поздние» значения, характеризуют достаточно ранний керамический комплекс [Мосин, 2011]. Самые поздние даты, выходящие за рамки 4000 л.н., со святилища Савин I получены по костям лошади, а со стоянки Кокшаровско-Юрьинская — по дереву из неясного контекста. Справедливости ради, необходимо заметить, что керамический комплекс святилищ Савин I и Слабодчики I с гребенчато-ямочной, «жучковой» и крупнонакольчатой орнаментацией никогда не воспринимался как ранний, что, собственно, и подтвердилось датами. Таким образом, причину разрыва в графике сумм вероятностей, на наш взгляд, следует искать в количестве и качестве образцов для проведения радиоуглеродного анализа, а также в существующем пока несовершенстве самой методики проведения анализов. На данный момент нет серьезных причин делить энеолитический период в Зауралье на какие-либо хронологические этапы по результатам радиоуглеродного датирования.

Вторым этапом стала проверка достоверности расхождения результатов при использовании разных материалов датирования. Особенно часто упоминается керамика, результаты датирования которой в некоторых случаях достоверно удревнены [Черных и др., 2011]. В этой связи была проведена группировка значений по этому признаку. Ввиду небольшого числа образцов разделение по культурным типам не проводилось. Установлено, что разница суммарных интервалов внешне довольно существенна (рис. 2, I–IV): керамика — 4400–3100 (4500–2400) гг. до н.э.; уголь — 4300–3100 (4400–2400) гг. до н.э.; дерево — 4000–3050 (4100–2200) гг. до н.э.; кость — 3400–2000 (3400–2000) гг. до н.э. Однако не следует трактовать эти результаты слишком прямолинейно, особенно в поздней части, связанной с использованием кости как датирующего материала. В этом случае, скорее всего, сказалась малочисленность серии. К тому же даты связаны с упомянутыми выше в качестве не самых ранних комплексами святилищ Савин и Бакшай. В отношении остальных надо констатировать принципиальное сходство результатов анализа разных материалов и тяготение «керамических» датировок к ранней части интервала. Из графика хорошо видно, что ранний пик сформировался за счет датирования не только керамики, но также угля и дерева, следовательно, отказ от «керамических» дат принципиальных изменений в общую картину не внесет.

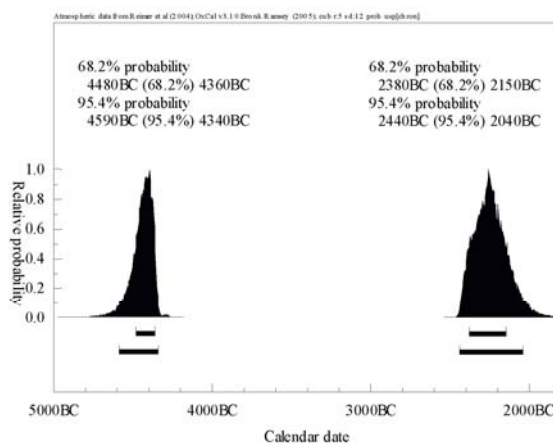

Рис. 3. Энеолитические памятники Зауралья. Совмещенные графики границ интервала серии радиоуглеродных дат.

Это заключение может быть проиллюстрировано обращением к памятникам, по которым мы располагаем максимальным числом анализов. Для двух из них можно сопоставить результаты датирования различных материалов (уголь — керамика, кости животных — керамика). В первом случае (Кочегарово I) два из трех анализов оказались близки, во втором (Савин I) одна

из двух дат по керамике достоверно старше. Статистическая проверка предсказуемо показала низкий уровень согласованности значений калибровки. Очевидно, что имеющиеся серии недостаточны для надежных заключений по памятникам. Однако оснований для отказа от дат по керамике нет, так как для святилища длительная история функционирования вполне вероятна.

Наконец, требует комментария процедура обобщения результатов, разнообразие которых велико [Bronk Ramsey, 2008; Walker, 2005; etc]. Как уже отмечено, создатели программы OxCal отказались от использования имеющей широкое хождение в российской археологии процедуры суммирования вероятностей. В качестве альтернативы предлагается применять иной вариант байесовской статистики — определение границ («Boundary»). Суть его состоит в определении статистически достоверных границ серии. Он был опробован нами на примере зауральского энеолита (рис. 3). Никаких принципиальных расхождений две процедуры не выявили, что может служить подтверждением достоверности выводов в целом для периода энеолита (при условии надежности большинства анализов).

Энеолитические памятники Зауралья в системе периодизации

Следующим этапом исследования стало сопоставление энеолитического интервала с предшествующим и последующими периодами. Первый обеспечен сравнительно большой, хотя и не лишенной изъянов серией дат [Выборнов и др., 2014], в пределах которой выделены две относительно поздние традиции: басьяновско-боборыкинская и полуденско-гребенчатая. Их сравнение с энеолитическим интервалом (рис. 4) демонстрирует наложение в пределах последней трети V тыс. до н.э. для боборыкинских дат³. Видимо, в границах этого временного отрезка происходил переход к новым традициям. С точки зрения культурного процесса можно констатировать, что в Зауралье отступающе-накольчатая составляющая полуденских комплексов эволюционирует в ложношнуровую, гребенчатая — в гребенчатый энеолит с простыми и геометрическими узорами.

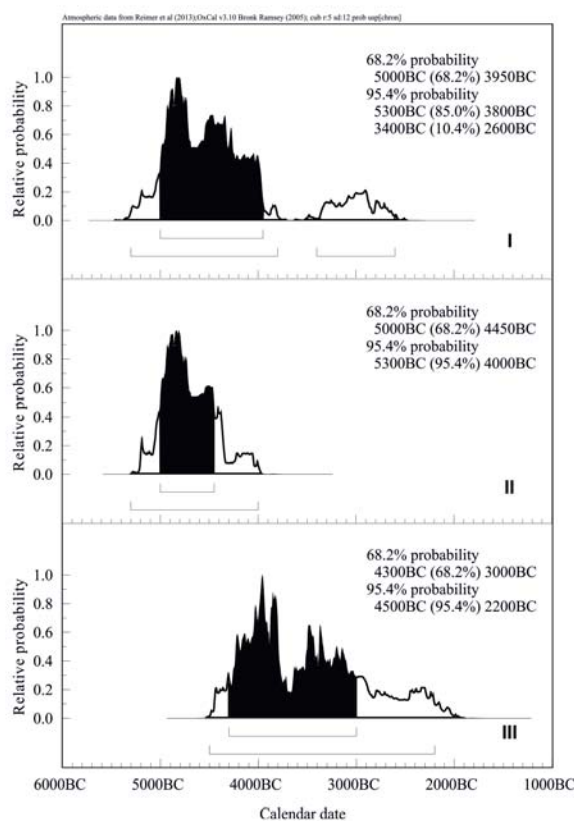

Рис. 4. Неолит и энеолит Зауралья. График суммирования вероятностей серий радиоуглеродных анализов: I — басьяновско-боборыкинская традиция; II — полуденско-гребенчатая традиция; III — энеолит (объединенная серия).

³ Группа ранних энеолитических значений включает анализы угля и керамики, для которых нельзя исключить удешевление (см. выше).

Хронология зауральского энеолита

Ранний бронзовый век Зауралья выглядит куда проблематичней в плане сопоставлений. Не в последнюю очередь это связано с терминологическим разнообразием в периодизации бронзового века Восточной Европы и Западной Сибири. Однако наряду с этим есть и проблемы эпохальной принадлежности некоторых культур. Например, ташковские древности частью авторов относятся к ранней бронзе, другие по разным основаниям предполагают их синхронность с сейминско-турбинскими, синташтинскими и петровскими памятниками [Дегтярева и др., 2014, с. 23]. Радиоуглеродная аргументация сводится менее чем к десятку дат с огромным разбросом значений. Их суммирование лишь констатирует наличие двух интервалов, не имеющих точек соприкосновения: при вероятности 68,2 % — 4000–3600 (13,8 %) и 2300–1700 (54,4 %) гг. до н.э.; при вероятности 95,4 % — 4400–3300 (23,8 %) и 3100–1600 (71,6 %) гг. до н.э. Шлейф ранних значений создают две даты из семи с очень большим среднеквадратическим отклонением (430 и 150 лет), калиброванный интервал которых приходится на V–IV тыс. до н.э., т.е. совпадает с самыми ранними энеолитическими значениями. Вряд ли эти цифры могут быть приняты, остается обратиться к остальным, суммирование которых дает: 2290–1880/2900–1600 гг. до н.э. (рис. 5), что, конечно, слишком широко для строгих суждений, но хорошо соответствует общей системе хронологии Урала и Западной Сибири [Молодин и др., 2014, рис. 2]. На роль раннебронзового интервала с большим основанием могут претендовать результаты датирования торфяниковых памятников [Chairkina et al., 2013] — 2470–2200/2600–2000 гг. до н.э. Хотя и в этом случае серия явно недостаточна для окончательных заключений. В южной части региона памятники культурно близкие ямным имеются, но не обеспечены датировками. Если считать, что они в целом синхронны волго-уральским (3350–2450 гг. до н.э.⁴), то обнаружится наложение энеолитического и ямного интервалов в рамках последней трети IV тыс. до н.э.

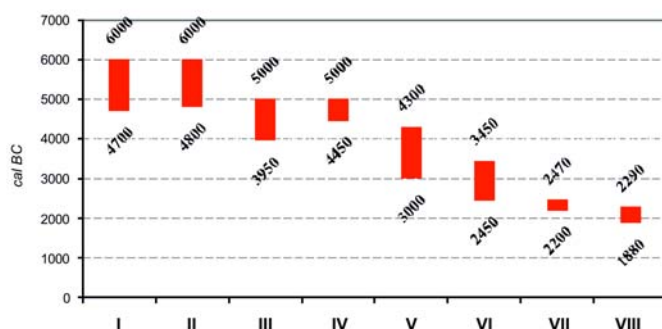

Рис. 5. Энеолитические памятники Зауралья в диахронии:

I–IV — неолит (I — кошкинская; II — козловская; III — басьяновско-боборыкинская; IV — полуденско-гребенчатая традиции); V — энеолит; VI — ямная культура (Приуралье); VII — ранняя бронза (карасьеозерский тип); VIII — ташковская культура.

Таким образом, социумы зауральского энеолита занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья Тобола и Ишима и от верховьев р. Тавды до широтного течения р. Урала во второй половине V — IV тыс. до н.э. Жизненное пространство зауральского населения охватывало несколько ландшафтных зон: лесостепную, горно-лесную и южную часть равнинной лесной, которые являлись основой для хозяйственного цикла.

Авторы признательны И.В. Чечушкову (Университет г. Питтсбурга, США) за содержательную дискуссию о вариантах статистической обработки радиоуглеродных дат, а также анонимному рецензенту данной статьи — за поставленные вопросы, направившие наше внимание на ряд важных проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. 1970. С. 157–171. (МИА. № 166).
Брюсов А.Я. Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 69–77.

⁴ Без учета датировок керамики [Черных, Орловская, 2011].

А.В. Епимахов, В.С. Мосин

- Виноградов А.В., Дервиц А.Л., Добкина Э.И., Маркова Н.Г., Мартищенко Л.Г.* Определение абсолютного возраста по С 14 // *Геохимия*. 1956. № 8. С. 3–9.
- Волков Е.Н.* Хозяйство и система землепользования байрыкско-лыбаевского населения лесостепного и подтаежного Притоболья (эпоха энеолита) // *Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. 2012. № 1 (16). С. 12–21.
- Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В.* Хронология уральского неолита // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. № 1 (57). С. 33–48.
- Долуханов П.М., Тимофеев В.И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода) // *Проблемы абсолютного датирования в археологии*. М.: Наука, 1972. С. 28–75.
- Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 246 с.
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Иртышья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Калиева С.С., Логвин В.Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: М-во науки АН РК, Ин-т археологии им. Маргулана, 1997. 180 с.
- Кипарисова Н.П.* Чебаркульская неолитическая стоянка // *КСИИМК*. 1955. Вып. 59. С. 54–61.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 287 с.
- Косинцев П.А.* Результаты определения костных остатков из поселения Ново-Байрамгулово (из раскопок 2004 г.) // *Вестн. ВЭГУ*. 2008. № 6 (38). С. 52–55.
- Крижевская Л.Я.* Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 287 с.
- Молодин В.И.* Памятник Сопка 2 на реке Оми. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.
- Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // *Вестн. НГУ. Сер.: История, филология*. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.
- Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 220 с.
- Мосин В.С.* Стоянка Шатанов 3 на озере Иртяш: (Классификационный и археолого-исторический подходы). Челябинск: Рифей, 2011. 108 с.
- Мосин В.С.* Энеолитическая керамика Северного Казахстана и Южного Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 21 с.
- Мосин В.С., Епимахов А.В., Выборнов А.А., Королев А.И.* Хронология уральского энеолита и ранней бронзы // *Археология, антропология и этнография Евразии*. 2014. № 4 (60). С. 30–42.
- Мосин В.С., Никольский В.Ю.* Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.
- Мосин В.С., Страхов А.Н.* Хронология памятников нео-энеолита Южного Зауралья // *ВАУ*. Вып. 26. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. С. 244–245.
- Сальников К.В.* Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // *АЭБ*. 1962. Т. 1. С. 16–58.
- Старков В.Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М: Наука, 1980. 220 с.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И.* Проблемы абсолютной хронологии // *Археология. Неолит Северной Евразии*. М.: Наука, 1996. С. 330–348. (Археология с древнейших времен до средневековья: В 20 т.).
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М.* Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 158 с.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. 410 с.
- Чаиркина Н.М.* Энеолит Среднего Зауралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1995. 21 с.
- Чернецов В.Н.* Древняя история Нижнего Приобья // *МИА*. 1953. № 35. С. 7–71.
- Чернецов В.Н.* К вопросу о сложении уральского неолита // *История, археология и этнография Средней Азии*. М.: Наука, 1968. С. 41–53.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: Проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов*. М.: ТАУС, 2011. Вып. 2. С. 59–61.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.* Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов*. М.: ТАУС, 2011. Вып. 2. С. 63–79.
- Шорин А.Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий (проблема культурогенеза): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Полиграфист, 1995. 47 с.
- Шорин А.Ф.* Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург; УрО РАН, 1999. 182 с.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.* Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // *ВАУ*. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 249–254.
- Bronk Ramsey C.* Deposition models for chronological records // *Quaternary Science Reviews*. 2008. Vol. 27. Iss. 1–2. P. 42–60.

Хронология зауральского энеолита

Chairkina N.M., Kuzmin Y.V., Burr G.S. Chronology of the perishables: First AMS ^{14}C dates of wooden artifacts from Aeneolithic–Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // *Antiquity*. 2013. Vol. 87. Num. 336. P. 418–429.

Millard A.R. Conventions for reporting radiocarbon determinations // *Radiocarbon*. Vol. 56. Nr 2. 2014. P. 555–559.

Shishlina N.I., Zazovskaya E.P., Plicht J. van der, Hedges R.E.M., Sevastyanov V.S., Chichagova O.A. Paleoecology, Subsistence, and ^{14}C Chronology of the Eurasian Caspian Steppe Bronze Age // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51. Num. 2. P. 481–499.

Walker M.J.C. Quaternary dating methods. Chichester & NY: John Wiley & Sons Ltd, 2005. 286 p.

Zaretskaya N.E., Hartz S., Terberger T., Savchenko S.N., Zhilin M.G. Radiocarbon chronology of the Shigir and Gorbunovo archaeological bog sites, Middle Urals, Russia // *Radiocarbon*. 2012. Vol. 54. Nr 3–4. P. 783–794.

Челябинск, Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН
eav@susu.ac.ru
mvs54@mail.ru

The article generalizes investigation results regarding Eneolithic sites from Trans-Urals. Summarizing of calibrated radiocarbon dates made it possible to establish chronological frames of 4300–3000 (4500–2200) B.C. period, stating total or partial synchronism in the majority of the pottery types. Their combination within one and the same sites assumes that the territory was functioning as cultural continuum. Living space of Trans-Urals Eneolithic population covered several natural zones: forest-steppe, piedmont and forest ones. A system of relations was supported by means of annual household cycle, marital and other forms of relations.

Eneolithic, Trans-Urals, radiocarbon chronology, material culture, pottery traditions.

КЕРАМИКА ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЩЕТКОВО 2 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ (результаты технико-технологического анализа)

В.В. Илюшина

Представлены результаты технико-технологического анализа керамического комплекса федоровской культуры поселения Щетково 2. Полученные аналитические данные позволили выявить существовавшие у федоровского населения поселка традиции в навыках отбора и подготовки исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, конструирования сосудов и обработки их поверхностей, а также обжига изделий. На основе полученных данных и сравнения их с информацией по другим поселениям Нижнего Притоболья федоровский керамический комплекс поселения Щетково 2 рассматривается как один из ранних на данной территории.

Нижнее Притоболье, поселение Щетково 2, федоровская культура, керамика, технико-технологический анализ, орнаментация, статистический анализ.

Многослойное поселение Щетково 2, расположенное на распаханном берегу оз. Щетково в Заводоуковском районе Тюменской области, исследовалось под руководством А.В. Матвеева в 1998–2001 гг. [Матвеев и др., 1999, 2001]. В раскопе общей площадью 2195 м² кроме материалов федоровской культуры были обнаружены также комплекс саргатской культуры раннего железного века (частично исследован курган, впоследствии отнесенный к Старо-Лыбаевскому 4 курганному могильнику [Матвеева и др., 2003, с. 108–111]), значительная коллекция предметов бархатовской культуры позднебронзового времени и единичные обломки керамики эпохи энеолита [Матвеев и др., 2001, с. 213; Матвеев, Аношко, 2009, с. 89–93].

Комплекс эпохи бронзы, обнаруженный в заполнении пахотного слоя, зольника, ряда ям и частично исследованного сооружения 5, полученный в первые годы раскопок, поставил вопрос — относятся ли находки к древностям федоровской культуры или являются «федоровско-черкасульскими»¹ [Матвеев и др., 1999, с. 128; 2001, с. 213–215]. Позднее, в результате завершения исследования сооружения 5, изученные объекты и керамика были связаны с федоровской культурой [Матвеев, Аношко, 2009, с. 93].

Целью настоящего исследования являются введение в научный оборот нового источника историко-культурной информации, а именно технологии изготовления керамики у населения федоровской культуры поселения Щетково 2, и определение его места среди других памятников Нижнего Притоболья.

Технико-технологическому и статистическому анализу подвергнуты 93 верхние части разных изделий. В морфологическом отношении изученные сосуды представлены горшечно-баночными формами (61,3 %), банками (21,5 %) и горшками (17,2 %) преимущественно с округлой (63,5 %) или уплощенной (22,6 %) формой среза венчика. Толщина стенок фрагментов чаще всего составляет 0,6–0,7 (59,1 %) и 0,8 мм (23,7 %). Следует отметить, что А.В. Матвеевым также был проведен статистический анализ федоровских сосудов, полученных в ходе изучения памятника в 1998–1999 гг., и результаты представлены в диссертационном исследовании [Матвеев, 2014, с. 69]. Нами для анализа взяты верхние части изделий из материалов за все годы исследований на памятнике, поэтому процентное соотношение сосудов, характеризующихся различной морфологией и орнаментацией, несколько разнится с опубликованными данными.

Аналитические исследования проводились в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским, и выделенной им структуры гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного

¹ По всей вероятности, А.В. Матвеев изначально атрибутировал керамический комплекс поселения Щетково 2 как «федоровско-черкасульский» в связи с разработкой концепции генезиса черкасульской культуры в лесостепном Зауралье на основе федоровских древностей. К глубокому сожалению, обсудить эту проблему не удалось — к федоровским и черкасульским материалам, в том числе полученным благодаря полевым исследованиям А.В. Матвеева, мы обратились уже после ухода его из жизни.

Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье...

сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки от каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850 °С.

Отбор, добыча и подготовка исходного пластичного сырья (ступени 1–3). По изученному материалу выявлено, что гончарами федоровской культуры отбиралось два вида исходного пластичного сырья (далее ИПС) — природные ожелезненные глины и илистые глины.

Природные глины (40 сосудов, или 43,1 %) характеризуются наличием следующих естественных компонентов: 1) песок кварцевый прозрачный и полупрозрачный в основном окатанный, размер песчинок составляет в основном от менее 0,1 до 0,1–0,2 мм, незначительно количество включений размером от 0,4–0,8 до 1,0 мм, единичны песчинки размером от 1,0–1,5 до 2,3–3,0 мм; 2) разнообразные железистые включения округлой и аморфной формы чаще всего рыхлые, легко разрушающиеся иглой, размером от 0,1 до 1,5 мм (рис. 1, 1); 3) оолитовые частицы бурого железняка, размер которых варьируется от 0,5 до 2,0 мм; 4) редкие обломки лимонита или гематита геометрической формы размером 0,5–3,0 мм; 5) в некоторых фрагментах — пылевидные листочки слюды. В изломах одного сосуда обнаружены обломки полупрозрачного минерала размером от 0,2 до 1,0–2,5 мм (10–13 включений на 1 см²). В одном случае в качестве естественной примеси выделен тальк (судя по признакам, предложенным Л.А. Краевой [2010, с. 60]). Частицы талька размером от менее 0,1 до 1,5 мм представлены в незначительной концентрации.

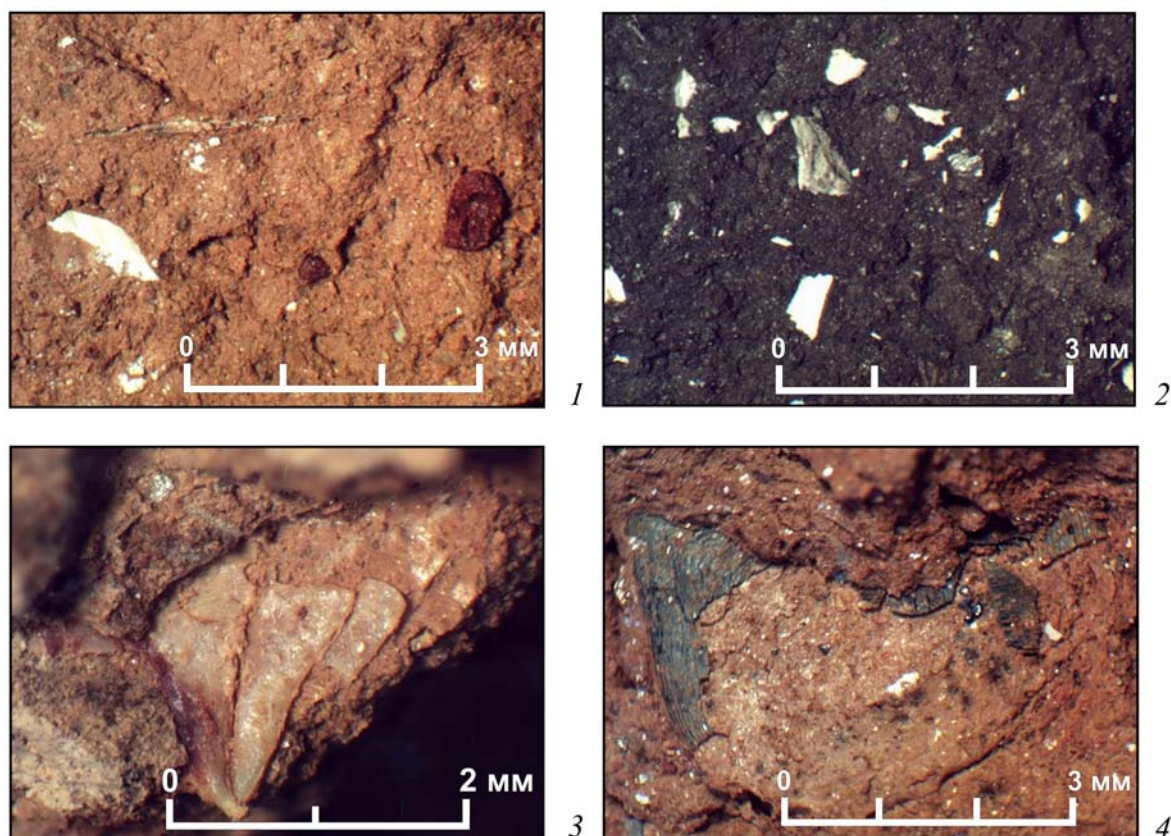

Рис. 1. Микроснимки естественных примесей в исходном пластичном сырье и формовочных массах сосудов:
1 — отпечаток растительности, обломки раковины речных моллюсков и железистые включения;
2 — обломки раковины речных моллюсков; 3, 4 — обломки чешуи рыб.

Илистые глины (53 сосуда, или 56,9 %) кроме вышеперечисленных основных естественных компонентов содержат отпечатки либо полуразрушенные включения раковин речных моллюсков размером от 0,2–0,5 до 3,0–5,0 мм (рис. 1, 1, 2). Концентрация раковины различна — от 3–7 до 70 включений на 1 см². В изломах 7 сосудов обнаружены фрагменты чешуи или косточек рыб размером 1,0–6,0 мм (рис. 1, 3, 4). В большей части сосудов зафиксированы отпечатки об-

рывков стеблей и листьев растений без следов деформации длиной от 2,0–3,0 до 5,0–10,0 мм (рис. 1, 1). Следует отметить, что не все сосуды содержат всю совокупность составляющих данного сырья, но различные сочетания выделенных компонентов позволяют отнести их к одному виду ИПС — илистой глине.

Различная степень запесоченности ИПС, выявленная в ходе изучения состава формовочных масс сосудов, позволяет говорить, что при их изготовлении использовались слабо-, средне- и сильнозапесоченные природные и илистые глины (табл. 1). Федоровскими гончарами поселения Щетково 2 в основном использовались слабозапесоченные виды ИПС.

Таблица 1

Соотношение групп ИПС керамики федоровской культуры

Основные группы ИПС	Природные глины	Илистые глины
Слабозапесоченное	15/16,1*	38/40,8
Среднезапесоченное	13/14	10/10,7
Сильнозапесоченное	12/13	5/5,4
Всего сосудов	40/43,1	53/56,9

* Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — процент от общего количества сосудов.

Судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, различные виды ИПС использовались в состоянии естественной влажности.

Составление формовочных масс (ступень 4). По исследованному материалу зафиксировано, что в качестве компонентов формовочной массы использовались минеральные (шамот, тальковая дресва, гематит), органоминеральные (кальцинированная кость, раковина речных моллюсков) и органические добавки.

Шамот, скорее всего, не подвергался калибровке, а допускалась верхняя его крупность в основном не более 2,5–3,0 мм, при этом нередко фиксируются фракции размером до 4,0 мм, единично — до 7,0 мм. Концентрация шамота в формовочной массе варьируется от 1:3 до 1:6, но чаще всего он добавлялся в пропорции 1:4/5 (68 сосудов, или 73,9 %), реже — 1:3 (15 сосудов, или 16,3 %), 1:6 (5 сосудов, или 5,4 %). В изломах 3 сосудов шамот представлен единичными включениями (3,3 %). При корреляции концентрации шамота и видов ИПС жестких закономерностей не выявлено. Отметим лишь, что содержание шамота 1:3 чаще фиксируется в сосудах, изготовленных из илистых глин, чем в изделиях из природных глин (12 и 3 сосуда соответственно).

При определении талька как искусственной примеси и его концентрации были использованы результаты наблюдений по эталонным образцам. Данная добавка встречена в составе формовочной массы 7 сосудов. Тальк не подвергался калибровке, включения представлены как пылевидной фракцией, так и обломками размером от 0,2 до 5,0–7,0 мм (рис. 2, 1). Концентрация талька в формовочной массе варьируется и составляет 1:3/4, 1:5/6, 1:6/7 и 1:8/9 (по 2 сосуда соответственно).

Кальцинированная кость отмечена в составе формовочных масс 4 сосудов, представлена обломками молочно-белого, иногда серого цвета размером от менее 0,5 до 2,5 мм (рис. 2, 2). Эта добавка фиксируется либо единичными включениями, либо в незначительной концентрации — 1:5, 1:6 и 1:7.

Раковина речных моллюсков, выступающая в качестве искусственной примеси, зафиксирована в составах формовочных масс 5 сосудов. Она представлена остроугольными включениями, имеющими четкую геометрическую форму, молочно-белого или пепельно-серого цвета с сохранившимся слоем перламутра. В составе формовочной массы выявлена раковина в некалиброванном состоянии, преобладающий размер включений составляет от 0,2–1,0 до 3,0–4,0 мм, единично встречены обломки до 6,0–8,0 мм. Опираясь на признаки, выделенные Н.П. Салугиной [2005, с. 87–88; 2006, с. 379–381], можно заключить, что раковина дробилась как в сыром состоянии, так и с предварительной термической обработкой (рис. 2, 4). Включения жареной раковины представлены тонкими пластинками размером от 0,1 мм до 1,0–3,5 мм, а концентрация составляет 1:3/4.

В изломах одного сосуда отмечена примесь предположительно раздробленного гематита. Она представлена остроугольными включениями бурого цвета, не подвергалась калибровке, а размер включений варьируется от 0,2 до 3,0–4,0 мм (рис. 2, 3). Концентрация данной примеси значительна и составляет 1:3.

Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье...

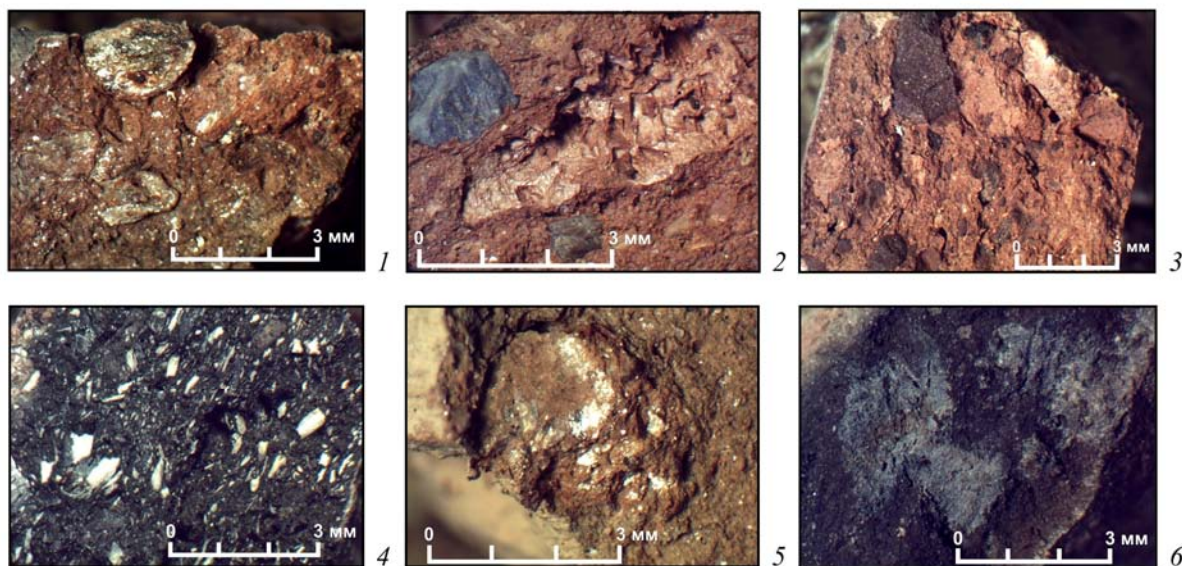

Рис. 2. Микроснимки искусственных примесей в составе формовочных масс сосудов:
1 — включения тальковой дресвы; 2 — включения кальцинированной кости и отпечаток органики;
3 — включения гематита (?); 4 — включения жареной раковины речных моллюсков;
5 — включение шамота, в состав которого входит тальк; 6 — следы органического раствора.

В подавляющем большинстве сосудов в качестве органического компонента представлен органический раствор. Мы можем предположить две его разновидности. Первый органический компонент формовочной массы фиксируется по присутствию в изломах аморфных пустот (от 1,5 до 3,0 мм в диаметре) или удлинённых трещин (до 4,0 мм), стенки которых, а также минеральные примеси покрыты маслянистыми бесцветными, коричневатыми, серыми пленками или корочками, иногда в сочетании с углистыми включениями как отдельными в виде стеклообразных кристалликов, так и в виде пленок, покрывающих поверхности изломов (рис. 2, б). Данные признаки указывают на наличие органических растворов, изготовленных на основе веществ животного или растительного происхождения, скорее всего обладающих клеящими свойствами.

Другой органический раствор характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–2,0 мм, реже встречаются обрывки до 3,0–9,0 мм, в единичных случаях зафиксированы отпечатки от семян. Кроме того, наблюдаются отдельные пустоты или трещины вокруг минеральных примесей размером 0,5–1,5 мм, как бы стянутые внутри, со сглаженными матовыми стенками. Иногда в пустотах и на поверхностях изломов отмечаются сероватые, белесые, серо-коричневые рыхлые налеты. Редки рыхлые светло-коричневые комочки размером до 1,0–2,0 мм. По особенностям следов, оставленных выгоревшей органикой, и на основании экспериментальных исследований мы предположили наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных.

Кроме растворов в качестве органической примеси гончары поселения Щетково 2 добавляли в формовочные массы также навоз жвачных животных в состоянии естественной влажности. Данная примесь характеризуется достаточно большим количеством отпечатков деформированных обрывков стеблей и листьев растений размером от 0,5–2,0 мм до 5,0–8,0 мм часто в сочетании с пустотами размером 1,0–2,0 мм, покрытыми матовыми пленочками.

На основании сочетания различных видов добавок и видов ИПС удалось выделить 14 рецептов составления формовочных масс (табл. 2). В некоторых случаях возникли трудности при определении вида органического компонента в составе формовочных масс: речь идет о сосудах, изготовленных из илистых глин, для которых не зафиксировано четких свидетельств использования органических растворов, но прослежены признаки применения выжимки из навоза жвачных животных, в частности характерные пустоты, описанные выше. В то же время эксперименты по составлению формовочных масс из глиноподобного сырья (илов и илистых глин) и выжимки из навоза пока не позволяют определить достоверные критерии выделения таких ре-

цептов по древней керамике. Вероятно, дальнейшая работа в этом направлении даст возможность более аргументированных заключений по атрибуции органического компонента.

Таблица 2

Сочетание разных видов исходного сырья и состава формовочных масс керамики федоровской культуры поселения Щетково 2

Состав формовочных масс	Природные глины	Илистые глины
Н	1/1,1	—
Ш + О	—	10/10,7
Ш + ОР	7/7,5	36/38,7
Ш + В	16/17,2	—
Ш + Н	5/5,3	—
Ш + К + ОР	—	2/2,2
Ш + К + В	2/2,2	—
Т + Н	1/1,1	—
Ш + Т + ОР	—	5/5,3
Ш + Т + В	2/2,2	—
Ш + ДР + ОР	2/2,2	—
Ш + ДР + В	3/3,2	—
Ш + Гем. + ОР	1/1,1	—
Всего сосудов	40/43,1	53/56,9

Примечание: Ш — шамот; ОР — органический раствор; В — выжимка из навоза жвачных животных; Н — навоз жвачных животных; О — органический компонент не ясной природы; К — кальцинированная кость; Т — тальк; ДР — дробленая раковина речных моллюсков; Гем. — дробленый гематит.

Технико-технологическому анализу подвергался также шамот как основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства [Цетлин, 1980, с. 11]. В шамоте 19 изделий зафиксированы остатки и пустоты от выщелоченной раковины речных моллюсков, которая, скорее всего, являлась естественной примесью, на основании чего можно предположить использование илистых глин для изготовления сосудов, пошедших потом на шамот. В одном из сосудов представлен шамот из нежелезненной глины. Корреляция видов ИПС, выделенных по изученным сосудам, и сырья, из которого были изготовлены раздробленные изделия, показала, что шамот, по которому зафиксировано использование илистых глин, содержится в 5 сосудах из природных глин и в 14 — из илистых глин. Формовочная масса вышедшей из употребления и использованной для изготовления шамота посуды в половине случаев в своем составе имеет только шамот (46 сосудов, или 50,5 %), иногда в сочетании с органикой, отмеченной в виде отпечатков растительности. В формовочной массе 31 сосуда выявлены шамот с шамотом и шамот с тальком (33,3 %). В 14 сосудах шамот содержит только тальк (15 %) (рис. 2, 5). Важно отметить, что шамот с примесью талька встречен в том числе в тех сосудах, в составе формовочных масс которых эта примесь не присутствовала.

Таким образом, на основании технико-технологического анализа шамота можно заключить, что в гончарстве населения федоровской культуры навыки отбора в качестве ИПС глин и илистых глин были достаточно устойчивыми. При этом шамот из илистой глины зафиксирован в составе масс, изготовленных из природных глин, и, наоборот, шамот из природных глин присутствует в большинстве сосудов, изготовленных из илистых глин. Данный факт может указывать на родственность производителей посуды и на процессы смешения, по всей вероятности, постоянно происходившие в среде федоровского населения. Об этом же свидетельствует и информация по составу формовочной массы шамота, изучение которого показало, что при доминирующей традиции использования шамота существовали навыки составления рецептов с применением талька.

Особенности *конструирования начина и полого тела, формообразования сосудов (ступени 5–7)* удалось проследить по изломам лишь одного небольшого изделия (рис. 3, 1). Начин сосуда изготовлялся в соответствии с донно-емкостной программой конструирования с помощью глиняных лоскутов, наращиваемых по спирали. Модель программы мелкая доэлементная. Особенности спаев между «строительными элементами» позволяют предполагать, что при изготовлении начина использовалась форма-основа. *Полое тело* сосуда также изготавливалось с

Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье...

помощью лоскутного спиралевидного налепа. Первоначально форма сосуда задавалась еще в процессе конструирования, когда применялась форма-модель. Окончательно же изделие оформлялось путем выдавливания пальцами.

Способы механической обработки поверхностей (ступень 8). А.А. Бобринским в истории восточно-европейского гончарства выделены три направления в развитии навыков обработки поверхностей: безгрунтовочное, грунтовочное и химико-термическое [1978, с. 213]. Исследование показало, что обработка поверхностей посуды производилась в рамках первого, безгрунтовочного направления. Выделено два способа — заглаживание и лощение. В некоторых случаях выявить приемы обработки и идентифицировать использованное при этом орудие не удалось из-за мощного слоя нагара либо вследствие повреждения поверхностных слоев сосудов при обработке коллекции щетками.

Внутренняя и внешняя поверхности сосудов обрабатывались способом простого заглаживания пальцами, тканью, деревянными или костяными шпателями, штампами, галькой. В большинстве случаев внешние поверхности сосудов подвергались лощению по подсушенной или сухой, смоченной водой, основе (71 сосуд, или 76,3 %). Кроме того, на поверхностях 8 сосудов отмечено уплотнение инструментом с твердой гладкой рабочей поверхностью (8,6 %), т.е. лощение без характерного матового блеска [Васильева, 2013, с. 77]. Лощение и уплотнение фиксируются также и на внутренних поверхностях изделий.

Корреляция способов обработки поверхностей сосудов и видов ИПС, из которых они были изготовлены, в целом не выявила закономерностей (табл. 3). Можно отметить лишь, что при обработке внутренней поверхности сосудов, изготовленных из глин, чаще использовался шпатель, производилось уплотнение, а внутренние стенки изделий из илестых глин заглаживались пальцами и галькой.

Таблица 3

Соотношение видов ИПС сосудов и способов обработки поверхностей изделий

Способы обработки поверхностей сосудов		Вид ИПС		Всего (93 сосуда)
		Природные глины (40 сосудов)	Илестые глины (53 сосуда)	
Внешняя поверхность	Ткань	3/7,5	4/7,5	7/7,5
	Пальцы	3/7,5	3/5,7	6/6,4
	Шпатель	2/5	5/9,4	7/7,5
	Штамп	3/7,5	2/2,2	5/5,4
	Лощение	29/72,5	42/79,2	71/76,3
	Уплотнение	4/10	4/7,5	8/8,6
Внутренняя поверхность	Ткань	2/5	3/5,7	5/5,4
	Пальцы	5/12,5	11/20,7	16/17,2
	Шпатель	7/17,5	10/18,8	17/18,3
	Штамп	10/25	5/9,4	15/16,1
	Галька	1/2,5	6/11,3	7/7,5
	Лощение	7/17,5	16/17,2	23/24,7
	Уплотнение	6/15	4/4,3	10/10,7

Таким образом, традиционными навыками обработки поверхностей сосудов у гончаров федоровской культуры поселка выступали заглаживание и лощение. Отметим, что при анализе отдельных частиц шамота, на которых сохранились участки поверхностей, также зафиксированы следы заглаживания и лощения, что позволяет считать данные приемы обработки поверхностей устойчивым в среде федоровских гончаров.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов (ступени 9–10) осуществлялись смешанными способами, т.е. путем обжига высушенных изделий и введения органических компонентов в формовочную массу [Бобринский, 1999, с. 85–106].

Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что они обжигались в условиях окислительной, полувосстановительной и восстановительной среды. Сосуды, имеющие двух- или трехслойную окраску, испытывали непродолжительное действие температур каления, о чем свидетельствует ширина осветленных слоев, которая, как правило, составляет от 0,3–1,0 до 2,5 мм (70 сосудов, или 75,2 %). После достижения температур каления зачастую сосуды быстро извлекались из обжигового устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными слоями и темно-серой

сердцевиной (63,4 %), другие медленно остывали в обжиговом устройстве (размытая граница между цветовыми слоями) (11,8 %). Другая группа сосудов в изломе имеет сплошную темно-серую окрасенность (17 сосудов, или 18,3 %), что говорит о восстановительном режиме их обжига. Особенности окрасенности изломов фрагментов 6 сосудов (6,5 %) (практически сплошной осветленный излом), вероятнее всего, могут указывать на попадание их в огонь повторно уже после гибели изделий. Судя по отмеченным цветовым особенностям поверхностей и изломов сосудов обжиг изделий проводился в простых обжиговых устройствах — кострищах или очагах чаще всего с кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650 °С).

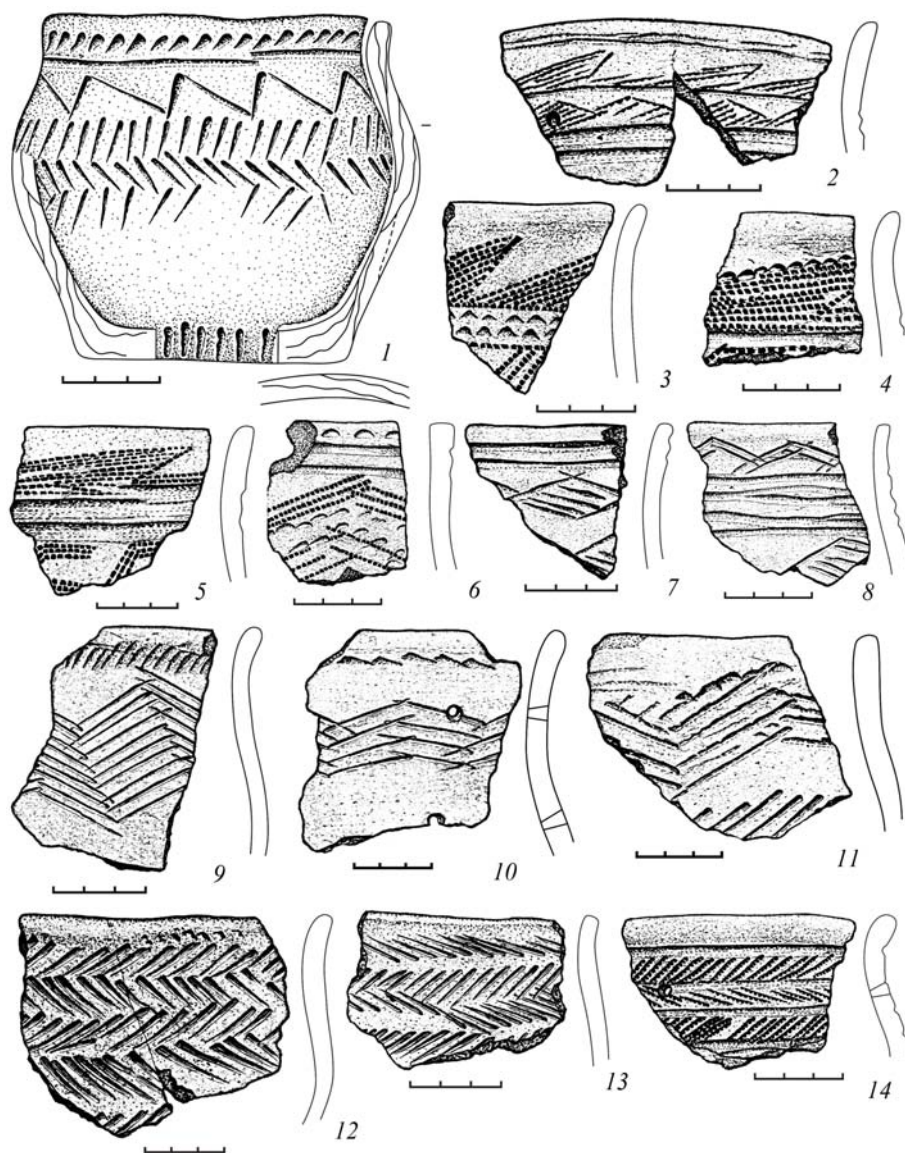

Рис. 3. Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 (1 — особенности конструирования сосуда).

При *орнаментации изделий* (12-я, необязательная ступень гончарного производства) чаще всего использовался гребенчатый штамп (53,8 %), реже — гладкий штамп (30,1 %) (рис. 3, 4). На значительной части изделий отмечены ряды угольковых или полуовальных вдавлений, а также вдавлений, обрамляющих треугольники, ромбы, зигзаги, — «бахрома», которые наносились концом гребенчатого или гладкого штампов (33,3 %). Наиболее распространенными элементами узора выступают прочерченные желобки и канелюры (44,1 %), равнобедренные, косые или прямоугольные треугольники (34,4 %), ряды наклонных оттисков штампа (26,9 %) и вдавле-

Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье...

ний (24,7 %), горизонтальные и вертикальные зигзаги (7,5 и 12,9 % соответственно), горизонтальные линии (11,8 %). Довольно часто фиксируются налепные или формованные валики (17,2 %), на которые зачастую наносился орнамент в виде горизонтальной «елочки», наклонных оттисков штампа или сетки. Единичны узоры в виде меандров, заштрихованных лент, незавершенных ромбов и ромбов с обрамлением, сетка и др.

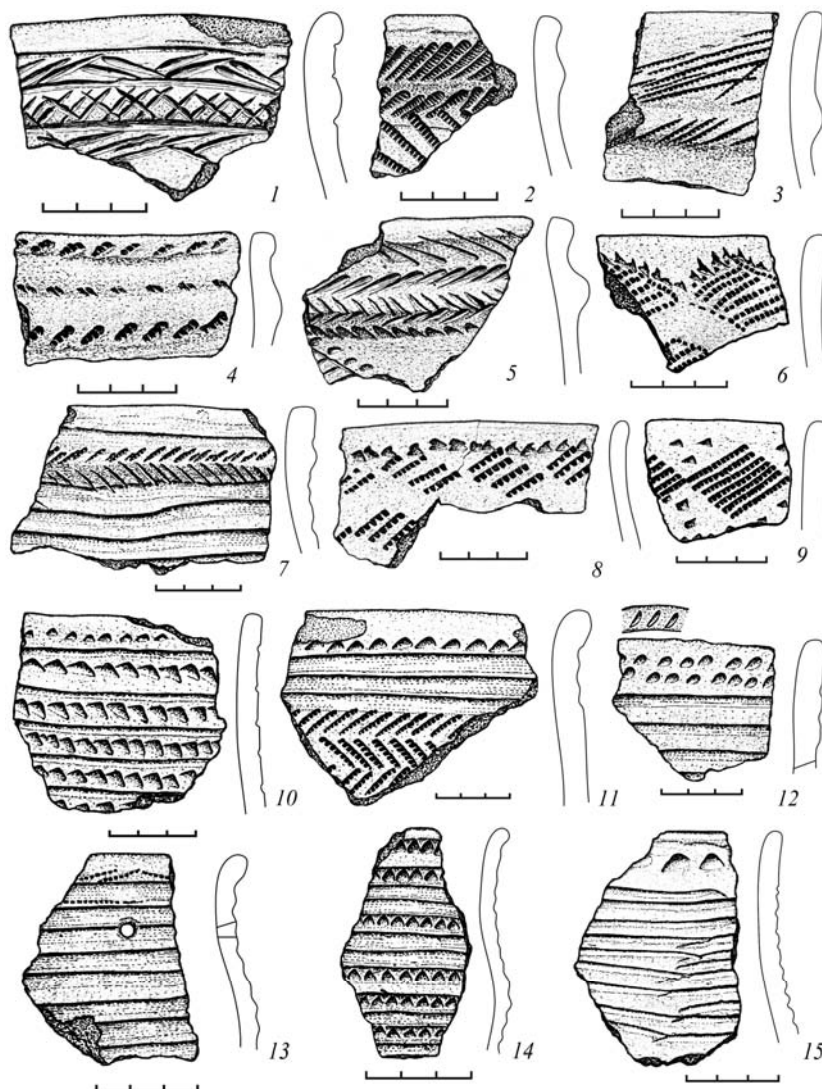

Рис. 4. Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2.

Из всего сказанного выше можно заключить следующее. На поселении Щетково 2 проживали, по крайней мере, две группы гончаров, владеющих разными представлениями об ИПС, но более массовыми были представления об илистой глине (56,9 %) как сырье для изготовления керамики. Особенностью данного вида ИПС является естественная примесь раковины речных моллюсков. Анализ шамота, входящего в состав формовочных масс, показал, что сосуды, из которых был сделан шамот, также изготавливались из данных видов сырья. Немаловажным, на наш взгляд, факт присутствия шамота из илистой глины в составе масс, изготовленных из природных глин, и, наоборот, в сосудах, изготовленных из илистых глин, — шамота из природных глин. Исходя из этого допуская, что зафиксированные различия в представлениях об ИПС могли быть обусловлены смешением разных культурных групп населения. Эти же процессы, по всей вероятности, отражает разнообразие, выявленное при анализе составов формовочных

масс. В целом выделяются две доминирующие традиции: «глина + шамот + органические компоненты» (30,1 %) и «илистая глина + шамот + органические компоненты» (50,5 %). Вместе с тем фиксируются рецепты, включающие в качестве искусственных компонентов кроме шамота и органических добавок тальк, кальцинированную кость, раковину речных моллюсков, гематит. Сосуды, формовочные массы которых составлены по смешанным рецептам, изготовлены как из природных, так и из илистых глин. Разнообразие рецептов формовочных масс наблюдается и по особенностям состава шамота: в нем отмечается как шамот (50,5 % изделий), так и тальк (48,4 %).

Имеющаяся информация не позволяет судить о традиционных навыках конструирования начина и полого тела, формообразования сосудов, так как изучено лишь одно изделие, для которого отмечено применение донно-емкостной программы изготовления начина с формой-основой и лоскутного спиралевидного налепа. Обработка поверхностей изделий во всех случаях осуществлялась способом простого заглаживания твердыми и мягкими материалами, после чего производилось лощение как внешних стенок сосудов (76,3 %), так и их внутренних поверхностей (24,7 %).

Технология изготовления керамики федоровскими гончарами Щетково 2 аналогична таковой, выявленной для сосудов других поселений Нижнего Притоболья (Черемуховый Куст, Курья 1, Бочанцево 1) [Илюшина, 2014]. Сравнение технологической информации позволяет рассматривать комплекс поселения Щетково 2 как один из ранних на территории Притоболья наряду с поселением Черемуховый Куст. Данное заключение основано на сопоставлении рецептов формовочных масс сосудов и состава шамота как основного их компонента. На наш взгляд, на более ранний характер данных памятников относительно, например, поселения Курья 1 указывает наличие рецептов формовочных масс, составленных с применением только дресвы и органики, более распространенные смешанные составы — с шамотом, дресвой и органикой, присутствие в рецептах дробленой сырой и жареной раковины речных моллюсков. Кроме того, дресва фиксируется и в составе шамота значительной части изделий. В целом такому выводу не противоречат и радиоуглеродные даты с этих поселений: Щетково 2 — 3470±145 л.н. (СО-АН-4188); Черемуховый Куст — 3446±95 (УПИ 560), 3280±30 (УПИ 564), 3605±53 (УПИ 569); Курья 1 — 3390±40 л.н. (СОАН 5849), хотя следует признать, что даты с Черемухового Куста определяют как ранний, так и поздний интервал [Матвеев и др., 2001, с. 215; Зах, 1995, с. 85; Зах и др., 2011, с. 225].

Как мы отмечали ранее, весь комплекс полученных на сегодняшний день данных указывает, что федоровское население являлось пришлым на территории Нижнего Притоболья и, возможно, миграция была неоднократной. Вопрос о том, из каких районов ареала федоровской культуры могла происходить миграция этих групп населения, пока остается открытым. Вероятнее всего, детальный анализ комплексов с памятников Северного Казахстана и Южного Урала в будущем позволит решить эту проблему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И.Н.* О выделении камского ареала гончарных традиций эпохи неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 73–83.
- Зах В.А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А., Зимица О.Ю., Рябогина Н.Е.* Радиоуглеродные даты археологических и природных комплексов Тоболо-Ишимья (по материалам Тоболо-Ишимской экспедиции ИПОС СО РАН) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 1 (14). С. 219–233.
- Илюшина В.В.* Гончарное производство населения федоровской культуры Нижнего Притоболья // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 567–571.
- Краева Л.А.* К вопросу о примеси талька в сарматской керамике: (К обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: Итоги и перспективы изучения. М.: ИА РАН, 2010. С. 50–65.
- Матвеев А.В.* Федоровская культура в лесостепном Зауралье // Александр Васильевич Матвеев: Сб. науч. трудов и воспоминаний. Посвящен памяти А.В. Матвеева. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. С. 53–93.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюм. дом печати, 2009. 416 с.

Керамика федоровской культуры поселения Щетково 2 в Нижнем Притоболье...

Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 213–216.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Крюкова Т.С. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Ингальской долине (по итогам работ 1998 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 126–135.

Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.

Салугина Н.П. Технология керамики репинского типа из погребений древнеямной культуры Волго-Уралья // РА. 2005. № 3. С. 85–92.

Салугина Н.П. К методике определения раковины в составе древней керамики // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 379–381.

Цетлин Ю.Б. Некоторые особенности технологии гончарного производства в бассейне Верхней Волги в эпоху неолита // СА. 1980. № 4. С. 9–15.

Тюмень, ИПОС СО РАН
vika_tika@mail.ru

The article presents results of technical-and-technological analysis regarding a pottery complex of the Fyodorovo culture from the settlement of Schetkovo 2. The obtained analytical data allowed to identify traditions in skills existing with the Fyodorovo settlement population regarding selection and preparation of initial plastic mixture, composing of moulding compounds, shaping of vessels and methods of treating their surfaces, as well as kilning of articles. Basing on the obtained data and their correlation with available data on other settlements from the Low Tobol basin, the Fyodorovo pottery complex from the settlement of Schetkovo 2 being considered as one of the earliest on the given territory.

Low Tobol basin, settlement of Schetkovo 2, the Fyodorovo culture, pottery, technical-and-technological analysis, ornamentation, statistical analysis.

КОМПЛЕКСЫ КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИШИМО-ИРТЫШЬЯ

О.Ю. Зимина

Приведены результаты сравнения керамических комплексов красноозерской культуры Приишимья и Прииртышья. Рассмотрены локальные особенности динамики красноозерской культуры каждого из регионов.

Приишимье, Приртышье, переходное время от бронзы к железу, красноозерская культура, керамика.

В переходное время от бронзы к железу в лесостепной зоне Западной Сибири в междуречье Ишима и Иртыша отмечаются комплексы, отличительной чертой которых является керамика с крестовой орнаментацией. Их хронология охватывает IX–VI вв. до н.э. Комплексы в долине Иртыша (Красноозерское, Инберень 5, 6, 7, Новотроицкое 1, Алексеевка 19, жертвенного места Хутор Бор 1 и др.) были объединены в красноозерскую культуру [Косарев, 1976; Абрамова, Стефанов, 1985; Труфанов, 1983, 1990; Татауров, Шерстобитова, 2008; Шерстобитова, 2010]. Сходные комплексы в Приишимье первоначально были выделены в карьковский тип памятников (Старо-Маслянское, Карьковское и др.) [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 63–64], а затем, с расширением исследований (Ефимово 1, Боровлянка 2 и др.), — включены в красноозерскую культуру [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1991, с. 54; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54–55; Матвеев и др., 1997; Зах и др., 2008; Зимина, Скочина, 2008; Цембалюк, 2013] (рис. 1). Как показывают исследования, население красноозерской культуры обитало не только в долинах Ишима и Иртыша; оно проникало и на восток, в Барабинскую лесостепь, в ареал поздней ирменских коллективов [Молодин, 2014].

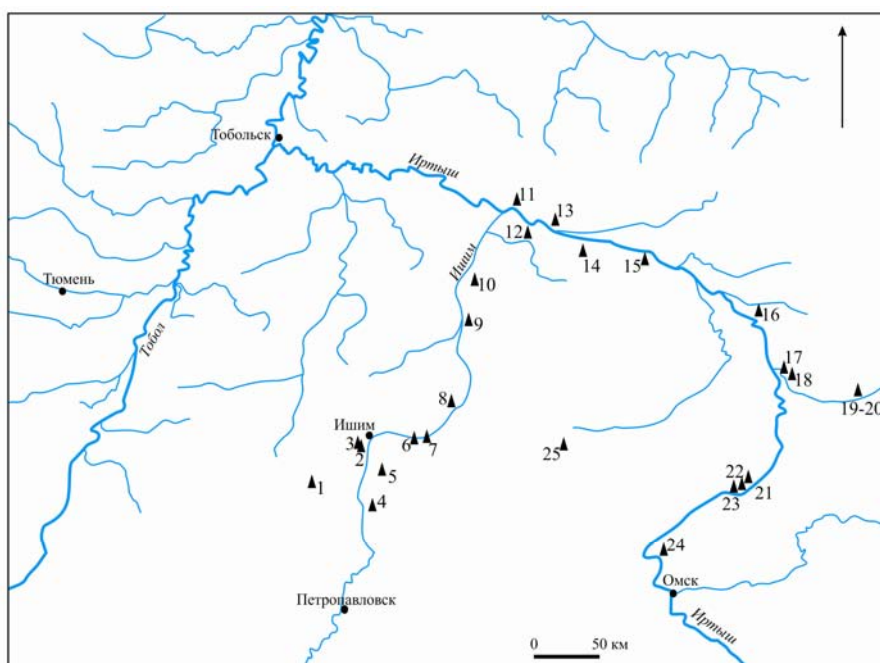

Рис. 1. Карта-схема расположения памятников:

Приишимье: 1 — Карьковское 1; 2 — Мергень 2; 3 — Мергень 6; 4 — Марай 1; 5 — Кучум-Гора; 6 — Чупино; 7 — Старо-Маслянское; 8 — Ефимово 1; 9 — Боровлянка; 10 — Борки 1; Прииртышье (по: [Шерстобитова, 2010; Потемкина и др., 1995]): 11 — Красноярский археологический микрорайон; 12 — Кип III; 13 — Хутор Бор 1; 14 — Чудская Гора; 15 — Ко-нашевка III; 16 — Красноозерское городище; 17 — Алексеевка I; 18 — Алексеевка XIX; 19, 20 — Надеждинка IV, V; 21 — Инберень 6; 22 — Инберень 7; 23 — Инберень 6; 24 — Новотроицкое 1; 25 — Калугино 1.

Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья

При том что уже довольно давно комплексы с крестовой керамикой в долине Ишима было предложено отнести к красноозерской культуре [Панфилов и др., 1991], вопросы развития последней продолжают рассматриваться исследователями преимущественно на прииртышских материалах.

Систематизация керамических комплексов Прииртышья позволила не только выделить ранний и поздний этапы красноозерской культуры, но и обозначить переходные между этими этапами комплексы [Шерстобитова, 2010]. Ранний этап культуры характеризуется материалами расположенного в таежной зоне жертвенного места Хутор Бор 1, который, по мнению исследователей, отражает первые контакты носителей крестовой посуды с местным сузгунским населением [Труфанов, 1983]. Переходными чертами обладают комплексы, обнаруженные на памятниках в южно-и предтаежной зонах Прииртышья (Конашевка III, Красноозерки, Надеждинка IV, V, Алексеевка I). Эта посуда демонстрирует смешение крестовых и сузгунско-ирменских традиций. На сосудах с дугообразной шейкой сочетаются сузгунский штамп «скоба» и красноозерский узор из горизонтальных рядов лунок, выполненных в отступающей технике. Отмечены сочетания «креста» и «скобы». На сосудах «не крестовой» группы с луночной и отступающе-накольчатой орнаментацией представлены орнаментальные схемы, свойственные «крестовой» посуде. Исследователи считают это основой, на которой сложилась «инберенская» традиция, представленная в орнаментации керамических комплексов позднего этапа [Полеводов, Шерстобитова, 2008].

Отдельным сюжетом рассматривается смешанная сузгунско-ирменско-красноозерская группа керамики. Это «сосуды, в орнаментальной схеме которых представлен хотя бы один элемент, являющийся индикаторным для культурной атрибуции сузгунской, ирменской либо красноозерской посуды, в своем сочетании с элементами, характерными для противоположной культурной традиции» [Шерстобитова, 2010, с. 30]. По мнению О.С. Шерстобитовой, именно эти смешанные комплексы стали предтечей формирования собственно красноозерской традиции. Их отличие от керамики переходного типа заключается в том, что на последней «ранее известные орнаментальные элементы хуторборской и автохтонных позднебронзовых традиций представлены уже в ином, модифицированном виде» [Там же, с. 31].

Поздний этап культуры исследователи связывают с комплексами Инберень V–VII, Новотроицкое I, Алексеевка XIX, включая их в инберенский этап развития культуры [Труфанов, 1983, с. 70; Полеводов, Шерстобитова, 2008, с. 177; Шерстобитова, 2010]. Своеобразие этих комплексов составляют несколько групп: «сетчатая» керамика; керамика, украшенная многорядными горизонтальными линиями, выполненными гладким или гребенчатым штампом, посуда с луночной и отступающе-накольчатой техникой орнаментации, «елочная» и «псевдоструйчатая» (фигурно-штампованная) группы. ...Наиболее канонична посуда, украшенная многорядными горизонтальными линиями, которая, как правило, практически всегда преобладает на памятнике» [Шерстобитова, 2010, с. 28–29]. Существует мнение, что красноозерскую культуру в большей степени следует ассоциировать с поздними культурными комплексами. По мнению А.Я. Труфанова, это отражает гносеологическую и историческую сущность понятия «археологическая культура» [Труфанов, 1983, с. 76].

На наш взгляд, ассоциировать с красноозерской культурой в целом и соответствующей традицией в частности только круг поселений инберенского этапа неверно. О.С. Шерстобитова, характеризуя керамические комплексы красноозерской культуры, уточняет, что под данной традицией она подразумевает «уже сформированные инберенские комплексы, с четким набором признаков, их характеризующих» [2010, с. 31]. Такой подход ограничивает рамки культуры, исключает из нее начальные этапы, отражающие формирование, и, на наш взгляд, не позволяет говорить о сузгунско-ирменско-**красноозерском** взаимодействии, которое в хронологическом отношении предшествовало комплексам, демонстрирующим **собственно красноозерский (инберенский)** канон [Там же, с. 31–33].

На примере красноозерской культуры исследователям удалось зафиксировать динамику и трансформацию культурной традиции от момента первоначальных контактов разнокультурных групп до сложения определенного орнаментального канона, что на археологическом материале случается далеко не всегда. В этой связи более справедливым выглядит замечание М.Б. Абрамовой и В.И. Стефанова, что «красноозерская культура могла сформироваться в таежном Прииртышье прежде, чем ее памятники появились в лесостепи, и в облике материальной культуры красноозерских племен в таежной полосе и северной лесостепи не будет абсолютного сходства» [1985, с. 126]. При этом можно предположить, что иной облик эта культура приняла не только в лесостепном Прииртышье, но и в лесостепном Приишимье.

Сузгунская основа как автохтонный компонент присутствует и принимает участие в сложении красноозерских комплексов на всем пространстве ареала, включая и Прииртышье, и Приишимье. Исследователи уже отмечали, что различие заключается в «не крестовых» ишимской и иртышской группах керамики, обусловлено разной субстратной основой — бархатовско-сузгунской в Приишимье и сузгунско-ирменской в Прииртышье [Панфилов и др., 1991, с. 44; Матвеев, Горелов, 1991, с. 54; Матвеев, Горелов, 1993, с. 54–55]. При этом следует отметить более сильное влияние ирменской культуры на Иртыше и незначительное — бархатовской на Ишиме. Ирменское влияние выражено не только в облике керамических комплексов, но и в присутствии поселений, оставленных ирменскими группами [Труфанов, 1990; Археологические микрорайоны..., 2011]. Бархатовское присутствие на Ишиме отмечается только в смешанном характере орнаментации керамических комплексов Чупино и Кучум-Горы [Аношко, Рыжкова, 2005].

Керамика, украшенная крестовым штампом, демонстрирует высокую степень сходства на всем протяжении ареала. Как отмечает О.С. Шерстобитова в отношении Прииртышья, «на каждом из известных на сегодняшний день красноозерских памятников в той или иной степени представлена керамика, украшенная “крестом”» [2010].

Рассматривая керамику известных комплексов с крестовой орнаментацией Приишимья (Мергень 2, Старо-Маслянковое, Ефимово 1 и Боровлянка 2), мы предварительно отнесли их к раннему этапу красноозерской культуры [Зах, Зимина, 2014] (рис. 6, 1–7). Основанием для этого послужил сравнительный анализ приишимских памятников с коллекцией жертвенного места Хутор Бор 1, выявивший близкий набор элементов орнамента. Для керамики этих памятников следует отметить высокую долю в комплексах сосудов, орнаментированных крестовым штампом (рис. 2), отсутствие (очень низкий удельный вес) в орнаментальных схемах тех элементов и их сочетаний, которые составляют специфику инберенского этапа красноозерской культуры, а именно: «сетка», многорядные горизонтальные линии, «лунки», узоры в отступающе-накопчатой манере (рис. 3). В приишимских комплексах довольно высок процент сосудов с дуговидной шейкой, украшенных узорами, выполненными крестовым штампом (Мергень 2 — 29,8 %, Ефимово 1 — 17,1 %). Сосудов с дуговидной шейкой и «не крестовыми» узорами на поселении Мергень 2 всего 8,8 %; на городище Ефимово 1 — 13,8 %. Такое сочетание — более высокий процент сосудов с дуговидными шейками, украшенных крестовым штампом, мы сочли подтверждением достаточно ранней хронологической позиции приишимских комплексов [Зах, Зимина, 2014] (рис. 4). В красноозерской культуре по мере ее развития исследователи отмечают тенденцию к постепенному увеличению на сосудах с «молчановской» профилировкой «местной» позднебронзовой орнаментации, а затем, к финалу культуры, количество сосудов с дуговидно выгнутыми шейками снижается [Труфанов, 1983, с. 74–75; Абрамова, Стефанов, 1985, с. 122].

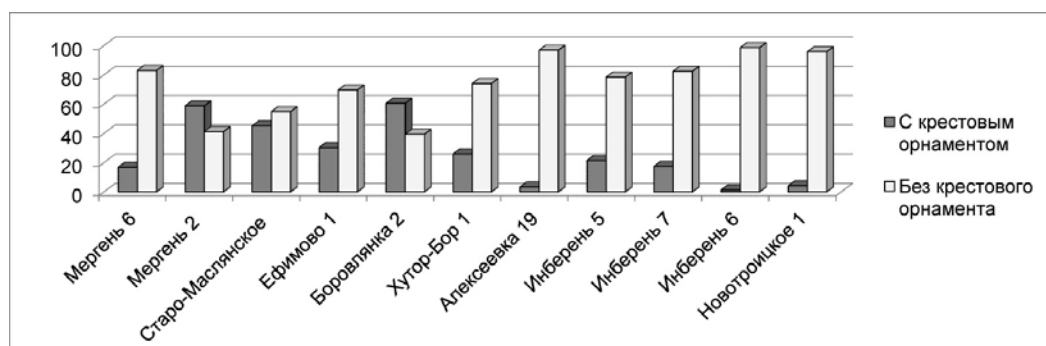

Рис. 2. Удельный вес «крестовых» и «не крестовых» групп в керамических комплексах красноозерской культуры Приишимья и Прииртышья.

Однако если материалы жертвенного места Хутор Бор 1 характеризуют «начальный этап в сложении красноозерской культуры... в сосуществовании на одном памятнике двух генетически разных, практически еще не слившихся керамических традиций (и их носителей)... сосуществование двух различных культур — “местной” и пришлой» [Труфанов, 1983, с. 76], то материалы поселений Приишимья, отнесенных к раннему этапу красноозерской культуры, на наш взгляд, отражают дальнейшее ее развитие, в частности постепенное увеличение влияния пришлого

Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья

населения и его интеграцию в местную среду. Об этом свидетельствует и технологический анализ керамики с поселения Мергень 2. Он показал, что, несмотря на различия в орнаментации групп керамики, одна из которых отражает традиции автохтонного (сузгунского) населения, другая — украшенная крестовым штампом — несет традиции пришлого населения, для изготовления посуды обеих групп использовались одни и те же виды исходного сырья и одинаковые рецепты формовочной массы. Этот факт свидетельствует о сложившейся технологической традиции, что позволяет высказать предположение о несколько иной динамике красноозерской культуры в Приишимье, которая в условиях отсутствия давления со стороны ирменского населения, как это было в Прииртышье, развивалась по пути синтеза сузгунско-«крестовых» (атлымских?) традиций. Пока не ясно, сможем ли мы зафиксировать переходные формы в технологии изготовления керамики приишимских красноозерских групп¹, однако в орнаментации признаки предшествующих культур сохраняются довольно отчетливо и на позднем этапе.

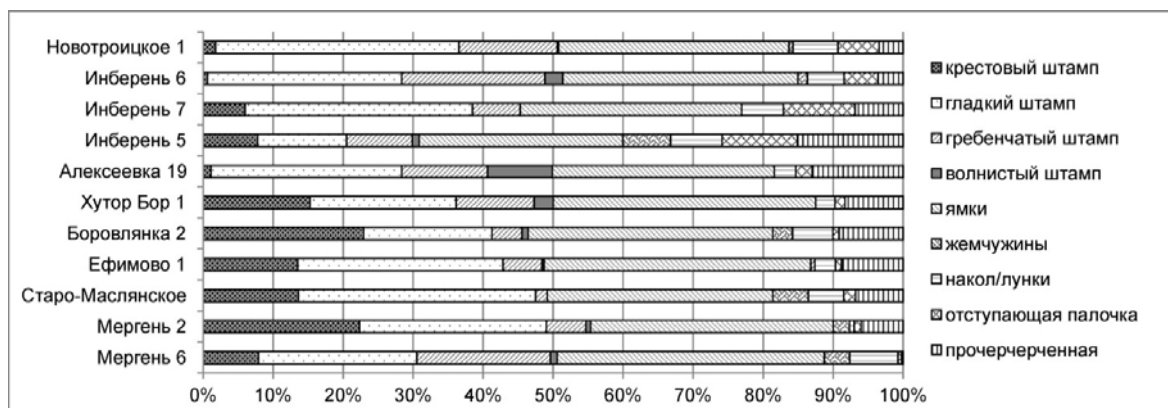

Рис. 3. Диаграмма основных способов нанесения орнамента в комплексах Приишимья и Прииртышья.

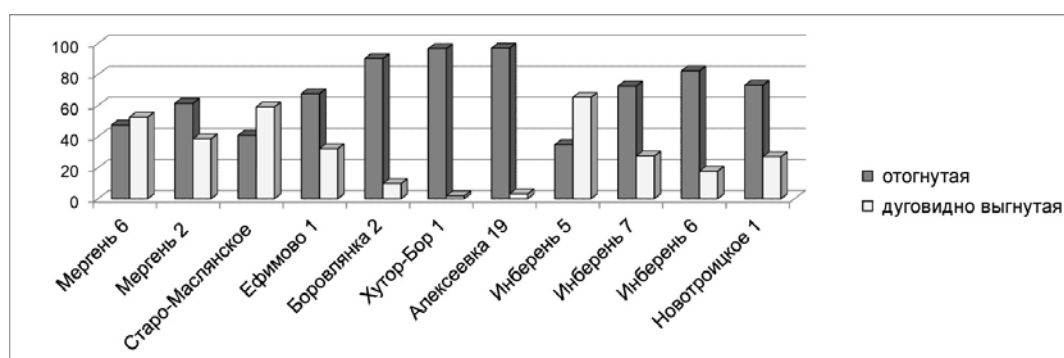

Рис. 4. Сравнение красноозерских комплексов Приишимья и Прииртышья по форме горловин.

Поздний этап красноозерской культуры в Приишимье представлен пока только керамическим комплексом с поселения Мергень 6 (рис. 6, 8–20). В нем выделяются те же типы сосудов, что и на других поселениях красноозерской культуры. Проанализированная выборка включает фрагменты шеек 437 сосудов. Это плоскодонные сосуды как с дуговидно выгнутой («молчановской»), так и с отогнутой шейкой, украшенные с помощью крестового, гладкого или гребенчатого штампов. Около 6 % сосудов в комплексе декорированы желобками, заполненными оттисками гладкого или гребенчатого штампа, что характерно для сузгунской орнаментальной традиции. Процент сосудов, орнаментированных с помощью наколов и в отступающе-прочерченной манере, небольшой (рис. 3). Из набора элементов узора на сосудах позднего этапа красноозерской культуры в Приишимье, перекликающихся с орнаментацией поздних комплексов Прииртышья, преимущественно

¹ Данные об особенностях технологии изготовления керамики красноозерской керамики Прииртышья отсутствуют. Статья о технологии изготовления красноозерской керамики поселения Мергень 2 находится в стадии доработки. Автор выражает благодарность В.В. Илюшиной за возможность использовать неопубликованные данные.

на емкостях с дуговидно выгнутой шейкой, можно отметить в небольшом количестве сетку (8 %). Такой элемент, как ямки, присутствует на 89,2 % сосудов, однако в отличие от сосудов из коллекций раннего этапа, у которых ямки преимущественно нанесены в один ряд на шейку, в коллекции Мергень 6 примерно равное количество емкостей украшено ямками в один ряд и сдвоенными попарно (44,2 и 41,2 % соответственно). При этом в 12,6 % случаев на шейку наносились два ряда ямок — под срезом и у основания. Эти показатели довольно близки аналогичным для поздних поселений Прииртышья — Инберень 6 и Алексеевка XIX. Кроме того, всего 12,1 % сосудов с дуговидной шейкой в комплексе Мергень 6 украшены узорами, выполненными крестовым штампом, в то время как доля сосудов с «не крестовой» орнаментацией составляет 40,5 %. Это вполне укладывается в рамки тенденции, зафиксированной в Прииртышье, к постепенному увеличению на сосудах с «молчановской» профилировкой «местной» позднебронзовой орнаментации. Хотя в целом в мергенском комплексе отмечается почти равное количество сосудов с дуговидно выгнутой (52,6 %) и отогнутой/прямой (47,4 %) шейками (рис. 4).

Около четверти в керамической коллекции Мергень 6 составляет своеобразная группа керамики смешанного облика, сочетающая черты красноозерской и иткульской культур. В этой группе присутствуют сосуды как с прямой, так и с отогнутой шейкой. Часть сосудов имеют утолщение в средней части шейки. Узор на поверхность сосудов нанесен преимущественно гребенчатым штампом. Особенностью этой группы посуды являются сгруппированные попарно ямки ромбической и овальной формы, а также горизонтальные линии в несколько рядов, нанесенные с помощью гребенчатого штампа, в некоторых случаях он отчасти имитирует волнистый штамп, что довольно характерно для орнаментации посуды второго типа иткульской культуры Зауралья. Однако обозначенные элементы располагаются на поверхности мергенских сосудов не свойственным ее орнаментальной традиции образом, формы шеек в основном не соответствуют иткульским, лишь в нескольких случаях имитируют «иткульское» утолщение в перегибе шейки [Бельтикова, 1977; Зимина, Зах, 2009]. На одном из сосудов этой группы между ямками прослеживается небольшой перекрученный валик — характерная черта гамаюнской орнаментации [Борзунов, 1992].

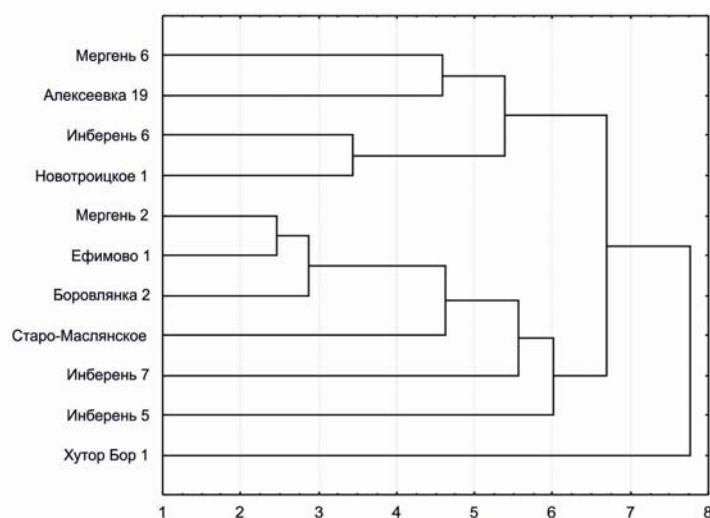

Рис. 5. Дендрограмма керамических комплексов красноозерской культуры Приишимья и Прииртышья.

Говорить о взаимодействии на поселении Мергень 6 представителей нескольких культур позволяет присутствие в комплексе фрагментов типичной иткульской и гамаюнской посуды, в нескольких случаях в тесте содержится тальк, являющийся характерной примесью для керамики Зауралья, где располагается основной ареал обитания коллективов этих культур.

Тем не менее, несмотря на отмеченное выше своеобразие керамики Приишимья, результаты статистического сравнения керамических комплексов этих двух регионов подтверждают предложенную схему развития красноозерской культуры (рис. 5). Кластерный анализ по 19 основным при-

Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья

знакам орнаментации² объединяет поселение Мергень 6 с группой поселений позднего инберенского этапа красноозерской культуры Прииртышья³, и в частности с одним из них, Алексеевкой XIX.

В целом статистика показывает, что удельный вес сосудов с крестовой орнаментацией в комплексах раннего этапа в Приишимье, отражающих, по сравнению с материалами жертвенного места Хутор Бор 1, уже состоявшийся синтез двух групп — пришлой и местной, значительно выше, чем в Прииртышье. Это может свидетельствовать о более сильном влиянии пришлых таежных групп. В динамике красноозерских комплексов на территории Приишимья можно отметить те же тенденции, что и на территории Прииртышья: от ранних комплексов (Мергень 2, Старо-Масляное, Ефимово 1 и Боровлянка 2) к поздним (Мергень 6) сокращается количество посуды, украшенной крестовым штампом.

В каждом из рассматриваемых регионов в сложении комплексов красноозерской культуры принимали участие представители нескольких культур. Исследователи уже обращали внимание на многокомпонентность красноозерской культуры в Прииртышье, включающей пришлый северный компонент (с крестовой керамикой), сузгунский, ирменский, ряд традиций, восходящих к доандроновскому времени, а также уральский гамаюно-иткульский [Труфанов, 1990, с. 12]. В Приишимье это группы сузгунско-бархатовского, таежного и гамаюно-иткульского населения. В некоторых случаях прослеживается архаичность в технике нанесения орнамента, однако ее происхождение не ясно⁴ (рис. 6).

Как уже указывалось, иткульское присутствие отчетливо прослеживается и в комплексах Прииртышья. Это сосуды иткульского облика с примесью талька в тесте в культурном слое городища Инберень 6 [Абрамова, Стефанов, 1985]. В небольшом количестве они обнаружены на поселении Новотроицкое 1 [Труфанов, 1984, с. 72–73]. В комплексе поселения Алексеевка XIX встречаются емкости со струйчатой орнаментацией, невысокими отогнутыми шейками и попарно объединенными ямками, расположенными в переходной к плечу зоне, «вызывающие опрделенные иткульские ассоциации». В связи с отсутствием в тесте этих сосудов талька авторы полагают, что они могли иметь «местное прииртышское происхождение» [Татауров, Шерстобитова, 2008, с. 83]. Однако, на наш взгляд, в прииртышском регионе отсутствует керамика, отражающая попытки населения синтезировать новые формы и сочетания элементов узора исходя из гамаюно-иткульского и красноозерского орнаментальных паттернов, которые, как представляется, можно увидеть в комплексе Мергень 6.

С учетом представленной хронологии поселений красноозерской культуры Приишимья можно высказать предположения о том, какие из компонентов орнаментации посуды относятся к генезису культуры, а какие приобретены в результате непосредственного взаимодействия с инокультурным населением. Так, желобки, заполненные оттисками гладкого или гребенчатого штампа, узор в виде горизонтальных рядов елочки, нанесенный теми же орнаментирами, скобочки, заштрихованные треугольники — явное наследие местной сузгунской орнаментальной традиции. Крестовый штамп и дуговидно выгнутые шейки были привнесены в орнаментацию и морфологию посуды таежным населением. Ко времени появления поселений раннего этапа красноозерской культуры в Приишимье (в частности, поселения Мергень 2) представители этого населения уже выработали единые традиции изготовления посуды, однако в орнаментации сохраняли узоры обоих предков. В этом плане интересен факт, что именно указанные элементы орнаментации или их сочетания оказались значимыми и остались в памяти населения.

² Признаки: 1 — ряды крест. штампа; 2 — наклонные оттиски (глад./греб. штамп); 3 — верт. оттиски (глад./греб. штамп); 4 — елочка горизонт. (глад./греб. штамп); 5 — зигзаг горизонт. (крест./глад./греб. штамп); 6 — треугольники из оттисков крест. штампа; 7 — ромб (крест. штамп/накол); 8 — зигзаг верт. (крест./глад./греб. штамп); 9 — сетка (глад./греб. штамп); 10 — линии горизонт. (глад./греб./волнист. штамп/прочерч./отступ. палочка/накол); 11 — ямки (в один ряд на шейке); 12 — ямки парно сгруппированные; 13 — желобки; 14 — зацепы; 15 — шагающие оттиски (глад./греб. штамп); 16 — многоряд. горизонт. отрезки; 17 — валик; 18 — два ряда ямок (по верху и у основания шейки); 19 — жемчужины.

³ Автор выражает искреннюю признательность А.Я. Труфанову на возможность использовать неопубликованные статистические данные керамических комплексов Инберень 5–7 и Новотроицкое 1.

⁴ Поселение Мергень 6, на котором выделяются фрагменты с архаичной манерой нанесения орнамента, является многослойным. Нижние горизонты относятся преимущественно к эпохам неолита — энеолита. Не исключено, что эти сосуды могут быть результатом подражания более ранним образцам, в изобилии встречавшимся обитателям поселка в переходное время от бронзы к железу.

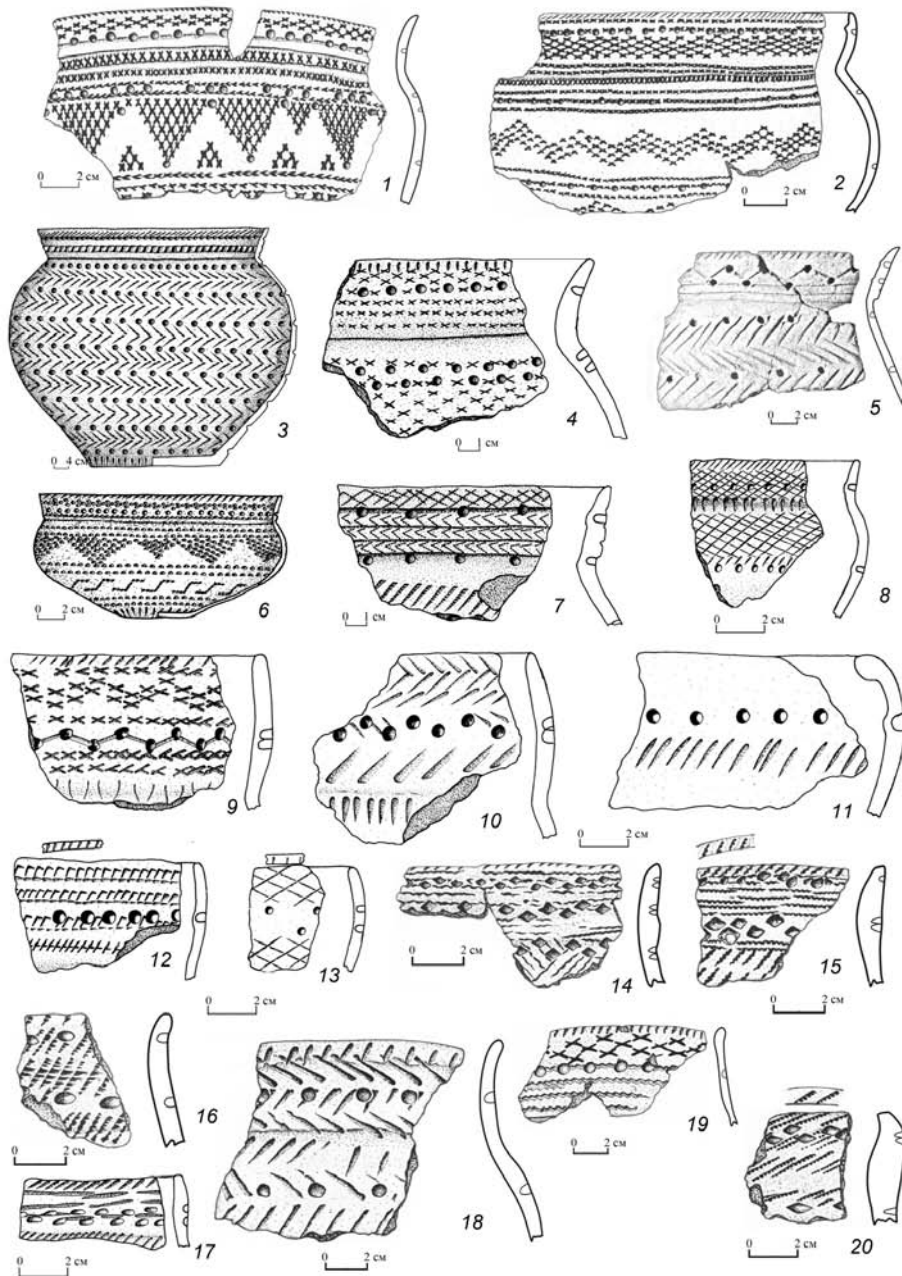

Рис. 6. Керамика красноозерской культуры с поселений Пришимья:
1, 2, 5 — Мергень 2; 3, 4, 6, 7 — Боровлянка 2; 8–20 — Мергень 6.

Представители иткульской культуры, синхронной красноозерской, имели обширные связи от Приуралья до Барабы⁵. В орнаментацию смешанной группы керамики в красноозерском комплексе поселения Мергень 6 они внесли свои элементы — ямки ромбической формы, взаимопроникающие фигуры, ряды горизонтальных линий на шейке, выполненные гребенчатым штампом, зачастую имитирующим волнистый; гребенчатый штамп выступает основным орнаментом керамики синкретичного облика, что свойственно иткульской орнаментальной традиции

⁵ Комплекс иткульской керамики был получен при исследовании Юнусовского городища. Судя по иллюстрации, в комплексе присутствует и керамика второго типа [Савельев, 2007, с. 126–129; рис. 30, с. 243]. Небольшой сосуд из жилища 2 (раскоп 1) на городище Чича 1, на наш взгляд, напоминает иткульские образцы [Молодин и др., 2001, с. 166, рис. 7, 1; с. 214, рис. 56].

Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья

(рис. 6, 14, 15, 20). Однако формы сосудов, в частности горловин емкостей, явно ближе к красноозерским — часть из них ближе к дуговидным формам. При этом складывается впечатление, что гончары при изготовлении этой посуды (со смешанными чертами) пытались сочетать формы, присущие обеим традициям: утолщение в перегибе короткой шейки у иткульских сосудов и дугобразную выгнутость красноозерских. При этом вырабатывались совершенно новые формы (рис. 6, 20).

Судя по всему, население Приишимья в финале эпохи бронзы и на рубеже бронзового и железного веков было достаточно открыто для контактов и восприятия новаций, что способствовало выработке новых форм в керамическом производстве и орнаментации (посуда с дуговидно выгнутыми формами горловин; утолщение шейки; орнамент из оттисков креста, ямок ромбической формы, взаимопроникающих фигур, рядов горизонтальных линий гребенчатого штампа, который зачастую имитировал волнистый штамп, и т.п.). Однако, несмотря на это, общество сохраняло ряд традиций в орнаментации посуды, восходящих к местным корням (желобки с оттисками гладкого или гребенчатого штампа; ряды горизонтальной елочки; скобочки; заштрихованные треугольники; жемчужины). Названные элементы орнаментации предположительно можно рассматривать как указатели групповой (родовой/фратриальной?) принадлежности населения, так как они в большей степени характеризуют посуду населения Приишимья, чем Прииртышья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамова М.Б., Стефанов В.И.* Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.
- Аношко О.М., Рыжкова Ю.В.* К характеристике позднего бронзового века Приишимья (по материалам городища Кучум Гора и Чупинского поселения) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во ТГУ, 2005. С. 130–133.
- Археологические микрорайоны Западной Сибири: Теория и практика исследований.* Омск: Наука, 2011. 196 с.
- Атлас Тюменской области /* Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М.; Тюмень: ГУКГ, 1971. Вып. 1. 28 с.
- Бакулин В.В., Козин В.В.* География Тюменской области: Учеб. пособие. Екатеринбург: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1996. С. 103.
- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1977. С. 119–133.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков: (Гамаюнская культура). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. 188 с.
- Васильев Е.А.* Северотаежное Приобье в Эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 3–14.
- Генинг В.Ф., Евдокимов В.В.* Старо-Масляное поселение // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 57–64.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Зах В.А., Зимина О.Ю.* Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4 (27). С. 48–59.
- Зимина О.Ю., Скочина С.Н.* Комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Приишимье // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2008. С. 187–189.
- Зимина О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976.
- Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 181 с.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Ларин С.И., Дрябина Л.А., Матвеева Н.П.* Доисторические культуры и палеогеография Мергенского археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск: ОмГУ, 1997. С. 76–114.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.* Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа: Изд-во БашГУ, 1991. С. 51–54.
- Матвеев А.В., Горелов В.В.* Городище Ефимово 1. Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 75 с.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И.* Этнокультурная мозаика Западной Барабы: (Эпоха поздней бронзы — переходное время от эпохи бронзы к железному веку: XIV–VIII вв. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 54–63.

О.Ю. Зимина

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнеевайсс Й., Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Чемякина М.А., Мильникова Л.Н., Васильев С.К., Беккер Г., Фассбиндер И., Манштейн А.К., Дядьков П.Г. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи: (Первые результаты исследований). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 240 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1991. С. 25–50.

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. К проблеме соотношения лесных и лесостепных памятников красноозерской культуры Среднего Прииртышья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 176–179.

Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.

Татауров С.Ф., Шерстобитова О.С. Городище Алексеевка XIX и некоторые проблемы территориально-хронологического соотношения красноозерских древностей на территории Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 78–91.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор 1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1983. С. 63–76.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990 // АКА УрГУ. Ф. III. Д. 318.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 15 с.

Татауров С.Ф., Шерстобитова О.С. Городище Алексеевка XIX и некоторые проблемы территориально-хронологического соотношения красноозерских древностей на территории Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 78–90.

Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье // Новые материалы и методы археологического исследования: (Материалы II междунар. конф. молодых ученых, Москва, 19–21 марта 2013 г. М., 2013. С. 70–72.

Шерстобитова О.С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: Динамика развития // РА. 2010. № 4. С. 28–35.

Тюмень, ИПОС СО РАН
o_winter@mail.ru

The article quotes comparative results of the Krasnoozerka culture pottery complexes from the Low Ishim and Low Irtysh basins. Subject to consideration being local distinctions regarding dynamics of the Krasnoozerka culture in each of the regions.

Low Ishim basin, Low Irtysh basin, transitional time from Bronze age to Iron age, the Krasnoozerka culture, pottery.

ЦВЕТНАЯ МЕТАЛЛООБРАБОТКА ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (предварительные результаты аналитических исследований)

С.В. Кузьминых, А.Д. Дегтярева

Исследование методами спектрального и металлографического анализов выявило своеобразные и уникальные для эпохи раннего железа технологии изготовления цветного инвентаря. На основе статистической обработки аналитических данных установлено использование металлургами иткульской культуры чистой окисленной меди, маркированной микроструктурным методом включениями эвтектики $Cu-Cu_2O$, а также, в значительно меньшей степени, искусственных бронз. Изделия получали только литейными технологиями, в редких случаях отмечена кузнечная доработка. Эта модель производства характерна для ранних металлопроизводящих экономик (ямной Приуралья, липчинской, петровской Зауралья, гаринской и волосовской культур Волго-Камья), позднее в эпохи бронзы и раннего железа она вышла из употребления. Столь архаичную и достаточно трудоемкую технологию, сопряженную с достижением при плавке более высоких температур по сравнению с легированными бронзами, иткульские металлурги с целью раскисления меди модернизировали добавлением железа в медный расплав. Причина наблюдаемой парадоксальной ситуации — использования не легированных бронз, а окисленной меди — кроется в наличии богатейших залежей малахита Гумешевского рудника, находящегося в центре иткульского металлургического очага. Иткульские мастера обратились к забытым архаичным способам и технологиям обработки окисленной меди, однако часть навыков и приемов им не удалось восстановить, следствием чего были частые случаи литейного брака. Металл уральского (иткульского) происхождения — как сама продукция (наконечники стрел, ножи, котлы и др.), так и сырье — являлся базовым для металлообработки лесостепных и степных культур Западной Сибири (от Урала до Ишима) и Приуралья. Часть иткульской меди, несомненно, поступала и в Прикамье, в производственные центры ананьинского мира.

Эпоха раннего железа, Средний Урал, иткульская культура, металлургический очаг, металлопроизводство.

От авторов. Это исследование является частью проекта РФФИ № 14-06-00287а «Металлургия горно-лесного Урала в раннем железном веке». Его инициатором и главным исполнителем была Галина Викторовна Бельтикова, безвременно ушедшая из жизни 10 февраля 2015 г. [Алексашенко и др., 2015]. Она надеялась завершить главное дело своей научной жизни — опубликовать в сотворчестве с коллегами результаты многолетних исследований металлургического производства иткульской культуры. Теперь эта задача возложена на нас. Светлой памяти Г.В. Бельтиковой мы посвящаем этот труд.

Иткульская археологическая культура раннего железного века (VIII/VII–III вв. до н.э.) локализована в горно-лесном и лесостепном Зауралье (бассейны рек Тавда, Исеть, Миасс, Тобол) и в горно-лесном Приуралье (бассейны рек Уфа, Ай, Чусовая). Она выделена в 1950–1960-е гг. Е.М. Берс [1954] как «исетская» по материалам Среднего Зауралья и К.В. Сальниковым [1961] как «иткульская» — по материалам исследованного им Иткульского 1 (Даутовского 1) городища в Верхнеуфалейском районе Челябинской области. Позднее В.Е. Стоянов [1970] объединил их в одну культуру, сохранив за ней название по эпонимному памятнику. В современной историографии (Г.В. Бельтикова, В.А. Борзунов, Л.Н. Корякова, Н.П. Матвеева, А.Д. Таиров, О.Ю. Зими́на и др.) утвердилось именно стояновское понимание иткульской культуры. Но наряду с западным (уральским) в ней выделяется восточный (притобольский) вариант [Зими́на, Зах, 2009], в котором наряду со скотоводством заметную роль играли охота и рыболовство, а металлообработка, в отличие от уральской метрополии, была явно на вторых ролях.

В палеоэкономике уральского варианта иткульской культуры еще со времен работ Е.М. Берс и К.В. Сальникова важнейшее место отводилось горно-металлургическому производству. Благодаря углубленным полевым изысканиям и исследованиям в последней трети XX и в

начале XXI в. (см.: [Алексащенко и др., 2015, с. 350–353] Г.В. Бельтиковой [1993, 1997, 1998] был выделен зауральский (иткульский) очаг металлургии. Источниковой базой ее трудов стали не только материалы П.А. Дмитриева, Е.М. Берс, К.В. Сальникова, но и тщательно раскопанные ею объекты с остатками металлургического производства (Думная Гора, Баженова Гора, Иткульское 1, Большегорское, Серный Ключ, Малый Вишневый, Палатки 1–2 и др.). Наиболее продуктивный период раскопок этих памятников пришелся на 1980-е гг.

В те же годы в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР (РАН) проводилось спектроаналитическое изучение основного массива металла иткульской культуры (изделия, заготовки, лом и отходы производства, медные литейные формы). При этом большая часть образцов металла была отобрана одним из авторов в ходе целенаправленных работ в музеях и археологических вузовских лабораториях Свердловска, Челябинска, Москвы, Полевского, Златоуста и других небольших уральских городов. В базу данных (БД) вошли, кроме того, данные о химическом составе металла некоторых ранее исследованных случайных находок [Черных, 1970, табл. XIII], которые с уверенностью можно было отнести к числу иткульских.

В настоящее время в БД учтено 715 анализов иткульской меди и бронз. Изучение химического состава металла проводилось методом полуколичественного ОЭСА на анализаторах ИСП-28 и СТЭ-1 (методика анализа опубликована: [Черных, 1966, с. 27–34]). Сейчас база данных пополнилась за счет новых поступлений и сборов, изученных методом рентгенофлуоресцентного анализа.

Как и в большинстве культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, металл иткульской культуры неоднороден по химическому составу. Но ключевое его отличие заключается в том, что ведущей металлургической группой (630 анализов, или более 88 % всей выборки) для уральских литейщиков была *металлургически «чистая» медь* (Cu) (рис. 1, 2). Концентрации фактически всех ведущих и геохимически значимых элементов (олова, свинца, висмута, серебра, сурьмы, мышьяка, никеля, кобальта и золота) представлены в этом сплаве в тысячных и десятитысячных долях процента; методом РФА их зафиксировать уже бы не удалось. Редко содержание этих элементов достигает десятых и сотых долей процента. При этом многие изделия демонстрируют поразительную чистоту меди, в которой не фиксируются некоторые из перечисленных примесей. Если судить по химическому составу металла, то создается впечатление, что мы имеем дело с металлообработкой аборигенных уральских энеолитических культур (типа аятской, липчинской, суртандинской и др.) или раннебронзовых степных (типа ямной), в которых доминировала «чистая» медь. Но это первое и обманчивое впечатление. Продукция иткульского металлургического очага: кельты, наконечники копий и стрел, ножи и кинжалы, секиры и чеканы, тесла и долота, иглы и шилья, котлы, культовое литье и др. — категории предметов своего времени, раннего железного века. Кроме того, около 12 % всех проанализированных изделий все же изготовлены из искусственных или естественных сплавов.

Наиболее представительной группой среди искусственных сплавов являются *оловянные бронзы* (Cu+Sn) — 46 анализов (6,5 % всей выборки). Иткульские литейщики работали в основном с низколегированной бронзой с концентрациями олова в сплаве в пределах 1–9 %. Условно в эту группу включено несколько образцов сырья с повышенным содержанием свинца (до 2,5 %). Какой-либо избирательности в использовании оловянных бронз не фиксируется — это орудия и оружие (кельты, секиры, ножи, долота, стамески, иглы, шилья), украшения, туалетные принадлежности и др.

Оловянно-мышьяковые бронзы (Cu+Sn+As) представлены в выборке вдвое меньшим числом находок (23, или 3,2 %). Это зеркала-бляхи, кельты, котлы, наконечники стрел, сердечники для их отливки и сырье. Нижний порог концентрации мышьяка в сплаве равен 0,4–0,5 %. У ряда предметов отмечено повышенное содержание сурьмы (в десятых долях процента). *Мышьяковая медь или бронза* (иногда также с повышенной концентрацией сурьмы) зафиксирована в единичных случаях (10 экз., или 0,8 %). Это прежде всего наконечники стрел и сырье. Прочие сплавы, например *свинцово-мышьяковые бронзы* (Cu+Pb+As) — два фрагмента от котлов, являются в выборке фоновыми.

Цветная металлообработка иткульской культуры...

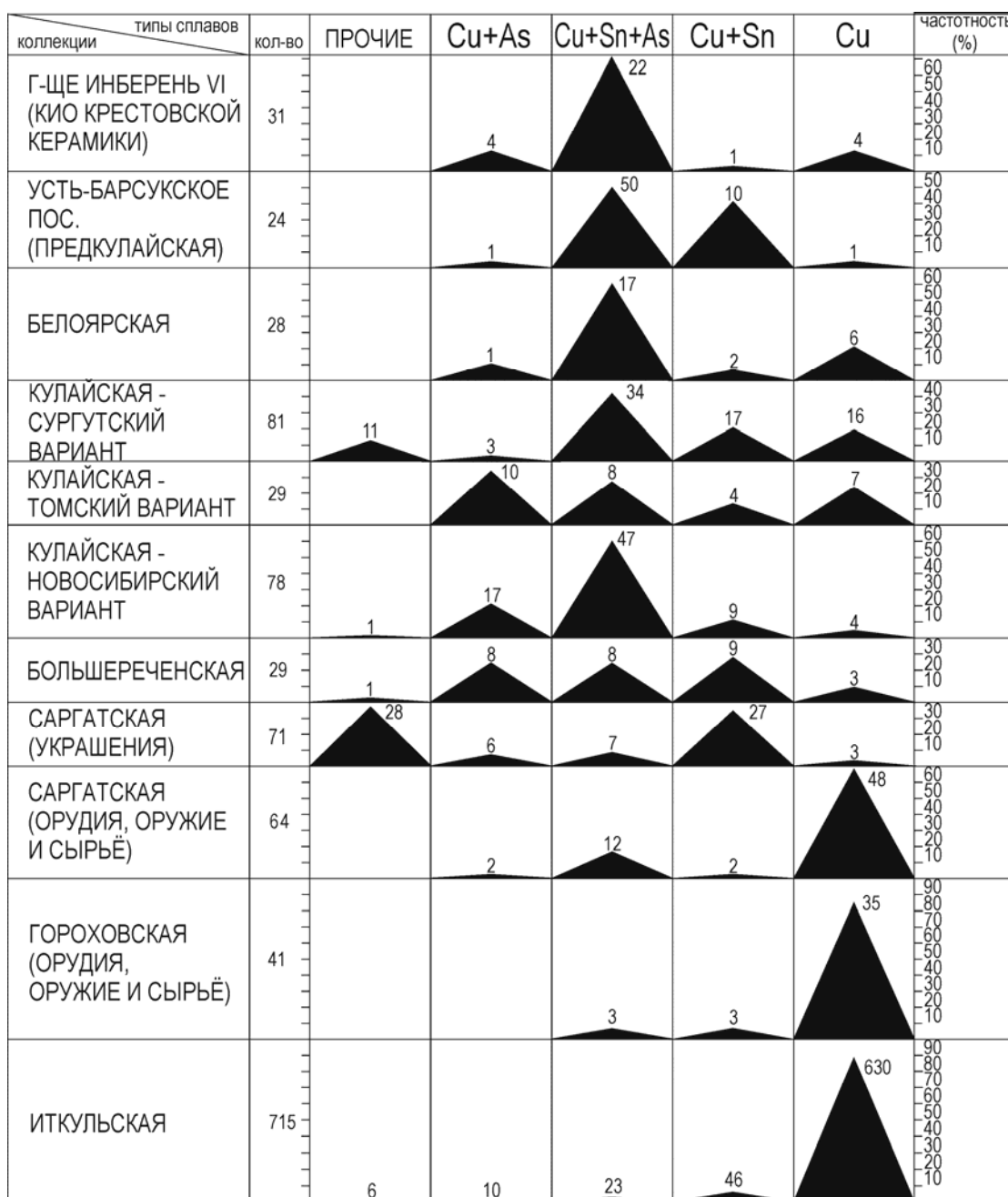

Рис. 1. Гистограммы распределения металлургических групп по культурам и памятникам раннего железного века Урала и Западной Сибири.

При обращении к наиболее представительным иткульским аналитическим сериям (рис. 2) выясняется, что изделия городищ Красный Камень, Большегорское и клада на горе Азов (проанализирована только часть входящих в него предметов) изготовлены исключительно из металлургически «чистой» меди. На Думной горе, Дальнем Багарякском городище, поселении Палатки 1–2 при доминировании «чистой» меди выявлены единичные образцы оловянных бронз. На поселениях Толстик и Малый Вишневый, городищах Иткульском 1 и Иртяшском к этому добавляются такие же единичные образцы оловянно-мышьяковых и иных бронз.

С.В. Кузьминых, А.Д. Дегтярева

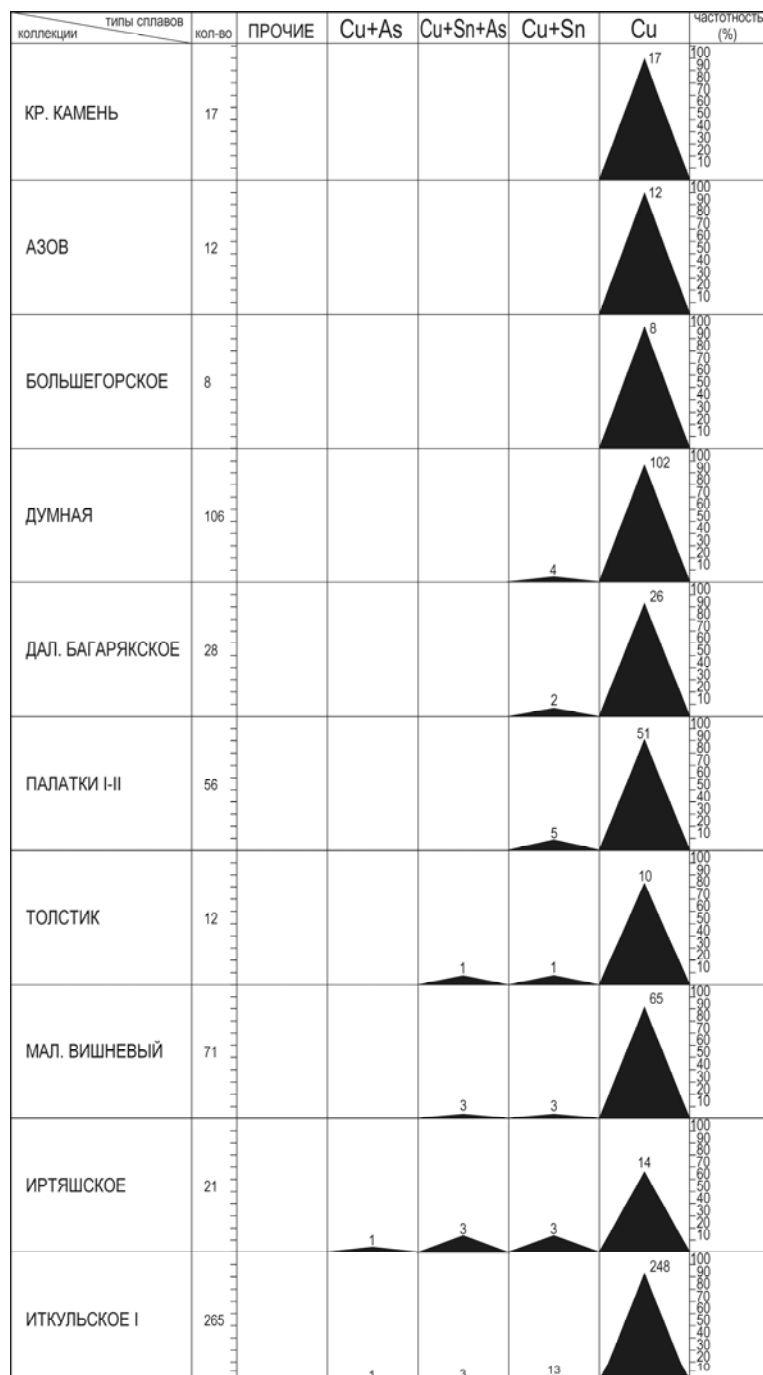

Рис. 2. Гистограммы распределения металлургических групп по памятникам иткульской культуры.

В химико-металлургическом плане иткульская аналитическая выборка по сути является однородной — свидетельством тому явное доминирование в ней металлургически «чистой» меди. При сравнении распределения сплавов в металле сопредельных культур раннего железного века по обе стороны Урала (рис. 1) наибольшее сходство с иткульским обнаруживается у металла савроматской и прохоровской археологических культур [Барцева, 1987а; 1987б, с. 73; 1993], кара-абызской [Кузьминых, 1983, с. 51], гороховской и саргатской культур [Кузьминых, 2009, рис. 5], а также таежных культур ананьинского мира — шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики [Кузьминых, 1983, табл. 1, 2]. В этих культурах на производство орудий и оружия также в основном шла металлургически «чистая» медь. Но в отличие от иткульской в упомянутых

сопредельных культурах при изготовлении украшений, культовых и иных категорий предметов предпочтение отдавалось оловянным и оловянно-мышьяковым бронзам, а также латуни. При этом надо иметь в виду, что значительная часть украшений, культовых предметов и туалетных принадлежностей в савроматской, прохоровской, кара-абызской, гороховской и саргатской культурах представляли собой импортные изделия из южноказахстанских и среднеазиатских мастерских того времени, а также попали к «северным» народам благодаря международной торговле (Китай, Индия, Иран, Ближний Восток, античные и эллинистические центры). В целом же, и об этом уже приходилось писать [Кузьминых, 1993; 2009, с. 209, 210], металл уральского (иткульского) происхождения — как сама продукция (наконечники стрел, ножи, котлы и др.), так и сырье — являлись базовыми для металлообработки лесостепных и степных культур Западной Сибири (от Урала до Ишима) и Приуралья. Часть иткульской меди, несомненно, поступала и в Прикамье, в производственные центры ананьинского мира [Кузьминых, 1993, рис. 38].

Восточнее Ишима, в Обь-Иртышском междуречье, от позднебронзовой эпохи унаследована ориентация на иные рудные источники. На Западно-Сибирскую равнину медь, оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы поступали из Рудного Алтая и Казахстана. Эти сплавы доминируют как в начале раннего железного века в позднеирменских, краснозерских и предкулайских памятниках (Чича I, Инберень VI, Усть-Барсуковское и др.), так и в последующие периоды той эпохи, причем как в таежных (гамаюнская, белоярская, калинкинская, кулайская), так и в лесостепных (богочановская, большереченская на ближнеелбанском этапе) культурах. На востоке региона, в памятниках томского варианта кулайской общности, в отличие от сургутского и новосибирского вариантов, основу коллекций составляют изделия из саянской мышьяковой и «чистой» меди [Кузьминых, 2009, с. 209, рис. 5; 2015, с. 127, 128] (рис. 1).

Образцы иткульской низкомышьяковой или сурьяно-мышьяковой меди следует отождествлять, вероятнее всего, с группой естественных комплексных сплавов меди с мышьяком и сурьмой. Нет данных о том, что рудные источники этой меди разрабатывались на Урале в эпоху раннего железа. Столь же сложен вопрос о месторождениях или россыпях здесь касситерита. Если бы иткульские горняки имели к ним доступ, вероятнее всего, картина соотношения сплавов во всех без исключения производственных центрах этой культуры была бы иной. Недостаток лигатур иткульские литейщики восполнили практическим знанием технологии литья и обработки «чистой» меди. Можно предположить, что рудные источники низкомышьяковой или сурьяно-мышьяковой меди, а также олова, которым легировано менее 10 % изделий из цветного металла иткульской культуры, как и в эпоху бронзы, разрабатывались в Казахстанской и Саяно-Алтайской горно-металлургических областях. Вряд ли этот металл попадал на Урал в ходе отлаженных обменных торговых операций; скорее всего — случайно, при переплавке изделий бронзового века.

С целью изучения технологии изготовления инвентаря с помощью металлографического анализа исследовано 43 пробы из материалов городищ Иткульское 1 (24 экз.), Дальнее Багарякское (7 экз.), Думная Гора (7 экз.), поселения Малый Вишневы (5 экз.). В числе аналитически исследованных предметов — слитки (12 экз.), литник (1 экз.), сердечник для литейной формы (1 экз.), кельт, втульчатое долото, ножи (7 экз.), шило, наконечники стрел (18 экз.), пряслице. Микроструктурный анализ проведен на микроскопе исследовательского класса Axio Observer D1m (Zeiss) с фотофиксацией цветных структур с высокой разрешающей плотностью и при большом увеличении посредством цифровой камеры Axio Cam на компьютере. Использование программного обеспечения Axio Vision Multiphase позволило анализировать частицы для двух-четырёхфазных материалов с определением процентного содержания их в металле и таким образом уточнять количественные характеристики химического состава меди и бронз. С помощью программы Axio Vision Grains уточнены размеры кристаллов в соответствии с международными стандартами ISO 643, что необходимо для оценки параметров температурных режимов обработки металла. Микротвердость металла измерена на микротвердомере «ПМТ-3М».

Микроскопическим исследованием выявлены своеобразные и уникальные для эпохи раннего железа технологии получения инвентаря. На основе статистической обработки данных металлографического и спектрального анализов установлено использование металлургами иткульской культуры чистой окисленной меди, маркированной микроструктурным методом включениями эвтектики Cu–Cu₂O, которая фиксируется характерными включениями эвтектики Cu–Cu₂O, залегающими в виде оторочки по границам зерен или сетчатых участков (93 % металлографически исследованных образцов). Изделия получали только литейными технологиями, в

редких случаях отмечена кузнечная доработка. Эта модель производства характерна для ранних металлопроизводящих экономик (ямной Приуралья, липчинской, петровской Зауралья, гаринской и волосовской Волго-Камья), позднее в эпохи бронзы и раннего железа она нигде не применялась [Дегтярева, 2010, с. 44–59; Виноградов и др., 1013; Кузьминых и др., 2013].

Примерно половина изученных слитков получена в углублениях-ямках в горнах (рис. 3, 1–4). Эти изделия имеют неровную бугристую поверхность с затеками и с большими усадочными раковинами, низкую плотность металла; при микроскопическом исследовании обнаружены крупные полиэдры диаметром до 0,3 мм. Вес слитков в пределах 20–96 г. Оставшаяся половина изделий, имеющая чистую, ровную поверхность, с более высокой плотностью металла, с мелкозернистой структурой, отлиты в тиглях (рис. 3, 5–12). Вес их в пределах 5–60 г. Во всех исследованных образцах содержатся включения эвтектики $\text{Cu-Cu}_2\text{O}$ в минимальном количестве, не более 0,08–0,1 % (рис. 4, 1–3). Лишь в трех случаях металл не раскиснен, содержание кислорода находится в пределах 0,25–0,3 %. Литник и сердечник для отливки наконечников стрел получены также из окисленной меди с содержанием кислорода 0,02–0,05 % (рис. 3, 13, 14).

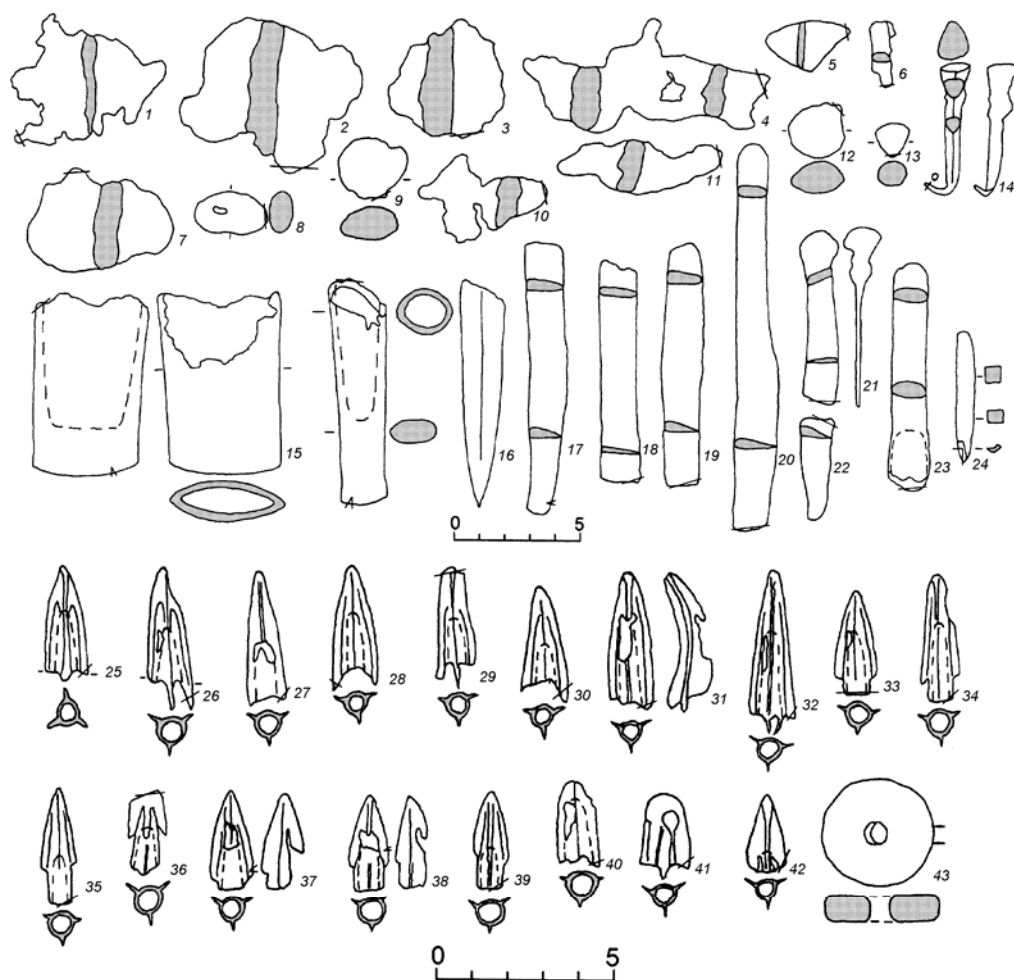

Рис. 3. Металлические изделия иткульской культуры, подвергнутые металлографическому анализу (секущими линиями показаны срезы на шлифы):

1–12 — слитки (ан. 1460, 1482, 1483, 1489, 1462, 1467, 1491, 1484, 1470, 1492, 1490, 1469); 13 — литник (ан. 1471); 14 — сердечник для литья наконечников стрел (ан. 1461); 15 — кельт (ан. 1479); 16 — втульчатое долото (ан. 1481); 17–22 — ножи (ан. 1488, 1487, 1493, 1480, 1486, 1494); 23 — рукоять от биметаллического ножа (ан. 1485); 24 — шило (ан. 1463); 25–42 — наконечники стрел (ан. 1464–1466, 146–1478, 1499, 1500, 1472, 1473, 1475, 1495–1498, 1474, 1501, 1502); 43 — пряслице (ан. 1468) (1, 5, 14, 24–27 — Дальнее Багаряжское; 2–4, 7, 8, 10, 11, 15–23, 36–39 — Иткульское 1; 6, 9, 12, 13, 33, 34, 43 — Думная Гора; 28–32, 35, 40–42 — Малый Вишневый).

Цветная металлообработка иткульской культуры...

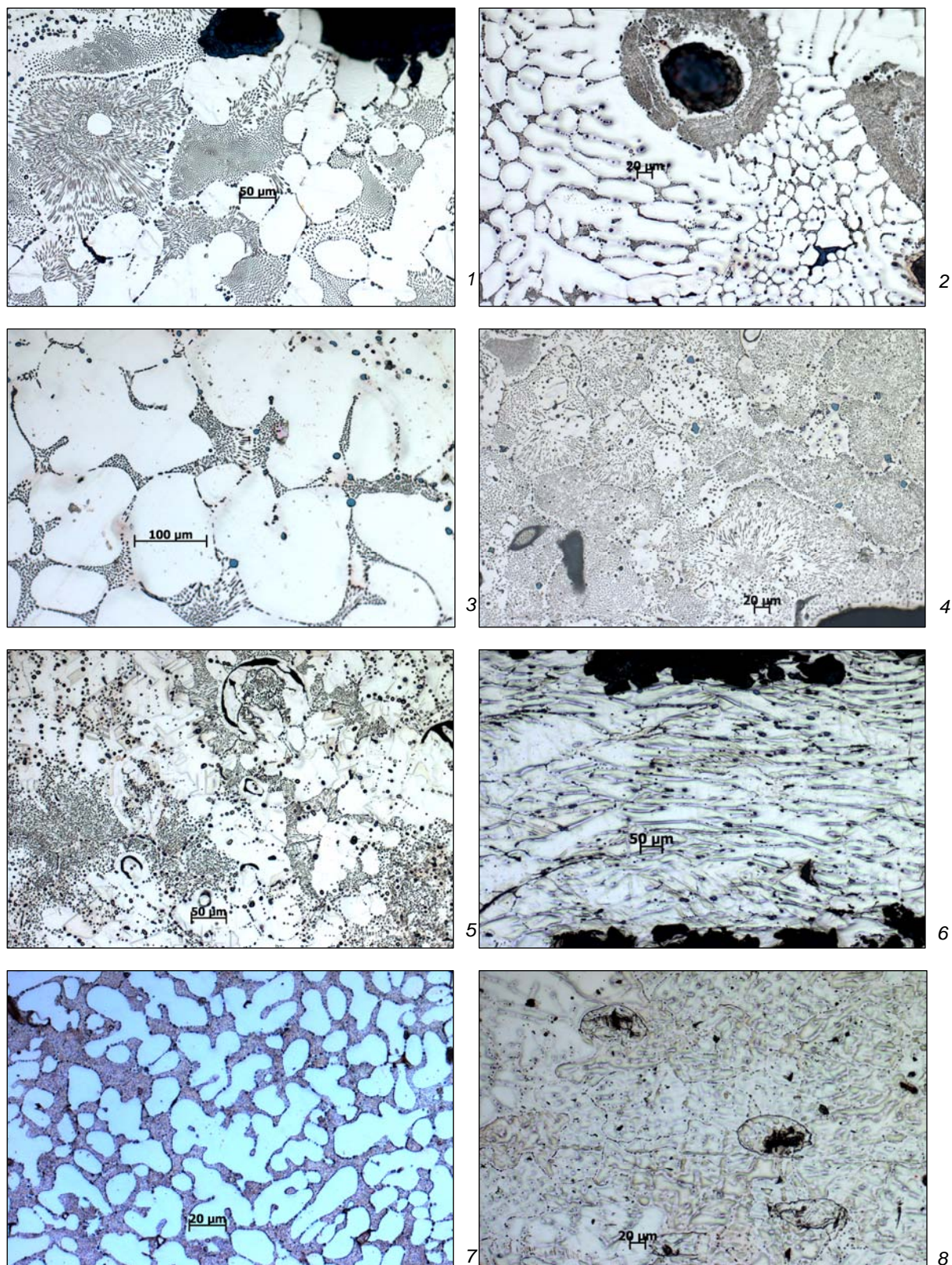

Рис. 4. Фотографии микроструктур (1–5, 8 — увел. 200; 6 — увел. 100; 7 — увел. 500):
 1–3 — слитки (ан. 1470, 1469, 1491; поперечные срезы); 4–6 — кельт, долото, нож (ан. 1479, 1481, 1480;
 поперечные срезы лезвий); 7, 8 — наконечники стрел (ан. 1502, 1497; срезы лезвий).

Орудия труда отлиты в двусторонних литейных формах со вставными вкладышами (кельт, долото) или же в односторонних формах с плоскими крышками (ножи, шило). За исключением одного ножа, отлитого из сульфидной меди (ан. 1480; рис. 4, б), остальные изделия получены из окисленной меди (рис. 4, а, в). Вес кельта составлял 97 г, долота — 76 г, ножей 21–37 г, шила — 10 г. В основном мастера тщательно контролировали процесс раскисления меди, используя добавки железа и предохраняющие графитовые засыпки. Однако при литье кельта, долота, одного ножа этот процесс не был удачно завершён, изделия оказались чрезмерно насыщены кислородом, до 0,25–0,39 %, в связи с чем металл стал хрупким и достаточно вязким с понижением жидкотекучести (рис. 4, в). В этих условиях кельт и долото отлиты с существенными литейными изъянами — в обоих случаях недолита верхняя часть втулки. В структуре кельта обнаружены извилистые горячие литейные трещины, на поверхности — большие усадочные раковины и каверны. Нож, имевший эвтектическое строение микроструктуры, при доработке был сломан. Из 10 проанализированных орудий лишь половина были подвергнуты косметической кузнечной доработке с целью заострения лезвийной части (долото, три ножа и шило) при незначительной степени обжатия (20–40 %) и во всех случаях при низких температурах в режиме неполной горячейковки 250–400 °С.

Унификация изготовления характерна и для серии втульчатых наконечников стрел со скрытой и выступающей втулкой — литье в трехсторонние литейные формы со вставным вкладышем из чистой окисленной меди без последующей доработки (рис. 4, г). Стрелы незначительны по размерам: длиной 2–4 см, весом 2–6 г. Лишь одно изделие отлито из сульфидной меди (рис. 4, д). Литье осуществлялось в холодные непрогретые формы, в том числе каменные и медные, следствием чего явилась измельченность литых полиэдров, в ряде случаев наличие зон столбчатых кристаллов, характерных для очень быстрой кристаллизации. Жидкий расплав предохраняли от избыточного окисления — содержание кислорода не превышало 0,05–0,08 %, лишь в трех экземплярах оно было избыточным. Однако очень часто получали отливки с литейными изъянами — недолив верхней части втулки, жальцев, получение сквозных отверстий в центральной части стрел с нарушением центровки вставных вкладышей. Ранняя выбивка отливок из литейных форм приводила и к искажению конфигураций изделий относительно вертикальной оси (рис. 3, 31).

Пряслице отлито в односторонней литейной форме с плоской крышкой со вставным шпеньком для получения отверстия, из окисленной меди, доработке не подвергалась (диаметр изделия 27 мм, вес 22 г) (ан. 1468; рис. 3, 43).

Причина наблюдаемой парадоксальной ситуации — использования не легированных бронз, а окисленной меди — кроется в наличии богатейших залежей малахита Гумешевского рудника, находящегося в эпицентре гнезда иткульских производственных поселков, в 60 км юго-западнее Екатеринбурга и в 1 км к северу от г. Полевского у истоков р. Чусовой [Тихонов, 1960, с. 14; Черных, 1970, с. 39–45, 171, рис. 33, табл. XIV]. Геологическое строение месторождения определяется развитием зоны окисления первичных руд вдоль контакта мрамора с диоритом. Малахитовые корки обильно покрывали карстовые впадины и трещины вблизи мраморной поверхности [Вертушков, 1975]. Местами впадины имели вид малахитовых погребов. Гумешевский рудник приобрел всемирную известность как основной поставщик изумительного по красоте и рисунку зеленого поделочного малахита; им были отделаны залы Зимнего и Версальского дворцов. В 1770 г. на руднике была добыта малахитовая глыба массой более 2,7 т. Спектральный анализ кусков малахита и слитков самородной меди, собранных Е.Н. Черных на руднике и плавильнях на Думной Горе, показал присутствие железа в довольно высоких концентрациях 1–10 %, а в двух самородках меди отмечено железо в концентрации 0,7 и 5 % [Черных, 1970, с. 39–45, 171, рис. 33, табл. XIV]. Микроскопическое исследование обнаружило в большинстве случаев наличие включений оксидов железа ярко-синего цвета в виде вюстита или магнетита, иногда многочисленных и крупных по размерам, что является достаточно неожиданным фактом на фоне использования окисленной меди, которая почти никогда не содержит в микроструктурах посторонних включений помимо эвтектики $\text{Cu-Cu}_2\text{O}$ (рис. 4, 1–5). Результаты спектрального анализа иткульских образцов также показали достаточно высокие до 1,6 % примеси железа в меди. Механизм появления оксидов железа в иткульской меди нам не совсем понятен — либо при плавке руды не происходила полная ошлаковка посторонних примесей, либо железо намеренно вводили в расплав в качестве раскислителя для удаления растворенного кислорода. Закись меди восстанавливается железом в случае добавления его к

Цветная металлообработка иткульской культуры...

расплавленной меди, содержащей при обычных условиях кислород [Дьюс, 1932, с. 61–62; Курдюмов и др., 1970, с. 107]. При этом повышается и твердость меди. Так, микротвердость литой меди в исследованных образцах достигает 95 кг/мм², в то время как обычно твердость чистой меди не превышает 68 кг/мм². На Гумешевских месторождениях находятся и залежи медистых магнетитов, обогащенных пиритом и халькопиритом, которые, видимо, использовались иткульскими металлургами в качестве раскислителей. Незначительное содержание кислорода в меди проанализированных иткульских образцов подтверждает гипотезу преднамеренного введения железа или магнетита для улучшения свойств металла с уменьшением содержания кислорода в меди не более 0,05–0,1 %. Подтверждает эту точку зрения и наличие широко распространенного в исследованных иткульских шлаках магнетита с содержанием от 1 до 20 % [Анкушев, Бельтикова, 2015, с. 108].

Используя столь архаичную и достаточно трудоемкую технологию, сопряженную с достижением более высоких температур при плавке по сравнению с легированными бронзами, иткульские металлурги модернизировали ее с целью раскисления меди добавлением железа в медный расплав. Сосредоточение громадной сырьевой базы окисленных медных минералов на Гумешевском и других медных рудниках, находящихся в ареале иткульской культуры, и применение железа в качестве раскислителя меди, по всей видимости, исключили острую необходимость обменных операций по доставке олова и искусственных бронз, хотя последние, как выявлено в ходе спектроаналитических исследований, им также были известны. Иткульские мастера обратились к забытым архаичным способам и технологиям обработки окисленной меди, однако часть навыков и приемов, известных литейщикам эпохи ранней бронзы, им не удалось восстановить, следствием чего были частые случаи литейного брака.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные материалы

Барцева Т.Б. Цветной металл кочевников Южного Приуралья савромато-сарматской поры: Рукоп. М.: ИА АН СССР, 1987а. 95 с. // Архив лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН.

Литература

Алексащенко Н.А., Борзунов В.А., Корякова Л.Н., Кузьминых С.В. Светлой памяти Галины Викторовны Бельтиковой (27.10.1945, г. Первоуральск Свердловской обл. — 10.02.2015, г. Екатеринбург) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2015. Вып. 13. С. 334–353.

Анкушев М.Н., Бельтикова Г.В. Древние металлургические шлаки поселения Иткульское 1 (Средний Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия 2015. Миасс: Ин-т минералогии УрО РАН, 2015. С. 108–110.

Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1987б. С. 65–83.

Барцева Т.Б. Сарматский металл с территории Нижнего Дона (по материалам Донской экспедиции 1975–1978 гг.) // Вестн. Шелкового пути: Археологические источники. М., 1993. Вып. 1. С. 90–123.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 93–106.

Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 1997. 23 с.

Бельтикова Г.В. Зауральский (иткульский) очаг медной металлургии // Урал. ист. энцикл. Екатеринбург: УрО РАН: Изд-во «Екатеринбург», 1998. С. 207–208.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск: Свердлов. кн. изд-во, 1954. 81 с.

Вертушков Г.Н. Гумешевское месторождение малахита на Урале // Минералогия и петрография Урала. Свердловск: Свердл. горн. ин-т, 1975. С. 3–26.

Виноградов Н.Б., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлургия и металлообработка в жизни обитателей укрепленного поселения Устье 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 3 (22). С. 4–30. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va_private/a22/4-30.pdf.

Грабежеев А.И. Скарны Гумешевского скарново-медно-порфирирового месторождения (Средний Урал) // Петрология. 2004. № 2. С. 176–190.

Дегтярева А.Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.

С.В. Кузьминых, А.Д. Дегтярева

- Дьюс Г.К. *Металлургия бронзы*. М.; Л.: Цветметиздат, 1932. 98 с.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А. *Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков*. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кузьминых С.В. *Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза)*. М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В. *Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала*. Екатеринбург: ИИА УрО РАН: УрГУ, 1993. С. 119–122.
- Кузьминых С.В. *О металле городища Чича-1 // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи*. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 202–212.
- Кузьминых С.В. *Металлообработка Урала и Западной Сибири в эпоху раннего железа (лесостепь и тайга): Основные этапы развития // Интеграция археологических и этнографических исследований*. Барнаул: Наука, 2015. С. 127–128.
- Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П. *Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 4 (23). С. 13–22. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a23/13-21.pdf.
- Курдюмов А.В., Михайлов А.М., Бауман Б.В., Козлов Л.Я. *Лабораторные работы по технологии литейного производства*. М.: Машиностроение, 1970. 200 с.
- Сальников К.В. *Иткульская культура: (К вопросу о «зауральском ананьине») // Краеведческие записки*. Челябинск: Челябин. кн. изд-во, 1961. Вып. 1. С. 21–46.
- Стоянов В.Е. *Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири*. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 238–253.
- Тихонов Б.Г. *Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА*. 1960. № 90. С. 5–115.
- Черных Е.Н. *История древнейшей металлургии Восточной Европы*. МИА. № 132. 1966. 144 с.
- Черных Е.Н. *Древнейшая металлургия Урала и Поволжья*. МИА. № 172. 1970. 180 с.
- Яговкин И.С. *Цветные металлы азиатской части СССР*. М.: Сов. Азия, 1931. 66 с.

Москва, ИА РАН
kuzminykhsv@yandex.ru
Тюмень, ИПОС СО РАН
anna126@inbox.ru

The conducted research by methods of spectral, metalgraphic analyses revealed use of technologies of receiving of non-ferrous metal stock, peculiar and unique for an Early Iron age. On the basis of statistical processing of analytical data use by metallurgists of Itkul culture of the pure oxidized copper marked by a the microstructural method inclusions of an eutectic of Cu–Cu₂O and also in much smaller measure artificial bronze is established. Products were received only foundry technologies, forge completion is in rare instances noted. This model of production is characteristic for early metalmaking economies (Yamnaya Ural area, Lipchinka, Petrovka Zauralye, Garino, Volosovo cultures of Volgo-Kamye), is later during an era of Bronze and Early Iron it wasn't used anywhere. Using so archaic and rather labor-consuming technology interfaced to achievement when melting more high temperatures in comparison with the alloyed bronza, Itkul metallurgists for the purpose of a deoxidation of copper modernized technology addition of iron in copper fusion. The reason of an observed paradoxical situation — use of copper not alloyed bronza, and oxidized — is covered available the richest deposits of malachite of the Gumeshevsky mine which is near itkul settlements. Itkul masters addressed to the forgotten archaic ways and technologies of processing of the oxidized copper, however the part of skills and receptions to them didn't manage to be restored, frequent cases of foundry marriage were a consequence of that. Metal of the Ural Itkul) origin — as production (tips of arrows, knives, coppers, etc.) so raw materials — was basic for metal working of forest-steppe and steppe cultures of Western Siberia (from the Urals to Ishim) and Ural area. The part of Itkul copper, undoubtedly, came and to Prikamye, to the production centers of the ananyinsky world.

Early Iron age, Central Ural Mountains, Itkul culture, metallurgical center, metalloproduction.

УРЛЮКОВО ГОРОДИЩЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ¹

Е.В. Барсуков, А.И. Боброва

Статья посвящена анализу письменных источников и археологических данных, имеющих отношение к Верхнему Прикетью. В центре внимания — Урлюково городище, укрепленное поселение князя Урлюка, возглавлявшего одну из инородческих волостей на р. Кети в начале XVII в. Сведения о существовании городища неоднократно фиксировались исследователями от местного населения, однако археологами эти данные не проверялись. Приводятся выдержки письменных источников, характеризующие местонахождение городища Урлюка, а также данные, полученные в результате археологических разведок, нацеленных на поиск этого укрепленного пункта.

Верхнее Прикетье, позднее средневековье, ранний железный век, археологическая разведка, селькупы, князь Урлюк.

В конце XVI — начале XVII в. на территории Среднего Приобья существовала сеть укрепленных поселений инородческого населения, называемых в письменных источниках «городками» или «городищами». Несмотря на то что наличие фортификационных сооружений является отличительной чертой этих объектов, предполагать их конструктивные особенности, из-за фрагментарности информации в документах, достаточно сложно. По данным археологии представляется совершенно очевидным применение в этом качестве рва и вала. Традиционный характер их использования и широкая распространенность не вызывают сомнений в подобном выводе.

Хорошо известно, что «городки» были не только пунктами обороны, но и своеобразными «административными» центрами. Здесь располагалась ставка князя, по имени которого часто назывался сам городок. В пределах Среднего Приобья такие городки были известны практически у всех групп населения. Они отмечены у еуштинцев, зафиксированы у населения ясачных волостей на Оби, как тюркских, так и самодийских, а также в волостях по Чулыму и Кети [Бояршинова, 1950, с. 34; Барсуков, 2011, с. 444].

Одно из таких городищ находилось на границе Кетского и Енисейского уездов. Оно располагалось в северных пределах Пумпокольской волости (возможно, южной части Лелькиной инородческой волости) и носило имя легендарного князя Урнука (Урлюка, Орлика). По-видимому, в XVII в. этот опорный пункт имел особое значение. Он упоминается как в официальных документах, так и в сведениях, оставленных путешественниками и исследователями XVII–XVIII вв.

Не совсем ясна причина такой «популярности» укрепленного пункта. Возможно, это было обусловлено особым статусом князьца Урнука (Урлюка) и тем значением, которое имела эта плотно населенная волость Прикетья для русской администрации. Укрепленный пункт упоминается не только в официальных документах XVII в. Память о нем отложилась и в народном сознании. В п. Урлюково А.П. Дульзоном в середине XX в. были записаны предания о князе Урлюке и местонахождении его укрепленного пункта. Однако же ни в середине XX в., ни позднее проверкой этих сведений археологи не занимались [Дульзон, 1956, 1952].

В 2012–2013 гг. археологами Томского областного краеведческого музея и Томского государственного университета проводились археологические изыскания, целью которых был поиск Урлюковского городища, известного по источникам XVII–XVIII вв. Для Верхнего Прикетья, практически не изученного в археологическом отношении, это были первые широкомасштабные разведочные археологические работы.

Самые ранние известные нам сведения об Урлюковом городище принадлежат перу Н.Г. Милеску Спафария, русского посланника в Китай. Интересующий нас отрезок р. Кети он преодолел в июне. В своем дневнике он следующим образом описывает маршрут по этому отрезку Кети: «...на правой стороне Урлюково городище, а в том городище живал остяцкий князец Урлюк. И то городище ныне пусто и все сгнило и лесом поросло, от Старой Кети 12 верст. А стоит то Ур-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 13-01-18055 «е»: «Главного остяцкого князя Урлюка городище».

люково городище на красном месте, на яру. А от Урлюкова городища пойдут остьяки Маковские. На левой стороне яр Мышей, а на нем лес сосняк, березник и иной многой, от Урлюкова городища 5 верст. На левой стороне Кети проточка, от Мышева яру 3 версты. На той же стороне протока, от проточки 2 версты. На левой стороне протока, от протоки 9 верст. А против той протоки на правой стороне протока ж» [Милеску Спафарий, 1997, с. 249]. Достаточно сложно соотносить это описание с современной ситуацией, за исключением того, что городище располагалось на левом берегу. Ближайшими более или менее надежно идентифицируемыми географическими ориентирами для локализации городища являются ниже по течению р. Озерная, которая, по данным Спафария, располагалась приблизительно в 42 верстах от него, а выше по течению — р. Оленья. По Спафарию, устье последней находится в 46 верстах от городища [Милеску Спафарий, 1997, с. 249].

Пожалуй, наиболее интересные сведения об Урлюковом городище и прилегающих к нему землях содержатся в записях Г.Ф. Миллера. Сам он замечает, что во время путешествия по Сибири ему не довелось побывать на Кети. Однако, так как именно вдоль нее осуществляется водное сообщение между Тобольском и Енисейском, он счел необходимым описать столь значительную реку и часто посещаемый путь. Исследователь постарался собрать исчерпывающие сведения об этой реке во время своего пребывания в Нарыме у местных русских и остяков [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 187; Элерт, 1999]. Об интересующем нас объекте он сообщает следующее: «Урнюково, или, по современному произношению, Орликово, городище, место на южном берегу в 15 верстах от Chasse-ki, где в старые времена стоял построенный тамошними остяками маленький острог, который служил им защитой от тунгусов и татар и где, прежде всего, имел свое жилище остяцкий князец по имени Урнюк. Это место находится на возвышенном обрывистом берегу, называемом по-остяцки Рунгри-matsch, что по-русски означает Барабанной яр, так как слово Рунгр на языке нарымских и кетских остяков означает “шаманский бубен”. Kelt-schu-ki в 5 верстах от Урнюкова городища» [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 190–191].

В отличие от Г.Ф. Миллера, его предшественнику Д.Г. Мессершмидту довелось побывать на Кети. Он оставил довольно скромное описание интересующего нас участка; упоминается и про городище, которое локализуется исследователем на правом берегу Кети [Messerschmidt, 1962, S. 128]. Об Урлюковом городище сообщает еще один участник академических экспедиций, С. Крашенинников. В его реестре дан километраж между населенными пунктами, расположенными по Кети. Интересно, что Урлюково городище приводится и под другим названием — «Чертово» [Крашенинников, 1966, с. 123].

Совершенно очевидно, что как укрепленный пункт, а именно это подразумевает термин «городище», объект перестал существовать еще в XVII в., на что указывает Спафарий. Тем не менее городище упоминается не только в конце XVII в., но и в середине XVIII в. [Ремезов, 1701; The Atlas..., 1958]. Возможно, причина кроется в том, что оно располагалось практически на границе с Красноярским уездом. Название этого объекта было удобно использовать как ориентир, которым обозначалась граница уездов, для описания маршрута по р. Кети.

Схожим образом в источниках часто упоминается старый Кетский острог, который перестал существовать в самом начале XVII в. Однако его местоположение совпадало с серединой пути по р. Кети в пределах уезда. По этой причине каждый путешественник при характеристике своего пути обязательно упоминал этот ориентир.

Анализируя имеющиеся в источниках сведения (прежде всего данные Г.Ф. Миллера), можно прийти к выводу, что городище располагалось на отрезке р. Кети между современными реками Кассайга и Кельма (Кольджа), вероятнее всего, в южной части этого фрагмента реки. К сожалению, сведения разнятся относительно конкретной локализации объекта: правый или левый берег. По этой причине разведки 2012–2013 гг. проводились по обоим берегам Кети и были направлены на поиск средневекового укрепленного поселения князя Урлюка.

В результате обследования на отрезке р. Кети от современного п. Катайга и до устья р. Кельмы (Кольджи) было обнаружено и обследовано 7 городищ (6 на правом берегу, 1 на левом) (рис. 1).

Катайгинское городище I (рис. 2) располагается в черте п. Катайга, на его юго-западной окраине. Городище занимает фрагмент коренного берега, высота которого на этом участке достигает 10–11 м. У его подножия начинается пойма, изобилующая лентами озер старичного происхождения. Для устройства городища был выбран остроугольный мыс, образованный долиной ручья, прорезавшего коренную террасу. Со стороны материка стрелка защищена линией обороны,

Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии

представленной внутренним валом и внешним рвом. Площадь внутренней площадки городища составляет всего 180–200 м². Параметры укреплений на разных участках линии обороны неодинаковы. Глубина рва от уровня напольной стороны колеблется от 0,25 до 0,5 м при ширине 2–3 м. Вал сильно оплыл и потерял четкий контур. Его средняя ширина 4 м при максимальной высоте в северной части 0,95 м (относительно дна рва). Со стороны внутренней площадки городища к валу примыкает насыпь. Ее основание упирается в его подножие, а край, направленный внутрь, повторяет контур мыса. Насыпь приблизительно на 0,3–0,4 м ниже вала. В ее центральной части зафиксирована овальная западина от постройки размерами 2,8×3,2 м, глубиной 0,2 м. Рельеф внутренней площадки ровный, наблюдается равномерный уклон по направлению к стрелке мыса.

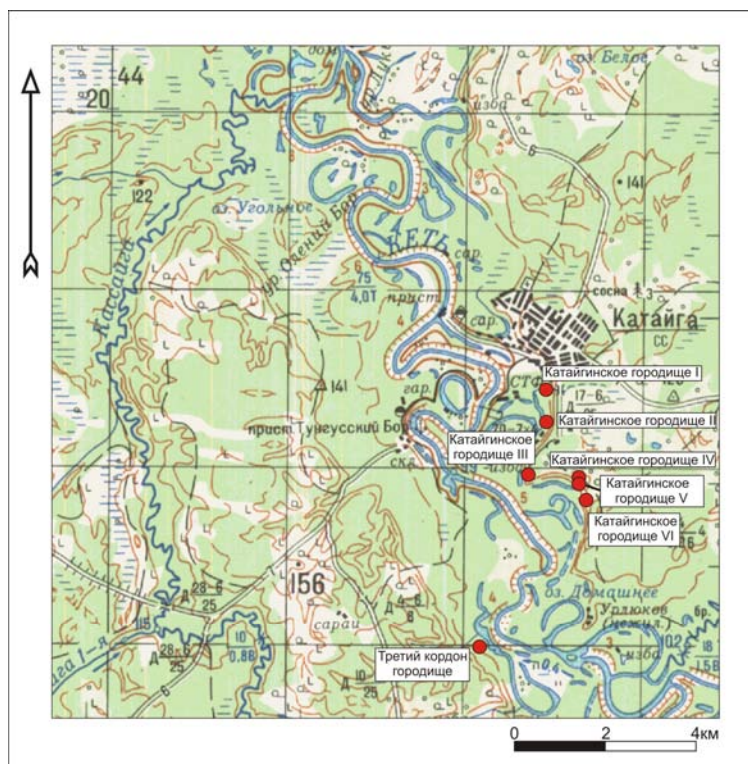

Рис. 1. Карта расположения городищ в окрестностях п. Катайга (Верхнекетский р-н, Томская обл.).

Памятник был открыт в 1977 г. В.А. Рябцевым. В тот период он располагался за пределами поселка, примерно в 0,35 км от южной окраины [Рябцев, 1977]. Городище не датировано.

Катайгинское городище II (рис. 3) располагается на правом берегу р. Кети, на значительном удалении от основного русла. Памятник находится к югу от современного п. Катайга, в 0,3 км от границы жилых строений. Городище занимает фрагмент коренного берега высотой 15–16 м, ориентированного на этом участке по направлению юг — север. К югу от памятника терраса делает поворот, образуя значительный по размерам мыс. В этом месте ее пререзает дорога, ведущая к переправе. У подножия террасы начинается пойма, изобилующая лентами озер старичного происхождения.

Для устройства городища был выбран мысовой участок террасы. В этом месте ее пререзает долина небольшого ручья. Края террасы на стрелке мыса образуют практически прямой угол. Со стороны материка городище защищено линией обороны, представленной внутренним валом и внешним рвом. Площадь внутренней (защищенной) площадки составляет всего 140–150 м². Параметры укреплений на разных участках линии обороны неодинаковы. Глубина рва от уровня напольной поверхности не превышает 0,3 м при ширине 2,5–3 м. В южной части ров, вероятнее всего, частично разрушен, так как визуально проследить в этой части его внешнюю кромку не удастся. Вал в современном состоянии сильно оплыл, по этой причине его границы со стороны площадки городища определялись достаточно условно. Его ширина в современном состоянии колеблется в пределах 4–5 м при высоте 0,6–0,8 м от уровня напольной поверхности.

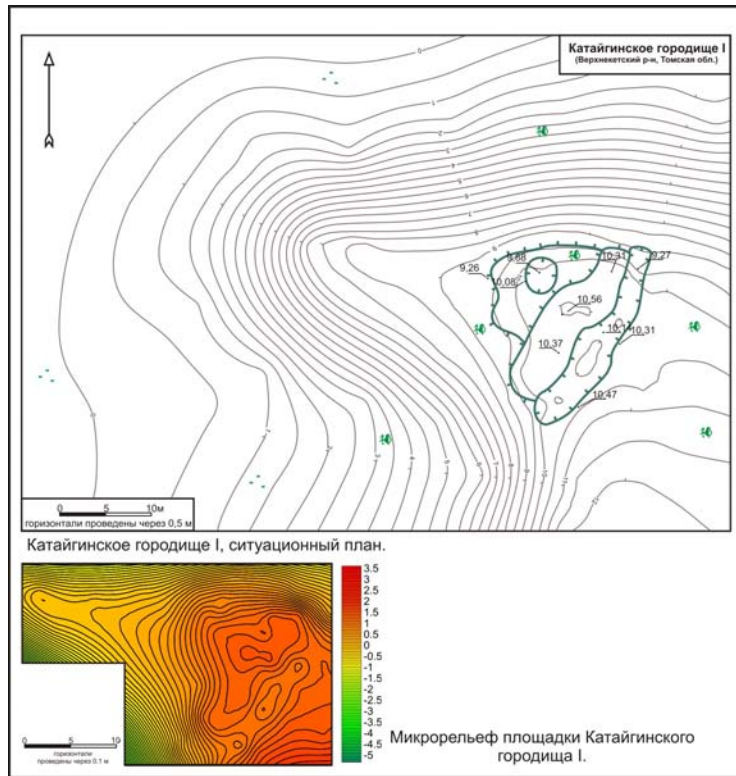

Рис. 2. Катайгинское городище I. План памятника.

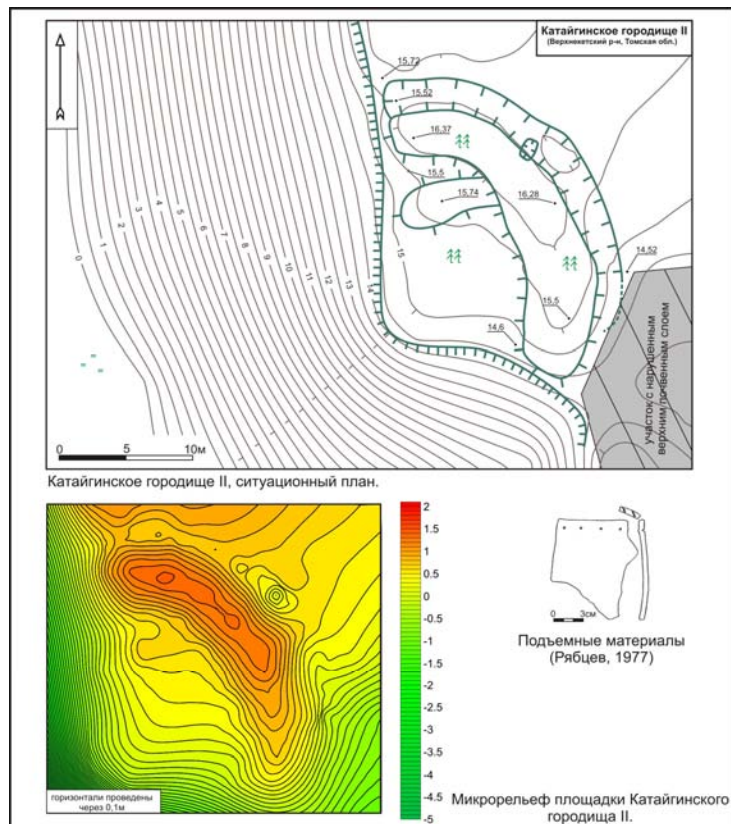

Рис. 3. Катайгинское городище II. План памятника и находки.

Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии

На внутренней площадке западин от строений времен функционирования городища не зафиксировано. В северной части памятника прослеживается незначительное по размерам всхолмление. Одной стороной оно примыкает к основанию вала, другой — в виде языка вытянуто по направлению северо-восток — юго-запад. Высота от уровня внутренней площадки 0,15–0,2 м.

Памятник был открыт в 1977 г. В.А. Рябцевым [Рябцев, 1977]. На основании собранной на памятнике керамики он датировал его ранним железным веком, васюганским этапом (V–III вв. до н.э.). Возможно, он закладывал на городище шурф, от которого в настоящее время практически на вершине вала сохранилась подпрямоугольная яма. На момент открытия городище располагалось за пределами поселка, примерно в 800 м от его южной окраины.

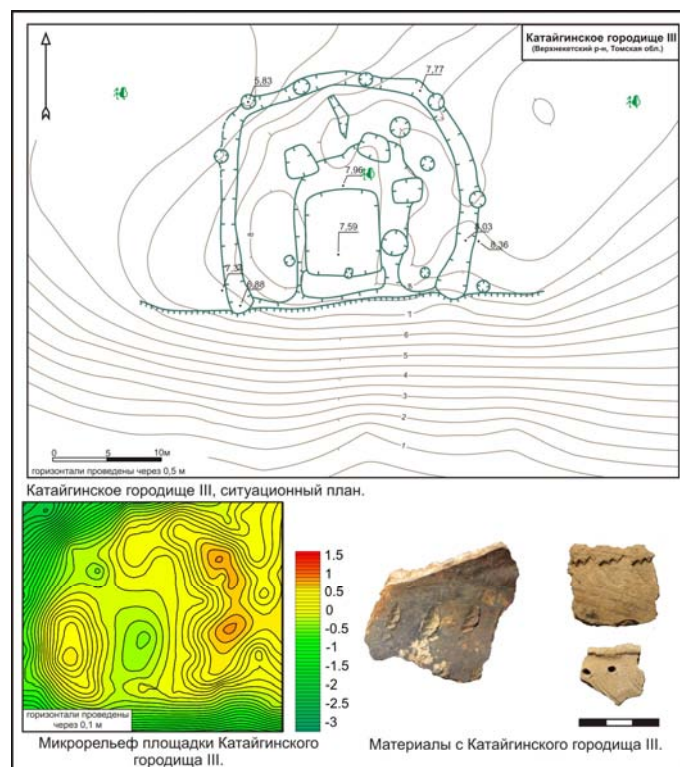

Рис. 4. Катайгинское городище III. План памятника.

Катайгинское городище III (рис. 4) находится к юго-западу от современного п. Катайга, на расстоянии 2,03 км от его окраины. В советское время в этом же направлении, на расстоянии 0,53 км, находился аэропорт поселка и взлетная полоса, сегодня здесь пустырь. Памятник расположен на коренном берегу высотой 8 м, в сосновом бору. В этом месте терраса огромным мысом вклинивается в пойму, максимально сближаясь с основным руслом р. Кети, находящимся в 0,48 км к юго-западу. Практически у подножия террасы располагается пойменное озеро, которое местное население называет Круглым.

Памятник располагается на краю берега. По типу городище относится к террасным. Со стороны материка оно защищено подпрямоугольной линией укреплений, представленной внешним рвом и внутренним валом. Площадь внутренней (защищенной) части городища составляет приблизительно 550 м². К северу от памятника естественный рельеф террасы изменен. С этой стороны к озеру подходит дорога, установлены стол и скамейки. Скорее всего, терраса здесь была искусственно снивелирована.

Вероятно, для организации городища было использовано естественное всхолмление; по крайней мере, с северной и северо-восточной стороны имеется естественный уступ. Параметры укреплений на разных участках линии обороны неодинаковы. Ров в виде буквы «П» окружает городище, выходя краями к склону террасы. Его глубина достигает максимума, около 0,5 м, в северо-западной части. В северо-восточном углу он практически не прослеживается, возможно

уничтожен при строительстве дороги к озеру. Интересной деталью являются пять округлых западин, практически симметрично расположенных на дне рва. Их диаметр в среднем 1,5 м, глубина относительно дна рва 0,1–0,15 м. Они локализируются по линии рва противоположной краю террасы. Одна западина располагается на дне рва, в его юго-восточной части.

Валообразная насыпь, примыкающая с внутренней стороны ко рву, очень сильно оплыла. Ее ширина на отдельных участках достигает 10 м. Показатель высоты колеблется, достигая максимальных значений на участках, выходящих к краю террасы: 0,9 м на севере и 0,6 м на юге. На вершине насыпи, в ее юго-восточной части, расположены три округлые западины. Еще три прямоугольные западины примыкают к валу со стороны внутренней площадки, более того, они даже немного в него врезаются.

В центральной части укрепленной площадки располагается подпрямоугольная западина, занимающая практически все внутреннее пространство. Она ориентирована в соответствии с направлением линии укреплений. Между кромкой террасы и котлованом отчетливо прослеживается обваловка, которая по какой-то причине не фиксируется с других сторон.

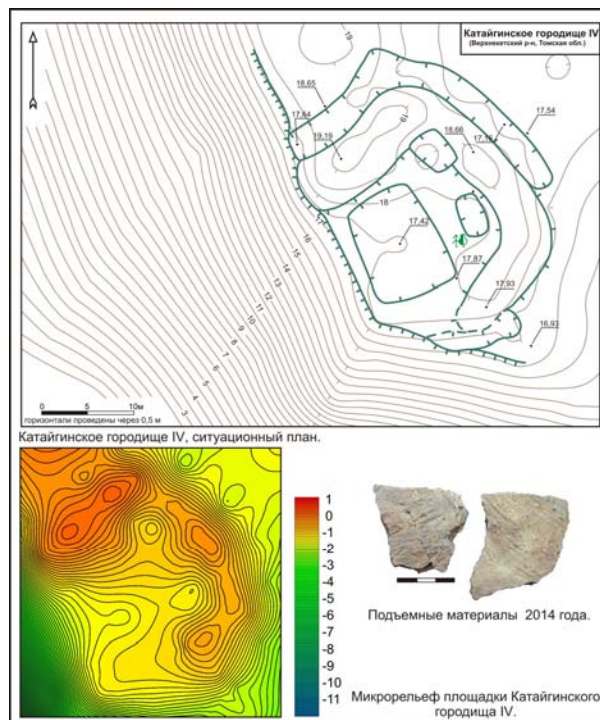

Рис. 5. Катайгинское городище IV. План памятника.

Полученные с городища подъемные материалы, керамика, указывают на датировку памятника в пределах раннего железного века. Один из обнаруженных фрагментов может быть датирован развитым — поздним средневековьем.

Катайгинское городище IV (рис. 5) располагается на правом берегу р. Кети, к югу от современного п. Катайга, на расстоянии 2,02 км от его юго-западной окраины. В 60 м к востоку от городища проходит дорога из п. Катайга к нежилой в настоящее время д. Урлюково.

Памятник находится на коренном берегу, высота которого достигает 19 м, в сосновом бору. В этом месте терраса делает поворот, в результате чего образуется тупоугольный мыс. С запада он укреплен естественным образом, крутыми склонами. С напольной стороны городище имеет линию укреплений в виде буквы «П», представленную рвом и валом. Внешний ров шириной 2,5–3 м, имеет глубину от 0,3 до 1 м. Максимальная глубина зафиксирована в северной части, на участке, где ров выходит на кромку террасы. На юго-востоке он не прослеживается. Вал сильно оплыл, в среднем имеет ширину 5 м, высота колеблется, однако в целом не превышает 0,9 м от уровня напольной поверхности. В месте выхода линии укреплений на кромку террасы, в юго-западной части, укрепления имеют очень аморфный контур, вал практически не угадывается в рельефе.

Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии

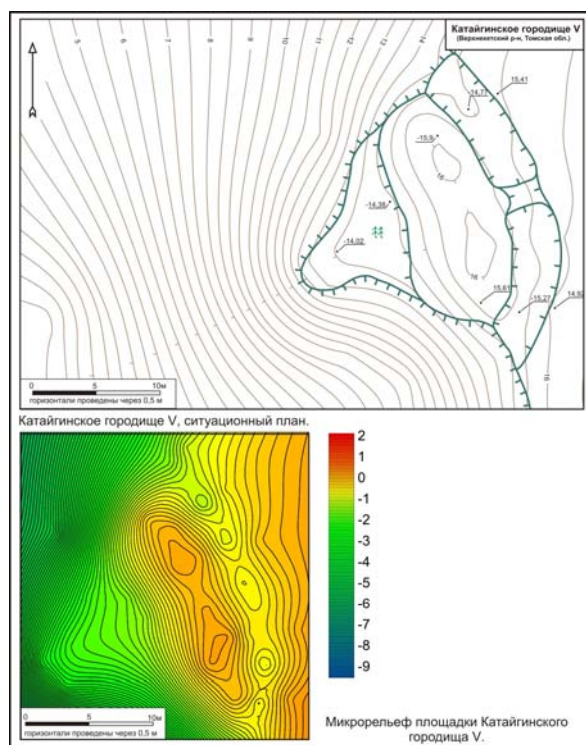

Рис. 6. Катайгинское городище V. План памятника.

На площадке городища выявлены три западины от построек времен функционирования городища. Западина № 3 врезается в вал с внутренней стороны, там, где линия укреплений делает поворот на юг. Западина № 2 располагается у подножия вала, в восточной части площадки. Центральным объектом является прямоугольная впадина (№ 1), расположенная параллельно кромке террасы, практически в центре площадки. Западина имеет четкие углы, обваловка визуально не фиксируется.

Найденная на городище керамика датируется ранним железным веком.

Катайгинское городище V (рис. 6) располагается на правом берегу р. Кети, к югу-юго-востоку от современного п. Катайга. Памятник находится на коренном берегу, на участке высотой 15 м. В этом месте терраса делает поворот, образуя остроугольный мыс.

С трех сторон городище защищено естественным образом, высоким крутым склоном. С востока, со стороны водораздела, укрепления представлены линией, состоящей из рва и вала. Линия дугообразная, внешний ров имеет ширину 5 м и глубину 0,6 м. В центральной части во рву фиксируется перемычка. Ее уровень превышает уровень дна рва, однако не достигает высоты материка с напольной стороны. Внутренний ров сильно оплыл, имеет ширину до 8,5 и высоту 0,5 м. Защищенная площадка представлена только стрелкой мыса. Объекты на площадке отсутствуют. Рельеф внутренней части характеризуется регулярным уклоном от подножия укреплений к склону террасы. Возможно, столь маленькие размеры защищенной площадки можно объяснить разрушением террасы. Однако на данный момент осыпей на склоне не зафиксировано. Памятник не датирован.

Катайгинское городище VI (рис. 7) располагается на правом берегу р. Кети, к югу-юго-востоку от современного п. Катайга. Памятник находится на кромке коренной террасы, высота которой достигает 18 м. На этом участке терраса делает поворот, образуя глубоко выдающийся в пойму мыс. С трех сторон городище имеет естественные укрепления в виде крутых склонов. С востока защищено дугообразной линией обороны, представленной рвом и валом. Внешний ров имеет ширину 3,5–4 м, глубину 0,3–0,7 м, внутренний вал — ширину 5–5,5 м и высоту 0,55–0,6 м от уровня напольной поверхности. В юго-восточной части вал делает поворот, образуя практически прямой угол, в основании которого находится западина.

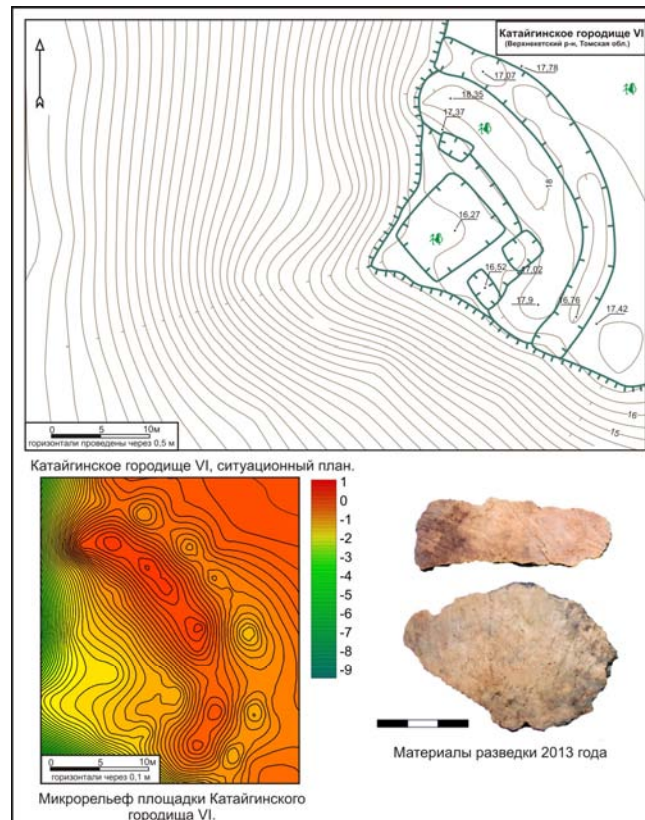

Рис. 7. Катайгинское городище VI. План памятника.

Рельеф внутренней площадки образует естественный уклон в сторону склона. На ней визу- ально зафиксировано несколько западин. Три из них, прямоугольные впадины, практически идентичны друг другу, однако отличаются по ориентации. Они локализируются у подножия вала, частично врезаясь в его полу. Центральный объект, большая прямоугольная западина, имеет в настоящее время несимметричную форму. Она располагается на стрелке мыса, обваловка визу- ально не фиксируется.

В 2013 г. на памятнике проведена шурфовка, получены материалы раннего железного века.

В 2013 г. на левом берегу р. Кети было обнаружено еще одно городище, получившее на- звание Третий кордон (рис. 8). Городище располагается на левом берегу р. Кети, между совре- менной паромной переправой, расположенной в «Тунгусском бору», и Третьим кордоном. При- близительно в 0,99–1 км к югу от городища находится избушка Третьего кордона. Поселок Ка- тайга располагается к северу-северо-востоку от памятника на расстоянии 5,8 км.

Для обустройства укрепленного поселения был выбран узкий мыс, возвышающийся над ок- ружающей местностью. Относительно уровня коренной террасы перепад высот составляет 1–2 м, а над поймой мыс возвышается на 8–10 м. Укрепления городища представлены двумя линия- ми. Со стороны водораздела это вал. Высота вала на разных его участках колеблется и дости- гает максимума, около 1 м, в центральной части. Вероятнее всего, с напольной стороны был ров, который располагался у подножия вала. В настоящее время сохранился только его незна- чительный фрагмент в северо-западной части: он имеет нечеткий контур и глубину 0,4 м. Вто- рая линия обороны находится на стрелке мыса, в нескольких метрах от кромки. Она состоит из рва и вала, параметры которых более скромные по сравнению с основной линией. Высота вала в среднем 0,1 м, глубина рва около 0,15 м.

В пределах укрепленной площадки визу- ально зафиксированы две западины прямоугольной формы. Еще три западины располагаются за пределами укрепленной площадки.

На основании находок, полученных в результате шурфовки, городище может быть датиро- вано в широких пределах, от раннего железного века до развитого средневековья. Вся керами- ка, кроме одного фрагмента венчика, отличающегося как по тесту, так и по орнаменту, относит-

Урлюково городище: исторические свидетельства и археологические реалии

ся к раннему железному веку. Один из фрагментов венчика сосуда — возможно, раннего — развитого средневековья.

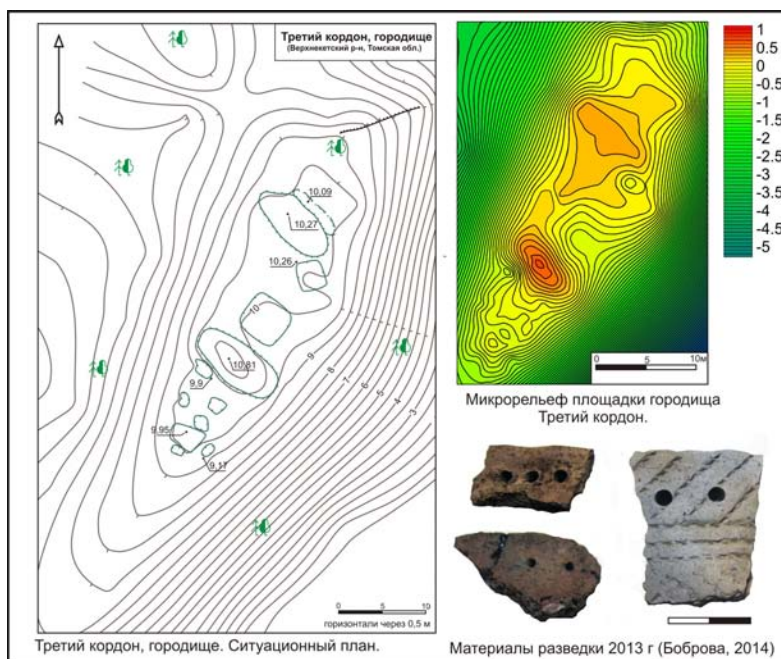

Рис. 8. Третий кордон, городище. План памятника.

В результате исследований на отрезке р. Кети от п. Катайга и до устья р. Кельма было обнаружено семь городищ. На основании подъемных материалов и археологических шурфовок пять из них датируются ранним железным веком. Не датированными остаются только Катайгинское I и V городища, однако особенности этих объектов вряд ли предполагают их позднесредневековую принадлежность. На фоне более представительных материалов раннего железного века единичные фрагменты средневековой керамики, обнаруженные на Катайгинском III городище и городище Третий кордон, не дают оснований для датировки памятников этой эпохой. Возможно, в средневековье некоторые из Катайгинских городищ раннего железного века посещались обитателями этих мест, о чем свидетельствует единичные находки. Однако, чтобы развить или опровергнуть этот тезис, необходимы дополнительные исследования на памятниках.

Нельзя исключать, что на интересующем нас отрезке Кети разведками 2012 и 2013 гг. обнаружены не все городища. В этом плане особое внимание нужно уделить левому берегу Кети, где представлен значительный по площади пойменный труднопроходимый фрагмент. Для селькупов пойма и пойменные ресурсы имели огромное промысловое значение. Смежные с ней возвышенные участки часто были хорошо освоенными, здесь располагались поселения, хозяйственные объекты: например, бывшие юрты Урлюковы (ныне нежилая д. Урлюково), расположенные на высоком коренном берегу р. Кети, около пойменного озера Домашнего, соединяющегося с ее основным руслом в половодье. Расположение городищ на высоких останцах явление довольно распространенное. Обнаружить этот положительный элемент рельефа в труднопроходимой пойме не всегда просто, в этой связи бесценна информация от местных жителей, которые, как правило, достаточно хорошо знают родные места. На Верхней Кети «мысы» (как береговые выступы, так и незатопляемые весной острова-возвышенности) часто связываются с мифическими богатырями-предками. Экспедицией Г.И. Пелих 1963 г. записаны свидетельства о таких священных мысах в верховьях р. Кети, в том числе около юрт Урлюковых. Мыс *Пынгыри Мочалду* — «Богатырский мыс». «Мочалду — мыс, там два брата жили, одним топором жили, через Кеть бросали. С одной стороны — тайга, с другой — бор выходил. Попробуй-ка, перебрось топор через Кеть! А они кидали. Это около Урлюково» [Пелих, 1972, с. 347].

Можно предположить, что городище Урлюка следует искать вверх по р. Кети от брошенной д. Урлюковой, где находится селькупский курганный могильник [Дульзон, 1956]. В традиции данно-

го этноса было устраивать места погребений ниже по течению реки от места поселения живых людей, «чтобы покойники не могли вверх по реке к живым подняться» [Тучкова, 1996, с. 88].

Сомнений в том, что Урлюково городище существовало в историческое время и было одним из селькупских поселений, у нас нет. Имя остяцкого князя сохранили письменные источники, от него получили название юрты, а затем и деревня, известная на современной карте Томской области. В разной огласовке оно сохранилось в фамильном составе селькупов. Хочется надеяться, что, опираясь на сведения А.Х. Элрета, удастся когда-нибудь получить дополнительные данные о князце Урнуке и Урнуковом городище в архивных документах экспедиций Г.Ф. Миллера [Элерт, 1999, с. 78]. К сожалению, за два полевых сезона обнаружить укрепленное поселение князя Урлюка не удалось, однако благодаря этим поискам информация об археологии Верхнего Прикетья кратко увеличилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алатало Я. Путешествие Кая Доннера по Кети в 1912 г // Земля Верхнекетская: Сб. науч.-популяр. очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. С. 131–145.

Барсуков Е.В. Татарские городки Томского Приобья XVII века // Третьи Исторические чтения ТГПУ: Материалы конф. Томск, 2011. С. 444–450.

Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Тр. ТГУ. Томск, 1950. Т. 112. С. 23–210.

Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области: (Материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Тр. ТОКМ. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.

Дульзон А.П. Материалы по языку и этнографии нарымских остяков. 1952. Т. 1. 390 л. // Архив ТГПУ.

Дульзон А.П. Предварительный отчет о проведенной летом 1952 г. лингвистико-этнографической экспедиции // Архив ТОКМ. Оп. 4. Д. № 169. Л. 1–35.

Крашенинников С.П. В Сибири: Неопубликованные материалы / Подготовка текста и вступ. ст. проф. Н.Н. Степанова. М.; Л.: Наука, 1966. 241 с.

Милеску Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году (фрагмент) // Земля Верхнекетская: Сб. науч.-популяр. очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск, 1997. С. 239–257.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701.

Рябцев В.А. Отчет об археологических работах Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ летом 1977 // Архив МАЭС ТГУ. Д. № 724. 19 л.

Сибирь XVIII века в описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири: Первоисточники. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. Вып. 6. С. 321.

Спафарий Н.Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году // Зап. РГО. Отдел этнографии. СПб., 1882. Т. 10. Вып. 1. С. 71–85.

Тучкова Н.А. Селькупы реки Парабели: (Этнографический очерк) // Труды Том. гос. объединенного ист.-архитектур. музея. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. Т. 9. С. 68–98.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. Т. 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. 273 S.

The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. Gravenhage, 1958.

Томский государственный университет
barsukovevg@mail.ru

Томский областной краеведческий музей
a_bobrova@bk.ru

The article is devoted to analysis of written sources and archaeological data referring to Upper Ket basin. The focus of attention being Urlyuk hillfort — a fortified settlement of prince Urlyuk who headed one of non-Russian volosts at the Ket river in the early XVII century. The data on existence of that hillfort were repeatedly recorded by researchers from local population, though archaeologists never verified it. The article quotes extracts from written sources describing the location of Urlyuk hillfort together with data obtained as a result of archaeological explorations aimed at searching of that fortified locality.

Upper Ket basin, Late Middle ages, Early Iron age, archaeological exploration, Selkups, prince Urlyuk.

АНТРОПОЛОГИЯ

ТРИ ЧЕРЕПА ИЗ МЕЛАНЕЗИИ (ОСТРОВА ЛУАЙОТЕ) С ОТВЕРСТИЯМИ В МОЗГОВОЙ КОРОБКЕ: ТРЕПАНАЦИЯ, ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПАТОЛОГИЯ ИЛИ ИНФЕКЦИЯ?

А.А. Свиридов, С.В. Васильев

Представлена попытка интерпретации дефектов, выявленных на трех черепах аборигенов с островов Луайоте (Меланезия). В процессе описания аномалий использованы методические рекомендации отечественных и зарубежных исследователей. С нашей точки зрения, отверстия в церебральном отделе рассмотренных черепов имеют различное происхождение: трепанация, увеличенные теменные отверстия (генетическая патология) и деструкция костей свода черепа, вызванная инфекцией.

Палеопатология, Меланезия, острова Луайоте, трепанация, enlarged parietal foramen.

Введение

В 2013 г. А.А. Свиридовым в Музее Человека (Париж) по краниометрической программе была измерена серия из 68 черепов с островов Луайоте. Эти острова расположены в Тихом океане, в южной части Меланезии, к востоку от крупного о. Новая Каледония. Большая часть коллекции собрана во второй половине XIX в., в период колонизации Луайоте французами. Более поздние черепа обнаружены при археологических исследованиях «погребальных пещер».

Наше внимание привлекли три черепа с отверстиями различных размеров в церебральном отделе. Традиция проведения операций по трепанации черепа была широко распространена в Меланезии вплоть до Второй мировой войны [Martin, 2003]. Однако отверстия на черепе могли образоваться и по многим другим причинам. Р.Т. Стейнбок выделял следующие симуляторы трепанации: 1) увеличение теменных отверстий; 2) дистрофия костей свода черепа; 3) проникающие дефекты, полученные по касательной от удара мечом; 4) раздробленный перелом костей черепа; 5) метастазы рака, миелома; 6) костные неоплазмы (новообразования); 7) деструкция костей свода черепа, вызванные инфекциями (сифилис, туберкулез, микоз); 8) деструкция костей свода черепа, вызванные неспецифическими инфекциями; 9) теменная остеопения (нарушение остеогенеза); 10) посмертные изменения; 11) повреждения костей, полученные в процессе раскопок (цит. по: [Перерва, 2012]).

Материал и методы

Три черепа (два мужских и один женский) были изучены в хранилище Музея Человека (Париж). У нас нет точной информации, к какому хронологическому периоду относится исследуемый материал. Два черепа поступили в музей в 1884 г., данных по третьему индивиду в каталоге музея не сохранилось. До появления христианских миссионеров жители островов оставляли завернутые в циновки трупы в ближайших от их жилищ пещерах и трещинах естественного происхождения. М. Боннафонд, побывавший на островах в 1869 г., отмечает, что климат этих пещер способствовал мумификации останков меланезийцев [Bonnapont, 1871]. Вероятно, черепа были собраны европейскими исследователями в подобных природных «склепах».

Изучение палеопатологий не входило в основную задачу работы, не было возможности провести гистологические и рентгенологические исследования. Принимая во внимание специфичность происхождения материала и обнаруженных патологий, мы решили описать эти случаи с использованием методик отечественных и зарубежных специалистов, приведенных в трудах А.П. Бужиловой и М.Б. Медниковой [Бужилова, 1998; Медникова, 2001].

Череп № 1524 (рис. 1, 2) принадлежал мужчине 20–25 лет с о. Лифу, сведений о поступлении в фонды музея не сохранились. На чешуе лобной, теменных и затылочной костей выявляе-

ны специфические изменения кортикального слоя, напоминающие рисунок апельсиновой корки [Бужилова, 1998 с. 104–105].

Рис. 1. Череп № 1524.

В левой части чешуи затылочной кости выявлен обширный дефект черепа в виде крупного отверстия (рис. 2) неправильной овальной формы размерами 53×41 мм по наружной пластинке. Со стороны эндокрана размеры отверстия меньше, 43×34 мм. Дефект расположен в левой части чешуи затылочной кости, захватывает участок ламбдовидного шва и прилегающий к нему небольшой участок чешуи левой затылочной кости (рис. 1, 2). Наклон стенок отверстия к внутренней поверхности черепной коробки различны: нижний край отверстия, находящийся сразу над левой верхней выйной линией затылочной кости, — 30–40°; медиальная и латеральные края отверстия — 60–70°; верхний край отверстия, разделенный посередине ламбдовидным швом, — 50–55°. Края отверстия полностью зажили, сформировалась замыкающая пластинка, прикрывающая губчатое вещество, соединяющая на всем протяжении отверстия наружную и внутреннюю пластинки черепного свода, что соответствует выраженной реакции заживления по Й. Немешкери, А. Краловански и Л. Харзани (Nemeskeri J. et al.; цит. по: [Медникова, 2001, с. 46–47]) (рис. 1, 2). По оценке Д.Г. Рохлина, продолжительность жизни оперированного человека с подобной стадией заживления краев трепанации составляет не менее 2–3 лет [1965, с. 174].

Рис. 2. Дефекты на черепе № 1524. Увеличение.

Три черепа из Меланезии (острова Луайоте) с отверстиями в мозговой коробке...

На расстоянии от 5 до 30 мм от отверстия выявлены четыре участка округлой формы различных размеров (рис. 2), структура поверхности компактной пластинки которых значительно отличается от остальной поверхности теменных и чешуи затылочной кости. В пределах этих участков имеются признаки резорбции и новообразования костной ткани — процессов, не завершенных на момент смерти индивида. Участок 1 расположен на уровне верхней височной линии, в задней части левой теменной кости, размеры 7×7 мм. Участок 2 расположен на границе левой теменной и затылочной кости, на 5 мм левее пересечения сагиттального и ламбдовидного швов, размеры 17×12 мм. Участок 3 расположен вблизи сагиттальной плоскости чешуи затылочной кости, на 7 мм ниже участка 2, размеры 10×5 мм. Участок 4 расположен вблизи сагиттальной плоскости чешуи затылочной кости, на 10 мм ниже участка 3, размеры 5×4 мм. Хотя мы не можем соотнести небольшие очаги резорбции и новообразования на поверхности компактной пластины левой теменной и затылочной кости с трепанацией, обращает на себя внимание их локализация вокруг отверстия.

Череп 7985 (рис. 3–5) принадлежал мужчине 20–25 лет с о. Лифу, происходит из коллекции Cailliot, в Музей Человека был передан в 1884 г.

Рис. 3. Череп № 7985.

Рис. 4. Череп № 7985. Симметричные дефекты в районе теменных отверстий.

Венечный шов почти полностью зарос, за исключением участка в районе брегмы. Сагиттальный и ламбдовидный швы открыты, кроме небольшого участка в районе лямбды, о котором будет сказано далее. На чешуе лобной, теменных и затылочной костей выявлены специфические изменения кортикального слоя, напоминающие рисунок апельсиновой корки.

В районе лямбды, несколько ближе к левой теменной кости, прослеживается дефект в виде углубления (рис. 5) размерами 30×15 мм, глубиной 3–4 мм. Углубление вытянуто вдоль шва между левой теменной костью и небольшой вставочной косточкой в районе лямбды. Участок шва, затронутый дефектом, зарос, остальные участки ламбдовидного и сагиттального швов

открыты. Мы склоняемся к версии, что закрытие шва на небольшом участке могло стать результатом процесса заживления после перенесенной травмы. Вместе с тем нельзя исключить, что преждевременное зарастание шва на небольшом участке привело к образованию дефекта.

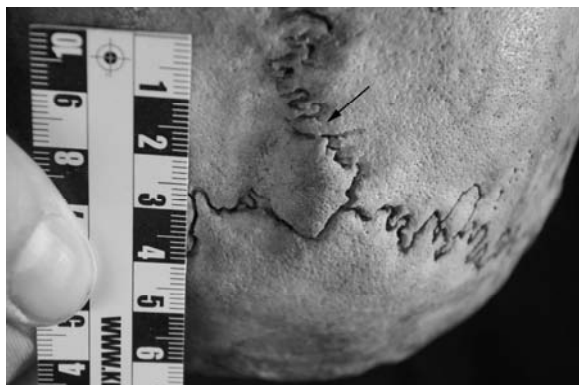

Рис. 5. Череп № 7985. Углубление в районе схождения сагиттального и ламбдовидного швов.

На черепе имеются два симметрично расположенных дефекта (рис. 3, 4) в виде округлых отверстий в районе питательных отверстий теменных костей (*foramina parietalia*). Наружный диаметр отверстий значительно больше внутреннего. На левой теменной кости размеры дефекта составляют 30 мм снаружи и 10 мм изнутри. На правой теменной кости — 25 мм снаружи, 8,5 мм изнутри. Внутренний и внешний края отверстий расположены под различным углом, от 20–25 до 60° (рис. 3, 4). Максимальный угол наклона стенок отверстий отмечен на участках, близких к сагиттальному шву, минимальный — на латеральных участках отверстий. На передней стенке левого теменного отверстия наблюдается участок пористой структуры, представляющий собой, по всей видимости, обнаженное губчатое вещество кости. Вся остальная плоскость, в которой расположен обнаженный участок, представлена замыкающей пластинкой.

Череп № 8018 (рис. 6, 7) принадлежал женщине 30–35 лет с о. Лифу, в музей поступил из коллекции Cailliot, в Музей Человека был передан в 1884 г. В задней части правой теменной кости, в районе питательного отверстия, выявлен дефект в виде округлого чашеобразного углубления, заканчивающегося небольшим отверстием в полость черепа. Верхняя граница (22×24 мм), значительно больше внутренней (4×2 мм). Внутренняя поверхность дефекта имеет признаки резорбции и новообразования костной ткани. Следы выраженной васкулярной реакции свидетельствуют, что на момент смерти индивида эти процессы не завершились. К латеральному краю дефекта примыкает округлая область размером 10×7 мм, также со следами продолжавшихся на момент смерти индивида процессов резорбции кортикального слоя кости. Кроме того, кортикальный слой чешуи лобной и теменных костей имеет признаки васкулярной реакции, сопровождавшейся новообразованием костной ткани.

Рис. 6. Череп № 8018.

Три черепа из Меланезии (острова Луайоте) с отверстиями в мозговой коробке...

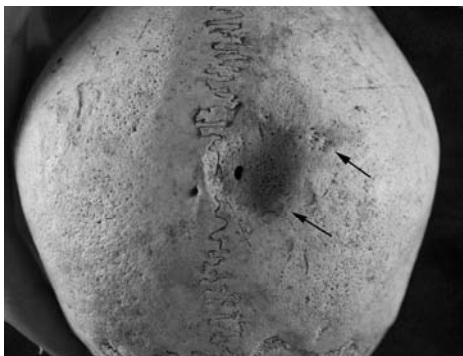

Рис. 7. Череп № 8018. Дефект в районе правого теменного отверстия.

Результаты и обсуждение

Все три рассмотренных черепа имеют на чешуе лобной, теменных и затылочной костей признаки васкулярной реакции, напоминающие апельсиновую корку. А.П. Бужилова в качестве возможной интерпретации предложила последствие холодцового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе, или холодной погоды с повышенной влажностью [1998, с. 104–105]. При изучении коллекции с островов Луайоте подобные изменения кортикального слоя костей мозгового отдела наблюдались на многих черепах.

Череп № 1524 (рис. 1, 2)

По нашему мнению, крупное отверстие в затылочной кости черепа № 1524 является результатом трепанации. J.W. Verano описывает четыре техники трепанации, выделенные на костных останках с территории Южной Америки: 1) скобление, 2) линейные надрезы, 3) циркулярное шпунтование (желобление), 4) бурение с резанием (цит. по: [Перерва, 2012]). Черепа, операции на которых были проведены методом скобления или циркулярного шунтирования, показали максимальный процент выживаемости пациента. Исследователь отмечает, что техника скобления является наиболее ранней в Южной Америке и выполнялась, по-видимому, обсидиановыми ножами [Verano, 2003].

Уменьшение диаметра отверстия трепанации от наружного края к внутреннему позволяет говорить, что операция была выполнена методом скобления или циркулярного шпунтования. При хорошо зажившем крае трепанации два эти метода сложно различимы [Andrushko, 2008].

Показания к операции

Основным показанием к трепанации являлся перелом свода черепа, при котором необходимо было срочно извлечь осколки кости и предотвратить отек мозга. На островах Новой Британии при военных столкновениях между племенами аборигенов воины использовали пращу. Частые травмы головы в подобных столкновениях, по мнению N.G. Dan, привели к тому, что шаманы научились лечить вдавленные переломы черепа [1994, р. 281]. E. Hadfield пишет, что на о. Увеа (один из островов Луайоте) основным показанием к трепанации был особый вид головной боли, в излечении которого не помогали другие способы [1920, р. 198–199]. Местный врач мог принять решение об операции и в других случаях: при эпилепсии, депрессии или даже просто плохом самочувствии [Martin, 2003].

Перспективы выживания

На островах Новая Британия (расположены восточнее о. Новая Гвинея) в племени Толаи без использования металлических инструментов добивались высоких показателей успешных операций — 70–75 % [Martin, 2003; Dan, 1994]. Подобный результат указывает на профессионализм древних хирургов, однако не является исключительным. В доколумбовом Перу следы полного заживления обнаружены на 64,8–77,5 % черепов (в зависимости от включения в статистику случаев ритуальных посмертных трепанаций), в неолите Франции — 90 %, в центрально-германском неолитическом очаге — 90,5 %, в неолите — раннем железном веке Дании — 79 % [Медникова, 2001, с. 27]. В европейской медицинской практике XVIII–XIX вв. смертность при трепанации колебалась от 50 до 100 %.

Существует целый ряд факторов, объясняющих неудачи европейской медицины XVII–XIX вв. Представления врачей того времени о лечении не всегда совпадали с правилами современной

медицины; так, в книге Atkins «Военно-морской хирург» автор рекомендует проводить операции в трюме корабля, в тесном месте, при свете свечи, так как воздух вреден для мозга [Dan, 1994].

G. Martin, ученый из Новой Зеландии, выделял следующие факторы успешных операций: использование одноразовых инструментов, проведение операции на свежем воздухе, применение антисептиков (в Меланезии это было кокосовое молоко) [2003].

В монографии М.Б. Медниковой указаны факторы, выделенные исследователями В.Я. Дермусом, Т. Анда, А. Грдличко: операции проводились без вскрытия твердой мозговой оболочки; применялись снотворные средства, для того чтобы пациент избежал шока; военные травмы в обществе, не имевшем рубящего металлического или огнестрельного оружия, были не столь тяжелые, поэтому удаление костных обломков было относительно простой операцией [2001, с. 28].

Техника трепанаций в Меланезии

Практика трепанаций у меланезийских шаманов описана I. Brodsky, как и набор меланезийских хирургических инструментов и перевязочных материалов, хранившихся в отделении хирургии Университета Сиднея. Эти инструменты были собраны на островах Новой Британии в конце XIX в. Для операции меланезийцы использовали акулий зуб, осколок обсидиана, кость из крыла летучей мыши, расщепленную бамбуковую палочку, заточенный обломок морской раковины [Brodsky, 1938].

Рана промывалась соком еще зеленого кокосового ореха, им же мыл руки хирург. Разрез в разных случаях мог быть продольным, V- или Y-образным [Watters, 2007], X-образным [Hadfield, 1920]. После произведения разреза два помощника хирурга оттягивали кожу головы с помощью ротанговых веревок, привязанных к прядям волос пациента. При переломе черепа хирург удалял крупные фрагменты кости, затем тщательно выискивал небольшие осколки черепа. Кости свода черепа скоблили обломком обсидиана. Если пациент терял сознание, хирург, перед тем как продолжить, ждал, когда больной вновь придет в себя. В результате операции оставалось гладкое отверстие круглой или овальной формы. Кожу головы сшивали с помощью иглы из кости крыла летучей мыши и нитей, сделанных из кокосовых или ротанговых волокон. Операция длилась около часа. После операции рана промывалась кокосовым соком, волосы вокруг нее сбрасывались. На череп накладывалась повязка из внутреннего слоя коры определенного дерева или из листов банана. Листья банана перед использованием в качестве перевязочного материала несколько секунд держали над раскаленными углями. Непосредственно на место трепанации накладывалась сетка из ротанга в качестве плотной защиты. Повязка менялась каждые 5–6 дней. Полное выздоровление обычно происходило через 2–3 недели [Brodsky, 1938].

Традиции трепанации в Меланезии были распространены довольно широко вплоть до начала Второй мировой войны, однако во второй половине XX в. подобные случаи становятся все более редкими. В 1980-х гг. большая часть жителей Новой Британии уже не помнили, что их предки умели делать подобные операции [Martin, 2003].

Череп № 7985 (рис. 3, 4, 5)

Нами рассматриваются две версии происхождения отверстий в теменных костях.

Трепанация. Скошенные внутрь края отверстий можно интерпретировать как результат трепанации методом выскабливания. Практически вся плоскость между наружными и внутренними краями отверстий покрыта замыкающей пластинкой, что говорит о продолжительной жизни индивида после операции. Стенки отверстий не сохранили следов инструментов, которыми была выполнена трепанация. Вокруг дефектов поверхность компактного вещества покрыта многочисленными питательными отверстиями, что может указывать на воспалительный остит.

Симметричность дефектов и их расположение в районе питательных отверстий теменных костей позволяют выдвинуть вторую версию — *enlarged parietal foramen* (увеличенные теменные отверстия). Это генетическая патология, вариант дефекта интермембральной оссификации теменных костей в верхнем заднем углу теменной кости, вблизи пересечения сагиттального и ламбдовидного швов. В литературе также называется *fenestrae parietales symmetricae, foramina parietalia permagna, и giant parietal foramina* [Christoph, 2013, p. 543].

При нормальном окостенении васкуляризированной мембраны данная часть теменной кости обычно окостеневаает в течение пятого месяца беременности. У маленьких детей это может проявляться как увеличенный задний родничок, *cranium bifidum* [Little et al., 1990, p. 453]. *Cranium bifidum* может наблюдаться в районе большого родничка и имеет ту же природу. В период 5–7 лет, как правило, *cranium bifidum* закрывается, от него остаются симметричные отверстия в теменной или лобной области. Группа американских ученых во главе с В.В. Little исследовали

Три черепа из Меланезии (острова Луайоте) с отверстиями в мозговой коробке...

медицинские данные девяти семей, в которых встречались подобные патологии. Они отмечают, что все пациенты имели нормальный интеллект, у них не обнаружено мозговых грыж или других аномальных признаков [Ibid., p. 457]. При такой патологии скошенные вовнутрь края отверстий могут быть результатом наращивания кости. Это подтверждается тем, что в районе сагиттального шва, оссификация которого должна было произойти в возрасте 5–7 лет, угол наклона края наиболее крутой, в то время как латеральные края отверстий имеют угол в 20–25°. Многочисленные питательные отверстия вокруг дефектов могут отмечать раннюю стадию проявления симметричного остеопороза или быть результатом остеокластического ремоделирования в области образования новой костной ткани вокруг закрывающегося увеличенного теменного отверстия [Hoffman, 1979, p. 714].

Череп № 8018 (рис. 6, 7)

Интерпретация подобных дефектов без результатов рентгена и гистологии невозможна. К сожалению, нам был доступен только визуальный осмотр материалов. Возможные варианты интерпретации: трепанация; несимметричное увеличение теменного отверстия (генетически обусловленное); метастазы рака; деструкция костей свода черепа, вызванная инфекциями (сифилис, туберкулез, микоз и др.). На наш взгляд, характер поверхности дефекта и структура надкостницы вокруг него говорит скорее об их инфекционной природе.

Заключение

Нами описаны и проанализированы дефекты на трех черепах с островов Луайоте (Меланезия), два из которых были переданы в Музей Человека (Париж) в 1884 г., данных о времени появления третьего черепа в фондах музея не сохранилось.

Дефект на черепе № 8018, вероятно, имеет инфекционное происхождение. Однако использованные нами методы не дают возможности утверждать это сколь-либо определенно.

Отверстие на черепе № 1524, судя по всему, образовалось в результате трепанации. Описание случаев трепанаций из Меланезии представляет интерес для палеопатологов, так как процедура подробно описана в литературе XIX — первой половины XX в., когда исследователи могли непосредственно наблюдать за операцией, собирать сведения о причинах назначения лечения.

На черепе № 7985, с нашей точки зрения, присутствует редкая генетическая патология *enlarged parietal foramen*. В палеоантропологической литературе часто можно встретить предостережение от отнесения подобных дефектов к трепанации, однако не всегда даются изображение и описание природы этой патологии.

По-видимому, отверстия в церебральном отделе рассмотренных черепов имеют различное происхождение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–121.
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Перерва Е.В.* Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Пегрузное I) // Вестн. МГУ. Сер. 23. 2012. Вып. 2. С. 123–133.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Andrushko V.A., Verano J.W.* Prehistoric Trepanation in the Cuzco Region of Peru: A View Into an Ancient Andean Practice // Amer. Journ. of physical anthropology. 2008. Vol. 137. P. 4–13.
- Bonafont M.* Des sépultures aux îles Loyalty // Bull. de la Société d'anthropologie de Paris. 1871. II Sér. T. 6. S. 236–240.
- Brodsky I.* The trephiners of Blanche Bay, New Britain. Their instruments and methods // British Journ. of Surgery. 1938. Vol. 26. P.1–9.
- Griessenauer C.J., Veith Ph. et al.* Enlarged parietal foramina: A review of genetics, prognosis, radiology, and treatment // Childs Nerv Syst. 2013. Vol. 29. P. 543–547.
- Dan N.G.* Neurosurgery in the pre-European era in Australia // Journ. of Clinical Neuroscience. 1994. Vol. 1 (4). P. 280–284.
- Hadfield E.* Among the natives of the Loyalty group. L.: Macmillan, 1920.
- Hoffman J.M.* On the likelihood that Mallin and Rathbun mistook an enlarged parietal foramen for a trephination // Bull. of the New York Academy of Medicine. 1979. Vol. 55 (7). P. 708–716.

А.А. Свиридов, С.В. Васильев

Little B.B., Knoll K.A., Klein V.R., Heller K.B. Hereditary Cranium bifidum and symmetric parietal foramina are the same entity // Amer. Journ. of Medical Genetics. 1990. Vol. 35. P. 453–458.

Martin G. Why Trepan? Contributions from Medical History and the South Pacific. Chapter 23 // Breitwieser R., Arnott R., Finger S., Smith C. Trepanation: History, Discovery, Theory (Studies on Neuropsychology, Development, and Cognition). 2003. Swets & Zeitlinger B.V., Lisse, The Netherlands. P. 323–346.

Verano J.W. Trepanation in Prehistoric South America: Geographic and Temporal Trends over 2,000 Years // Trepanation. History, Discovery, Theory. 2003. P. 223–236.

Watters David A.K. Skull trepanation in the Bismarck Archipelago // Papua New Guinea Med. Journ. 2007. Mar-Jun. Vol. 50 (1–2). P. 20–24.

Москва, ИЭА РАН
sviridovarh@rambler.ru
vasbor1@yandex.ru

The paper presents an attempt to interpret the defects identified at the three skulls natives of the Loyalty Islands (Melanesia). During the description of the anomalies used guidelines of domestic and foreign researchers. From our point of view, the holes in the cerebral department considered the skulls have different origins: trepanation, an enlarged parietal foramen (genetic pathology) and the destruction of the bones of the cranial vault, caused by an infection.

Paleopathology, Melanesia, the Loyalty Islands, trepanation, enlarged parietal foramen.

КРАНИОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КУДЫРГЭ¹

А.В. Зубова, Г.В. Кубарев

Рассматриваются краниологические материалы из могильника тюркского времени Кудыргэ в Горном Алтае. На основании результатов статистического сопоставления серии с характеристиками синхронного и хронологически предшествующего населения Горного Алтая, Минусинской котловины, Новосибирского Приобья делается вывод о неоднородности населения Горного Алтая в тюркское время и присутствии в его составе мигрантного субстрата восточного происхождения. Последний доминирует в составе серии из Кудыргэ, тогда как у тюрков катандинского типа представлен также автхтонный компонент, восходящий к пазырыкским группам.

Горный Алтай, древнетюркская эпоха, Кудыргэ, Горный 10, Осинки, Катанда, краниология, палеоантропология.

Введение

Первый (551–630 гг.) и Второй (687–742 гг.) тюркские каганаты являлись полиэтническими государственными объединениями, населенными различными племенами и народами, близкими по языку, материальной культуре и хозяйственному укладу. Территория географического Алтая входила в состав обоих этих государственных образований, возглавлявшихся древними тюрками, или тюрками-тугю. Другой крупной этнокультурной общностью в составе тюркских каганатов являлись теле — телеские племена. По сведениям танских хроник, многочисленные телеские племена (хойху, сеяньто, байегу, доланьгэ и др.) обитали к северу от тюрков-тугю на обширной территории от Хангая до Тянь-Шаня. Логично поэтому предположить, что одно или несколько телеских племен проживали в древнетюркскую эпоху на территории Алтая. Однако локализовать одно из этих многочисленных племен на Алтае, опираясь только на письменные источники, сложно. Еще сложнее обоснованно соотнести племена, известные по письменным источникам, с конкретными археологическими памятниками или археологическими культурами.

Среди археологов нет единства даже в вопросе о том, кому принадлежали погребения с конем — древним тюркам или телеским племенам. Большинство исследователей соотносят их с древними тюрками (Л.П. Потапов, Л.Р. Кызласов, Я.А. Шер, Ю.С. Худяков, С.П. Нестеров и др.), однако часть из них (Л.Н. Гумилев, Д.Г. Савинов, Ю.И. Трифонов и др.) — с телескими племенами. С.В. Киселев и Л.А. Евтюхова считали, что погребения с конем в различных регионах были оставлены представителями разных этносов (в Монголии — древними тюрками, на Алтае — племенами теле, в Минусинской котловине — енисейскими кыргызами). Из этого короткого экскурса становится понятным, насколько актуально антропологическое и палеогенетическое исследование антропологических материалов из археологических памятников, возможно имеющих различную этническую принадлежность. Это необходимо для подтверждения или опровержения гипотез, основанных на археологических и письменных данных, а также для возможного выяснения этногенеза древних тюрков и других этнических общностей эпохи раннего средневековья.

Археологический контекст этнокультурной ситуации на Алтае в древнетюркскую эпоху

Использование результатов радиоуглеродного датирования древнетюркских памятников Алтая, предпринятого в рамках проекта РФФИ, а также полученных ранее радиоуглеродных определений [Кубарев, 2005, с. 139; Кубарев, Орлова, 2006] существенным образом скорректировало наши представления о хронологии древнетюркского периода и вероятной реконструк-

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект № 13-06-00344).

ции этнокультурной ситуации на Алтае². Концепцию развития древнетюркской культуры на Алтае одной из первых сформулировала А.А. Гаврилова [1965] и впоследствии дополняли многие ученые (Д.Г. Савинов, В.А. Могильников, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов и др.). Согласно этой концепции во второй половине I тыс. н.э. на территории Алтая проживали древние тюрки, хоронившие по обряду трупоположения в сопровождении коня. Их культура прошла в своем развитии несколько хронологических этапов.

Если А.А. Гаврилова вкладывала в предложенную ею схему не только хронологический, но и этнокультурный контекст [1965, с. 104–105], то большинство ученых впоследствии рассматривали эту схему исключительно как последовательность хронологических этапов культуры древних тюрков. По мнению А.А. Гавриловой, «памятники кудыргинского типа отражают культуру, сложившуюся в период первого тюркского каганата у племен южного происхождения, вклинившихся на территорию, занятую продолжавшими обитать в Саяно-Алтае берельскими племенами... Не исключена возможность связи между появлением кудыргинцев на Алтае и разгромом каганата жузжан тюрками (551–555 гг.), объясняющей сходство этих могил с могилами аварского времени на Дунае...» [Там же, с. 105].

В интерпретации А.А. Гавриловой этническая ситуация на территории Алтая в эпоху раннего средневековья по археологическим данным была очень неоднородной. В предтюркское время (IV–V вв.) на Алтае обитали теле (тйеле) — потомки хунну (берельский тип могил), а также выходцы из лесостепных племен Верхней Оби (одинцовский тип могил) [Гаврилова, 1965, с. 105]. В конце V в. на Алтай переселяются тюрки-туго, о чем так или иначе можно судить по письменным источникам. Однако что собой представляет материальная культура ранних тюрков (V — первая половина VII в.), затруднялась определить как А.А. Гаврилова, так и другие исследователи. Материальной культуре тюрков эпохи Второго тюркского каганата с конца VII в. соответствует, по мнению исследователя, катандинский тип могил. Как уже упоминалось, кудыргинский тип погребений А.А. Гаврилова соотносила с вторжением племен южного происхождения с территории Монголии в середине VI в. и возможной их связью с жузжаниями-аварами.

Исследования за последние годы раннесредневековые археологические памятники на территории Алтая и сопредельных регионов, радиоуглеродные даты по некоторым из них, а также аналогии с датированными по эпитафиям погребениями знатных согдийцев позволяют по-новому взглянуть на этнокультурную и хронологическую ситуацию в этом регионе. Несмотря на предварительный характер полученных радиоуглеродных дат³, уже сейчас есть все основания предполагать, что по меньшей мере на протяжении VI–VII вв. на Алтае сосуществовали две археологические культуры, которые, вероятно, соответствовали двум разным этническим группам или общностям. До настоящего времени с ними связывали различные хронологические и эволюционные этапы культуры древних тюрков Алтая. Эти археологические культуры можно условно назвать катандинской и кудыргинской. Если ранее считалось, что такая характерная поясная гарнитура, как бляхи-оправы прямоугольной формы с прорезями, появляются и сменяют поясную гарнитуру в геральдическом стиле на рубеже VII и VIII вв. у древних тюрков, то сегодня можно с большой долей уверенности говорить, что они сосуществовали как минимум на протяжении VI–VII вв. Подобные характерные поясные украшения входят в состав двух различных вещевых комплексов, которые заметно отличаются и по другим предметам (накладки на лук, псалии, накладки на луку седла и др.) и, по-видимому, восходят к двум различным культурным традициям [Гаврилова, 1965, рис. 7, 8, с. 58–66, табл. VII–XII, XIV–XXIV].

«Кудыргинцы» — пришельцы на Алтае, их этническая принадлежность пока не ясна. «Кудыргинцы» хоронили по обряду ингумации, без коня. Часть погребенных имеет деформированные черепа. Немногочисленные погребения с конем, содержащие украшения в геральдическом стиле, по-видимому, отражают ассимиляционные процессы между «катандинцами» и «кудыргинцами» и процесс их мирного сосуществования. Погребения «кудыргинцев» больше тяготеют к Северному Алтаю и предгорьям Алтая (могильники Кудыргэ, Горный 10, Осинкинский) и род-

² Корректировка возраста части раннесредневековых погребений Алтая подтверждается аналогиями с погребальными комплексами знатных согдийцев, исследованных на территории Китая и имеющих эпитафии и год смерти погребенного.

³ Большая часть радиоуглеродных датировок раннесредневековых погребальных и поминальных памятников Российского и Монгольского Алтая, полученная в ходе реализации проекта РФФИ, остается не опубликованной. Эта серия насчитывает сейчас около 40 радиоуглеродных датировок и после получения результатов еще по 20–25 образцам (в том числе по ряду погребений могильника Кудыргэ) будет введена в научный оборот в отдельной обобщающей работе.

Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая...

ственны носителям верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье. Погребения с близким археологическим материалом известны в Забайкалье, а также на Тянь-Шане, в Приаралье, Восточной и Центральной Европе, что, возможно, отражает их миграционный путь на запад.

«Катандинцы» могут рассматриваться как древние тюрки, продолжающие алтайские традиции населения предшествующих исторических эпох (установка изваяний, сопроводительное погребение лошади, наследие материальной культуры, среди которого наиболее ярким являются пояса с прямоугольными бляхами с прорезями). Погребения «катандинцев» в большей степени распространены на Центральном и Южном Алтае, однако несомненно, что территория их расселения должна была охватывать часть территории современной Монголии, Тувы, Казахстана и Киргизии.

«Катандинцы», т.е. древние тюрки, проживали на территории Алтая и сопредельных регионов всю вторую половину I тыс. н.э., тогда как «кудыргинцы» — вероятно, только на протяжении VI–VII вв.

Цели и задачи

Основной целью данной работы является сравнительный анализ краниологического состава кудыргинского и катандинского населения для корреляции археологических и радиоуглеродных данных и данных антропологии и выяснения возможных источников генезиса популяции, оставившей могильник Кудыргэ. Ранее краниологические материалы из этого могильника исследовались Г.Ф. Дебецем, но публиковались они только в составе суммарной серии из могильников Кудыргэ, Катанда и Курай [Дебеч, 1948, с. 207–208, табл. 79], для которой не были измерены размеры, характеризующие горизонтальную уплощенность лицевого скелета.

Материал и методы

Материалом для работы послужили характеристики черепов из могильника Кудыргэ (коллекция № 6299 МАЭ РАН)⁴, которые были сопоставлены с суммарными характеристиками тюрков катандинского типа, средневековыми сериями с территории Западной Сибири и хронологически более ранними группами с территории южной части Западной Сибири, Горного Алтая, Монголии и Забайкалья (табл. 1).

Таблица 1

Серии, привлеченные к сравнительному анализу

Название серии	Датировка	Источник данных
«Классические» тюрки Горного Алтая	VII–IX вв.	[Поздняков, 2006]
Верхнеобская культура Новосибирского Приобья	VII–VIII вв.	[Багашев, 2000]
Культура плиточных могил Забайкалья	Конец II тыс. до н.э. — первые века н.э.	[Алексеев и др., 1986]
Культура плиточных могил Восточной Монголии	Конец II тыс. до н.э. — первые века н.э.	»
Гуны Забайкалья	Конец I тыс. до н.э. — первые века н.э.	»
Пазырыкская культура Горного Алтая	V–III вв. до н.э.	[Чикишева, 2012]
Кара-кобинская культура Горного Алтая	V–III вв. до н.э.	»
Тагарская культура	VIII–III вв. до н.э.	[Козинцев, 1977]
Таштыкская культура	II в. до н.э. — I в. н.э.	[Алексеев, 1961]
Население тагарско-таштыкского этапа		»
Саргатская культура Барабинской лесостепи	V–IV вв. до н.э. — II–III вв. н.э.	[Багашев, 2000]
Новочекинская культура	V–II вв. до н.э.	»
Кулайская культура	V в. до н.э. — IV в. н.э.	»

Краниологическая серия из Кудыргэ включает в себя три мужских и два женских черепа, которые были обследованы по стандартной программе Р. Мартина в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеча [1964]. Индивидуальные и средние размеры обследованных черепов представлены в табл. 2. Анализ внутригрупповой изменчивости краниометрических характеристик оказался невозможен из-за малой численности и плохой сохранности материала. Межгрупповое сопоставление характеристик мужской части серии из могильника Кудыргэ с другими груп-

⁴ Авторы выражают благодарность коллективу отдела физической антропологии МАЭ РАН за предоставленную возможность работы с коллекцией.

нами выполнялось методом главных компонент при помощи интегрированного пакета статистических программ Statistica for Windows, version 6.0.

**Морфологическая характеристика индивидуальных находок
и суммарной краниологической серии из могильника Кудыргэ**

Таблица 2

Индивидуальные и средние характеристики черепов из могильника Кудыргэ

	6299-1	6299-2	6299-8	Мужчины суммарно	6299-9	6299-3	Женщины суммарно
1. Продольный диаметр	174,00	187,00	174,5	178,5	—	160,00	160,00
8. Поперечный диаметр	—	137,00	150	143,5	—	137,00	137,00
8:1. Черепной указатель	—	73,26	85,96	79,60	—	85,63	85,63
17. Высотный диаметр от базиса	—	—	123	123,00	—	127,50	127,50
20. Высотный диаметр от пориона	—	109,00	115	112,00	—	104,00	104,00
20:1. Высотно-продольный указатель от пориона	—	58,29	65,9	62,75	—	65,00	65,00
20:8. Высотно-поперечный указатель от пориона	—	79,56	76,67	78,12	—	75,91	75,91
5. Длина основания черепа	—	—	—	—	—	97,00	97,00
9. Наименьшая ширина лба	92,00	96,00	94	94,00	86,00	89,00	87,50
10. Наибольшая ширина лба	116,5	124,00	124	121,50	119,00	112,00	115,50
9:10. Лобный указатель	78,96	77,42	75,8	77,39	72,27	79,46	75,87
9:8. Лобно-поперечный указатель	—	70,07	62,67	66,37	—	64,96	64,96
11. Ширина основания черепа	—	123,50	126,5	125,00	—	127,00	127,00
12. Ширина затылка	114,00	—	107	110,50	—	112,00	112,00
29. Лобная хорда	115,00	—	115	115,00	104,5	101,50	103,00
30. Теменная хорда	110,00	—	86	98,00	—	104,50	104,50
31. Затылочная хорда	—	—	104,5	104,50	—	85,00	85,00
26. Лобная дуга	120,00	—	133	126,50	117,00	115,00	116,00
27. Теменная дуга	120,00	—	100	110,00	—	117,00	117,00
28. Затылочная дуга	—	—	125	125,00	—	105,00	105,00
h. Высота поперечного изгиба лба	16,00	—	17	16,50	13,90	16,80	15,35
Угол поперечного изгиба лба	141,6	—	140,2	140,90	144,10	138,60	138,60
Sub. NB. Высота продольного изгиба лба	22,00	—	28	25,00	26,00	20,50	23,25
45. Скуловой диаметр	—	—	134	134,00	—	131,00	131,00
9:45. Лобно-скуловой указатель	—	—	70,15	70,15	—	67,94	67,94
45:8. Горизонтальный фациоце-ребральный указатель	—	—	89,33	89,33	—	95,62	95,62
48. Верхняя высота лица	—	—	67	67,00	76,00	—	76,00
48:17. Вертикальный фациоце-ребральный указатель	—	—	54,47	54,47	—	—	—
43. Верхняя ширина лица	103,00	107,50	105,5	105,33	101,00	104,00	102,50
46. Средняя ширина лица	—	103,50	106	104,75	95,50	—	95,50
55. Высота носа	—	—	50,5	50,50	56,00	—	56,00
54. Ширина носа	—	—	24,5	24,50	25,50	min 26	25,50
54:55. Носовой указатель	—	—	48,51	48,51	45,54	—	—
51. Ширина орбиты от <i>mf.</i>	—	—	42,5	42,50	39,00	—	39,00
51a. Ширина орбиты от <i>d.</i>	—	—	—	—	36,50	—	36,50
52. Высота орбиты	—	—	36	36,00	34,50	37,00	35,75
52:51. Указатель орбиты от <i>mf.</i>	—	—	84,7	84,70	88,46	—	88,46
Бималлярная ширина	96,00	100,00	99	98,33	95,50	100,00	97,75
Высота назиона над бималлярной шириной	9,50	—	16,5	13,00	11,50	12,00	11,75
Зигмаксиллярная ширина	—	103,50	105,5	104,50	103,00	—	103,00
Высота субспинале над зигмаксиллярной шириной	—	16,50	21,5	19,00	16,00	—	—
Назомаллярный угол	157,60	—	143,1	150,35	153,00	—	153,00
Зигмаксиллярный угол	—	144,70	135,6	140,15	145,60	—	145,60
SC. Симотическая ширина	—	—	7,5	7,50	9,00	—	9,00
SS. Симотическая высота	—	—	4,8	4,80	3,50	—	3,50

Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая...

Окончание т а б л . 2

	6299-1	6299-2	6299-8	Мужчины суммарно	6299-9	6299-3	Женщины суммарно
DC. Дакриальная ширина	—	—	—	—	24,50	—	24,50
DS. Дакриальная высота	—	—	—	—	9,00	—	9,00
FC. Глубина клыковой ямки(мм)	—	—	6,5	6,50	1,50	—	1,50
Высота изгиба скуловой кости (по Vy)	—	—	—	—	14,80	—	14,80
Ширина скуловой кости (по Vy)	—	—	—	—	52,50	—	52,50
32. Угол профиля лба от назиона	—	—	79	79,00	—	—	—
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	—	—	75	75,00	—	—	—
72. Общий угол профиля лица	—	—	90	90,00	—	—	—
73. Угол профиля средней части лица	—	—	94	94,00	—	—	—
75. Угол наклона носовых костей	—	—	70	70,00	—	—	—
75(1). Угол выступания носа	—	—	20	20,00	20,00	—	20,00
Надпереносье (по Мартину 1–6)	4	—	1	—	1	0	—
Надбровные дуги (1–3)	2	—	1	—	1	0–1	—
Наружный затылочный бугор (по Брока 0–5)	5	5	5	—	—	4	—
Сосцевидный отросток (1–3)	—	2	3	—	2	1	—
Нижний край грушевидного отверстия	—	anthr	anthr	—	f. pr	—	—
Передненосовая ость (по Брока 1–5)	—	3	5	—	2–3	—	—

Мужская часть серии представлена одним черепом молодого взрослого (adultus) хорошей сохранности (МАЭ 6299-8), черепной крышкой с разрушенными височными и затылочными костями индивида зрелого возраста (МАЭ 6299-1) и сильно разрушенным черепом индивида в возрасте maturus, реставрированным при помощи гипса (МАЭ 6299-2). У него практически полностью восстановлена лобная кость, вылеплено из гипса основание черепа, также реставрированы внутренняя часть орбит, фрагменты носовой области и частично передняя стенка верхней челюсти.

В вертикальной норме два черепа овоидные, со слабым выступанием теменных и лобных бугров, один — пентагоноидный (6299-8). На всех находках хорошо развит рельеф затылка и мест прикрепления жевательных мышц, но умеренно выступают надбровье и надпереносье. Форма черепа варьируется от гипербрахикранной (6299-8) до долихокранной (6299-2). В латеральной норме кости соединяются плавно, в затылочной норме один череп уплощенный, один — сводчатый. Боковые стенки мозговой капсулы вертикальные, располагающиеся практически параллельно друг другу. Мозговой отдел черепа в серии низкий, лобная кость узкая, уплощенная в поперечном направлении. Лицо низкое, широкое гомоплатипрозопное, причем размеры углов горизонтальной профилировки лица попадают в категории максимальных значений. Нос и орбиты низкие, средней ширины, переносье узкое и высокое на симотическом уровне, широкое и средневысокое на дакриальном. Выступание носовых косточек умеренное, передненосовая ость хорошо развита, форма нижнего края грушевидного отверстия антропинная. Визуально на обоих черепах с сохранившимся лицевым скелетом наблюдается заметный альвеолярный прогнатизм.

Женская часть серии представлена двумя черепами (6299-3, 6299-9).

Первый из них принадлежал молодой женщине, второй — женщине зрелого возраста. Оба черепа характеризуются умеренно массивным строением. В вертикальной норме первый череп пентагоноидный, второй — сфеноидный. В латеральной норме наблюдается плавное соединение костей, в затылочной норме оба черепа сводчатые, с таким же, как у мужчин, параллельным расположением стенок мозговой коробки. Соотношение основных диаметров мозгового отдела у погребенных различается. Один из черепов гипербрахикранный, второй — мезокранный. Высоту мозгового отдела удалось измерить только у индивида 6299-3, у которого от назиона она средняя, от порионов — маленькая. Лобная кость у обеих погребенных короткая, узкая или очень узкая в месте наибольшего сужения и средней ширины в венечном отделе, слабо изогнутая в поперечном направлении.

Характеристики лицевого отдела черепа удалось получить только для черепа 6299-9. Лицо широкое, очень высокое, гомоплатипрозопное, с уплощенной передней стенкой верхней челюсти. Нос высокий и широкий, переносье широкое, высокое на симотическом уровне и низкое на дакриальном. Нижний край грушевидного отверстия имеет форму предносовых ямок, передненосовая ость выступает средне. Угол выступания носа, вычисленный как разность угла назион-

простион и угла наклона носовых костей к базальной плоскости, без постановки черепа во франкфуртскую горизонталь, средний. Орбиты узкие и низкие, округлой формы.

Как видно из табл. 2, черепа из захоронений могильника Кудыргэ характеризуются повышенной вариабельностью размеров, но из-за малой численности оценить ее статистическую значимость невозможно.

Типологическая принадлежность серии однозначно определяется в пределах монголоидной большой расы. Более точно обозначить ее статус затруднительно из-за единичности наблюдений по многим признакам. Наблюдаемая здесь сильная горизонтальная уплощенность лицевого скелета на первый взгляд свойственна вариантам в пределах байкальской расы, но большинство палеоантропологических находок, относимых к ней, характеризовались очень крупными размерами и большой высотой черепа, чего мы не наблюдаем в серии из Кудыргэ. От популяций центрально-азиатской расы она отличается значительно более уплощенным зигмаксиллярным отделом. Нужно отметить, что предшествующее тюркскому времени население районов к востоку от Енисея, где логично было бы искать генетические истоки наблюдаемого комплекса признаков, очень слабо изучено в палеоантропологическом отношении, что затрудняет поиск хронологически близких аналогий.

Результаты статистического анализа

По результатам анализа главных компонент, в котором участвовали мужские серии эпохи раннего железного века и средневековья с территории Горного Алтая, Западно-Сибирской лесостепи, Хакаско-Минусинской котловины и Забайкалья, серия из Кудыргэ и сборная серия тюрков катандинского типа отделились от всех западно-сибирских и горно-алтайских групп по координатам первого фактора (рис.). Он дифференцирует сравниваемые серии по принципу преобладания монголоидного или европеоидного компонента (табл. 3). При этом усиление уплощенности лицевого скелета и понижение угла выступания носа в комплексе факторных нагрузок сопровождается тенденцией к увеличению поперечного диаметра мозгового отдела черепа, увеличению общего лицевого угла и высоты орбит.

Таблица 3

Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов

	Фактор 1	Фактор 2
1. Продольный диаметр	0,90	0,29
8. Поперечный диаметр	-0,50	-0,49
17. Высотный диаметр от базиса	0,88	-0,06
9. Наименьшая ширина лба	0,95	-0,19
45. Скуловой диаметр	0,50	-0,47
48. Верхняя высота лица	-0,11	0,75
51. Ширина орбиты от mf.	0,78	-0,31
52. Высота орбиты	-0,66	0,18
54. Ширина носа	-0,28	-0,14
55. Высота носа	-0,03	0,76
SS. Симметрическая высота	0,66	-0,01
32. Угол профиля лба от назиона	0,80	-0,30
Назомалярный угол	-0,89	-0,24
Зигмаксиллярный угол	-0,74	-0,32
72. Общий угол профиля лица	-0,44	0,28
75(1). Угол выступания носа	0,78	0,40

Дифференцируют кудыргинское и катандинское население друг от друга координаты второго фактора, в составе которого повышенные положительные нагрузки приходятся на высоту лица и носа (табл. 3). Отрицательные нагрузки падают на ширину лица и мозгового отдела черепа, угол профиля лба от назиона, углы горизонтального профиля лица. Абсолютные их значения не высоки, но в комплексе они сближают тюрков катандинского типа с пазырыкцами Горного Алтая, тогда как кудыргинская группа демонстрирует отсутствие связи с хронологически предшествующим населением. Она попадает в область отрицательных координат, вместе с серией культуры плиточных могил Восточной Монголии и гуннами Забайкалья. При этом катандинская серия, несмотря на статистически большую, чем у кудыргинцев, близость пазырыкцам, ближайшее сходство демонстрирует не с ними, а с носителями культуры плиточных могил Забайкалья.

Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая...

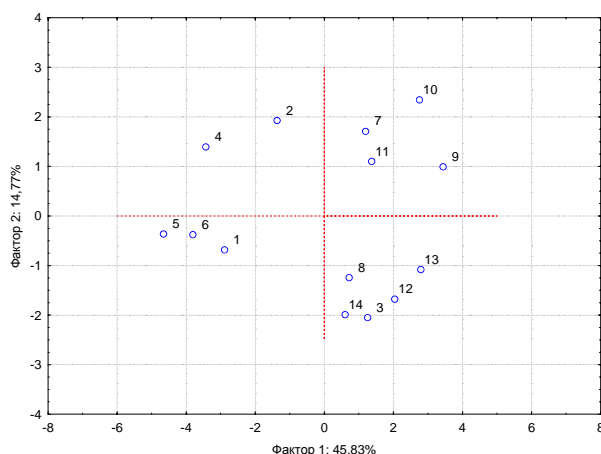

Рис. Распределение краниологических серий в пространстве первых двух факторов:
1 — Кудыргэ; 2 — суммарная серия тюркского времени Горного Алтая; 3 — верхнеобская культура Новосибирского Приобья; 4 — культура плиточных могил Забайкалья; 5 — культура плиточных могил Восточной Монголии; 6 — гунны Забайкалья; 7 — пазырыкская культура; 8 — кара-кобинская культура; 9 — тагарская культура; 10 — население тагарско-таштыкского этапа; 11 — таштыкская культура; 12 — саргатская культура Барабинской лесостепи; 13 — новочекинская культура; 14 — кулайская культура.

Выводы

Результаты краниологического изучения палеоантропологических материалов из могильника Кудыргэ демонстрируют значительную вариабельность краниологического состава средневекового населения Горного Алтая. Они подтверждают концепцию, согласно которой на этой территории в третьей четверти I тыс. сосуществовали две группы населения — «катандинская», частично связанная с предшествующими популяциями Горного Алтая эпохи железа, и «кудыргинская», представленная, по всей видимости, в основном мигрантами с территории Забайкалья и Монголии.

Этот вывод противоречит мнению большинства археологов, которые рассматривают кудыргинцев и катандинцев в качестве носителей культуры древних тюрков на хронологически последовательно сменяющих друг друга этапах. Как уже упоминалось, только А.А. Гаврилова осторожно предполагала, что кудыргинцы являются пришлым на Алтае населением, возможно как-то связанным с разгромом в середине VI в. древними тюрками жужаньского каганата.

Вместе с тем он подтверждает гипотезу, что культура древних тюрков на Алтае является многокомпонентной и по меньшей мере одна из ее составляющих имеет местное происхождение и уходит корнями в скифскую эпоху Алтая (пазырыкскую культуру), тогда как другие принесены извне.

Насколько можно судить по характерному предметному комплексу, в VI в. н.э. сразу в нескольких археологических культурах Западной и Южной Сибири, Горного Алтая (памятники круга Кудыргэ, верхнеобская, релкинская культуры) появляется мощный инокультурный компонент, за которым, видимо, стоит пришлая этническая группа, ранее не связанная с местным населением, но позднее частично ассимилировавшаяся с ним. Она представлена специфическим предметным комплексом (украшения в геральдическом стиле, панцирные пластины, имеющие особое оформление, накладки на лук и т.п.), которые находят аналоги как на востоке (Забайкалье, Монголия), так и далеко на западе (Средняя Азия, Восточная Европа). Возможно, это отражает миграционный путь данной группы из Монголии и Забайкалья на запад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // СМАЭ. 1961. Т. 20. С. 220–232.
Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии: (Каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 208–241.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

А.В. Зубова, Г.В. Кубарев

Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: Лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 2000. 374 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 144 с.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. IV. 392 с.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л., 1977. 145 с.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

Кубарев Г.В., Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование древнетюркских памятников Алтая // Современные проблемы археологии России: Материалы Всерос. археол. съезда. Новосибирск, 2006. Т. II. С. 139–141.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 135 с.

Новосибирск, ИАЭТ СО РАН

zubova_al@mail.ru

gvkubarev@gmail.com

The article considers craniological materials from Kudyirge burial ground of Turkic time in Gorny Altai. Basing on results of a statistical correlation of the given series with characteristics of simultaneous and chronologically prior population from Gorny Altai, Minusinsk Depression, and Novosibirsk Low Ob basin, the authors come to a conclusion on heterogeneity of the population from Gorny Altai in Turkic time, and presence of migrant substrate of the east origin in its composition. The latter dominates within series from Kudyirge, while the Turki of Katanda type are also represented with autochthonous component, running back to Pazyryk groups.

Gorny Altai, Old Turkic Age, Kudyirge, Gorny 10, Osinki, Katanda, craniology, paleoanthropology.

КРАНИОЛОГИЯ, ОДОНТОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА КИККИ-АККИ¹

О.Е. Пошехонова*, А.В. Зубова**, Е.А. Алексеева*

Представлены результаты всестороннего исследования палеоантропологических материалов из североселькупского могильника XVII–XIX вв. в районе с. Киккиакки. В работе обсуждаются индивидуальные особенности краниологического статуса погребенных, вводятся в научный оборот результаты реконструкции их внешности и предварительные итоги изучения одонтологических характеристик. Краниологическое своеобразие данной группы сближает ее с восточными хантами (р. Вах) и южными селькупам, особенно из северной части ареала их обитания (р. Тым). Внешний облик захороненных наглядно демонстрирует реконструкция лиц по черепам. Интересная особенность серии — повышенная частота архаичных форм дифференциации нижних премоляров, наличие на первых молярах передней ямки и массивных средних гребней тригониды, являющихся маркерами глубокой архаики. На поздних черепах зафиксированы признаки влияния монголоидного одонтологического комплекса континентального происхождения.

Западная Сибирь, северные селькупы, палеоантропология, краниология, одонтология, внешний облик, антропологическая реконструкция.

Введение

Статья посвящена публикации антропологических данных по северным селькупам — одной из самых малоизученных этнических групп Западной Сибири. Имеющаяся в нашем распоряжении антропологическая коллекция получена из южной части ареала расселения северных селькупов, могильника в районе с. Киккиакки (Красноселькупский район ЯНАО, р. Таз, устье р. Коральки). Он функционировал в XVII — первой половине XIX в., и, по всей вероятности, в нем хоронили жителей с. Караконская (Караконская) — центра Караконской волости (позднее — инородческой управы) [Адаев, 2014]. Коллекция состоит из черепов и посткраниальных скелетов четырех мужчин, трех женщин и трех детей, полученных при раскопках могильника. Ее средние краниологические характеристики были опубликованы в небольшой статье [Пошехонова, 2015], но уникальность серии требует более подробной характеристики. Хорошая сохранность одонтологического и краниологического материала, нетипичная для подзоны северной тайги, интересная краниологическая структура и архаичное морфологическое строение зубной системы делают этот материал источником ценной палеоантропологической информации.

В работе обсуждаются индивидуальные особенности краниологического статуса погребенных в могильнике Кикки-Акки, вводятся в научный оборот результаты реконструкции их внешности и предварительные результаты изучения одонтологических характеристик (окончательные результаты антропологических исследований будут получены после завершения раскопок могильника).

Методы

Краниологические измерения черепов взрослых выполнялись по стандартной методике Р. Мартина, в модификации В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [Алексеев, Дебец, 1964]. Одонтологическое обследование проводилось на основании стандартных программ, принятых в отечественной одонтологии [Зубов, 1968, 1974, 2006], и разработанной для древних серий программы учета маркеров архаики в строении зубной системы [Зубова, 2013].

Восстановление портрета по черепу выполнено по методике, разработанной представителями российской школы антропологической реконструкции, основанной М.М. Герасимовым [Герасимов, 1949, 1955; Лебединская, 1973, 1998; Никитин, 2009]. Реконструкция внешности — графический портрет — проведена для четырех индивидов с наилучшей сохранностью черепов; кроме того, для двух из них сделаны скульптуры.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 13-06-00133 и 13-06-00158.

Размеры и указатели черепов из могильника Кикки-Акки

Признаки, их номера по Мартину или условные обозначения	♂				♀			
	102-2	102-4	102-5	x (s)	102-3	102-6	102-8	x (s)
1. Продольный диаметр	181	184	184	183,0(1,7)	185	173	172	176,7(7,2)
8. Поперечный диаметр	139	135	134	136,0(2,6)	135	132	140	135,7(4,0)
17. Высотный диаметр (ba-b)	130	130	136	132,0(3,5)	126	120	124	123,3(3,0)
20. Высотный диаметр (po-b)	113	111	113	112,3(1,1)	108	—	109	108,5(0,7)
8:1. Черепной указатель	76	73	72	73,7(2,1)	72	76	81	76,3(4,5)
17:1. Высотно-продольный указатель	71	70	73	71,3(1,5)	68	69	72	69,7(2,1)
17:8. Высотно-поперечный указатель	93	96	101	96,7(4,0)	93	90	88	90,3(2,5)
5. Длина основания черепа	98	98	101	99,0(1,7)	100	92	97	96,3(4,0)
11. Ширина основания черепа	129	126	126	127,0(1,7)	123	123	121	122,3(1,1)
9. Наименьшая ширина лба	90	91	92	91,0(1,0)	96	87	—	91,5(6,4)
10. Наибольшая ширина лба	122	113	117	117,3(4,5)	115	—	—	115,0(0)
29. Лобная хорда	113	113	120	115,3(4,0)	110	—	105	107,5(3,5)
Sub.№. Высота изгиба лба	25,6	26,3	30,3	27,4(2,5)	25,4	—	26,2	25,8(0,6)
Sub.№:29. Указатель выпуклости лба	22	23	25	23,3(1,5)	23	—	24	23,5(0,7)
∠пил. Угол поперечного изгиба лба	137	137	137	137,0(0)	137,0	142	—	139,5(3,5)
32. Угол профиля лба от п.	77	77	76	76,7(0,6)	79	—	—	79,0(0)
12. Ширина затылка	109	105	111	108,3(3,0)	105	108	104	105,7(2,1)
40. Длина основания лица	92	92	91	91,7(0,6)	98	90	97	95,0(4,4)
40:5. Указатель выступания лица	93	93	90	92,0(1,7)	98	97	100	98,3(1,5)
43. Верхняя ширина лица	104	103	100	102,3(2,1)	106	98	—	102,0(5,7)
46. Средняя ширина лица	95	98	94	95,7(2,1)	104	93	—	98,5(7,8)
45. Скуловой диаметр	139	130	133	134,0(4,6)	127	124	126	125,7(1,5)
45:8. Поперечный фациоцеребральный указатель	100	96	99	98,3(2,1)	94	93	90	92,3(2,1)
48. Верхняя высота лица	66	71	73	70,0(3,6)	69	65	63	65,7(3,1)
47. Полная высота лица	109	118	120	115,7(5,9)	107	106	103	105,3(2,1)
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	50	54	53	52,3(2,1)	54	58	50	54,0(4,0)
48:45. Верхний лицевой указатель	47	54	54	51,7(4,0)	54	52	50	52,0(2,0)
72. Общий лицевой угол	83	86	85	84,7(1,5)	85	—	—	85,0(0)
73. Средний лицевой угол	90	92	90	90,7(1,1)	91	—	—	91,0(0)
74. Угол альвеолярной части	80	85	84	83,0(2,6)	84	—	—	84,0(0)
77. Назомалярный угол	151	142	144	145,7(4,7)	140	144	—	142,0(2,8)
∠zm'. Зигмаксиллярный угол	130	131	130	130,3(0,6)	129	126	—	127,5(2,1)
51. Ширина орбиты от mf.	44	42	44	43,3(1,1)	44	43	44	43,7(0,6)
52. Высота орбиты	38	33	36	35,7(2,5)	36	34	33	34,3(1,5)
52:51. Орбитный указатель	86	78	81	81,7(4,0)	81	79	75	78,3(3,1)
55. Высота носа	51	54	54	53,0(1,7)	50	47	46	47,7(2,1)
54. Ширина носа	24	25	24	24,3(0,6)	28	24	—	26,0(2,8)
54:55. Носовой указатель	47	44	44	45,0(1,7)	56	51	—	53,5(3,5)
75(1). Угол выступания носа	18	16	19	17,7(1,5)	11	9	—	10,0(1,4)
SC. Симотическая ширина	3,4	7,2	5,8	5,5(19)	6,3	7,0	—	6,6(0,5)
SS. Симотическая высота	2,0	2,5	1,7	2,1(0,4)	2,3	1,8	—	2,1(0,4)
SS:SC. Симотический указатель	58	34	29	40,3(15,5)	36	25	—	30,5(7,8)
∠S. Симотический угол	81	96	119	98,7(19,1)	108	126	—	117,0(12,7)
DC. Дакриальная ширина	20,0	21,8	21,2	21,0(0,9)	19,5	20,7	—	20,1(0,8)
DS. Дакриальная высота	7,9	9,7	7,5	8,4(1,7)	9,8	5,8	—	7,8(2,8)
DS:DC. Дакриальный указатель	40	44	35	39,7(4,5)	50	28	—	39,0(15,6)
∠D. Дакриальный угол	103	110	109	107,3(3,8)	90	121	—	105,5(21,9)
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	106	108	105	106,3(1,5)	—	98	104	101,0(4,2)
68. Длина нижней челюсти от углов	77	75	74	75,3(1,5)	62	69	80	70,3(9,1)
65. Мыщелковая ширина	125	118	120	121,0(3,6)	—	113	112	112,5(0,7)
66. Угловая ширина	96	95	104	98,3(4,9)	93	96	95	94,7(1,5)
67. Передняя ширина	43	44	44	43,7(0,6)	42	43	43	42,7(0,6)
70. Высота ветви	67	60	59	62,0(4,4)	61	51	55	55,7(5,0)
71a. Наименьшая ширина ветви	34	33	34	33,7(0,6)	—	34	35	34,5(0,7)
69(3). Толщина тела	13	11	12	12,0(1,0)	10	11	12	11,0(1,5)
79. Угол ветви нижней челюсти	124	129	131	128,0(3,6)	133	129	122	128,0(5,6)
∠C'. Угол выступания подбородка	65	74	77	72,0(6,2)	72	72	61	68,3(6,4)
УЛС	—	—	—	81,7	—	—	—	75,1
ПФЦ	—	—	—	91,8	—	—	—	93,6
УДМЭ	—	—	—	76,0	—	—	—	78,0
Модуль профилированности лица	—	—	—	138,0	—	—	—	134,8
Модуль профилированности переносья	—	—	—	103,0	—	—	—	111,2

Антропологические характеристики погребенных в могильнике Кикки-Акки

Погребение 1. Первая половина XIX в.

Пол индивида определен как «предположительно мужской». Судя по морфологии костей, мужчина страдал патологией развития (предположительно гипофизарным нанизмом — карликовостью), в связи с чем при определении возраста смерти возникли некоторые затруднения. Степень сформированности костей посткраниального скелета и черепа чрезвычайно неравномерна, зафиксирована «мозаичность» основных маркеров, кроме того, необходимо отметить их грацильность и малые размеры.

В целом возраст смерти был определен в промежутке от 16 до 22 лет. По археологическим данным, достоверность которых велика, рост погребенного реконструирован в пределах 115–120 см. Восстановить рост по антропологическим формулам не представлялось возможным в связи с патологией развития и плохой сохранностью. Краниологическая характеристика этого индивида не дается ввиду упомянутой выше патологии и плохой сохранности костей черепа: очень тонкие, они были раздавлены грунтом и деревянными колодами, ставшими одна на другой.

Сохранность одонтологического материала лучше, хотя вестибулярные поверхности фронтальных зубов подверглись посмертным разрушениям. На верхней челюсти они сохранились только с левой стороны. Центральный резец имел лопатообразное строение лингвальной поверхности (балл 2), на нем отмечены пальцевидные гребни и умеренное развитие лингвального бугорка (балл 1). На латеральном резце присутствовала максимально выраженная лопатообразность, на левом клыке также был зафиксирован балл 1. На нем присутствуют одновременно оба дополнительных гребня — мезиальный и дистальный, а также развитый лингвальный бугорок (балл 3).

На первых молярах верхней челюсти наблюдается небольшая асимметрия развития гипоконуса. На правой стороне челюсти он не редуцирован, на левой — несколько уменьшен в размерах. Метаконус на левом моляре также редуцирован сильнее, чем на правом. На обоих молярах присутствуют бороздка в месте расположения бугорка Карабелли (балл 1), дополнительные мезиальные и дистальные маргинальные бугорки, непрерывный косой гребень. Первая бороздка протоконуса впадает в центральную ямку.

На вторых молярах наблюдаемая асимметрия выражена заметно сильнее, чем на первых. Редукция гипоконуса на правом зубе 4-, на левом — 3+, редукция метаконуса — 1 и 2 балла соответственно. В обоих случаях отмечены мезиальные и дистальные маргинальные бугорки. Косой гребень прерван центральной бороздой, метаконулюс отсутствует. Первая бороздка протоконуса впадает в фиссуру II, первая бороздка метаконуса прямая. Одонтоглифически оба моляра левой стороны дифференцированы сильнее, чем правые. Третьи моляры отсутствуют.

Резцы нижней челюсти разрушены посмертно. Клыки имеют лопатообразную форму (балл 2), на них присутствует дополнительный дистальный гребень. Первые нижние премоляры асимметричны и имеют сложное строение. На вторых премолярах наблюдается дифференциация коронки на три бугорка.

В строении нижних моляров, так же как и верхних, наблюдается заметная асимметрия. Оба зуба имеют 5-бугорковое строение, но на правом узор коронки «Y», а на левом — «X». На обоих первых молярах присутствуют дистальный гребень тригониды и вариант 2med(II). Коленчатая складка метакониды, протостилид, *tam1*, средний гребень тригониды отсутствуют. Первая бороздка протокониды впадает в межбугорковую фиссуру ниже, чем первая бороздка метакониды. Оба вторых моляра имеют узор коронки «X5». Из дополнительных морфологических характеристик отмечена только передняя ямка.

Погребение 2. Первая половина XIX в.

Мужчина 35–45 лет. Череп средней длины и ширины, низкий, по пропорциям субдолихокранный (табл. 1). Лоб стелометопный, очень узкий, весьма наклонный, в горизонтальной плоскости профилирован средне. Эурипрозное лицо среднеширокое, на нижнем уровне узкое, скуловой диаметр характеризуется большими показателями, по высоте попадает в малую группу. В профилировке лицевого скелета наблюдается диспропорция — на верхнем уровне он сильно уплощен, а в подносовой части профилирован, по общему модулю уплощен. В вертикальной плоскости по указателю выступания лицо ортогнатное, по общему лицевому углу и наклону альвеолярной части — мезогнатное. Гипсиконхные по пропорциям орбиты очень крупные, округлой формы. Нос средней высоты, узкий и мезоринный. Переносье профилировано средне, по абсолютным показателям низкое и узкое. Угол выступания носовых костей при этом очень малый.

У мужчины при жизни утрачены все вторые и третьи моляры, верхние левые премоляры и правый верхний второй премоляр. На месте отсутствующих зубов альвеолярный край деградировал, что привело к изменению прикуса и усилило имеющуюся асимметрию лица. Из одонтологических характеристик можно отметить только сильную дифференциацию нижнего второго премоляра, наличие дополнительного третьего корня у нижнего первого правого моляра и однокорневое строение левого первого моляра нижней челюсти.

Проанализировав морфологию черепа, можно реконструировать портрет мужчины зрелого возраста с низкой, среднеширокой головой с плавными контурами свода без резких переходов костей, невыступающим, слабопреломленным затылком (рис. 1). Лоб узкий, покатый, хорошо развитые надпереносье и надбровные дуги выступают над прямым узким носом средней высоты. Кончик носа направлен горизонтально. Неглубокая посадка глаз определяется строением орбитальной области. Разрез глаз имеет горизонтальное направление. Складка верхнего века выражена на всем его протяжении — в проксимальном, среднем и дистальном отделах. Эпикантус, скорее всего, отсутствовал. Прогеничный прикус обуславливает выступание нижней губы, общие характеристики строения зубочелюстного аппарата предполагают несимметричный рот с губами средней толщины. Морфологические признаки нижней челюсти определяют округлый нижний контур лица с узким умеренно выступающим подбородком. Следует указать, что лицо обладает хорошо выраженной асимметрией.

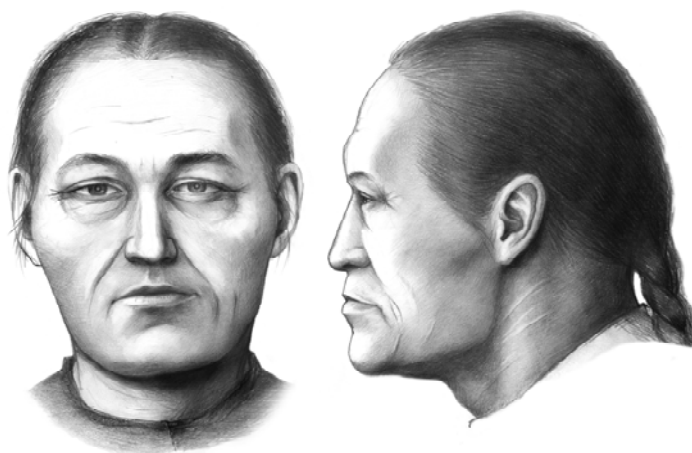

Рис. 1. Графический портрет мужчины из погребения 2.

Погребение 3. XVII — начало XVIII в.

Женщина 40–50 лет. У нее долихокранная средневысокая черепная коробка очень большой длины и средней ширины. Лоб широкий, весьма наклонный, в горизонтальной плоскости профилирован средне, по лобно-поперечному указателю зуриметопный. Лицо очень широкое на верхних уровнях, скуловой диаметр и угловая ширина средние. По высоте лицо на границе больших и средних размеров, по пропорциям мезопрозопно. Лицевой скелет профилирован средне. В вертикальной плоскости лицо ортогнатно, выступание альвеолярной части характеризуется мезогнатностью. Орбиты очень широкие и высокие, по пропорциям мезоконхные, округлые по форме. Нос средней высоты, но очень широкий, по пропорциям платиринный. Уплощенное переносье по абсолютным размерам относительно дакриона среднеширокое и средневысокое, на симотическом уровне — низкое и узкое, при этом носовые кости выступают очень слабо.

В результате анализа морфологии черепа можно представить портрет женщины 40–50 лет с долихокефальной по пропорциям головой с округлым контуром свода и выступающим затылком (рис. 2). Лицо средней высоты, со скулами средней ширины, по округлому контуру нижнего края соответствует овоидному типу. Наклонный лоб широкий, со слабо развитыми надбровьем и лобными буграми. Глаза небольшие с косовнутренним направлением разреза век. Горизонтальные складки верхнего века выражены на всем его протяжении, возможно, слегка нависают на внешние углы глаз. Признаки эпикантуса отсутствуют. Очень широкий, средней высоты нос с прямым профилем слабо выступает относительно плоскости лица. Морфология костей черепа

в подносовой части позволяет реконструировать средней ширины рот, губы умеренной «толщины» и небольшой, умеренно выступающий подбородок.

Рис. 2. Скульптурный портрет женщины из погребения 3.

Зубы верхней челюсти сильно стерты. Степень лопатообразности верхних резцов установить невозможно. На клыках присутствуют умеренно выраженные краевые гребни лингвальной поверхности. Верхние первые моляры не редуцированы, их морфологию описать невозможно. Вторые моляры и третий правый моляр утрачены посмертно. Редукция гипоконуса третьих моляров 3+.

Фронтальные зубы нижней челюсти разрушены посмертно. Левые премоляры сильно дифференцированы. Первые зубы данного класса асимметричны, с расширением дистального отдела. На вторых зубах расширен талонид, на них присутствуют крупные, массивные, хотя и разделенные центральной бороздой задние ямки, краевые гребни прерваны. Моляры правой стороны челюсти утрачены при жизни. С левой стороны они сильно стерты. Можно установить 5-бугорковое строение первого и третьего нижнего моляра, 4-бугорковое — второго. На третьем зубе наблюдается «+»-узор коронки, на втором и третьем — передние ямки.

Погребение 4. XVII–XVIII вв.

Индивид 1. Мужчина 25–35 лет. Мозговая капсула долихокранной формы, средней длины, узкая и низкая. Лоб стелометопный, узкий, весьма наклонный, в горизонтальной плоскости профилирован средне. Мезопрозопное лицо средневысокое и среднеширокое, однако скуловой диаметр и угловая ширина малые. Орбита среднеширокая и средневысокая, по пропорциям мезоконхная, по форме округлая. Нос лепторинный, высокий, средней ширины. Уплотненное переносье по абсолютным размерам узкое и низкое, за исключением средней ширины на дакриальном уровне, при этом угол выступания носовых костей очень малый.

По черепу восстанавливается портрет мужчины с низкой, узкой, долихокефальной головой, с невыступающим, слабопреломленным затылком, узким, покатым лбом и полукруглым контуром нижней челюсти (рис. 3). Лицо средних размеров, со среднеразвитым надбровьем, с невыдающимися скулами, узким слабовыступающим подбородком. По морфологическим особенностям орбитальной области черепа и носолобного треугольника реконструируются среднего размера неглубоко посаженные глаза, имеющие косовнутреннее направление разреза век. Складка верхнего века ровная, выражена на всем протяжении и оканчивается в непосредственной близости с ресничным краем. Признаки эпикантуса отсутствуют. Высокий средней ширины нос с извилистым профилем спинки очень слабо выступает относительно плоскости лица, кончик носа направлен горизонтально. Строение зубочелюстного аппарата позволяет реконструировать довольно широкий рот с полными губами.

Рис. 3. Скульптурный портрет мужчины (индивид 1) из погребения 4.

Верхние центральные резцы умеренно выпуклые в вестибулярном направлении, не лопатообразные, с умеренно развитым лингвальным бугорком. Латеральные резцы заметно редуцированы. Краевые гребни лингвальной поверхности у них развиты умеренно (балл 2), в цервикальном отделе они разделены пролегающей в мезиальном направлении короно-радикулярной бороздой. Краевые гребни клыков развиты слабо (балл 1). Гипоконус первых моляров слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). На первом левом моляре отмечен бугорок Карабелли, на первом правом — дополнительный дистальный бугорок. Передние и задние ямки отсутствуют, как и дополнительные маргинальные бугорки. На втором правом моляре и третьих зубах данного класса гипоконус отсутствует, на втором левом моляре он сильно редуцирован. Метаконус на вторых зубах несколько меньше параконуса (балл 2), на третьих — меньше его половины (балл 3).

В строении моляров и премоляров нижней челюсти наблюдается сильная асимметрия. С правой стороны на первом премоляре при непрерывном трансверсальном гребне присутствует два дополнительных бугорка, придающих коронке асимметричную форму (рис. 4). Второй премоляр, напротив, сильнее дифференцирован слева, на нем отмечен дополнительный бугорок в дистолингвальном отделе.

Рис. 4. Зубы нижней челюсти мужчины (индивид 1) из могилы 4.

Оба первых моляра 5-бугорковые, с «У»-узором коронки. На них отсутствуют фены системы протостилида, тамі, дистальный гребень тригонида. С правой стороны наблюдается непрерывный средний гребень тригонида, слева он пересечен фиссурой II. Одонтоглифика стерта, в мезиальном отделе коронки отмечаются элементы передней ямки.

Вторые моляры 4-бугорковые, с «Х»-узором. С правой стороны присутствует очень массивный средний гребень тригонида, на левом зубе он прерван. На обоих зубах фиксируется перед-

няя ямка. Третьи моляры сильно редуцированы, имеют 4-бугорковую форму, «Х»-узор коронки и упрощенное строение окклюзивной поверхности.

Индивид 2. Мужчина 30–40 лет. Череп долихокранной формы, узкий, характеризуется средней величиной продольного диаметра. Лоб метриометопный, малой ширины, весьма наклонный, профилирован средне. Лицевой скелет узкий и средневысокий, по скуловому диаметру и угловой ширине средний, мезопрозопный по указателю. Величины назомалярного и зигмаксиллярного углов свидетельствуют о средней профилированности лица. По вертикали лицо ортогнатное, в подносовой части чуть более выступающее. Орбиты высокие, широкие, мезоконхные, округлые. Верхний и нижний края орбит закругленные. Высота лепторинного носа большая при средней ширине. Довольно сильно уплощенное переносье очень низкое, на симметрическом уровне очень узкое, на дакриальном среднеширокое. Угол выступания носа над вертикальным профилем лицевого скелета малый.

По признакам морфологии черепа данного индивида восстанавливается портрет мужчины с округлыми, плавными контурами свода головы, невыступающим затылком, наклонным и узким лбом (рис. 5). Очертания средневысокого лица приближаются к эллипсоидной форме. Морфологические особенности области орбит предполагают среднего размера глаза с косовнутренним направлением разреза глаз. Складка века развита на всем протяжении, оканчиваясь близко к ресничному краю. Вероятно, у мужчины были довольно набухшие веки. Особенности строения орбит и лобных отростков верхнечелюстных костей указывают на отсутствие эпикантуса. Высокий средней ширины нос, с вогнутым профилем спинки, горизонтально направленным кончиком, слабо выступает относительно плоскости лица. Совокупность признаков строения альвеолярной части лица, зубочелюстного аппарата и характеристики нижней челюсти позволяют реконструировать подносовую часть с округлым нижним контуром, довольно крупным ртом с большими губами без сильного перегиба внешнего края верхней губы и среднего размера слабовыступающим подбородком.

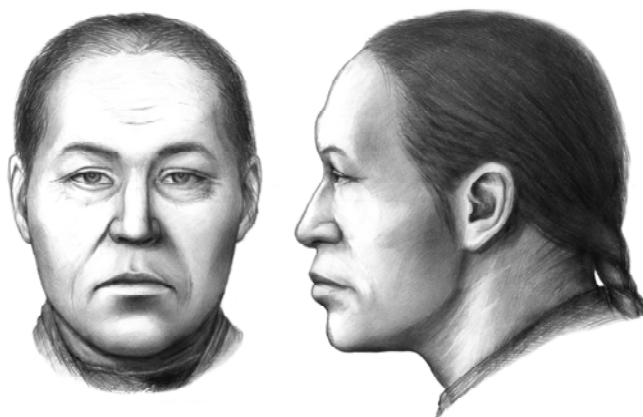

Рис. 5. Графический портрет мужчины (индивид 2) из погребения 4.

Верхние центральные резцы характеризуются отсутствием вестибулярной лопатообразности, лингвальных бугорков и пальцевидных гребней. Лингвальная лопатообразность выражена умеренно (рис. 6). На латеральных резцах наблюдается очень редкий вариант развития лингвального бугорка, который достигает режущего края и имеет собственную вершину, формирующую «Х-зуб». На лингвальной поверхности клыков присутствуют слабо выраженные краевые гребни, развитый лингвальный бугорок и дополнительный дистальный гребень.

Первые верхние моляры не редуцированы. Здесь отмечаются дополнительные бугорки и бугорок Карабелли (балл 4). На вторых молярах полностью редуцирован гипоконус (балл 3) и заметно уменьшен метаконус. Дополнительные морфологические детали отсутствуют. Правый третий моляр отсутствует, левый еще более заметно редуцирован, чем вторые зубы в ряду.

На резцах нижней челюсти краевые гребни лингвальной поверхности отсутствовали, на клыках были выражены очень слабо. Первые премоляры не дифференцированы, вторые имели 3-бугорковое строение.

Рис. 6. Зубы верхней челюсти мужчины (индивид 2) из могилы 4.

Первые моляры нижней челюсти имеют 5-бугорковое строение, *tamī*, протостилид отсутствовали, другие признаки установить невозможно. Вторые моляры имели форму «X4». Третьи моляры также 4-бугоркового строения, с узором коронки «Y».

Погребение 5. XVII — начало XVIII в.

Индивид 1. Женщина 20–30 лет. Черепная коробка была деформирована посмертно в результате давления грунта и деревянных перекрытий. Кроме того, на ней зафиксирована преждевременная облитерация сагиттального шва (краниосиностоз), что в совокупности привело к незначительному изменению его морфологии. В связи с этим часть размерных характеристик при описании краниума не учитывались. Мозговой отдел субдолихокранной формы при малой высоте свода. Лоб узкий, средне профилирован в горизонтальной плоскости. Лицо средней высоты, по пропорциям мезопрозопное, характеризуется средней шириной в подносовой части и малой на уровне орбит. Скуловой диаметр и угловая ширина средние. Лицо по указателю выступающего ортогнатное. По горизонтали на верхнем уровне лицо уплощено средне, а в подносовой части более профилировано. Орбиты очень широкие, средней высоты, по пропорциям мезоконхные. Нос хамеринный, низкий, средней ширины. Сильно уплощенное переносье очень низкое, на симотическом уровне очень узкое, на дакриальном среднеширокое. При этом угол выступающего носовых костей очень мал.

Лингвальные краевые гребни верхних центральных резцов выражены очень слабо (балл 1), лингвальный бугорок развит умеренно (балл 1). Присутствуют пальцевидные выступы лингвальной поверхности. Вторые резцы и клыки имели лопатообразную форму (балл 2), на клыках отмечен дополнительный дистальный гребень.

Первые верхние моляры не редуцированы, бугорок Карабелли отсутствует. На обоих зубах зафиксированы дополнительные дистальные и мезиальные маргинальные бугорки. Гипоконус вторых моляров сильно редуцирован (балл 3+), метаконус также заметно уменьшен (балл 3). Как и на первых молярах, здесь отсутствует бугорок Карабелли, но представлены дополнительные бугорки мезиального и дистального края коронки. Первые борозды мета- и параконуса впадают в фиссуру I одновременно, первая борозда параконуса прямая.

Нижние клыки имели лопатообразную форму и дистальный дополнительный гребень. Нижние первые и вторые премоляры сильно дифференцированы. На вторых зубах наблюдаются дифференциация не только лингвального, но и дистального отдела и заметное расширение талонида (рис. 7).

Первые нижние моляры имели 5-бугорковое строение, «Y»-узор коронки. Здесь отсутствуют дополнительные бугорки, гребни тригониды прерваны, о наличии коленчатой складки судить сложно. Вторые моляры 4-бугорковые, с узором коронки на первом зубе «X», на левом — «+». Из дополнительных особенностей здесь отмечена передняя ямка в мезиальном отделе, остальные признаки отсутствуют. Третий правый моляр 6-бугорковый, с «X»-узором коронки.

Индивид 2. Ребенок 8–9 лет. Краниологическая характеристика не дается в связи с возрастом.

Постоянные первые резцы верхней челюсти характеризуются умеренно выраженной лопатообразностью лингвальной поверхности, отсутствием вестибулярной выпуклости и вестибулярной лопатообразности, слабым развитием лингвального бугорка, наличием пальцевидных

гребней на лингвальной поверхности. Латеральный резец лопатообразный, сохранился только с правой стороны. На верхнем левом клыке краевые гребни лингвальной поверхности выражены слабее, чем на резцах, и присутствует дополнительный дистальный гребень. Первый верхний правый моляр не редуцирован, на нем отмечены бороздка на месте бугорка Карабелли (балл 1), дополнительные бугорки дистального и мезиального края, метаконулюс. Первая бороздка протоконуса впадает в центральную ямку, первая бороздка параконуса прямая. Гипоконус вторых моляров сильно редуцирован (балл 3+). Метаконус заметно меньше параконуса (балл 2). Здесь, так же как и на первых молярах, фиксируются бороздки на месте бугорка Карабелли.

Рис. 7. Зубы нижней челюсти женщины из могилы 5.

Оба нижних первых моляра имеют 5-бугорковое строение, «У»-узор. Отмечаются ямки протостилида, вариант 3 соотношения точек впадения первых борозд метаконида и протоконида в фиссуру II. Остальные фены отсутствуют. Вторые моляры 4-бугорковые, с «Х»-узором коронки и упрощенной морфологией, в составе которой не наблюдается каких-либо дополнительных бугорков или гребней.

Погребение 13. XVII — начало XVIII в.

Индивид 1. Женщина 45–55 лет. Череп поврежден посмертно: в результате лесного пожара загорелось берестяное перекрытие, плотно прилежавшее к передней части краниума, левая верхнечелюстная и носовая кости, а также левая часть лобной кости выгорели. Черепная коробка суббрахикранная, низкая, средней длины и большой ширины. Лицо по скуловому диаметру средней ширины, низкое, по пропорциям мезопрозопомное. Судя по величине указателя выпячивания лицо мезогнатное. Орбиты очень широкие и средневысокие, по пропорциям хамеконхные. Нос низкий. Зубы полностью стерты.

Индивид 2. Ребенок 11–12 лет. Краниологическая характеристика не дается в связи с возрастом.

Лингвальная лопатообразность, лингвальные бугорки, пальцевидные гребни на мезиальных резцах отсутствовали. Лингвальная поверхность латеральных резцов имела лопатообразную форму (балл 2). На правом клыке отмечены очень слабо выраженные лингвальные краевые гребни (балл 1). Верхние первые премоляры имели по два корня.

Гипоконус и метаконус верхних первых моляров не редуцированы. На правом зубе отмечена слабо выраженная бороздка на месте бугорка Карабелли (балл 1), дополнительные дистальные и мезиальные бугорки отсутствуют, как и передняя и задняя ямки. На правом зубе метаконулюс. Первая бороздка протоконуса впадает в фиссуру II, первая бороздка параконуса прямая, впадает в фиссуру I одновременно с 1те. Гипоконус вторых моляров редуцирован умеренно (балл 4- по Дальбергу), метаконус немного меньше параконуса (балл 2). На обоих зубах наблюдаются дополнительные бугорки дистального и мезиального края.

Дополнительные гребни на лингвальных поверхностях фронтальных зубов нижней челюсти отсутствуют. Первые и вторые нижние премоляры сильно дифференцированы (рис. 8).

Первые моляры имели 5-бугорковое строение, «У»-узор коронки. Здесь присутствовала колеччатая складка метаконида, передняя ямка, ямка протостилида. Из одонтоглифических вариантов отмечены 2med(III) и типы 1 и 2 соотношения точек впадения первых борозд метаконида и протоконида в фиссуру II (на левом и правом зубе соответственно). Вторые моляры имели 4-бугорковое строение, узор коронок «Х». Из дополнительных морфологических особенностей здесь также зафиксированы передние ямки, ямки протостилида, вариант 2med(II).

Рис. 8. Зубы нижней челюсти ребенка (индивид 2) из могилы 13.

Индивид 3. Ребенок в возрасте около 4 лет. Краниологическая характеристика не дается в связи с возрастом.

Одонтологический материал представлен изолированными фрагментами коронок верхних и нижних моляров. Верхние моляры не редуцированы, присутствует балл 1 бугорка Карабелли, дополнительные дистальные и мезиальные маргинальные бугорки обоих моляров. Косой гребень пересечен центральной бороздой, в его толще присутствует метаконулюс. Передняя и задняя ямки отсутствуют. Первая борозда протоконуса впадает в центральную ямку, первая борозда параконуса прямая.

Нижние моляры имели 5-бугорковое строение, «У»-узор коронки. На обоих зубах отмечены ямки протостилида и передние ямки, на левом — коленчатая складка метаконида. Задние ямки, *tam1*, дистальный и средний гребень тригониды отсутствовали. Вторая борозда метаконида в обоих случаях впадает в фиссуру III, точка впадения *1med* в фиссуру II лежит ближе к центральной ямке, чем *1prd* (вариант 2).

Обсуждение результатов

Необходимо подчеркнуть большую однородность исследуемой выборки, а возможно, и близкородственные связи между индивидами, что подтверждается очень малыми величинами статистических отклонений практически по всем основным показателям (табл. 1). Женские и мужские черепа очень сходны по своему строению, небольшие различия фиксируются по высоте мозговой капсулы (у женщин она более низкая), и ширине лица (у мужчин оно более узкое). Краниологическое своеобразие данной группы сводится к сочетанию следующих признаков: низкий долихокраниальный череп, средне уплощенное среднеширокое и средневысокое мезопротозопное лицо, плоское переносье и очень малый угол выступания носа.

Судя по отмеченным морфологическим особенностям, мужские и женские группы занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными вариантами ближе к последнему. При этом по уплощенности лицевого скелета (УЛС) обе серии тяготеют к классическим монголоидным выборкам, а по особенностям строения мозговой капсулы мужские черепа более европеоидны. В результате условная доля монголоидного элемента составила 76 и 78 %.

Совокупность антропологических характеристик, выраженных в параметрах соматологии живого лица, позволяет описать предварительный обобщенный мужской портрет. Для выборки из могильника Кикки-Акки характерны голова долихокефальной формы, лицо со средними размерами высоты и скуловой ширины, узкий лоб со слабым наклоном, отсутствие эпикантуса, хорошо развитая складка верхнего века, преобладание лепторинного, слабо выступающего носа с горизонтальным направлением основания и кончика носа, вертикальный или выступающий профиль губ, слабовыступающий подбородок.

Полученный антропологический облик можно сравнить с суммарной соматологической характеристикой селькупов, которую приводит Г.Ф. Дебец [1947]. Он отмечает, что лицо у тазовских селькупов в целом не слишком скуласто, нос характеризуется лепто- или мезоринией, низкое переносье отмечено только у трети исследованных. Выступление носа умеренное при небольшой ширине. Преобладает прямой профиль спинки носа. Положение кончика носа и основание большей частью приподнятые. Эпикантус отмечен у четверти исследованных. Собственно складка века имеется более чем у 90 %, степень развития ее в среднем умеренная. Высота

кожной части губы верхней челюсти средняя, реже большая; профиль вертикальный или выступающий примерно в равном числе случаев. Мозговой череп в целом умеренно брахикефальный. Ширина лба небольшая, наклон лба большей частью слабый, так же как и степень развития надбровных дуг.

Общая одонтологическая характеристика группы XVII–XVIII вв. складывается из умеренной частоты лопатообразности верхних центральных зубов, средней частоты бугорка Карабелли на верхних первых молярах, повышенной частоты дополнительных мезиальных и дистальных бугорков на этих зубах. Здесь наблюдается высокий уровень редукции гипоконуса вторых и третьих моляров при отсутствии гиподонтии третьих зубов. На нижней челюсти преобладают 5-бугорковые формы нижних первых моляров, 4-бугорковые — вторых. Отсутствует дистальный гребень тригонида, *tam1*. Повышена частота коленчатой складки метаконида и ямки протостилида. Из одонтоглифических вариантов здесь отмечаются фен 2med(III) и нейтральные с точки зрения типологической диагностики варианты соотношения точек впадения 1med и 1prd в фиссуру II. При включении в состав серии двух черепов XIX в. к этому комплексу добавляется дистальный гребень тригонида, один случай 5-бугоркового второго нижнего моляра и один — 3-корневого первого нижнего моляра.

В целом рассмотренная комбинация близка характеристикам современных тазовских селькупов, хотя у последних отмечаются эпизодическое присутствие 4- и 6-бугорковых нижних первых моляров, *tam1* и пониженная частота M24 [Этнография и антропология Ямала, 2003, табл. 21]. От нарымских селькупов XVII–XX вв. серия из Кикки-Акки отличается более высокой частотой лопатообразности, а от хантыйских серий — заметно более низкой частотой бугорка Карабелли и 4-бугорковых нижних первых моляров. Однако вариабельность частот базовых одонтологических характеристик угро-самодийского населения, наблюдаемая по данным Г.А. Аксяновой [Там же], сопоставима с показателями для автохтонного населения Западно-Сибирской равнины уже эпохи позднего неолита (данные см.: [Зубова, 2014, с. 193–194; Зубова, Чикишева, 2015, табл. 3]). Единственное серьезное отличие угро-самодийских серий от неолитических популяций по комплексу признаков стандартной одонтологической программы заключается в присутствии в ряде групп повышенных частот 4-бугорковых нижних первых моляров, появляющихся в регионе только в период андроновских миграций [Зубова, 2014, с. 100]. Это позволяет сделать вывод об архаичности наблюдаемых комплексов, который для серии из Кикки-Акки подтверждается наличием умеренной вестибулярной выпуклости верхних резцов, дифференцированного талонида нижних премоляров, передней ямки нижних первых моляров, массивных средних гребней тригонида. Несмотря на малый размер серии, единичным случаем представлен только средний гребень тригонида, что позволяет предполагать близкое родство некоторых погребенных.

Выводы

Судя по краниологическим характеристикам, как уже было отмечено [Пошехонова, 2015], группа людей, захороненных в могильнике Кикки-Акки в конце XVII — первой половине XIX в., по своему антропологическому типу была приближена к восточным хантам (особенно р. Вах). Однако бесспорно присутствие в их антропологической структуре компонента, связанного в генезисе с южными селькупам, особенно из северной части ареала их обитания (р. Тым).

В целом соматологические параметры, полученные с помощью антропологической реконструкции, находят отражение в суммарной характеристике северных селькупов, представленной Г.Ф. Дебецем [1947]. При этом по ряду признаков, например таких, как форма головы, выступание носа, положение его кончика и основания, обобщенный портрет группы отличается от данных Г.Ф. Дебеца.

Морфология зубов сближает серию из могильника Кикки-Акки с современными тазовскими селькупам и древним автохтонным населением Западной Сибири, характеризующимся недифференцированным статусом по отношению к современным большим расам. Большинство маркеров восточного ствола в серии сосредоточено на двух черепах, датируемых XIX в. При их обследовании в консолидированном комплексе были встречены лопатообразность верхних центральных резцов, дистальный гребень тригонида, трехкорневое строение нижнего первого моляра и 5-бугорковые вторые нижние моляры. В сочетании эти четыре признака являются маркером монголоидных одонтологических комплексов континентального происхождения [Turner, 1990], что может быть показателем включения мигрантов в состав северных селькупов XIX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н. Селькупы Верхнего Таза: Межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 4. С. 124–132.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (Современный и ископаемый человек) // ТИЭ. Н. С. М.: Наука, 1955. Т. 28. 586 с.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Сов. наука, 1949. 188 с.
- Дебец Г.Ф. Селькупы: Антропологический очерк // ТИЭ. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 103–145.
- Зубов А.А. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М.: Этно-Онлайн. 2006. 72 с.
- Зубов А.А. Одонтоглифика // Расогенетические процессы в этнической истории. М.: Наука. 1974. С. 11–42.
- Зубов А.А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
- Зубова А.В. Предварительные результаты изучения архаичной составляющей одонтологических комплексов населения Евразии // Вестн. антропологии. 2013. № 4 (26). С. 107–127.
- Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А. Антропологический состав неолитического населения юга Западной Сибири по одонтологическим материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2015. № 3. С. 98–109.
- Лебединская Г.В. Реконструкция лица по черепу. М.: Наука, 1998. 124 с.
- Лебединская Г.В. Соотношение между верхним отделом лица и лицевого черепа // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М.: Наука, 1973. С. 38–56.
- Никитин С.А. Пластическая реконструкция портрета по черепу // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. М.: Изд-во музеев Московского кремля, 2009. Т. 1. С. 137–167.
- Пошехонова О.Е. Краниология верхнетазовских селькупов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 46–52.
- Этнография и антропология Ямала. Новосибирск: Наука, 2003. 390 с.
- Turner C.G. II. Major features of Sundadonty and Sinodonty, including suggestion about East Asian microevolution, population history, and late Pleistocene relationships with Australian aboriginals // Amer. Journ. of physical anthropology. 1990. № 82. P. 295–317.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
poshehonova.olg@gmail.com
alekseeva.elena.ae@gmail.com
**Новосибирск, ИАЭТ СО РАН
zubova_al@mail.ru

The article presents preliminary results of a detailed investigation of paleoanthropological materials from north Selkup burial ground of XVII–XIX century in the area of Kikki-Akki settlement. The paper discusses individual distinctions as to craniological status of the buried, introducing into scientific circulation reconstruction results of their appearance and preliminary investigation results of odontologic characteristics. Craniological specificity of the given group brings it together with east Khanty (Vakh river) and south Selkups, especially from northern part of their habitat (Tym river). The appearance of the buried is obviously demonstrated by facial reconstruction after crania. An interesting distinction of the given series stays an increased frequency of archaic forms as to differentiation of lower bicuspid, availability of front fossa and massive middle ridges of a trigonid on the first molars, being markers of deep archaic character. As to later crania, they were recorded with distinctions of influence from Mongoloid odontologic complex of continental origin.

West Siberia, North Selkups, paleoanthropology, craniology, odontology, appearance, anthropological reconstruction.

ЭТНОЛОГИЯ

К ИСТОРИИ ИЧКИНСКИХ ТАТАР ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVII — XVIII в.¹

Г.Х. Самигулов

На основе анализа опубликованных и новых материалов реконструируется развитие одной из локальных групп тюрков Зауралья — ичкинских татар. Группа формировалась в Приисетье, где происходила дифференциация формирующихся сибирско-татарского и башкирского этносов и групп служилых татар. Во второй половине XVIII в. в связи с переселением ичкинцев с Исети на вновь отведенные земли складывается альменкульская группа ичкинских татар. Прослеживается участие в этом процессе как тобольских служилых татар, так и в значительной степени населения, пришедшего из Поволжья, в том числе служилых мещеряков.

Татары, сословие, служилые, оброчные, мещеряки, Ичкин, Альменкуль, Сейдяшевы, Кульмаметевы.

Одна из тюркских этнических групп Южного Зауралья, чья история практически не изучена, — ичкинские татары. Сегодня они расселены двумя компактными группами в Курганской области — в селах Юлдуз и Сибиркино Шадринского района и в селах Альменево, Тузово, Вишняково, Иваново, Учкулёво Альменевского района. Им посвящен раздел в 5-м томе «Истории Курганской области» [1999]. Описание ранней истории ичкинцев в этом разделе представляет собой пересказ рукописи, составленной в конце XIX — начале XX в. жителем Альменево Рамазаном Таиповым, в которой формирование ичкинских татар изрядно мифологизировано. Начало данного процесса в Зауралье в этой версии связано с падением Казанского ханства и отнесено ко второй половине XVI в. Тем не менее это первая попытка системного изложения имевшейся на тот момент в распоряжении автора информации [История..., 1999, с. 287–289]. В работе Д.М. Исхакова «Этнографические группы татар Волго-Уральского региона» [2002], в силу специфики издания, раздел, посвященный ичкинским татарам, носит обзорный характер. Автором дан хороший (хоть и краткий) анализ опубликованных материалов; кроме того, он едва ли не первым из исследователей обратился к архивным материалам XVIII — начала XIX в. по ичкинским татарам. При этом Д.М. Исхаков не ставил задачи выяснения истории их формирования, возможно, ввиду явного недостатка материала [2002, с. 85–87]. В работах З.А. Тычинских не рассматривается собственно история ичкинских татар, но поскольку автор занимается изучением истории сибирских (в первую очередь служилых) татар, то часть информации, опубликованной ею, очень важна. Это касается как обобщающей работы по сибирским служилым татарам, так и исследований по роду Кульмаметевых [Тычинских, 2010, 2012].

Недавно вышла книга Ф.А. Байрамовой «Степная Атлантида, или история ичкинских татар» [2013]. Автором собрано большое количество информации — из записок путешественников XVIII–XIX вв., сборников статистических материалов, воспоминаний и т.д. При этом автор во многих случаях пренебрегает элементарными методами исторического исследования и произвольно интерпретирует материалы, особенно относящиеся к древним и средневековым периодам истории. Для примера приведу несколько цитат из ее книги: «Если в то время жившие в этих лесах скифо-гунны являются тюрками, то можно сказать, что в Эчкенском городище 2–3 тысячи лет тому назад жили тюркские племена. Если вспомним, что и в древности и сейчас на просторах Евразии ядром расселившихся тюркских народов были татары, то можно уверенно сказать, что и в Эчкенском городище жили предки сегодняшних татар... Недалеко от этого места имеется еще один древний исторический памятник, это место ученые обозначают не местом городища, а местом стоянки. По их мнению, этой стоянке древних людей не менее 7–8 тысяч

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ 33.2644.2014/К.

лет, это относится к периоду неолита... К сожалению, ученые и в этом случае не старались определить национальность жителей стоянки, но их, исходя из осколков керамики, относят к «барабарской культуре»... Некоторые ученые, хотя и с натяжкой, эту культуру хотят опять связывать с «индоиранцами», но это глубоко ошибочный взгляд... Городище Эчкен возникло на месте древней стоянки, то есть жизнь татар продолжалась на том же месте — сначала была деревня, потом она стала городищем, до сих пор на этом месте — в селе живут татары» [Байрамова, 2013, с. 178–179]. Как понятно из процитированных фрагментов, Ф.А. Байрамова полагает, что ичкинцы являются в полной мере автохтонным населением и все археологические памятники в окрестностях начиная с каменного века (мезолита) оставлены их прямыми предками.

Мы также обращались к истории ичкинских татар [Самигулов, 2012, 2013], но в данном случае хотелось бы рассмотреть ситуацию в несколько другом ракурсе. В предыдущих публикациях мы опирались преимущественно на опубликованные материалы, по крайней мере в отношении истории ичкинских татар XVII — начала XVIII в. Но затем были выявлены документы, которые позволяют восстановить некоторые ранее неизвестные детали этой истории. Используя их, постараемся дать хотя бы схематическую реконструкцию развития этой группы и обозначить некоторые вопросы, требующие разрешения.

В связи с этим отметим основные моменты, касающиеся происхождения и основных периодов развития ичкинских татар в работах предшественников. Самая ранняя информация о речке Ичкин и татарах, владевших землями по ней, относится ко второй половине XVII в. В одном из дел, хранящихся в Государственном архиве Пермского края, сохранилась копия текста «данной», или «отказной грамоты», выданной тобольским служилым татарам (подробнее см.: [Самигулов, 2014б]), в которой, в частности, говорится, что в 7195 (1686–1687) г. «тобольския служилыя татаровя Апышка Сейдяшев з братьями с Чемейком с Бакитком с Кушаметком с Тюлячком» били челом, чтобы им выдали копию данной на пожалованные земли по речке Ичкину и по Тоболу [ГАПК, ф. 297, оп. 1, д. 1030, л. 5]. На что тобольским властям было предписано: «...и как к вам сия наша Великих Государей грамота придет и вы б учинили против сего Великих Государей указа прочитая грамоту и списав с нея список оставили в Тоболску в приказной палате а подленную отдали им Абдышку з братьями» [ГАПК, ф. 297, оп. 1, д. 1030, л. 5 об.–6]. Собственно первоначальное пожалование было дано при воеводе Петре Васильевиче Шереметеве в 7186 (1675–1676) г. [Там же, л. 4].

В этом же документе цитируется фрагмент переписной книги Льва Поскочина: «И по памяти на подленной челобитной в Сибирском приказе выписано в писцовых книгах писца Льва Поскочина в татарских землях 193 году написано в Тобольском уезде деревня Ичкина вверх реки Исети на речке Ичкине а в той деревне двор служилых татар Абдышка да Чемейка Сейдяшевых з братьями а в том дворе живут дворовые их люди купленные калмыки Мишайко Галдычко Аиткулко Лачинко женаты на калмыцких же девках» [Там же, л. 5 об.]. З.А. Тычинских приводит имена служилых татар XVII в., в числе прочих значатся Апыш Сейдяшев с окладом в 12 руб., «Абдысаличко» Сейдяшев с окладом 9 руб. [2010, с. 255–256].

В переписных книгах того же Поскочина по русским поселениям в ведении Мехонского острога указана деревня Ичкина, в которой живут «промышленные татаровя казанцы и иных городов. Платят государев денежный оброк:

Во дворе оброчной татарин Аметко Девлетбактыев.

Сказал: родился де он в Казанском уезде в деревне Чебентакове, жил в бобыльском оброке. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 179-го году.

Во дворе оброчной татарин Катырмаматко Тунбаев.

Сказал: родился де он в Кадымском уезде в деревне Новоселке, жил в захребетниках. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 179-го году.

Во дворе оброчной татарин Васка Кунбаив.

Сказал: родился де он в Синбирском уезде в деревне Суденце. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 188-го году.

У него сын Тохташко 2 лет.

Во дворе оброчной татарин Токмаматко Томаев.

Сказал: родился де он в Казанском уезде в деревне Ашпле, платил бобыльской оброк. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 175-го году.

Во дворе оброчной татарин Елмейко Тоюшев.

К истории ичкинских татар последней трети XVII — XVIII в.

Сказал: родился де он в Казанском уезде в деревне Лые, отец ево платил ясак. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 179-го году.

Во дворе оброчной татарин Байсары Исакеев.

Сказал: родился де он в Свяжском уезде в деревне Барыше. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 185-го году.

У него дети: Таскайко 9 лет, Тансарейко 5 лет, Байгозя полугоду.

Сенных у него покосов подле речку Ичкину на сто копен. Оброку платит восемь алтын две деньги на год. И на него Байсарейка денежного оброку вновь прибавлено шеснатцать алтын четыре деньги.

Во дворе оброчной татарин Микитка Слендин.

Сказал: родился де он в Казанском уезде в деревне Мендинской, жил в бобыльском тягле. В Сибирь пришел и живет в Мехонинской слободе со 179-го году» [РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 261, л. 962 об.–964].

Все люди, перечисленные в этом документе, пришли из Поволжья в период с 1667–1668 гг. по 1677–1778 гг. При этом в переписи собственно Мехонского острога (Мехонинской слободы), татары не указаны [Там же, л. 995–1030 об.]. Мы обращаем на это внимание, поскольку в 1770 г. академик П.С. Паллас записал: «Напротиву того дорога предлежала мне по левой стороне Исети по степи чрез село Масленское, деревню Ичкину над ручьем такого же имени, от коего наречены и прочия деревушки оселенная Татарами, происходящими из поколения Казанских и здесь во первых поселившихся в развалившийся Мехонский острог» [Паллас, 1786а, с. 471]. В другом месте (описывая население д. Могильной, или Альменкуль, он сообщил: «Сии татара суть роду Ичкинских казаков, которые лет за сто, или как старики меж ними говорят, во время юношества Петра Великого, пришед из Казанской провинции, поселились в малом числе на реке Ичкане впадающей в реку Исеть, теперь же число их столь умножилось, что составляют почти 200 семей, которые живут рассеявшись по реке Тече и Миясу» [Паллас, 1786б, с. 30–31]. То есть, по версии, записанной Палласом, ичкинские татары — потомки татар казанских, поселившихся в Мехонском остроге. Надо отметить, что люди, жившие в деревнях на территории, отведенной острогу, тоже считались его (острога) жителями. То есть вне зависимости от того, жили они в самом остроге или в деревнях, расположенных на отведенных ему землях, — числились они по Мехонскому острогу (Мехонинской слободе). Эти версии, записанные П.С. Палласом, подтверждаются приведенными выше фрагментами переписной книги Льва Поскочина.

Перепись 1710 г. зафиксировала изменение количества и состава населения д. Ичкино: «И всего Ичкинских татар... 47 юрт в них людей мужеска полу 158 человек женска 131 человек» [РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 434, л. 696]. А в целом в 1710 г. в Ичкинских юртах было 8 дворов служащих драгун, 15 дворов драгун отставных, 4 двора казачьих детей, 11 — оброчных татар, 2 — пришлых татар, 4 — татар бобылей, 2 двора бобыльских вдов и 1 двор тобольского посадского человека. В числе прочих есть двое Сейдяшевых (Седяшевых) — отставной драгун Кулаш и казачий сын Тюляк [Там же, л. 649–655 об.]. Насколько можно судить, Тюляк — один из братьев Сейдяшевых, указанных в процитированном выше документе конца XVII в. И если казаков мы можем отнести к тобольским служилым людям, то где служили драгуны, неясно — со списком тобольских служилых татар XVII в., приведенным З.А. Тычинских, имена упомянутых персонажей не соотносятся². Скорее всего, эти драгуны в недавнем прошлом — беломестные казаки, переведенные в новое состояние в связи с реформой конца XVII в., когда из бывших беломестных казаков был создан Сибирский драгунский полк [Пузанов, 2010, с. 368–369]. Возможно, в ближайшем будущем удастся выяснить, где именно несли службу эти драгуны, жившие в Ичкинских юртах.

Но один из «источников» пополнения населения Ичкинских юртов в период между составлением переписных книг Л. Поскочина и переписью 1710 г. все же выявляется. Житель д. Асмановой (Усмановой) Исекай Кадыргулов 108 лет от роду в 1745 г. сообщил: «...жил он под ведением Китайского острогу в деревне Кадыргуловой (в коей ныне никого жильцов не имеетца) и платил с протчими таковыми ж ясашными татарами в Китайск по двенатцати копеек с каждого

² Соотнесение имен усложняется тем, что у подавляющего большинства тюркского населения вплоть до конца XIX в. фамилий не было. В документах указывали только имя и отчество. В такой ситуации очень сложно по разрозненным документам определить родственные связи. Приведенная далее вероятная реконструкция происхождения Сейдяшевых стала возможна в силу того, что имена персонажей относятся к довольно редко использовавшимся на рассматриваемой территории.

дому в год а оттоль все жители в прошлых давних годех во время бунта башкирского сошли от разорения башкирского Исецкого дистрикта в Ычкинские юрты в коих жил он Исекай лет с тридцать и ясак платил против вышеписанного ж по двенадцать копеек с двора того Исецкого дистрикта в Мехонский острог а назат тому лет с шестьдесят переехал сам собою без указа где ныне оная деревня Асманова селением состоит и он Исекай живет» [ГАСО, оп. 1, д. 1092а, л. 307–307 об.]. Сложно сказать, о каком именно восстании идет речь, но скорее всего имеются в виду события 1680-х гг. Если бы речь шла о событиях 1662–1667 гг., то в переписной книге по Ичкинской деревне Л. Поскочина должны были фигурировать выходцы из Кадыргуловой деревни, включая самого Исекаю. Однако в 1683 г. никто с таким именем в Ичкинских юртах не зафиксирован, равно как не записано ни одного переселенца из д. Кадыргуловой (см. выше).

Обратимся к братьям Сейдяшевым, которым были пожалованы земли по речке Ичкин. Абдыш Сейдяшев занимал не последнее место в иерархии служилых татар Тобольска, о чем говорит годовой оклад в 12 руб. Немалую роль в этом сыграла, очевидно, принадлежность к роду Кульмаметевых. Эта связь прослеживается преимущественно по косвенным, хотя и вполне весомым в комплексе признакам [Самигулов, 2014а]. Убедительным доказательством служит документ, в котором говорится: «В нынешнем во 187-м году сентября в 24 день извещали в Тобольску в приказной полате мне и товарищам моим тобольски юртовски служилы татаровя Аvez-Баке Кулмаметев, да Назар Надаров, Кадралей да Метей Кучугаевы: в нынешнем-де во 187-м году сентября в 23 день писали к нему Аvez-бакею от Ямышевского озера тобольские юртовские служилые татаровя племянник ево Абдыш Сейдяшев да зять ево Кучюк Тоскеев» [Материалы по истории..., 1936, с. 205]. Таким образом, Сейдяшевы имеют непосредственное отношение к клану Кульмаметевых, игравшему огромную роль в жизни сибирских татар (по крайней мере Тобольского ведомства) [Тычинских, 2012]. Предположение, что Сейдяшевы, основавшие д. Ичкино, являются потомками Сейдяша Кульмаметева, получило документальное подтверждение [Самигулов, 2012а, с. 163–164].

Очевидно, это была одна из причин, способствовавших получению Сейдяшевым во владение весьма значительных земель. Помимо отвода по речке Ичкин в грамоте указаны следующие территории: «да им же Абдышку с братьями в прошлом же во 186 году даны рыбные ловли и хмелевые угодья вверх по Тоболу реке а тех рыбных ловель речка Черная а от Черной речки вверх по Тоболу реке по обе стороны и от Царева кургану до речки Юрлагамыша и две речки Утыка а по тем речкам с озерками и с курьями и с протоки ис хмелевыми со всякими угодьями и озеро Курталей и озеро Юргамыш а отводил им те рыбные ловли и всякие угодья сын боярской Борис Грозин а по писму те рыбные ловли вверх по реке Тоболу Черная речка ниже слободы Царева Кургану десять верст а от речки Черной вверх по Тоболу реки мимо Курганской слободы до речки Юргамышу сорок верст и между речек Черными и Юргамышу две речки Утыки и многие курьи и протоки и озерка и хмелевые наволоки озеро Курткале по стороне реки Табола в степи и озеро Юргамыш в тех же межах» [ГАПК, ф. 297, оп. 1, д. 1030, л. 5–5 об.]. Можно понять так, что слобода Царево Городище (Царев Курган) была поставлена на землях, которые незадолго до этого отвели Сейдяшевым. Вспомним, что им землю пожаловали в 1677–1678 гг., а слобода Царево Городище была заложена в 1679 г. [Коновалов, 2002]. В пользу этого говорит тот факт, что земля Сейдяшевых оказалась разделена отводом слободы Царево Городище на две части — от Черной речки вверх по Тоболу «мимо Курганской слободы».

Информации по периоду после 1710 г. у нас довольно мало, но можно уверенно сказать, что разделение ичкинских татар на тех, кто служил по месту жительства, либо оброчных (ясачных), и тех, кто относился к тобольским служилым людям, сохраняется еще в середине XVIII в. В 1748 г. заверенную выписку о земельных владениях получил Аптигарим Апсалимов (Сейдяшев?), как наследник братьев Сейдяшевых, причем получил не только для себя, но для всей родни. К сожалению, в деле не сохранилось списка родственников. Сам Аптигарим служил писарем тобольских служилых татар [ГАПК, ф. 297, оп. 1, д. 1030, л. 3 об.]. З.А. Тычинских приводит данные о том, что в конце XVIII — начале XIX в. в числе тобольских служилых татар было 5 чел. из Ичкинских юртов [2012, с. 155–156, табл. 1].

По ситуации на 1761 г. П.И. Рычков писал: «Да в той же провинции (Исетской. — Г. С.) имеется служилых Мещеряков 166, Сарт 31, Калмык Аюкинских 32, итого 229 дворов. Ичкинских татар по переписи 419, да Багаряцких 196, итого 615 душ. Из них Ичкинские и Багаряцкие Татары состояли в полтинном ясаке, но ныне так, как и все башкирцы из ясака выключены» [1887, с. 370]. Эти данные подтверждаются ответами на анкету Академии наук, составленными в Исет-

ской провинциальной канцелярии в 1761 г. [НИА СПбИИ РАН, ф. 3, оп. 10а, д. 165, л. 155]. Итак, ичкинцы, как и татары, жившие по рекам Багаряку и Синаре, в 1730–1740-х гг. в основной массе были ясачными. Размер ясака составлял 50 коп. в год. Затем ясачные ичкинцы были переведены в служилое сословие. Скорее всего, их перевели в служилое состояние одновременно с багарякскими татарами, т.е. в 1754 г. [Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М., 2005, с. 261–262]. Как мы видели из материалов переписи 1710 г., на начало XVIII в. большая часть населения собственно д. Ичкинской относилась к служилому сословию. Поэтому объяснение П.И. Рычкова о том, что ранее ичкинские татары состояли в полтинном ясаке, относится лишь к части этой группы.

Академик Фальк, описывая ичкинских татар на Исети в 1771 г., упоминает о существовании трех деревень с общим числом населения 126 семей [Фальк, 1824, с. 325]. Д.М. Исхаков, со ссылкой на архивные материалы, пишет, что в 1784 г. ичкинские татары были расселены в юртах Ичкинском (с д. Сибиркиной), Кызылбаевском (с д. Кырчиной), Терсякском, Могильном и Алабужском [2002, с. 86]. В отношении Кызылбаевского, Терсякского и Алабужского юртов неизвестно время, с которого их население относилось к этносословной группе ичкинских татар, хотя логично было бы предположить, что оно было приписано к служилому сословию в течение короткого отрезка времени после 1754 г. Почти неизвестна и история формирования населения этих юртов. В частности, Кызылбаевский и Терсятский юрты располагались на той территории, где находилась тюркская Терсятская волость XVII в. [Долгих, 1960, с. 47]. Хотя есть весьма интересная информация: «Бекметка Тонкачев в 1735 г. со служилыми мещеряками деревень Качаровой и Мюлиной Таныпской волости переселился в ичкинские юрты» [РГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 136, л. 95]³. Сразу по прибытии на Исеть или спустя какое-то время Тонкачевы со своими людьми перебрались в Терсютские юрты. В 1811 г. в Терсютских юртах было восемь семей Тонкачевых [Ревизские сказки, 1811]. А еще раньше из Терсютских юртов в д. Новую (ныне вошла в состав с. Усть-Багаряк Кунашакского р-на Челябинской обл.) переселились 6 чел., в том числе сотник ясачных татар Марзагул Исенбаев. По их сообщению (1745 г.), «пришли они в оную деревню Новую и поселились дворами назат тому лет тридцать из Терсютских юрт (которые под ведением Шадринского дистрикта) от разорения вольницы русских людей» [ГАСО, оп. 1, д. 1092а, л. 307–307 об.]. Но «вольница» — отряды из русских крестьян — созывалась обычно во время башкирских восстаний, когда сил регулярной армии не хватало для борьбы с восставшими. Поэтому «переезд» татар из Терсютских юртов в Новую деревню произошёл, скорее всего, в период восстания 1705–1709 гг.

Об Алабужских юртах нам ничего не известно. Д.М. Исхаков сообщает, что после губернской реформы начала 1780-х гг. это поселение, как и Могильные (Альменкульские) юрты, оказалось в составе Челябинского уезда [2002, с. 86]. Но пока не удалось найти документы об ичкинских татарах Алабужских юртов или деревни в Челябинском уезде (впрочем, как и в Шадринском). Возможно, население этих юртов перешло в Могильную волость, о чем пойдет речь дальше.

Можно предположить, что вскоре после оформления ичкинских татар как служилой этносословной группы им отвели земли в окрестностях оз. Альменкуль, которое русские называли Могильным (из-за курганных могильников в окрестностях озера). В 1771 г. П.С. Паллас застал здесь «до 20 татарских дворов», и «теперь же число их столь умножилось, что составляют почти 200 семей, которые живут рассеявшись по реке Тече и Миясу» [Паллас, 1786б, с. 30–31]. Никаких других татарских деревень в окрестностях Паллас не упоминает, при том что он довольно хорошо осмотрел окрестности, в том числе те места, где в более позднее время существовали деревни. Так, он ездил к оз. Сорочьему, а далее в Куртамыш и Сибирь его путь лежал мимо озер Белкина, Бабьего, Красного, Большого Седяшева [Там же, с. 31–32].

В 1781–1782 гг. происходит распределение территории бывшей Исетской провинции преимущественно между Пермским и Уфимским наместничествами. Соответственно значительная часть служилых мещеряков и служилых татар, ранее подчинявшихся Исетской провинции Оренбургской губернии, оказались после перераспределения территорий в подчинении Пермского наместничества. По каким-то причинам часть служилых мещеряков и служилых татар не хотели оставаться в ведении Пермского наместничества. Так, еще до выхода указа о создании наместничества часть «служилых мещеряков» Исетской провинции, не желая выходить из Оренбургского ведомства, в 1780 г. ходатайствовали о переселении к Уклы-Карагайской и Уйской крепостям. В том же году они получили разрешение, и 40 дворов во главе со старшиной

³ Благодарю И.Д. Биккинина за предоставленную информацию.

Габди (Абди) Бектемировым и ахунот Абдуллою Муслумовым сыном (Муслумовичем) Даушевым перебрались к верховьям р. Урал [ОГАЧО, ф. И-44, оп. 1, д. 9]. Из мещеряков, живших по реке Тече и оказавшихся после преобразований в составе Далматовского (Шадринского) уезда Пермского наместничества, в 1780-х гг. на территорию Челябинского уезда Уфимского наместничества переселилось 100 семей [Там же, д. 88, л. 1–1 об.] Можно предположить, что часть ичкинцев тоже решили остаться в ведении «своей» губернии и переселились в Челябинский уезд.

Очевидно, точно так же и часть ичкинцев переселились на недавно отведенные земли, которые оставались в составе Челябинского уезда. Косвенно об этом свидетельствуют цифры. В 1783 г. в одном из документов Челябинского уездного суда указано: «Переселившихся из Ичкинских юрт в деревню Могильную татар у сотника Исмаила Уразметева 30 дворов» [Там же, д. 80, л. 20]. Никаких других групп или деревень ичкинских татар не упоминается. В 1786 г. перечислены уже три деревни ичкинских татар в Челябинском уезде: «Могильная, Резяпова и Цаликульская» [Там же, д. 109, л. 401]. На карте, составленной после 5-й ревизии (переписи населения), которая проходила в 1795–1796 гг., показаны четыре деревни: Ичкулева (Учкулева) — Шабай тож (т.е. деревня имела два названия — Учкулева и Шабай), Тузова, Могильная (Альменкуль), Вешнякова — Сорочья тож [ОГАЧО, ф. И-87, оп. 1, д. 1015]. Общее число населения по 5-й ревизии в четырех деревнях составляло 415 душ мужского пола, из них в Могильной и Тузовой (вместе) — 235, Вешняковой — 62 и Учкулевой — 118 [Там же, д. 1015]. Волость, включавшая в себя эти деревни, официально называлась «Могильская», или «Могильная», — от русского названия д. Альменкуль. Если считать по 4 чел. мужского пола в семье, то получится, что в 1795–1796 гг. в Могильской волости было больше 100 семей ичкинских татар (по сравнению с 30 семьями в 1783 г.). Прирост более чем солидный. Очевидно, шло переселение людей из других юртов ичкинских татар. По аналогии с другими группами служилых татар (мещеряков) можно предположить, что в Могильную волость Челябинского уезда перебралась часть населения деревень, оказавшихся в Шадринском уезде.

Документов конца XVIII в. пока выявлено мало, поэтому мы можем оперировать незначительным количеством информации. Один из самых известных персонажей истории с. Альменево (бывшее Могильное/Альменкуль) — Фазил Ибрагим-углы Тынкачев скончался в Альменево в 1826 г. и похоронен на местном кладбище [История..., 1999, с. 298–299]. Если мы обратимся к ревизским сказкам Терсятских юртов 1811 г., то обнаружим там целый клан Тонкачевых. Причем практически все они записаны с полным именованием — имя, отчество и фамилия. Двое из них обозначены как мурзы — скончавшийся в 1805 г. «Мурза походный старшина Селим-Жегсар Тонкачев» и «Мурза Салей Тонкачев», умерший в 1797 г. [Ревизские сказки, 1811, л. 220, 221 об.] Примечательно, что Тонкачева (Тынкачева) из Альменева в ревизских сказках 1811 г. можно определить, но без гарантий точности — у него указаны лишь имя и отчество [ЦГИА РБ, ф. И-138, оп. 1, д. 129, л. 75]. Такой вариант записи был обычным. За редким исключением татары и башкиры стали использовать фамилии лишь в конце XIX — начале XX в.

В 1780-х гг. ичкинцы оказались в составе разных губерний. Те, что жили на Исети, вошли в состав Далматовского, позже — Шадринского уезда Пермской губернии (наместничества), а группа, переселившаяся в район озер Альменкуль, Цаликуль, Иванково и т.д., — в Могильскую волость Челябинского уезда Оренбургской губернии (Уфимского наместничества). В 1798 г. при образовании Башкиро-Мещеряцкого войска практически все ичкинские татары были включены в мещеряцкое сословие, т.е. сословие служилых мещеряков. Исключение, возможно, составили те 5 чел. из Ичкинских юртов, служивших в Тобольске, о которых упоминается в работе З.А. Тычинских [2012, с. 155–156, табл. 1].

Сделаем несколько выводов. Даже столь неполный материал позволяет представить сложность процесса формирования ичкинских татар и многокомпонентность группы в XVII–XVIII вв. С большой долей уверенности можно говорить, что складывалась она уже в рамках Российского государства. Вероятно, в состав этой этносословной группы вошли тюрки Терсятской волости, на территории которой и происходил процесс. Значительную роль в формировании сыграли тобольские служилые татары Сейдяшевы. Наибольшей по численности (по крайней мере, непосредственно в Ичкинских юртах) была группа татар — выходцев из Поволжья. Еще один важный компонент — служилые мещеряки мурзы Тонкачева, переселившиеся из Приуралья в 1735 г. Возможно, были еще какие-то коллективы, влившиеся в состав ичкинцев, информация о которых пока не выявлена. На рассматриваемый процесс оказывали влияние социально-политические условия в Южном Зауралье, частые смены административно-территориальных образо-

К истории ичкинских татар последней трети XVII — XVIII в.

ваний и изменения в организации регулярных и нерегулярных войск в Зауралье и в Сибири в различные периоды XVII–XVIII вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Байрамова Ф.А. Степная Атлантида, или история ичкинских татар: Науч.-ист. изд. Казань: Аяз, 2013. 344 с.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 624 с.
- История Курганской области. Курган: Кург. обл. о-во краеведов, 1999. Т. 5. 456 с.
- Исхаков Д.М. Этнографические группы волго-уральских татар: Опыт системного анализа // Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования: Ист.-этногр. атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002. С. 75–96.
- Коновалов Ю.В. К вопросу о дате основания города Кургана и его основателе // 50-летие историко-правоведческого факультета Курганского государственного университета: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. г. Курган, 21 ноября 2002 г. Курган, 2002. С. 38–39.
- Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005. 272 с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786а. Т. II. Кн. I. 476 с.
- Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786б. Т. II. Кн. II. 571 с.
- Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.
- Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренбург. отд-ние ИРГО, 1887. 405 с.
- Самигулов Г.Х. Территория Сафакулевского района в XVII — начале XIX века // Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века). Курган: Изд-во КурГУ, 2012. С. 38–70, 83–97.
- Самигулов Г.Х. О тюркских волостях Южного Зауралья XVII–XVIII вв. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Рифей, 2013. С. 314–334.
- Самигулов Г.Х. Ичкинские юрты: Новые материалы к истории тюркского населения Зауралья // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы II Всерос. науч. конф. (Курган, 17–18 апреля 2014 г.). Курган: Изд-во КурГУ, 2014а. С. 92–97.
- Самигулов Г.Х. Сейдяшевы и Кульмаметевы — попытка реконструкции // Присоединение Сибири к России: Новые данные: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень, 2014б. С. 162–166.
- Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.
- Тычинских З.А. Из истории сибирских мурз Кульмаметевых в XVII–XIX вв. // Акселеу Сейдімбек: Гылыми мурасы жэне тэуелсіздік: (Ауызша тарих мәселелері): Халыкаралык гылыми-теориялык конф. 6 желтоқсан 2012 жылы. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы, 2012. С. 271–279.
- Фальк И.П. Записки путешествий академика Фалька. СПб., 1824. 546 с. (Полн. собр. ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою академиею наук).

Источники

- ГАПК. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1030.
- ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.
- Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I. 631 с.
- НИА СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 165.
- ОГАЧО. Ф. И-44. Оп. 1. Д. 9, 80, 88, 109; Ф. И-87. Оп. 1. Д. 1015.
- РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261, 434; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 136.
- Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. I [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1600-1620/Rus_kit1/101-120/117.htm.
- Сибиркиной // Ревизские сказки, 1811 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.edoclib.gasrb.ru/#/?places>.
- Терсютских юрт татары // Ревизские сказки, 1811 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.edoclib.gasrb.ru/#/?places>.
- ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 129.

Челябинск, Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
gayas_@mail.ru

Г.Х. Самигулов

Basing on analysis of published and new materials, the paper gives reconstruction of development regarding one of the local Turkic groups from Trans-Urals — the Ichkin Tartars. The group was formed in the Low Isyet' basin, where differentiation occurred between forming Siberian-Tartar and Bashkir ethnoses and groups of service class Tartars. In the second half of XVIII c., due to migration of the Ichkin group from the Isyet' into newly allocated lands, subject to formation being Al'menkul' group of the Ichkin Tartars. In formation of the Ichkin Tartars, one could trace both participation of Tobolsk service class Tartars and, to a great extent, of the population arrived from the Low Volga basin, including service class mescheryaks.

Tartars, class, service class, peasants on quitrent, mescheryaks, Ichkin, Al'menkul', the Sejdyashevs, the Kul'mametevs.

«ПЛАН» ТОБОЛЬСКОГО ЗЕМЛЕМЕРА 1806 г., ИЛИ О ТОМ, КАК ОН ВЫДАЛ ЖЕЛАЕМОЕ ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ (к вопросу о местонахождении могилы Ермака)

И.В. Белич

В центре внимания статьи — «План» из «Атласа Тобольской губернии 1806 г.» В. Филимонова, где указано место захоронения Ермака у бывших юрт Бегишевских с отсылкой к «Описанию Сибирского царства» Г.Ф. Миллера. Критический анализ отрывка из данного труда с текстом «Плана» выявил подделку в источнике. Она касается могилы атамана, о чем землемеру якобы «татары объявляют». Так в «Плане» явились «надлежащие» пометы и знаки. Итак, он выдал желаемое за действительное. «План» как исторический документ ценности не представляет, впрочем, интересен географам. В 2014 г. археологи, взявшись за него, прошли по тому же пути, что и землемер, навязавший им этот путь, в итоге оказавшийся ложным: могилу Ермака не нашли. Попытка подмены «места памяти» своим «местом в истории» вновь провалилась.

«Атлас Тобольской губернии 1806 г.», землемер В. Филимонов, Баиш-аул, юрты Бегишевские, могила Ермака.

*430-летию гибели атамана Ермака Тимофеевича посвящается
(6 августа 1585 г. — 19 августа 2015 г.)*

Одной из фундаментальных проблем современной России является возвращение ее исторической памяти. Участие на параде Победы 9 мая 2015 г. сотен тысяч из «Бессмертного полка» воочию показало, как дорога эта, казалось бы, утраченная память для всего нашего народа. Так же бесценно историко-культурное наследие Отечества, недавно признанное «стратегическим ресурсом государства» (В.В. Путин) для нашего общего блага — «сбережения народа» (А.И. Солженицын).

Множество исторических мест нам давно и хорошо знакомы, однако великое число «мест памяти», или «памятных мест» (П. Нора), остаются, увы, в забвении. Более того, даже места, где нашли последний приют прославленные личности Отчизны, по-прежнему неизвестны. Дело в том, что слишком мало об этом сохранилось свидетельств летописцев и исторических документов, к тому же имеющих порой характер замысловатого повествования. О такого рода летописных свидетельствах и об одном не лишенном противоречий историческом документе и пойдет речь в данной статье, полемической по своей сути и отчасти публицистической.

В 2014 г. «группа тобольских археологов под руководством к.и.н. А.А. Адамова проводила археологические исследования в Вагайском районе Тюменской области с целью поиска могилы казачьего атамана Ермака». Исследования велись в районе с. Бегишево, где по информации «карты агронома В. Филимонова нач. XIX в. место погребения Ермака было отмечено недалеко от старых юрт Бегишевских» [Тобольские археологи...]. Вопрос в том, почему не Баишевских юрт, где, согласно сказу Ремезовской летописи, «и нарекоша его (Ермака. — И. Б.) богом и погребоша по своему закону на Баишевском кладбище под кудрявою сосною» [Сибирские летописи, 1907, с. 346], как писано в ее 112-й статье, подверженной влиянию легенд сибирских татар, или «туземного эпоса» [Бахрушин, 1916, с. 14]. Что в этой карте подвигло археологов искать могилу атамана близ бывших юрт Бегишевских?

Представляю копию этого «Плана»¹, далее приведу только небольшой отрывок из препроводительного текста и отдельные пометы, зафиксированные на самом «Плане» (рис. 1).

Во избежание недоразумений отмечу, что ни Е.Н. Коновалова, открывшая данный источник, ни обращавшиеся к нему затем археологи так и не издавали «План», и он мне не встречался².

¹ Автор выражает признательность А.А. Адамову за любезно предоставленную копию карты В. Филимонова.

² Фрагмент собственно этого плана с топографическим «указателем» был опубликован [Матвеев, 2012, с. 535].

Но здесь его придется представить хотя бы в таком виде, потому что анализировать и комментировать данный план вслепую было бы несообразно. Взглянем на него прежде глазами самих археологов:

«Совсем недавно в библиотеке РАН г. С.-Петербурга был выявлен еще один источник начала XIX века — «Атлас Тобольской губернии от 1806 года»³, составленный тобольским губернским землемером В. Филимоновым. В атласе есть карта — «План местоположению состоящему около реки Иртыша, реки Вагая и прочих озер и речек...», на которой недалеко от старых Бегишевских юрт обозначено место захоронения Ермака. В. Филимонов снабдил карту пояснительным текстом, из которого *становится ясно*, что место ему указало *местное татарское население* (здесь и далее курсив мой. — И. Б.)» [Адамов, Турова, 2014, с. 281].

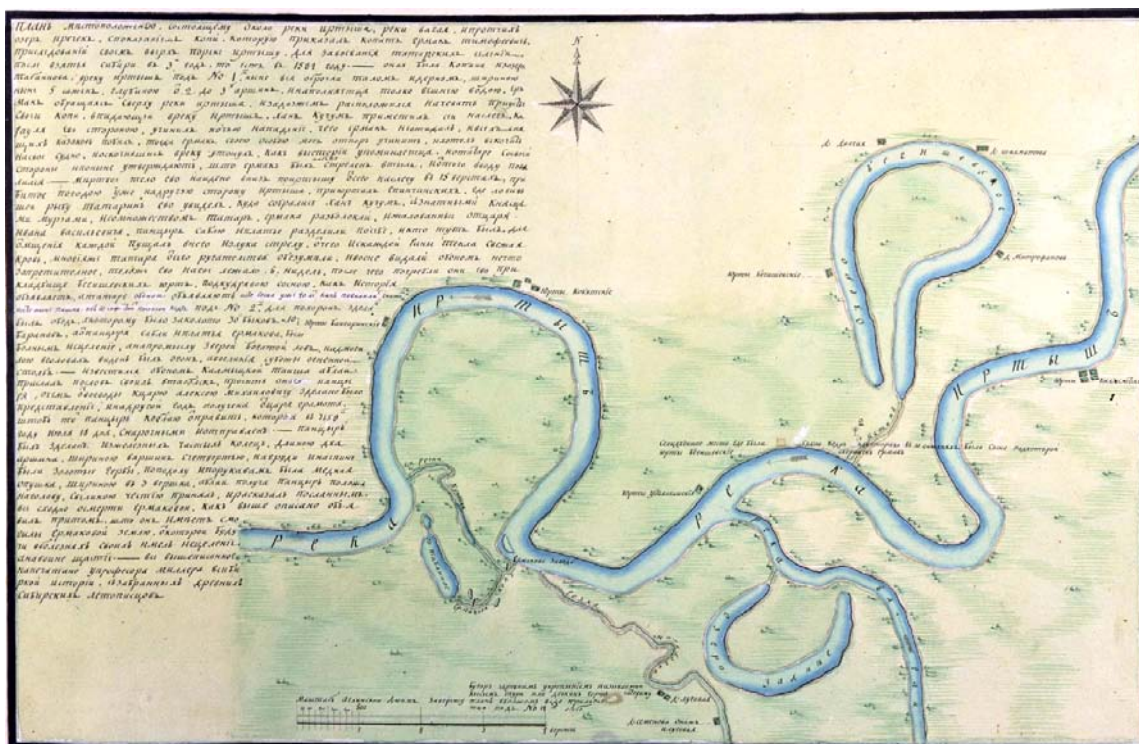

Рис. 1. «План» В. Филимонова. 1806 г.

Жители нынешних Бегишевских юрт словом не обмолвились об этом ни аспирантке Г.М. Нязовой [2004, л. 32–33], ни мне в конце 1970-х — 1980-х гг. Неужели забыли? Не похоже, так как аксакалы не только современной д. Бегишевкие юрты, но и соседних аулов понятия не имели, где похоронен Ермак. Как удалось проследить в «дозорных и переписных книгах», а также в «подрядных записях», где воспроизведено межевание земель г. Тобольска «с уездом оным», начиная с 1623, в 1635 и по 1684 г., такого рода сведений там вообще нет [Белич, 2015а, с. 37–41], потому что их и не могло быть [Белич, 2015б, с. 55–66]. Обратимся к пояснительному тексту «Плана» Филимонова, дабы и всем нам было ясно, каким образом «место ему (землемеру. — И. Б.) указало местное татарское население». В тексте следует практически пересказать содержания статей Ремезовской летописи, где повествуется о гибели Ермака, месте его погребения, тризне и представлены иные сюжеты. Но изложен текст не по «Истории Сибирской» С.У. Ремезова — где бы землемеру его раздобыть, а по «Описанию Сибирского царства» Миллера [Сибирские летописи, 1907, с. 346, 348; Миллер, 1750, с. 193–194]. На что Филимонов собственноручно и

³ Е.Н. Коновалова разбирает этот источник в статье, где дан подробный обзор карты и планов в составе «Атласа Тобольской губернии 1806 г.». Особое внимание она уделяет «Плану местоположению состоящему около реки Иртыша, реки Вагая и прочих озер и речек...», представляя полный его пояснительный текст [Коновалова, 2005, с. 134–135].

«План» тобольского землемера 1806 г., или о том, как он выдал желаемое за действительное

сослался: «Все вышеписанное напечатано у профессора Миллера в Сибирской истории с забранных древних сибирских летописцев»⁴.

Пояснительный текст на «Плане» В. Филимонова рукописный, но графика письма содержит элементы скорописи: вынос букв поверх строки, соединение букв в слове и др. Трудно сказать, почему землемер писал так в 1806 г. Видимо, сохранил эту архаику со времен учебы в бурсе. Но это не столь важно. Важнее другое: если землемер указал, что «вышеписанное напечатано», т.е. *взято им у Миллера*, отчего же археологу «становится ясно, что место» — могилу Ермака Филиппову «указало местное татарское население»? Взяв текст «Плана», проникнемся поиском сего откровения. Вот этот прелюбопытный отрывок: «...после чего погребли они его [Ермака] При кладбище Бегишевских юрт под кудрявою сосною, как История объявляет, а татаре обоном объявляют што сосна уже 40 лет повалилась и на том месте ныне пашня а в 10 саж[енях] с той [сосны] посохший кед[р] Под № 2» (ср.: [Коновалова, 2005, с. 134]).

«План» исполнен в цвете на цветной бумаге. Между словами «татаре» и «объявляют» до «Под № 2» — 1,5 строки текста, как обнаружилось при скрупулезном просмотре, были вытравлены, а более мелким почерком вписано: «обоном... што сосна уже 40 лет повалилась... месте ныне пашня а в 10 саж[енях] с той [сосны] посохший кед[р]». Слово «сосны» отсутствует, в слове «кедр» -р пропущено: за д — ять. Здесь и стало ясно, что в начальном тексте «татаре объявляют» нечто иное. Что? Будем искать в «Описании Сибирского царства» Г.Ф. Миллера.

Второй текст писан рукой Филимонова: вывел те же буквы над строкой в тех же словах, ять — та же. Понятен и более мелкий почерк: хотел вписаться в строку начального текста. Но то, что место ему «указало местное татарское население», яснее не стало. Почему он вытравил 1,5 строки в первом тексте и откуда взял, что стали «татаре об оном объявлять»? В этом еще предстоит разобраться столь же тщательно, как и при анализе его второго текста.

Начну с напоминания, что В. Филимонов — один из авторов «Описания Тобольского наместничества 1790 г.», где надо было ответить на вопросы, в том числе под № 8: «Нет ли таких урочищ, кои знамениты, по каким ни есть историческим происшествиям?». В статье «О городе Ишиме и уезде онаго» 1790 г. он ничего подобного не сообщил. А в «Топографическом, историческом и экономическом описании Тобольской губернии, о городе Таре и об уезде онаго» 1803 г. им был дан целый очерк истории, но... Но лишь из Тобольска отписали: «Знаменитые урочища по сибирской истории значатся от города Тобольска в 19 верстах на правом берегу по течению вниз Иртыша, при устье речки Сибирки — столица бывшего владельца Кучума, а потому и наименование Сибири причину подало» [Белич, 2010, с. 88; Коновалова, 2005, с. 135; Описание, 1982, с. 61, 67, 258, 273].

Авторы «Описания Тобольского наместничества», разумеется, располагали сведениями о древностях в их 16 округах, но спрашивалось о «знаменитых». Из таковых на всю Сибирь — один Искер [Белич, 2010, с. 89]! К 1807 г. в России накопился немалый опыт в исследовании остатков древностей. Новым было только слово «археология» [Формозов, 1986, с. 39]. В общественном сознании россиян и сибиряков начала XIX в. лишь начался процесс осознания того, что в наше время понимается под объектами историко-культурного наследия. В лучшем случае их расценивали как реликвии — «достопамятности» [Там же, с. 145]. Раньше всех оно созревало в умах тех, кто чаще сталкивался с таковыми, — землемеров. Отсюда и тяга Филимонова к разным городищам, отмеченным им на листах «Атласа Тобольской губернии 1806 г.»: 10 из 20 (плюс карта) его листов отведены под планы «бывших древних укреплений». Больше половины из них связаны с «сибирским взятием» [Коновалова, 2005, с. 136–137].

Но что «древние укрепления» в сравнении с могилой Ермака? С 1636 г., когда Священный собор в Москве канонизировал его [Белич, 1997, с. 68], во всех храмах Тобольской губернии во «вселенские субботы», в Софийском соборе Тобольска — особо в 1-ю, поминали Ермака: «...вечная память большая», — писано в «Синодике» [Сибирские летописи, 1987, с. 381]. Особенность тобольского «Синодика» в том и заключается, «что это не обычное поминовение умерших “за упокой”, а совершенно особая служба — Чин православия, когда поминаются лица, оказавшие особые услуги православной церкви» [Ромодановская, 1981, с. 137].

Филимонов не мог не посещать эти службы; быть может, на одной из них и запало ему в душу желание отыскать могилу Ермака. И, выполняя работы по «Атласу» в 1806 г., нашел — по

⁴ У Е.Н. Коноваловой написано так: «В своих описаниях Василий Филимонов ссылается на “Сибирскую историю” С.У. Ремезова («История Сибирская». — И. Б.), “Историю Сибири” («Описание Сибирского царства». — И. Б.) Г.Ф. Миллера» [2005, с. 135], потому и приходится править источниковеда.

их окончании вписал это в заголовок. «Атлас Тобольской губернии» завершается фразой: «...и местоположению где Ермак утонул, схоронен и где им учинена в реку Иртыш копь» [Коновалова, 2005, с. 131, 135]. Но это случится, когда он побывает в тех местах, где разворачивались последние трагические события похода Ермака. Постараемся воссоздать ход поиска им могилы атамана, применив методы интерполяции и герменевтики.

Оказавшись по службе в тех местах, сначала он начертил «План древнего укрепления... от села Бегишевского» — лист 15 «Атласа»; затем написал текст в «План местоположению состоящему около реки Иртыша, реки Вагая...» — лист 20 [Там же, с.136], где, как «напечатано у профессора Миллера», был «Ермак схоронен». Эти планы явно делались им параллельно. Когда землемер писал пояснительный текст к этому «Плану», он строго следовал за Миллером: «Все вышеписанное» — от него. Но профессор не указал место «при кладбище Бегишевских юрт», где «погребли они его», т.е. Ермака. Хотя задал ориентир — «кудрявая сосна», — вот собственно ее он и стал искать.

Как землемер *губернский*, он по чину обратился к старосте Бегишевских юрт. Вообразим, с каким вопросом. Едва ли о могиле Ермака, но мог задать и его. Да вряд ли получил бы ответ от старосты или старого жителя аула. А видно, спросил примерно так: не ведает ли тот о старой сосне подле их кладбища, там еще старинная могила была? Тут-то и мог услышать: дескать, была сосна сухая, корчевали ее лет 40 тому. Когда пахали, соха там черпнула человеческие кости. Не татар могила — наше кладбище дальше. В сторону Иртыша от того места сажен с 10 кедр сухой стоит — от него и пойдешь, может, черепки отыщешь.

Эта воображаемая беседа, я убежден, имела место после того, как землемером уже был написан текст, но еще не начерчен план. Поясню свою уверенность тем, что таким образом и реализовывали отношения губернские чиновники с главами общин в начале и конце XIX в. Именно таким путем, как известно, губернскому агроному Н.Л. Скалозубову «благодаря содействию Карагайского волостного старшины» удалось заполнить список родословной (*шаджара*) местных мусульманских святых в 1900 г. [Белич, 2004а, с. 485–486; Селезнев и др., 2009, с. 38–39].

Закономерен и такой вопрос: могли ли обитатели Бегишевских юрт до 1806 г. выпахать на том поле остеологические фрагменты и артефакты, составившие целую коллекцию при раскопках 2014 г.? Могли, и многократно: там «мощность перепаханного слоя до уровня материкового суглинки составляет 20–40 см» всего-навсего [Адамов, Турова, 2014, с. 282]. Именно и только благодаря этому — это место и могло запомниться местным населением.

По указке старосты, возможно, при его участии землемер нашел то самое место, ориентируясь на кедр, дальше — дело техники. Так на рассматриваемом «Плане» и возникли: знак под «№ 2» и помета: «Сухой Кедр сподкотогао в 10 сажнях Была Сосна под которой схоронен Ермак». Потом он вытравил 1,5 строки в первом тексте к «Плану» и вписал другой — не такой, «как История объявляет». И «татаре обоном объявлять» стали то, что хотел В. Филимонов.

Тем не менее можно восстановить первый, или начальный, текст — ведь источник нам хорошо знаком. А «напечатано... в Сибирской истории» было вот что: «И дабы суеверие над могилой також уничтожилось, то приказано было тем, которые тело его погребли, о погребальном месте никому не объявлять. Однакож оное место в безвестии не осталось...» [Миллер, 1750, с. 194].

Только этого отрывка из труда Миллера нет в тексте к «Плану», следом и дословно в пересказе землемер пишет: «надмогилою в головах виден был огонь, а в великия субботы огненной столб»⁵. Изложи Филимонов эту часть отрывка из Миллера своими словами, сошлись бы как раз те 1,5 строки первого текста, которые он вытравил. Но желание землемера разыскать могилу Ермака было столь велико, что в результате в «Плане» он выдал желаемое за действительное.

Чтобы понять, зачем он это сделал, надо проследить рост карьеры Василия Филимонова. Сделав «описание о г. Ишиме и уезде онаго» 1790 г., из «уездного землемера» он стал таковым, но «9-го класса». За «описание о г. Таре и об уезде онаго» 1803 г. — он уже «губернский землемер 8-го класса». И все «по высочайше изданному плану 1784 г.», который требовал выдать все и «по историческим происшествиям». Потому как «Россиян должно почесть за главных обитателей Тобольской губернии» [Коновалова, 2005, с. 135; Описание..., с. 4, 15, 17, 257–271,

⁵ Ср.: «...ибо как объявляется, то по все субботы над могилою в головах виден был огонь будто от свечи, а в родительския вселенския субботы примечен был огненный столб, который простирался до неба, о чем писатель (С.У. Ремезов. — И. Б.), что сие еще и в его времена видно было. Время, когда сей писатель жил... а именно он объявляет: в 1758 [1650] году...» [Миллер, 1750, с. 194].

272–298]. И они должны примечать уже 200 лет как свою землю — Сибирь не только часовнями святых угодников, но также и «урочищами знамениты». За «Атлас» 1806 г. Филимонову светила бы «Анна на шее», но ни за ордена, ни в расчете на повышение чина никто не кинулся искать могилу Ермака. Не потому, полагаю, что в 1796 г. Тобольское наместничество упразднили, а его территорию передали во вновь образованную Тобольскую губернию. Но потому, что профессора Академии наук, отменно знавшие «Истории» Миллера и Ремезова, просто заметили *подлог* в «Плане».

Когда летом 2014 г. тобольские археологи, совместив «карту Филимонова с космоснимком» (!), локализовали «место расположения могилы казачьего атамана» (?!) по месту расположения «сухого кедра» (NB) и, сняв 4 см дерна, приступили к раскопкам, то сразу же зафиксировали «многочисленные борозды от вспашки поля плугом (?)» [Адамов, Турова, 2014, с. 282]. Каким плугом? Как известно, сибирские татары и в 1860-е гг. пахали деревянной сохой с железным сошником, с 1890-х гг. ее сменила «пермянка» — с конусообразным лемехом и металлическим отвалом [Валеев, 1980, с. 74; Горюшкин, 1973, с. 42]. Может, «пермянку» они и приняли за «плуг»? Немудрено. Но дело даже не в этом, а в том, что, когда археологи обнаружили под пашней «контуры ям различной конфигурации и размеров...», в «раскопе № 3 *были выявлены два погребения*», которые *датируются X–XI вв.* [Волков, 2014; Адамов, Турова, 2014, с. 282].

Именно по этой причине, как уже подчеркивалось, у бывших обитателей старых Бегишевских юрт, частично вскрывших этот могильник при поднятии там пашни еще в последней трети XVIII в., это место и отложилось в памяти. Но совсем не потому, что это «место» — могила Ермака Филимонову якобы в 1806 г. «указало местное татарское население»; к такому умозаключению археологи пришли сами. Не землемером, а собственно археологами «было локализовано место расположения могилы казачьего атамана» при помощи «совмещения карты В. Филимонова с космоснимком местности». Отправной точкой их рассуждений («nota bene»), ориентирующихся на знаки и символы, рассмотренные мною выше, послужил «сухой кедр». По сути, археологи пошли по тому же пути, что землемер в 1806 г. С той лишь разницей, что Филимонов ориентировался на «*кудрявую сосну*» Г.Ф. Миллера, а археологи — на «*сухой кедр*» землемера, который фактически навязал им этот путь, в результате оказавшийся ложным [Кондауров, Турова, 2014, с. 27].

Что предпринял Филимонов в 1806-м? Поскольку обстоятельства поиска им могилы Ермака до некоторой степени прояснились, то проследить ход его дальнейший действий не составит труда. Выявив на местности расположение бывших юрт Бегишевских, в «Плане» он написал по горизонтали в одну строку: «*Селитбенное место где были юрты Бегишевские*», обозначив его на высоком обрывистом берегу р. Иртыша маленьким квадратом желтого цвета.

Это, несомненно, «Толбосе-аул, по-русски Бегишевские юрты», на правом берегу Иртыша с «зимними... жилищами», мимо которых в 1374 г. *проплыл* Миллер и которые пометил С. Ремезов в «Хорографической чертежной книге» на чертеже «*Иртыш река. Глава 29*» как «*Тоболсуба или Бегишевы* [юрты]» в конце XVII в. [Миллер, 1996, с. 80; Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 82]. На данном чертеже (рис. 2) ясно видно местоположение Бегишевских и Баишевских юрт. За ним землемер пометил сначала и также мелким квадратом, вероятно, кладбище этих юрт, при котором, как он пишет в тексте, «*погребли*» Ермака. Но потом он вытравил и его. Так на «Плане» появилось второе из имеющихся на нем травленных пятен, продолговатой формы, внизу которого еще виден край того квадрата и чего-то еще. Особо отмечу: *Бегишевское кладбище* Филимонов на «Плане» *не обозначил вообще*. Потому что ориентиром ему служило отнюдь не кладбище, а «*кудрявая сосна*», которую на «Плане» сменил «*сухой кедр*».

Весьма странно: Миллер и Ремезов писали именно о *кладбище*. Но исходя из замысла землемера выдать желаемое за действительное понятно, что метить кладбище ему не нужно. Согласно замыслу, выразившемуся в спешном, с ошибками, подлоге тех полтора строк пояснительного текста, он решил использовать иной ориентир. В соответствии с этим имевшимся в реальной природной среде той поры, но вымышленным в контексте летописи Ремезова и «Описания» Миллера ориентиром [Сибирские летописи, 1907, с. 346, 348; Миллер, 1750, с. 193] на «Плане» землемер без суеты впишет: «*Сухой Кедр*», изобразив даже деревце. Справа сделает надпись в две строки: «*Сподкатораго в 10 сажнях Была Сосна подкаторой схоронен Ермак*».

Так впервые в Сибири была предпринята явная попытка подмены «места памяти» своим «местом в истории» [Нора, 1999, с. 32, 34]. В 2014 г. археологи Тобольска повторили ее. Чуть ранее жажда признания уже привела к тому, что «ученые-краеведы нашли» — вдумайтесь: «в Миякинском районе Башкирии могилу», где «предположительно захоронен...

Ермак Тимофеевич!»! Аргумент потрясающий: «...найденное тело захоронено не по православному обычаю — головой не на запад, а на восток. Возможно, потому что полководца хоронили мусульмане». Живо разнеслась эта весть в СМИ по весям [Археологи, 2013], но интерес быстро спал, подобно пене, как и ко всякой псевдонаучной сенсации [Завьялов, 2012].

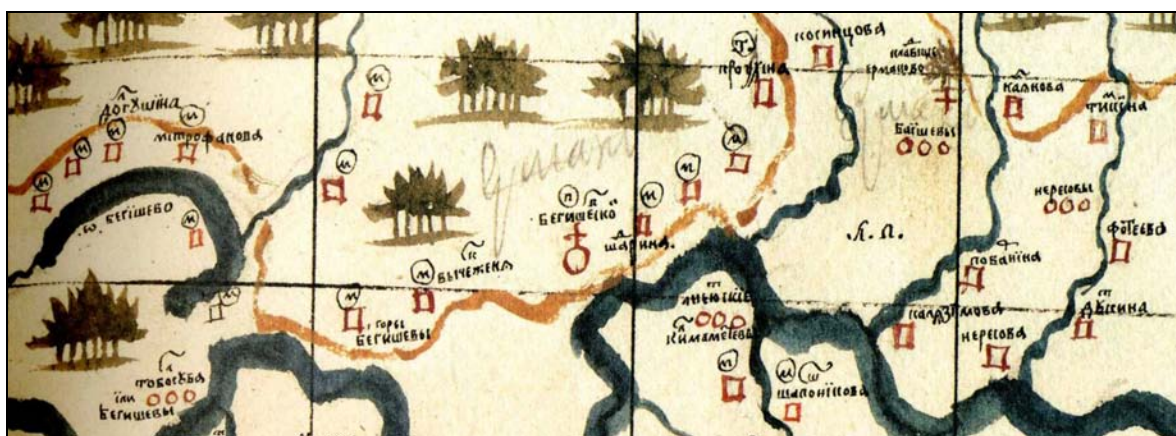

Рис. 2. Чертеж С. Ремезова «Иртыш река. Глава 29». Фрагмент. Конец XVII в., копия.

Перед нами — «тенденция вообще попросту вытеснить слово «история» и поставить занятия историей на службу памяти» [Нора, 2005, с. 206].

Археологи взяли за «План» Филимонова 1806 г. как за верный источник без должной его критики и в прямом смысле слова «повелись» на него, как на карту Р. Стивенсона. В итоге: «В ходе работ 2014 г. могилу Ермака обнаружить не удалось» [Адамов, Турова, 2014, с. 282], что и следовало ожидать. Вместе с тем ими «были уточнены границы старых Бегишевских юрт, существовавших в XVII — первой половине XVIII в.». Но *кладбище — ведущий ориентир*, впрочем, ошибочный [Белич, 2015а, с. 37–41], они *не наблюдали*. Коль скоро этот «участок возвышенности на протяжении всего II тыс. н.э. не размывался водами р. Иртыш» [Адамов, Турова, 2014, с. 282], где оно? По данным филологов, у *Иске авыл* — «старого аула» Бегишева «сохранилось кладбище в местечке *Косыклы куль* (Кедровое озеро)» [Алишина, Ниязова, 2004, с. 26]. Мне доводилось его посещать — есть снимки, но тот ли это некрополь, предстоит выяснять.

Если землемер прочел в 1806 г. только то, что «напечатано у профессора Миллера с заграничных древних сибирских летописцев», кои были ему неведомы, что должны были знать археологи в 2014-м? Так как вопреки здравому смыслу они искали не некрополь старых Бегишевских юрт, а «кудрявую сосну», выйдя на нее через «сухой кедр» на «Плане» Филимонова, — как минимум то, что «в природе кудрявых сосен не бывает» [Кудрявых сосен...]. Но в поэтике русской литературы XVII в. таковые имеют место: одна из них дважды упомянута в Ремезовской летописи в определенном смысле. Так вот, «кудрявая сосна» в русской словесности XVII в. не значила «кудрявая» в прямом смысле этого слова; имелось в виду совершенно другое значение: «И назвали его богом, и погребли по своему обычаю на Баишевском кладбище под *украшенной сосной*» [Ремезовская летопись, 2006, с. 202].

Но не будем строги к археологам — об этом не знал и Г.Ф. Миллер. В 1747 г. принявший под давлением двора русское подданство, он скверно владел русским языком, в отличие от своего коллеги по Великой Северной экспедиции И.Г. Гмелина [Белич, 2010, с. 82]. Академик посетил в мае 1734 г. «аул Баиш», при котором «находится *Astuna*, где погребен *татарский святой*» [Миллер, 1996, с. 81]. Впервые в историографии Сибири употребив термин *астана* по отношению к мавзолеям святых у татар региона [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 21], он бы заметил «кудрявую сосну», скорее всего украшенную лентами-прикладами (*саламат*), монетами и одеянием страждущих. Данная традиция *возданий-приношений* просуществует почти до наших дней.

Еще в 1940–1980-е гг. у татар бытовали почитаемые деревья (обычно береза и сосна), как правило, имеющие внешние отличительные приметы; возле них проводились моления. По поверью, вокруг этих деревьев обитают добрые духи, содействующие удачному промыслу, избавлению от болезней и т.п. «На ветвях почитаемых деревьев татары оставляли кусочки разноцветных тканей, монеты, иногда даже драгоценности» [Валеев, 1980, с. 206; Белич, 1987, с. 40; 2006, с. 14–19; Ис-

«План» тобольского землемера 1806 г., или о том, как он выдал желаемое за действительное

лам..., 2007, с. 77–78]. Однако Миллер этого не ведал и не видел: должно быть, ему — чужаку ее не показывали, как и сам мавзолей, потому что у правоверных это запрещено (*харам*).

Археологи не прочли статью, где упоминаются «высокие сосна и береза, карауче — “сторожа” их у нас еще называют», некогда «охранявшие» Хаким-ата *астану* на кладбище аула Баиш [Белич, 2004б, с. 83]. Мной в 1978 г. был сделан снимок такой сосны, росшей за кладбищем. Возле нее в недавнем прошлом совершался обряд поминания святого с жертвоприношением (теленка, барана), молитвой и общей трапезой (*қатым аш*). За двумя соснами виден Иртыш, на переднем плане останки черепа давнего жертвенного животного, который, верно, был откопан собаками из «чистого места» (рис. 3).

Рис. 3. «Кудрявая сосна» за Баишевским кладбищем. Фото автора, 1978 г.

Река, подмывая берег, раз приблизительно в 150 лет — судя по тому, что более высокой из них не менее века, уносила в своих водах и деревья, сменяя их так исстари. В центре — «яма, где раньше... большой казан (котел) стоял»: в нем варили поминальную пищу для паломников. Ритуал совмещал в себе привнесенный исламом культ *Хаким-ата*, точнее, Сулеймана Бакыргани — ученика и приемника Ахмада аль-Йасави (около 1105–1166) с доисламским почитанием предков и деревьев [Белич, 1987, с. 40–41; 2004б, с. 77–87; 2006, с. 14–23; Селезнев и др., 2009, с. 54–76; и др.].

Итак, подведем *главный итог*. Не Бегишевское, а «*Баишевское* кладбище было священным местом, и потому именно оно стало последним приютом героя» [Окладников, 1981, с. 129]. Однако тут важно одно, на мой взгляд, значимое явление — назовем его *акцидентальным*: «священное место» явилось «последним приютом героя» только в силу или лишь благодаря контаминации⁶ образа *Ермака* с культом именитого в Сибири *мусульманского святого* [Белич, 2004б, с. 88; 2015б, с. 65–66].

Летописная «кудрявая сосна» — *не вымысел* изографа С.У. Ремезова, а инкорпорированный в предание *объект архаичного культа*. Но в силу этой акцидентальности так случилось, что со временем она стала проявлением как «реальности осязаемой и уловимой», так «и *реальности чисто символической*, носительницы истории». И данная символическая история особым образом осмысляет природу изучаемых объектов. Эта концепция исторического объекта выходит на историю *не событий самих по себе, а их использования*: «политического, туристического, коммерческого» — и хуже того — «*злоупотребления ими* в меняющемся настоящем», историю «*во второй степени* (au second degré)» [Nora, 1992, р. 24–25; Нора, 1999, с. 39–49; 2005, с. 207–208; Трубникова, 2005, с. 121–122].

Р. С. Поскольку результаты исследования в данной статье представлены, а направление на решение фундаментальной проблемы малозаметно, то в постскрипуме, подобно «вензелю» под-

⁶ Контаминация (от лат. *contaminatio* — смешение) — «ложное воспроизведение информации, характеризующееся объединением в образе или понятии — частей, принадлежащих к разным предметам» [Кондаков, 2000].

писи к ней, обозначаю данное *наблюдение* и найденную *тенденцию* в этом направлении. Во-первых, это *наблюдение* было выявлено и доказано при анализе «Плана» и прослежено в замыслах землемера и грезах краеведов с археологами — факты очевидные. Определимся со второй позицией. Тут даже краткий экскурс «Мест памяти» — труда П. Нора⁷, в котором он исследовал и обосновал *проморрианскую тенденцию* во Франции, являющуюся «важным ресурсом обновления исторических изысканий», в том числе путем «мемориализации мест памяти», оставляет чувство тревоги — эта *тенденция* дошла и до нас.

В российской ментальности, как продемонстрировала практика, она пошла через «*клерикализацию культурного ландшафта*» и «*экскурсионного туризма*» (Каганский, Родоман). В культурном ландшафте Тобольской земли это явление «бросается в глаза» [Белич, 2011]. Тем не менее все-таки имеется и обнадеживающая сентенция от П. Нора: «Места памяти не создаются искусственно, сверху. Они сами собой становятся символами нации»⁸. Обрадует ли это нас с вами — время покажет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А, Турова Н.П. Результаты археологических исследований по поиску могилы Ермака у юрт Бегишевских Вагайского района Тюменской области // Тобольск научный — 2014. Тобольск, 2014. С. 281–282.
- Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия селения сибирских татар (на материале Тюменской области). Тюмень: Экспресс, 2004. 198 с.
- Археологи нашли могилу Ермака [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://earth-chronicles.ru/news/2012-05-03-22008>.
- Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Ист. изв. № 3–4. М., 1916. С. 3–28.
- Белич И.В. Культурные места сибирских татар как историко-этнографический источник // Роль Тобольска в освоении Сибири. Тобольск, 1987. С. 40–41.
- Белич И.В. Ханское кладбище // Сибирская столица: Альманах Тобольского музея-заповедника. Тобольск, 1997. № 1. С. 35–72.
- Белич И. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири: (К 100-летию публикации Н. Катановым рукописей Тобольского музея) // Проблемы истории Казани: Современный взгляд. Казань: ИИ АН РТ, 2004а. С. 480–502.
- Белич И.В. «Всемирная сказка» в фольклоре сибирских татар // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2004б. Т. 8. С. 63–96.
- Белич И.В. Астана сибирских татар // Исламская цивилизация в Сибири: История, традиция, современность. Тобольск, 2006. С. 14–23.
- Белич И.В. К историографии городища Искер // Искер — столица Сибирского ханства. Казань: ИИ АН РТ, 2010. С. 72–93.
- Белич И.В. К вопросу о клерикализации культурного ландшафта и экскурсионного туризма в Тобольске // Тобольск научный — 2011: Материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 117–120.
- Белич И.В. К вопросу о местонахождении могилы Ермака: «Бегишево (Баишево) кладбище или Бегишев погост»? // Евразийский союз ученых. 2015а. Ист. науки. № 7 (16). 2015. С. 37–41. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.euroasia-science.ru/files/arhiv/24-25.07.2015/p7/5-107.pdf>.
- Белич И.В. «Знамена, почем познавать в чертеже какие места»: (К вопросу о местонахождении могилы Ермака) // Актуальные вопросы общественных наук: Социология, политология, философия, история: Сб. ст. по материалам LI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015б. № 7 (47). С. 51–68. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sibac.info/19443>.
- Богданов В.В., Черников П.Ю., Байлов А.В. История и память: Проект междисциплинарного исследования социальной памяти. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2010. 102 с.
- Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 232 с.
- Волков Т. Под Тобольском археологи нашли захоронение древних угров // Тоб. правда. 2014. № 121 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://radius72.ru/pod-tobolskom-arheologi-nashli-zahoronenie-drevnih-ugrov.html>.
- Горюшкин Л.М. О социальных результатах применения сельскохозяйственных машин в Сибири начала XX в. // Бахрушинские чтения 1973 г.: Материалы науч. конф. историков НГУ. Вып. 2: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1973. С. 42–54.

⁷ Подробнее обстоятельную подборку о публикациях П. Нора см.: Богданов В.В., Черников П.Ю., Байлов А.В. История и память: Проект междисциплинарного исследования социальной памяти. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2010. С. 30–38.

⁸ Нора П. Историк понял, что законы — очень опасная вещь // 21 век. Интервью 31.05.2010.

«План» тобольского землемера 1806 г., или о том, как он выдал желаемое за действительное

Завьялов В. Могила Ермака. Ищите женщину? // Республика Башкортостан. 12.05.2012 № 87 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.resbash.ru/stat/2/1377>.

Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири. Т. 1: Источники и историография / Под ред. А.П. Яркова. Тюмень: Колесо, 2007. 418 с.

Кондаков А., Турова Н. Будет ли найдена могила Ермака? // Град Тобольск. 2014. № 10 (87). С. 26–27. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tobolsk.info/journal/gradtob1014/index.html>.

Кондаков И.М. Психологический словарь. М.: Мультимедийное издание, 2000.

Коновалова Е.Н. Атлас Тобольской губернии. 1806 г. // Интеграция образовательных и научных ресурсов в контексте развития высшего образования в Тюмени: Материалы науч.-практ. семинара. Тюмень, 2005. С. 131–137.

Кудрявых сосен не бывает! [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cvetochki.net/scope/kudryavykh-sosen-ne-byvaet.htm>.

Матвеев А.В. В поисках Ермаковой перекопи // Тобольск и вся Сибирь. № 18: 425 лет Тобольску. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2012. С. 526–545.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. СПб., 1750. Кн. 1. 490 с.

Миллер Г.Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Сер. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. Вып. VI. 310 с.

Ниязова Г.М. Типы и структура ойконимов сибирских татар (на материале Тюменской области): Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 234 л.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. Места памяти, другая история // Франция — память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–208. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>.

Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке: (Опыт историко-этнографической интерпретации) // Сиб. огни. 1981. № 12. С. 126–133.

Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982. 320 с.

Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская Краткая Кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи Библиотеки РАН [Санкт-Петербург]. Т. II. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Ремезовская летопись. Комментарии. Тобольск: Возрождение Тобольска; Верона: «График», 2006. 268 с.

Ромодановская Е.К. Сибирское летописание и хронология похода Ермака // Сиб. огни. № 12. 1981. С. 134–141.

Сибирские летописи. СПб., 1907. 420 с.

Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи // ПСРЛ. Т. 36. М.: Наука, 1987. 384 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: Специфика универсального. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.

Тобольские археологи продолжают поиски могилы Ермака [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://news.megatyumen.ru/news/society/86309>.

Трубникова Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: КомКнига, 2005. С. 121–131.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Хорографическая чертежная книга Сибири. Факсимильное издание рукописи. Верона: GRAFICHE STELLA, 2011. 172 л.

Nora P. Comment écrire l'histoire de France? // P. Nora. Les lieux de mémoire. Т. III. Les France. Vol. 1. Conflits et partages. P.: Gallimard, 1992. P. 17–28.

Тюмень, ИПОС СО РАН
belich58@mail.ru

The article focuses on the so called «Plan» from «Atlas of Tobolsk province, 1806» by V. Filimonov, where both in the text and on the plan he points to Yermak's burial place by the former Begishevsky yurts, with reference to «A description of Siberian kingdom» by G.F. Miller. A critical comparison of an extract from that treatise with the text of the «Plan» detected a falsification in the source. It is subject to ataman's grave, which the land surveyor imagines «to be announced by Tartars». It was in this way that «competent» marks and signs appeared in the «Plan». Thus, he took the wish for the reality. As a historical document, the «Plan» is of no value, though of interest for geographers. In 2014 archaeologists, relying on it, covered the same way as once did the land surveyor, who imposed them that very route which turned up after everything to be a false one: Yermak's grave was never found. An attempt to substitute «memory place» for «place in the history» has failed again.

«Atlas of Tobolsk province, 1806», land surveyor V. Filimonov, Baish-aul, Begishevsky yurts, Yermak's grave.

О РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В ЖИЛИЩЕ МАНСИ (историографический обзор по материалам XVIII — начала XXI в.)¹

А.А. Богордаева

Дан обзор этнографической литературы по истории изучения мансийского жилища и русских заимствований в нем в XVIII — начале XXI в. В соответствии с тематикой исследований в историографии выделяется два периода, каждый из которых характеризуется определенной степенью изученности мансийского жилища и русских заимствований в нем. Приводятся разработанные в каждом из периодов классификации и типологии жилища, рассматриваются основные гипотезы его происхождения и развития, описываются его основные типы, особенности интерьера и заимствованные элементы.

Манси, жилище, русские заимствования, изба, шалаш, очаг, чувал, окно, самцовая конструкция, стропильная конструкция, срубная техника, священная полка, чердак, потолок, домашнее святилище.

Вопрос о русских заимствованиях в жилище манси тесным образом связан с историей его изучения, выделения особенностей его конструкции, внутреннего обустройства, способов отопления и пр. Историография по мансийскому жилищу обширна. Она включает в себя и описания их жилых построек в трудах ученых и путешественников XVIII — начала XX в., и исследования этнографов XX в. по истории, типологии и классификации жилья, хозяйственных и культурных построек и поселений, и труды по мифологии и традиционным верованиям, где также можно найти сведения о домашних святилищах и семантике жилого помещения. В истории изучения русских заимствований в жилище манси условно можно выделить два периода: XVIII — первая половина XX в.; середина XX — начало XXI в.

Первой период (XVIII — первая половина XX в.) характеризуется накоплением знаний о мансийской культуре в целом и жилище в частности и первыми попытками обобщения и анализа этих знаний. Этот период представлен двумя группами источников. К первой относятся письменные свидетельства в виде отчетов, записок, дневников путешественников и ученых, а также экономических и статистических материалов. Вторую группу представляют исследовательские труды, в основе которых типологический и сравнительно-исторический методы.

В первой группе источников сведения о мансийском жилище приводятся в описательной форме по ходу рассказа об особенностях культуры местного населения. Исследователи отмечают многообразие мансийского жилища, его сезонную вариативность и соответствие определенным видам хозяйственной деятельности [Глушков, 1900, с. 29; Дунин-Горкавич, 1996, с. 73; Павловский, 1907, с. 22–23; Руденко, 1914, с. 8; и др.]. К числу широко распространенных у манси видов жилищ в этот период относятся небольшие по размерам однокамерные срубные избы *'nor ko'* (манс.) с двускатной или плоской крышей, низким дверным проемом, с одним-тремя окнами, закрываемыми льдиной, бумагой или пузырем животного. В углу у входной двери находился чувал — вид камина, сделанного из переплетенных прутьев (или из рыболовной морды), обмазанных глиной, вдоль стен располагались широкие и низкие нары. Этот вид жилища фиксировался в XVIII — начале XX в. практически у всех групп манси [Георги, 1799, с. 60–61; Глушков, 1900, с. 30–31; Лепехин, 1814, с. 19–21; Макарий, 1853, с. 16–17; Носилов, 1997, с. 9, 16, 66; Остроумов, 1904, с. 15; Павловский, 1907, с. 23; Руденко, 1914, с. 8; Сорокин, 1873, с. 43–44]. Такие дома могли быть и с сенями, и с открытым, и с закрытым крыльцом, в том числе в одной связи с ним [Георги, 1799, с. 60–61; Глушков, 1900, с. 30; Лепехин, 1814, с. 19–21; Макарий, 1853, с. 16; Носилов, 1997, с. 28–33, 35]. У северных манси это было зимнее жилище, а летом, по свидетельству С.И. Руденко, жили в избе без окна, с очагом в центре, дым от которого выходил в расположенное над ним отверстие в крыше [1914, с. 8]. Примечательно, что такого же типа жилище «на подобие анбаров без всякой протчей пристройки и без окон, имеют одни две-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-21-01002 «Функциональные значения народной архитектуры в контексте традиционной культуры восточных славян».

ри и вверху на потолке одну дыру небольшую круглую», по «Описанию Тобольского наместничества», в XVIII в. бытовало у южных (туринских) вогулов [Описание..., 1982, с. 160]. По данным А.А. Дунина-Горкавича, вогульское (мансийское) жилище (*юрта*) представляет «бревенчатую избу, проконопаченную мхом и покрытую тесом», с сеньями, полом, потолком и застекленными окнами [1995, с. 98]. Кроме того, по письменным свидетельствам этого периода, кроме «бревенчатых юрт» у манси также бытовали разного типа временные укрытия (навесы, шалаши, балаганы и пр.), а у западных и северных манси — чум с берестяным покрытием или из оленьих шкур [Георги, 1799, с. 60–61; Глушков, 1900, с. 29–30; Носилов, 1997, с. 46–47; Остроумов, 1904, с. 16; Павловский, 1907, с. 22; Руденко, 1914, с. 8; Сорокин, 1873, с. 30; и др.].

При описании мансийских жилищ, характеристике их конструкции и интерьера нередко встречается сравнение с русскими избами. Так, уже в материалах XVII в. читаем о вогулах (манси) и остяках (хантах), проживающих в Тобольском округе Тобольского наместничества: «*Домы строят лучшия люди и достаточные, равно так как и руские, а протчие наподобие татарских юрт, по старому их обычаю*» [Описание..., 1982, с. 29]. О жилище тавдинских вогулов сообщает И.И. Лепехин, замечая при этом, что «чем они соседственнее живут с русскими крестьянами, тем более они опрятны и более прилежны к домостроительству» [1814, с. 21]. В записках путешественников и исследователей XIX в. «домики русского образца», «русские избы», «русские крестьянские избы» фиксируются у обрусевших пелымских, тавдинских, кондинских, верхотурских вогулов [Алквист, 1999, с. 17, 35, 135, 139; Павловский, 1907, с. 22; Пигнатти, 1912, с. 9, 11]. Отмечаются и изменения в интерьере жилища: так, у кондинских вогулов «русские дома с выбеленными печами и стеклянными окнами; кое-где, кроме жилой комнаты, встречается также чулан...», «внутренность вогульского жилого дома устроена по русскому образцу с той лишь разницей, что вогулы при возведении своих домов реже используют топор, не говоря уже о рубанке» [Алквист, 1999, с. 135, 139]. В отчете Н. Сорокина читаем об интерьере жилища верхотурских вогулов: «Подойдя к окну одной избы, я увидел те же лавки по стенам, печь, стол и в углу икону», и далее о нижнелозьвинских вогулах: «Першины состоят из трех изб, расположенных на берегу Лозьвы, в которых живут вогулы, составляющие как бы переход от диких к оседлым. Они говорят между собою по-вогульски, но живут постоянно в деревне, имеют некоторое домашнее хозяйство и владеют хорошо русским языком. Изба, в которой мы остановились, была убрана совершенно так, как это можно встретить у наших крестьян: тот же стол, скамьи, громадная русская печь и даже небольшое... зеркало» [Сорокин, 1873, с. 6, 55]. Как видно из приведенных текстов, в основном жилища русского образца фиксируются на территории проживания южной, западной и восточной группы манси, среди которых наблюдалось значительное обрусение к началу XX в. По мнению исследователей, вместе с русской конструкцией жилой постройки было заимствовано и его внутренне убранство (лавки, печь, зеркала).

В конце XIX — начале XX в. появились две научно-исследовательские работы, посвященные жилищу финно-угорских народов, в которых были представлены и мансийские (вогульские) материалы². Первым вышло исследование российского этнографа Н.Н. Харузина, основанное на обобщении и анализе письменных источников [1895]. Выделяя основные типы жилища и хозяйственных построек, бытовавшие у финских народов, Н.Н. Харузин исходил из широко распространенной в тот период эволюционистской теории и, взяв за основу внешний вид и планировку жилья, предположил его развитие от наименее простого (у кочевых и полусоседных народов) к более сложному: от шалаша и шалашевидных жилищ и хозяйственных построек к землянке и четырехгранному срубам с плоской крышей [Там же, с. 3–4, 9–10, 16, 33]. По его мнению, сруб мог развиваться как из землянки, так и из шалаша, в нем исследователь видит «последнюю форму общефинского первобытного жилья, которое появилось у финских народностей в древнейший период», а основные различия в его устройстве, по его мнению, связаны с устройством очага или печи [Там же, с. 31–33]. С землянкой или срубом он связывает и появление поселений, в которых первоначально, на его взгляд, селились родственники и для которых были характерны беспорядочность застройки, малочисленность дворов, расположение фасадов домов во двор [Там же, с. 34–38]. Рассматривая влияние на финское жилище культурных традиций других народов и анализируя названия примитивных срубных жилищ, он приходит к выводу, что

² Следует отметить, что первая работа, посвященная жилищу финноязычных народов, была опубликована в 1888 г. и принадлежит А. Гейкелю [Heikel, 1888], именно в ответ на нее и была подготовлена статья Н.Н. Харузина. Поскольку исследование Гейкеля основывается на материалах по жилищу марийцев, мордвы, эстонцев и финнов, а обские угры, и в частности манси (вогулы), в ней не упоминаются, эта работа не включена в данный историографический обзор.

их появление связано с влиянием соседних народов: у западных финноязычных народов — с лито-латышскими и германскими народами, у восточных (в том числе у манси) — с тюркскими [Там же, с. 80]. В дальнейшем у восточных финнов развитие жилища шло под влиянием тюркских и славянских народов, что, к примеру, у хантов (остяков) и манси (вогулов) выразилось в переходе от «юрты с плоской крышей к русским избам с крышей двускатной» [Там же, с. 80, 88, 99]. Так еще в конце XIX в. Н.Н. Харузиным были определены основные направления изучения происхождения и развития жилища финно-угорских народов, в том числе манси. В их числе — принципы типологии жилых строений и их развитие, появление сруба и происхождение срубной техники, происхождение и развитие различных видов очага, заимствования в жилище (у хантов и манси — тюркские и славянские). Однако же широкий территориальный охват и неполная источниковая база не позволили автору отразить всю специфику жилища обских угров, и мансийского в частности.

Впервые систематизация жилища хантов и манси, а также описания его архаичных форм и иллюстрирующие их материалы приведены в работе финского этнографа У.Т. Сирелиуса, совершившего две экспедиции по территории проживания обских угров в конце XIX в. (1898, 1899, 1900 гг.) [Sirelius, 1906–1909, 1911]. На основе анализа языковых и этнографических данных по жилью им были определены элементы финно-угорского (одно- и двускатные шалаши) и местного происхождения [Sirelius, 1909, S. 56]. Основываясь на собранных сведениях, У.Т. Сирелиус сделал вывод об эволюции подземных сооружений от наземных и о южных корнях очага — чувала [Sirelius, 1907]. В опубликованных им материалах есть данные о различных видах древнейших и современных для того периода мансийских построек. Эта работа не утратила значения по сей день, так как содержит описание уже исчезнувших мансийских сооружений.

К этому же периоду относится ряд исследований по традиционным мифологии, верованиям и обрядам хантов и манси. В них в том числе имеются сведения о местонахождении и устройстве домашних святилищ и обрядах, производимых в жилище. Так, описания домашних святилищ хантов и манси приводятся в опубликованном в 1920-х гг. на немецком языке трехтомном собрании сведений по религии обских угров, подготовленном финским филологом К.Ф. Карьялайненом на основе данных этнографической литературы и собственных экспедиционных изысканий конца XIX — начала XX в. [Карьялайнен, 1995, с. 17]. На русском языке трехтомник был опубликован в 1990-е гг. в переводе Н.В. Лукиной. В 1950-е гг. в Финляндии были изданы материалы по фольклору и традиционным верованиям манси, полученные А. Каннисто в ходе поездки к манси в начале XX в. [Kannisto, 1958]. Среди описаний обрядов, верований и изображений духов-покровителей имеются сведения и о домашних святилищах у разных групп манси [Ibid, S. 113, 314–316]. К этому же периоду относятся дневниковые заметки российского этнографа-угроведа В.Н. Чернецова, опубликованные в 1987 г. [Источники..., 1987]. Изданные лишь в 1987 г., дневники содержат полученные в ходе экспедиций в 1920–1930-е гг. по рр. Лозьве, Конде, Северной Сосьве, Оби материалы, в том числе сведения по традиционному мансийскому жилищу и русскому влиянию на него.

В целом данный период характеризуется накоплением первичных знаний и подготовкой отдельных трудов, посвященных жилищу обских угров. Проведенные рядом исследователей в конце XIX — начале XX в. экспедиции позволили собрать значительный объем сведений как по конструкции жилища манси и хантов, так и по его культовой атрибутике, что заложило базу для дальнейших научных изысканий. Были намечены основные направления изучения генезиса жилища хантов и манси и заимствований в нем. В то же время само мансийское жилище не стало предметом исследования, описания его типов и видов даны лишь в общем контексте особенностей их культуры или в рамках работ по финно- или обско-угорским жилым постройкам. По мнению одних исследователей этого периода, к числу русских заимствований в мансийском жилище относятся: конструкция избы, русская печь, предметы интерьера (лавки, стол, зеркала, иконы и пр.). По мнению других, русские (славяне) оказали влияние на само формирование срубного жилища, от которого затем произошел переход к избе русского типа с двускатной крышей.

Второй период (середина XX — начало XXI в.) характеризуется пристальным вниманием к традиционным элементам культуры, скрупулезным их описанием, фиксацией при помощи фотоаппарата и зарисовок. Накопленные к этому периоду значительные археологические и этнографические сведения по жилищу древнего и современного населения Западной Сибири позволили по-новому взглянуть как на распространенную здесь строительную технику, так и на

О русских заимствованиях в жилище манси...

внутреннее обустройство жилища, в том числе мансийского. В это время были разработаны история, схемы развития и различные типологии жилища обских угров, народов Западной Сибири и Сибири в целом, изучена история мансийских поселений и их жилища, охарактеризованы особенности их внутреннего устройства и домашних святилищ. Поскольку в основном данные труды принадлежат нескольким российским этнографам, каждый из которых внес неоценимый вклад в изучение сибирского, западно-сибирского, обско-угорского и мансийского жилища и продолжает исследования в этом направлении на всем протяжении изучаемого периода и по сей день, то целесообразно, на наш взгляд, объединить их в соответствии с авторством и хронологией.

Так, первенство в работах, посвященных обско-угорскому жилищу, принадлежит З.П. Соколовой, которая изучила историю формирования жилища хантов и манси и разработала его типологию, охарактеризовала основные типы их поселений, описала хозяйственные и жилые сооружения, интерьер жилых помещений, а также рассмотрела устройство и историю их очага [Соколова, 1957а–в, 1963, 2009 и др.]. В зависимости от характера оседлости или степени кочевания З.П. Соколовой выделено пять основных типов расселения и поселений хантов и манси, которые, в свою очередь, определяли типы жилищ: 1) кочевые стойбища с переносными жилищами кочевников-оленоводов (низовья Оби с ее притоками); 2) постоянные зимние поселения оленеводов в сочетании с летними кочевками и переносными летними жилищами (Северная Сосьва, Лозьва, Казым, Вогулка, Нижняя Обь); 3) постоянные зимние поселения охотников и рыболовов в сочетании с временными и сезонными летними селениями, с переносными или сезонными жилищами (верховья Северной Сосьвы, Лозьва); 4) постоянные зимние селения рыболовов в сочетании с сезонными — летними, весенними, осенними (обские притоки, особенно их низовья и среднее течение); 5) постоянные поселения рыболовов, охотников (при подсобном значении земледелия и животноводства) в сочетании с промысловыми избушками [Соколова, 2009, с. 155–158].

Разделяя все постройки хантов и манси по особенностям конструкции стен на три основные группы: каркасные, срубные и дощатые, З.П. Соколова замечает, что у манси жилища менее разнообразны по форме и конструкции и среди них отсутствуют смешанные и переходные формы (каркасно-столбовые и каркасно-срубные) манси [Там же, с. 162, 177]. Кроме того, у манси «почти не отмечены в ХХ в. подземные и полуподземные жилища», возможно в связи «с тем, что переселяясь с запада на восток и с юга на север, соприкасаясь больше, чем ханты, с коми, татарами, русскими, они их просто раньше утратили», а с XIX в. ханты и манси «стали строить (особенно на Оби, Иртыше и в южных районах) срубы «русского типа», в том числе пятистенки [Там же, с. 162, 176]. Исследование археологических и этнографических материалов позволило З.П. Соколовой прийти к выводу об эволюции наземных сооружений от подземных и о заимствованном происхождении срубной техники у хантов и манси не ранее II тыс. до н.э. [1957а, с. 101–104]. К числу общих для хантов и манси признаков традиционного срубного жилища относятся необработанные углы венцов, небольшая высота, двускатная или плоская крыша, отсутствие потолка, при этом «традиционное срубное жилище манси (*nor kol, kual-lovak*), как правило, сделано лучше, чем у хантов» [Соколова, 2009, с. 176]. Замечено, что у манси чаще встречаются срубы со свесом крыши («западный тип»), который мог устраиваться как с боковой, так и торцевой стороны дома [Там же]. Спецификой мансийского жилища, по мнению З.П. Соколовой, является более широкое (по сравнению с хантами) распространение его вариантов с щелью на месте конька [Там же, с. 177].

В результате дальнейших исследований З.П. Соколовой была разработана типология жилища народов Сибири, в основу которой положены конструктивные особенности (каркасное, срубное, каркасно-срубное, бескаркасное), дополненные такими признаками, как: выделение стен и крыши, форма основания, положение по отношению к земле, мобильность постройки [1998]. Ученым обобщены сведения по жилищу 34 народов Сибири, сделаны их описания с приложением схем и рисунков. Здесь же приведены данные о хозяйственных занятиях, численности и поселениях этих народов. В своей работе З.П. Соколова частично опиралась на предложенную в начале 1960-х гг. А.А. Поповым типологию жилых построек народов Сибири.

Отраженная в изданном в 1961 г. «Историко-этнографическом атласе Сибири» типология А.А. Попова представляла первый опыт систематизации жилища всех народов Сибири [Попов, 1961]. Отталкиваясь от того, что наибольшее влияние на конструкцию и архитектурную форму жилых построек при примитивной технике оказывали географическая среда и климатические условия, он выделил укрытия, временные и постоянные жилища, в том числе среди последних

двух — свайные, наземные, полуподземные, которые представлены срубными и каркасными конструкциями, и подземные сооружения каркасной конструкции [Там же, с. 131–132]. В свою очередь, среди свайных, наземных, полуподземных и подземных жилищ А.А. Попов различал типы по форме конструкции и варианты по ее особенностям [Там же]. На основе этой классификации у манси им определены следующие типы и варианты жилых сооружений: летний временный шалаш³ из гнутых дуг, покрытый корой; летний двускатный шалаш, покрытый берестой; зимний двускатный шалаш из досок; летний шалаш с двускатной крышей, покрытый берестой или корой; летний шалаш с четырехскатной крышей, покрытый берестой или корой; летний конический шалаш, покрытый берестой; зимний конический шалаш, покрытый шкурами; летний сруб с двускатной крышей; зимний сруб с двускатной крышей; подземное жилище [Там же]. По распространению типов и вариантов жилищ А.А. Попов разделил всю территорию Сибири на две области — материковую и приморскую, отметив, что «с приходом русских у народов области материковой культуры широкое распространение получают срубные жилища, напоминающие русские», и предположив, что «у угорских народов она появилась довольно рано (вероятно, в западных районах), задолго до освоения Сибири русскими» [Там же, с. 160].

В монографии И.Н. Гемуева, посвященной культовой атрибутике жилища, рассматриваются сакральные особенности мансийского дома, вертикальное и горизонтальное деление его пространства, обустройство и содержание находившихся в нем святилищ, производимые здесь обряды, изображения домашних духов-покровителей и представления, связанные с ними [1990]. В работе содержатся описания интерьера, чердаков и священных полок, приводятся их рисунки и схемы. К числу заимствований у русских он относит стропильное устройство крыши и ее перекрытие внутри жилища потолком [Там же, с. 13]. По мнению автора, их появление позволило выделить чердак и обустроить на нем «место наивысшей сакральной значимости» [Там же]. Полевые материалы об устройстве домашних святилищ северососьвинских манси и хранившихся в них предметах и изображениях духов-покровителей были в дальнейшем опубликованы в другом издании в соавторстве с А.В. Бауло [Гемуев, Бауло, 1999].

Значимой вехой в историографии жилища народов Западной Сибири, и в особенности вопроса о русских заимствованиях в нем, стало появление в 1994 г. в серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» первого тома «Поселения и жилища», где в двух книгах обобщаются и анализируются все накопленные к концу XX в. по теме археологические [1994а] и этнографические материалы [1994б]. Во второй книге дается краткая история изучения жилища народов Западной Сибири [Лукина, 1994], по этнографическим и фольклорным данным характеризуются их поселения и постройки с XVIII по XX в. [Лукина, Бардина, 1994а; Яковлев, 1994], предложена их типология на основе конструкции несущей системы (каркасные, каркасно-самонесущие или каркасно-столбовые и с самонесущими стенами) и форме (конические, пирамидальные, призматические, сферические и др.) [Лукина, Бардина, 1994б], рассматривается генезис домостроительных традиций [Плетнева, 1994]. Отдельная глава посвящена русским поселениям в Западной Сибири, их жилищам и постройкам [Бардина, 1994].

В результате анализа археологических материалов были определены особенности западно-сибирских жилых построек, которые выражены в преобладании: полуназемных построек; прямоугольной формы оснований; каркасной конструкции; открытого очага-коптища, расположенного чаще всего в центре (до раннего средневековья) [Плетнева, 1994, с. 197]. Сравнительно-исторический анализ археологических и этнографических данных показал, что «наземные и полуназемные постройки проходят через всю историю с эпохи мезолита» и чаще всего они были однокамерными с земляным полом и нарами [Там же, с. 172, 174–175]. У народов, проживающих в лесной и лесостепной зонах (хантов, манси и западно-сибирских татар), бытовало в основном прямоугольное жилище, а в тундровой — чум [Там же, с. 169]. По мнению Л.М. Плетневой, к числу наиболее значимых элементов жилища у народов Западной Сибири относятся вход-выход и очаг, происхождение которого тяготеет к юго-западной лесостепной части Западной Сибири [Там же, с. 175, 180].

Рассматривая вопрос о влиянии русской срубной техники на домостроительные традиции коренного населения Западной Сибири, Н.В. Лукина и П.Е. Бардина подчеркивают, что «этот процесс не был одновременным актом и проходил по-разному в разных регионах», где «каждый

³ Шалашом А.А. Попов называет наземные и полуподземные жилые сооружения, имеющие каркасную конструкцию [1961, с. 132].

О русских заимствованиях в жилище манси...

народ в первую очередь ориентировался на собственные культурные ценности и хозяйственные нужды, чем и обуславливался переход к срубным постройкам» [1994б, с. 79]. Отмечается, что к концу XIX — началу XX в. срубное жилище стало основным типом почти на всей территории Западной Сибири, слившиеся вместе местная и русская срубные техники стали восприниматься как только русские, наряду с местными срубными распространяются русские срубные избы, пятистенки и пр. [Там же, с. 80]. Здесь же приводятся в таблице местные черты срубных построек и рассматриваются этапы из развития: 1) простейший однокамерный сруб под плоской или двускатной крышей, развившийся, по мнению авторов, на местной основе из каркасного жилища; 2) сруб со свесом под двускатной дощатой крышей на крюках или желобах, распространившийся, как предполагается, под влиянием русских и зырян; 3) многокамерный сруб, возникший в значительной степени «под влиянием русских строительных традиций» [Там же, с. 80–81]. Анализируя в дальнейшем внутреннее обустройство и интерьер жилища народов Западной Сибири, авторы также подчеркивают, что «совпадение некоторых элементов внутренней планировки жилища у коренных народов и у русских (в частности, расположение печи у двери и почетной стороны или угла у противоположной от входа стены...) является не заимствованием или влиянием, а параллельными традициями, известными у разных народов» [Там же, с. 84].

Особенности поселений и жилища северных манси конца XX в. и русские заимствования в нем рассмотрены в последнем разделе 8-й главы «Очерков...», посвященном современным изменениям в поселениях и жилищах северных манси [Федорова, 1994, с. 90–100]. Автор рассматривает историю мансийских поселений в XX в. и выделяет три их типа на основе изменений, произошедших в их административной структуре и социально-экономическом развитии [Там же, с. 92–92]. Характеризуя существующие поселения, Е.Г. Федорова приводит описания мансийских усадеб, а также жилых и хозяйственных построек [Там же, с. 92–94]. По расположению главных элементов внутреннего обустройства она выделяет у северных манси конца XX в. три типа жилых помещений, подробно разбирая их интерьер [Там же, с. 95–100]. Третий тип жилого помещения связан с наличием и расположением в доме русских печей, которые фиксируются у манси с середины XIX в. и клались в основном приглашенными мастерами [Там же, с. 97]. К числу заимствований из русской культуры, по мнению автора, относятся такие элементы мансийской культуры, как чердак, «русская» печь, летняя кухня, баня [Там же, с. 93, 95].

В дальнейшем Е.Г. Федоровой были обобщены материалы по жилищу древнего населения Северо-Западной Сибири, хантов и манси, а также рассмотрено его значение в системе культуры жизнеобеспечения, адаптации к природно-климатическим условиям [2000]. Поддерживая идею неместного происхождения срубной техники на территории проживания хантов и манси, она высказывает предположение о двух направлениях распространения этой техники — южном и западном [Там же, с. 209]. В то же время Е.Г. Федорова не исключает, что появление здесь сруба произошло в более ранний период и связано с культурой населения лесостепной зоны Зауралья скифо-сарматского времени [Там же]. Эту же точку зрения она повторяет в другой, более поздней работе [2005а, с. 241].

В вышедшем в 2005 г. объемном издании, посвященном культуре народов Западной Сибири, наряду с другими особенностями материальной культуры манси Е.Г. Федоровой были охарактеризованы их традиционные поселения, жилища и хозяйственные постройки конца XIX — начала XX в. [2005а, с. 235–245]. Для этого периода ею были выделены типы поселений в соответствии с сезонными хозяйственными занятиями и местоположением: 1) зимние поселения оленеводов, занимающихся также охотой и рыболовством, вблизи рек в верховьях Северной Сосьвы и на Лозье; 2) зимние поселения охотников и рыболовов в верхнем и части среднего течения Северной Сосьвы и ее притоков, в том числе Ляпина; 3) зимние, летние, осенние и весенние поселения сосьвинских манси; 4) постоянные поселения в низовьях Северной Сосьвы, на Оби и Тавде [Там же, с. 235]. Отмечается, что одни населенные пункты были построены на месте древних поселений, другие возникли в процессе освоения угодий [Там же]. По расположению отопительного устройства и нар все мансийские жилые помещения объединены ею в три типа: 1) с чивалом или печью справа от входа и нарами по левой стене и стене против входа (с вариантами); 2) с очагом в центре и нарами вдоль правой, левой и задней стены (летнее жилище); 3) с русской печью в углу у входа, обычно без нар [Там же, с. 241]. Здесь также дается описание конструктивных особенностей, интерьера, внутреннего обустройства как стационарного (срубного), так и переносного (чума) мансийского жилища [Там же].

Более подробная история мансийских поселений в XX в. рассмотрена Е.Г. Федоровой в другой работе [2005б], где детально исследуются на основе анализа архивных, статистических и этнографических источников новейшая история населенных пунктов, расположенных в бассейне рр. Северная Сосьва и Ляпин, характеризуется сложившаяся в них на рубеже веков этнодемографическая и хозяйственно-культурная ситуация, определяются возможные направления развития.

Таким образом, к настоящему времени накоплены обширные материалы по истории жилища манси, выявлены его наиболее архаичные формы и определены основные направления развития, проанализированы конструктивные особенности жилых и хозяйственных сооружений, выделены их типы по конструкции стен, крыши, месту нахождения относительно земли, обустройству жилого пространства и т.д. Также систематизированы способы и формы обустройства очага, исследованы его развитие и происхождение. Изучены особенности и динамика домашних мансийских святилищ, описаны содержащиеся здесь предметы. Дана характеристика мансийских поселений, прослежена их история, определены типы.

В ходе изучения мансийского жилища были выявлены элементы, однозначно выделяемые как воспринятые из русской культуры и такие, заимствованный характер которых оспаривается рядом исследователей. К первым относят: стропильное устройство крыши, потолок, чердак, русскую печь; в число вторых входят: срубный тип жилища, сруб со свесом крыши, красный угол или почетное место. Неопределенность происхождения последних заставляет продолжить изучение их эволюции, исследовать современное состояние в мансийской культуре. Кроме того, надо полагать, для каждого района проживания манси были характерны определенные заимствованные традиции, связанные с периодом прихода на данную территорию пришлого населения и с его культурой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записки и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 179 с.
- Бардина П.Е. Русские поселения, жилища и другие постройки // Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 101–164.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. 1. 76с.
- Глушков И.Н. Чердынские вогулы: Этнографический очерк. М., 1900. 64 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерея, 1995. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. 376 с.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерея, 1996. Т. 3: Этнографические очерки местных инородцев. 208 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 280 с.
- Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. 2. 284 с.
- Лепехин И.И. Продолжение дневных записок путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1814. Ч. 3. 376 с.
- Лукина Н.В. Краткая история изучения // Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 7–9.
- Лукина Н.В., Бардина П.Е. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным // Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994а. С. 21–31.
- Лукина Н.В., Бардина П.Е. Постройки // Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994б. С. 32–90.
- Макарий, иеромонах. Заметки о Верхотурских вогулах, живущих по р. Лозьве // ВИРГО. 1853. Т. 7, отд. 8. С. 15–24.
- Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 304 с.
- Описание Тобольского наместничества. Новосибирск: Наука, 1982. 321 с.
- Остроумов И.Г. Вогулы-манси: Историко-этнографический очерк. Пермь, 1904. 50 с.
- Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. I: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994а. 489 с.
- Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994б. 286 с.
- Павловский В. Вогулы. Казань, 1907. 229 с.
- Плетнева Л.М. Генезис традиций в домостроительстве // Очерки культууроогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 169 с.

О русских заимствованиях в жилище манси...

- Пианатти В.* Краткое сообщение о поездке на р. Конду (М. Кондинская волость, Тобольского уезда) // ЕТГМ. 1912. Вып. XX. С. 1–15.
- Попов А.А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–226.
- Руденко С.И.* Иногородцы Нижней Оби: (Этнографический очерк). Отд. оттиск из «Трудов» Землеведения при Императорском СПб. ун-те, т. III. СПб., 1914. 16 с.
- Соколова З.П.* К истории жилища обских угров // СЭ. 1957а. № 2. С. 88–105.
- Соколова З.П.* Обско-угорское жилище и его история: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957б.
- Соколова З.П.* Обско-угорское жилище и его история: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1957в.
- Соколова З.П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. 1963. Н. с. Т. 84. С. 182–233.
- Соколова З.П.* Жилище народов Сибири: (Опыт типологии). М.: Три Л, 1998. 285 с.
- Соколова З.П.* Ханты и манси: Взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
- Сорокин Н.* Путешествие к вогулам // Тр. о-ва естествоиспытателей при Императорском Казанском ун-те. Казань, 1873. Т. 3. № 4. 59 с.
- Федорова Е.Г.* О современных изменениях в поселениях и жилищах // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994б. С. 90–100.
- Федорова Е.Г.* Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 366 с.
- Федорова Е.Г.* Материальная культура: (Манси) // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005а. С. 233–258.
- Федорова Е.Г.* Сосьвинско-ляпинские манси: Некоторые аспекты этнодемографической и хозяйственно-культурной ситуации // Сибирь на рубеже тысячелетий: Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб.: Европейский Дом, 2005б. С. 7–29
- Харузин Н.Н.* Очерки истории развития жилища у финнов. М., 1895. 107 с.
- Яковлев Я.А.* Поселения северо-западной Сибири по фольклорным источникам // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. II: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 10–20.
- Heikel A.* Die Gebäude der Čeremissen, Mordvinen, Esten und Finuen. Helsingf, 1888.
- Kannisto A.* Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. Helsinki, 1958. Vol. 113. 444 S.
- Sirelius U.T.* Veber die primitive Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Volker // Finnisch-ugrische Forschungen. 1906. Bd. 6. S. 74–104; 1907. Bd. 7. S. 55–128; 1908. Bd. 8. S. 8–27; 1909. Bd. 9. S. 17–113; 1911. Bd. 11. S. 23–122.

Тюмень, ИПОС СО РАН
bogordaeva@mail.ru

The article gives a review of ethnographic literature on history of investigating Mansi dwelling and Russian borrowings therein in XVIII — early XXI c. In accordance with a research area in the historiography, one could distinguish two periods, with each of them being characterized by a certain degree of knowledge on Mansi dwelling and Russian borrowings therein. The author cites dwelling classifications and typologies developed for each of the periods, considering basic hypotheses on its origin and development, describing its basic types as well as particulars of the interior and borrowed elements.

Mansi, dwelling, Russian borrowings, izba, shelter, hearth, chival, window, nailless construction, bridle construction, log house execution, sacred shelf, loft, ceiling, home sanctuary.

«ДОБРОВОЛЬНАЯ СМЕРТЬ» И «НОВАЯ ЖИЗНЬ» В АМГУЭМСКОЙ ТУНДРЕ (ЧУКОТКА): СТРЕМЛЕНИЕ УХОДА В МИР МЕРТВЫХ ТЫМНЭНЭНТЫНА¹

Е.А. Давыдова

Анализируется конкретный жизненный эпизод в Амгуэмской тундре в 1951 г. В.Г. Кузнецова, ленинградский этнограф, проводившая полевую работу среди амгуэмских оленеводов на Чукотке непрерывно на протяжении трех лет (с 1948 по 1951 г.), зафиксировала данное происшествие на страницах своего дневника. История состоялась в следующем. В семье, в которой В.Г. Кузнецова проживала большую часть времени, должен был совершиться ритуал «добровольной смерти». Хозяин стойбища высказал просьбу об удушении своим родственником. Однако вопреки традиционным представлениям чукчей о нежелательности невыполнения такой просьбы обряд откладывался, а потом и вовсе был отменен. С учетом социально-исторического контекста того времени и на основе микроисторического анализа частного жизненного происшествия в статье предлагается интерпретация решений и действий непосредственных участников тех событий. Делается вывод, что в период экспансии русской/советской культуры во второй четверти XX столетия люди старались примирить реальность конкретных ситуаций с официальной идеологией и традиционными представлениями и практиками.

Сибирь, чукчи, добровольная смерть, политическое сопротивление, советизация, ритуал.

События, разворачивавшиеся во второй четверти XX в. на Чукотке, как, впрочем, и во многих других регионах не так давно образовавшегося Советского государства, были полны драматизма. Коллективизация, введение системы интернатного образования, ликвидация эксплуататорских классов, шаманов и кулаков, отсталых «пережитков первобытности» — хорошо известные составляющие политики советизации коренных народов Сибири, проводившейся в то время. Однако за этими масштабными наименованиями исторических процессов стояли действия конкретных людей, их повседневная жизнь. К ней и обращается антрополог для подробного «изучения чрезвычайно мелких явлений», чтобы затем перейти «к более широкому интерпретациям» [Geertz, 1973, p. 21].

Аналізу одного такого события, произошедшего в Амгуэмской тундре Чукотского района² в 1951 г., посвящена данная статья. Случай был описан советским этнографом В.Г. Кузнецовой в ее полевых дневниках [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 390; д. 403]. Исследователь проводила полевую работу в 1948–1951 гг. среди кочевых чукчей, поселившись в оленеводческой семье (см.: [Кузнецова, 2004, с. 136–162; Михайлова, 2014, с. 112–133]). История состоялась в следующем. Хозяин стойбища, в котором находилась исследователь, дважды изъявил желание умереть традиционным для чукчей способом — быть удушенным одним из своих родственников в ходе ритуала «добровольной смерти». Однако исполнение его просьбы откладывалось, а потом и вовсе было отвергнуто. Почему чукчи повели себя именно таким образом, противоречащим их традиционным представлениям и сложившимся ритуальным практикам? И каковы были мотивации отдельных участников того происшествия? На эти вопросы я попробую дать ответы, погружаясь в культурный контекст события, развернувшегося более полувека назад в Амгуэмской тундре.

Отмечу существенный методологический момент. Обсуждение этого жизненного эпизода не предполагает принятия точки зрения В.Г. Кузнецовой. Хотя текст, составленный именно ею, будет использован в качестве источника, действия абсолютно всех участников описываемой истории, в том числе этнографа, станут предметом анализа в данной работе, ведь В.Г. Кузнецова наравне с амгуэмскими оленеводами принимала участие в тех событиях и влияла на их ход.

В апреле 1951 г. в одном из стойбищ амгуэмских оленеводов тяжело заболел его хозяин — «достопочтенный» чукча, стадовладелец, а также первый председатель молодого колхоза «Тундровик» — Тымнэнэнтын [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 336, л. 63; д. 403, л. 25 об.]. Дневниковые записи В.Г. Кузнецовой говорят о том, что у него было какое-то серьезное заболевание пищеварительной системы. Периодически у Тымнэнэнтына случались приступы сильных болей вни-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02785.

² Ныне Иультинский район Чукотского автономного округа.

«Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка)...

зу живота. Во время них он не мог ни работать, ни ходить, ни есть, ни спать. Он ложился в пол и стонал. Через какое-то время, иногда быстро, иногда спустя целый день или ночь, боль утихала, и старик вновь возвращался к своим каждодневным делам. Единственным лекарством был камень, разогревавшийся на очаге хозяйкой и клавшийся в специально сшитый ею для этих целей ровдужный мешочек (см., напр.: [Там же, д. 389, л. 2 об.]). Тымнэнэнтын прикладывал его к больному месту, и острая боль отпускала. Кроме того, облегчение приступов приносило массажирование больного места В.Г. Кузнецовой (см., напр.: [Там же, д. 374, л. 2–2 об.]).

Однако на этот раз приступы боли в животе, случавшиеся и ранее, были сильнее обычного. Он стал задыхаться, стонать, «не узнать было Тымнэнэнтына» [Там же, д. 390, л. 13 об.]. Болезнь началась после гостевания старика в стойбище его брата Номгыргына по случаю праздников пээчвакенратгыргын и чымн'акэлвай [Там же, д. 389; д. 390; д. 403, л. 2]³. Впервые Тымнэнэнтын изъявил желание умереть «добровольной смертью уже на второй день обострения болезни. Он стал говорить “как в бреду” о том, что его “ждет упряжка”»⁴, но желание его в итоге не было исполнено [Там же, д. 390, л. 12 об.]. Улучшения тем временем не наступало. За неделю он «исхудал, лицо [стало] как у мертвого», с «ввалившимися» «стеклянными глазами» [Там же, д. 403, л. 17 об.]. Молодая жена, Эттыкутгэвыт, почти не отходила от больного мужа. Но ему становилось только хуже. Тогда на восьмой день непрекращающегося приступа Тымнэнэнтын повторил свою просьбу [Там же, л. 22–23].

Обычай «добровольной смерти» был широко распространен среди чукчей, а также других народов Северо-Восточной Сибири: ительменов, коряков, эскимосов, и он достаточно хорошо описан в литературе (см., напр.: [Богораз, 1934, с. 106–112; Крашенинников, 1949, с. 348; Юхельсон, 1997, с. 197; Кеннан, 1905, р. 214–215; Воас, 1964, р. 615]). Исследователи предлагали различные интерпретации этой экзотической традиции. Ее связывали и с суровыми условиями северного края [Богораз, 1934, с. 106], и с мировоззренческими установками, касающимися представлений о перерождении душ и мире мертвых [Vate, 2003, р. 55–61; Willerslev, 2009, р. 693–704], и с идеей жертвоприношения [Богораз, 1934, с. 109; Batianova, 2000, р. 153], и с психологическими наклонностями коренных жителей Северо-Восточной Сибири [Богораз, 1934, с. 107–108], и с представлениями о престижности насильственной смерти [Там же, с. 108], и даже с идеологией родового строя [Зеленин, 1937].

Чукчи, страдавшие от болезней или старческой немощи, часто предпочитали умереть «добровольной смертью», чем продолжать жить. Они обращались прежде всего к своим сыновьям (смерть от руки сына считалась менее мучительной) или, по крайней мере, к братьям либо каким-то другим родственникам с просьбой исполнить ритуал [Августинович, 1878, с. 55; Ресин, 1888, с. 54; Каллиников, 1912, с. 87; Богораз, 1934, с. 109; Биллингс, 1978, с. 56; Мерк, 1975, с. 138]. Он мог осуществляться тремя способами: удушением, закалыванием копьем и выстрелом из ружья [Богораз, 1934, с. 109].

У чукчей, таким образом, существовала практика прекращения жизни человека, страдающего от физических недугов, или, говоря современными словами,— эвтаназия. Однако, как было показано в работах целого ряда исследователей, этот обычай был связан не столько со стремлением облегчить участь больных и немощных людей, сколько с традиционным мировоззрением чукчей [Batianova, 2000; Vate, 2003; Willerslev, 2009]. Еще В.Г. Богораз отметил, что «добровольная смерть» является жертвоприношением духам [1934, с. 109]. Как показал Р. Виллерслев, оно совершается для духов-предков, живущих в мире мертвых и жаждущих забрать к себе своих родственников [Willerslev, 2009]. Чтобы предотвратить большое количество смертей в земном мире, проводились ритуалы умилостивления духов, в частности ритуал «добровольной смерти».

Человек, принесший себя в жертву, способствовал дальнейшему процветанию и благополучию своего коллектива. Поэтому «добровольная смерть» являлась героическим поступком и приравнивалась к почетной гибели в бою. Сам термин, обозначающий ее в чукотском языке, «вэрэвтэгавык», переводится как «поединок» [Богораз, 1934, с. 108]. Человек, желавший принять «добровольную смерть», произносил те же сакральные формулы, что и побежденные воины, попавшие в руки про-

³ Пээчвакенратгыргын — весенний праздник, сопровождающий разделение оленьего стада, а именно отделение важенок с новым приплодом. Это делалось с целью сохранения новорожденных телят. Чымн'акэлвай — весенний праздник рогов оленьего быка. Он сопровождал празднику весеннего разделения стада [Кузнецова, 1957, с. 293, 300].

⁴ По представлениям кочевых чукчей, умерший человек отправляется в мир мертвых, и путь этот достаточно долг. Он преодолевается или на оленьей упряжке, или пешком. Все зависит от возможностей конкретной семьи: может ли она себе позволить «запрячь» оленей для покойника, т.е. принести их в жертву, или нет [Богораз, 1939, с. 187].

тивника: «Теперь я стал для тебя диким оленем», «теперь я стал для тебя добычей», «поступай со мной как с добычей» [Там же]. Интересно сообщение И. Кибера, что «с сим обычаем» «наиболее соображаются» те, кто «пользуются общим уважением, кто был тоюном и проч.» [Кибер, 1824, с. 116]. Похоже, что чукчи, имевшие почет и уважение в коллективе, были наиболее склонны именно к такому уходу из жизни (см., напр.: [Врангель, 1841, с. 345–346]).

«Добровольная смерть» помогала не только коллективу, но и самой «жертве». По представлениям чукчей, лучшие места для обитания на том свете отдаются людям, умершим «добровольной смертью». Они живут в красном пламени северного сияния и проводят время за игрой в мяч [Богораз, 1934, с. 108]. Как писал участник Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 г. Ф. Елистратов, «убитые же оружием, а паче умертвившие сами себя имеют будут блаженнейшую жизнь от прочих. И тамо живут родами, имея множество хороших и белых оленей. О умирающих же само собою мнят, будто бы оные не получают покоя, и по своему зловерию почитают их съеденными дьяволом» [1978, с. 169].

Чукчи верили, что люди, умиравшие от различных болезней, становились жертвами злых духов кэле, пожирались ими, а «добровольная смерть» позволяла избежать этой участи [Богораз, 1934, с. 108–109]. Встретиться с родными на том свете можно было только в случае насильственной смерти: добровольной или в бою [Вдовин, 1976, с. 247]. Кроме того, возродиться в одном из своих потомков опять-таки могли только те, кто умер почтенно, т.е. не от болезней [Там же, с. 248]. В последнем случае злокозненные духи съедали человека.

С описанными представлениями была связана относительная легкость принятия решения умереть «добровольной смертью». Как писал Г.А. Сарычев, «сам больной» просил «о сем, как о милости, желая умереть; ибо у них естественная смерть почитается безчестною и, как они говорят, прилична одним лишь бабам» [1802, с. 109]. С.П. Крашенинников даже назвал самоубийство «последним способом удовольствия» для камчадалов [1949, с. 348].

Если просьба была произнесена вслух, то нельзя было не исполнить воли человека ее сказавшего. Считалось, что даже за излишнее промедление духи рассердятся и будут жестоко мстить. Так, в истории, произошедшей в западной Колымской тундре в 1865 г., поведенной чукчей В.Г. Богоразу и записанной им, человек по имени «Маленькая Ложка» поплатился сполна за свое легкомысленно вслух выраженное желание умереть [Богораз, 1900, с. 52–58]. В порыве гнева на свою жену и сыновей он произнес «формулу», но в итоге передумал и не стал исполнять обряд. Духи разгневались, и на следующий год у него умерли три сына.

Сам больной также мог после смерти вредить людям за неисполнение его воли. «Смертельно мучаюсь я, сжальтесь, отпустите меня к родникам», — просил богатый и уважаемый оленевод Мирго своих близких [Аргентов, 1857, с. 45]. Но его желание не было исполнено, несмотря на все мольбы. Не помогли даже угрозы, которые стали его последними словами: «Вы мучите меня; за слабодушие ваше я тоже стану мучить вас!» [Там же]. И действительно, Мирго осуществил заклиние: он вселился в своего сына, который стал деспотом, издевающимся над людьми [Там же].

Учитывая вышеописанные представления чукчей о «добровольной смерти», попробуем понять смысл событий, происходивших в Амгуэмской тундре в конце апреля 1951 г. Женщины стойбища Тымнэнэнтына, в соответствии с традиционными взглядами, начали обсуждать необходимые приготовления для исполнения ритуала и последующих похорон после дважды высказанного стариком желания умереть. Многие из них плакали, но не сомневались, что должны исполнить просьбу больного, и говорили об этом как о неизбежном факте [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 403, л. 23 об.].

Однако младший брат Тымнэнэнтына, Тымнелкот, к которому и была обращена просьба, не спешил исполнять обряд. Он уехал в соседнее стойбище к их с Тымнэнэнтыном сводному брату — Номгыргыну. Спустя какое-то время он вернулся с гостями-соседями. Люди стали заходить в полог и рассаживаться в нем. Подали чай и еду. Номгыргын же начал размышлять вслух о просьбе своего брата.

«Как нам поступить? — спрашивал он. — Мы оказались в таком положении, что, с одной стороны, нельзя не уважить твоей просьбы об удушении, с другой стороны, мы живем в новое время, и наши прежние законы и порядки, установленные нашими предками, устарели. Да и не одни мы теперь, среди нас находятся лылэпылыт⁵, которые сообщат своим, русским, о нашей поступке. Что

⁵ Наблюдатели, зрители (пер. с чукот.) [Инэнликэй, Молл, 2005, с. 80].

«Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка)...

скажет россиварат⁶, установивший новую жизнь? Конечно, по старым нашим законам, мы бы уважили твою просьбу и даже спешили бы, чтоб тебе не мучиться» [Там же, л. 24 об.–25].

Данная речь не соответствовала традиционному поведению чукчей в ситуациях необходимости осуществления обряда «добровольной смерти». Как правило, родственники если и пытались отговорить человека от его намерения умереть, то апеллировали к своим чувствам, причем делали это очень эмоционально, даже нарочито. По сути, такие речи являлись частью ритуала и в действительности не приводили к перемене решения: вербализованное желание смерти должно было осуществиться. Один нижнеколымский житель, бывший не раз очевидцем добровольного ухода чукчей в мир мертвых, писал, что «соседи и родственники по мере сил и возможности начинают уговаривать фанатика» переменить решение, но отмечал, что эти «церемонии» нередко «притворны» (цит по: [Олсуфьев, 1896, с. 112]). Номгыргын же не стал причитать о приближающейся смерти своего брата, а пустился в серьезные размышления о возможности исполнения этого обычая в принципе, его смысле и вписанности в реалии «нового времени».

Другие чукчи, видимо, тоже испытывали сомнения. Должно быть, из-за этих колебаний Тымнелкот и отправился к Номгыргыну. Последний был уважаемый в амгуэмской тундре человек: бригадир оленеводческой бригады, он сохранял достаточно большое количество личных оленей для конца 1940-х гг. (360 голов), имел трех жен, а также состоял в отношениях «товарищества по жене» с другими чукчами [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 338, л. 1 об.–2; д. 350, л. 9 об.; д. 353, л. 7 об.; д. 366, л. 15 об.]. Все эти характеристики — многоженство, наличие «товарищей», большое стадо — являлись признаками влияния у чукчей. Кроме того, его стойбище было союзным и в то же время «передним» (т.е. главным) по отношению к стойбищу Тымнэнэнтына [Там же, д. 356, л. 1 об.]. В общем, его слово имело вес в обществе, поэтому должно было стать последним.

Из приведенной речи Номгыргына также видно, что он был обеспокоен присутствием «наблюдателей». Находившийся в яранге чукча Анкай, председатель Амгуэмского сельсовета, не вызывал большого доверия из-за его сотрудничества с советской властью. Но главным образом настораживало находжение в стойбище В.Г. Кузнецовой: исследователь воспринималась чукчами как один из представителей новой власти, который может донести «своим» об их «неправильных» поступках. «Были бы мы одни, да в иное-старое время, не оттягивая просьба твоя была бы исполнена, — оправдывался перед больным братом Номгыргын. — Спешили бы мы даже в исполнении твоего желания, чтоб не страдать тебе» [Там же, д. 403, л. 27–27 об.]. Анкай высказался еще более определенно, чем Номгыргын, о своих страхах: «Если тебя удушат, — говорил он Тымнэнэнтину, — не только все твои родственники и люди стойбища Номгыргына, но и мы с ними будем в ответе перед советскими законами» [Там же, л. 25 об.].

В действительности опасения чукчей были напрасными. В.Г. Кузнецова не стала бы «доносить» о происшествии. Этнограф была на стороне людей, вместе с которыми прожила три года и культуру которых пыталась понять. Об этом, в частности, свидетельствует ее официальная телеграмма из «поля» в Ленинград: в ней ни словом не упоминается о неоднозначном отношении чукчей к коллективизации и прочим составляющим советской политики. Там отражена официальная риторика: В.Г. Кузнецова сообщала, что в стойбище-колхозе, где проходила ее работа, она наблюдает «ростки нового» [СПФ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 8, л. 28]. Дневники же, не предназначавшиеся для просмотра официальными лицами и являвшиеся настоящим (искренним, честным) интеллектуальным продуктом исследователя, говорят о том, что эти «ростки» пробивались с огромным сопротивлением (см., напр.: [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 342, л. 2; д. 344, л. 18; д. 361, л. 5; д. 396, л. 11]).

Номгыргын искренне хотел исполнить просьбу брата, переживал из-за своего бездействия, жалел его [Там же, д. 403, л. 27]. «Ох, — сетовал чукча, — своим присутствием лишь увеличиваю твои страдания, но ничем не помогаю» [Там же, л. 26]. Через какое-то время после обсуждения в пологе он вновь, уже наедине, подошел к В.Г. Кузнецовой и словно стал спрашивать у нее разрешения: «Исполним волю больного, удушим его?» «Нельзя, нельзя этого делать! — категорично ответила она. — ...Советский период нашей жизни, советские законы не позволяют нам убивать больных. Больных лечат наши врачи, восстанавливают здоровье, и человек вновь становится полезным для общества» [Там же, л. 26 об.–27].

Реакция В.Г. Кузнецовой в той ситуации лишней раз подкрепляла обозначенное настороженное отношение к ней чукчей. Исследователь не переставала доказывать чукчам, в том числе Тымнэнэнтину, устарелость данного обычая: «Все мы, русские, и вы, чукчи, живем в новое

⁶ Русский народ (пер. с чукот.) [Там же, с. 20].

время,— говорила она,— больных у нас лечат, исцеляют, а не удушают. Наши врачи делают чудеса, излечивают от болезней и самых мучительных... Ты председатель колхоза “Тундровик”, ты один из первых кочевников Амгуэмского сельсовета вступил в колхоз, и твоя жизнь, твое выздоровление нужно для дальнейшего подъема колхоза» [Там же, л. 25 об.].

Исследователь действительно боялась возможности осуществления ритуала «добровольной смерти», поэтому всячески пыталась его предотвратить. Дело было не в установленных законах, а на лично-эмоциональном уровне она не могла этого допустить. В дневниках она делилась своими страхами. Например, когда В.Г. Кузнецова впервые услышала просьбу Тымнэнэнтына, она похолодела от ужаса [Там же, д. 390, л. 13]. А увидев, как юноша Ятгыргын взял аркан, «даже задрожала», так как подумала, «не собирается ли [он] уже душить старика» [Там же]. После тихого разговора больного старика с братом Тымнелкотом В.Г. Кузнецова почувствовала, что «надвигается трагическое», а при мыслях о Тымнэнэнтине у нее непроизвольно подступали слезы [Там же, д. 403, л. 22–22 об.]. Она искренне пыталась отговорить чукчей совершить этот ужасный, не гуманный в ее видении поступок. Она говорила им: «[Тымнэнэнтин] выздоровеет» [АМАЭ, ф. К-1, оп. 2, д. 403, л. 24].

В.Г. Кузнецова «победила». Номгыргын отказал Тымнэнэнтину в исполнении его просьбы и ушел к себе домой. Таким образом, исследователь сыграла на стереотипном восприятии ее чукчами как представителя русских и, следовательно, проводника нововведений и требований Советского государства. Данный стереотип помог ей воспрепятствовать исполнению обычая. Правда, уже через день она ушла в другие стойбища, так как яранги Тымнэнэнтына из-за его болезни продвигались к летней стоянке медленно, а исследователь спешила попасть на побережье до разлива р. Амгуэмы, чтобы успеть на пароход в Ванкареме [Там же, л. 8 об., 21]. Уже из контекста записей за май, относящихся к периоду нахождения В.Г. Кузнецовой в другом стойбище, становится понятно, что Тымнэнэнтына не стало [Там же, д. 391, л. 9–9 об.]. Возможно, старик умер своей смертью: он действительно был тяжело болен. А может быть, все-таки состоялся «поединок»? Ведь после ухода русского исследователя из стойбища и оставления ею чукчей они могли почувствовать свободу действий. Но этот вопрос погружает нас в область догадок и предположений, в дневниках не найти однозначного на него ответа.

С достаточной определенностью обо всей этой истории можно сказать, что действия как чукчей, так и этнографа разворачивались в определенном социально-историческом контексте и были его проявлением. В период экспансии, порой насильственной, «русской»/советской культуры во второй четверти XX столетия столкнулись две культуры, два мировоззрения. Люди же в своем повседневном взаимодействии старались примирить реальность конкретных ситуаций с официальной идеологией и вместе с тем традиционными представлениями и практикой. При этом человек, как правило, не делал окончательный, «единственно-правильный» выбор в пользу первого или второго, а соотносил сложившиеся обстоятельства с возможными последствиями принятия решения.

Вне зависимости от того, победил ли Тымнэнэнтин в своем последнем поединке за право умереть лучшей и достойнейшей смертью или нет, чукчи, участники анализировавшейся истории, предстают не как пассивные объекты, к которым пришла советская власть и навязала им новый, «не традиционный», чуждый им стиль жизни, и не как фанатичные борцы, готовые умереть за верность традиции. Они оказываются людьми, которые живут и действуют в конкретных ситуациях в соответствии с их личными интересами и жизненными задачами и обладают агентивностью. Своими действиями и решениями они сами создавали свои биографии и судьбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники

АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 336, 338, 342, 344, 350, 353, 356, 361, 366, 374, 389–391, 396, 403.
СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8.

Литература

Августинович Ф.М. О племенах, населяющих Колымский округ // Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 2. Вып. 1. Приложение. М., 1878. С. 43–56.

Аргентов А. Путевые записки священника миссионера Андрея Аргентова в приполярной местности // ЗСОРГО. 1857. Кн. 4. С. 3–58.

Биллингс И. Журнал, или поденник, флота капитана И. Биллингса // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 54–58.

«Добровольная смерть» и «новая жизнь» в Амгуэмской тундре (Чукотка)...

- Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900. 417 с.
- Богораз В.Г. Чукчи: Авториз. пер. с англ.: В 2 ч. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 191 с.
- Богораз В.Г. Чукчи: Религия: Авториз. пер. с англ.: В 2 ч. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. Ч. 2. 193 с.
- Вдовин И.С. Природа и человек в религиозных представлениях чукчей // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера: Вторая половина XIX — начало XX в. Л.: Наука, 1976. С. 217–252.
- Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю: В 2 ч. СПб., 1841. Ч. 1. 356 с.
- Елистратов Ф. Дневная мемория геодезиста Ф. Елистратова от Тигильской крепости берегом по Пенжинской губе до реки Пенжины в последовании под командою титулярного советника Баженова с 14-го сентября по 21-е число 1787 г. // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 166–172.
- Зеленин Д.К. Обычай «добровольной смерти» у примитивных народов // Памяти В.Г. Богораз: 1865–1936: Сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 47–78.
- Инэнликэй П.И., Молл Т.А. Чукотско-русский словарь: Пособие для учащихся 5–9 классов общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Просвещение, 2005. 239 с.
- Иохельсон В. И. Коряки: Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
- Каллиников Н.Ф. Наш Крайний Северо-Восток. СПб., 1912. 246 с.
- Кибер И. Чукчи // Сиб. вестн. 1824. Кн. 9/10. Ч. 2. С. 87–126.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 840 с.
- Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских чукчей // Сиб. этногр. сб. М.; Л., 1957. Вып. 2. С. 263–326.
- Кузнецова В.Г. Из неопубликованных материалов Чукотской экспедиции 1948–1951 гг. // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Вып. 5. С. 136–162.
- Мерк К. Описание обычаев и образа жизни чукчей // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. С. 98–151.
- Михайлова Е.А. Фотографии из экспедиции Варвары Григорьевны Кузнецовой на Чукотку (1948–1951) // СМАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2014. Т. LIX. С. 112–133. (Иллюстративные коллекции Кунсткамеры).
- Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи ее экономического состояния и быта населения: С картою. СПб., 1896. 223 с.
- Ресин А.А. Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. 78 с.
- Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану: В 2 ч. СПб., 1802. 192 с. Ч. 2.
- Boas F. The central Eskimo. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1964. 261 p.
- Batianova E.P. Ritual Violence among the peoples of Northeastern Siberia // Hunters and gatherers in the modern world: Conflict, resistance, and self-determination. N. Y.: Berghahn Books, 2000. P. 151–163.
- Geertz Cl. Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // The Interpretation of Cultures: Selected Essays by Clifford Geertz. N. Y.: Basic Books, 1973. P. 3–30.
- Kennan G. Tent life in Siberia: and adventures among the Koryaks and other tribes in Kamchatka and Northern Asia by George Kennan. N. Y.; L.: The Knickerbocker Press, 1905. 425 p.
- Vate V. Le rituel de mort volontaire: Rendre l'ame pour perpetuer la vie // Chemins d'étoiles, Transboréa. 2003. No 10. P. 55–61.
- Willerslev R. The optimal sacrifice: A study of voluntary death among the Siberian Chukchi // Amer. Anthropologist. 2009. Vol. 36. № 4. P. 693–704.

Санкт-Петербург, МАЭ РАН
elenav0202@gmail.com

The given article analyses a concrete real-life episode happened in Amguem tundra in 1951. V.G. Kuznetsova, a Leningrad ethnographer, who carried out a continuous field work among Amguem reindeer breeders in Chukotka during three years (from 1948 to 1951), recorded that incident on pages of her diary. The story, which became the subject matter of this article, was as follows. In one family where V.G. Kuznetsova had been just residing most of the time, they expected a ritual of «voluntary death». The master of the nomad camp expressed his wish to be strangled by his kinsman. However, despite traditional notions of the Chukchi on undesirability to failure such a request, the ritual was delayed and then was cancelled at all. Addressing to social-and-historical context of that time and making micro-historical analysis of the particular real-life incident, the article suggests interpretation of decisions and actions of the immediate participants of those events. The author comes to a conclusion that in the period of expansion of Russian/Soviet culture, occurring in the second quarter of XX century, people tried to reconcile the reality of concrete situations with official ideology and, at the same time, with traditional notions and practices.

Siberia, the Chukchi, voluntary death, political resistance, sovietization, ritual.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ (XIX — НАЧАЛО XX в.)

В.Я. Темплинг

Реконструируется процесс формирования системы медицинского обслуживания населения на Крайнем Севере, уточняются отдельные факты, устанавливается имя первого в истории Обдорска постоянного врача, ставится вопрос о дифференцированной оценке состояния здоровья коренных народов, устанавливается зависимость распространения эпидемических заболеваний от роста плотности народонаселения за счет увеличения доли пришлого как постоянного, так и временного населения.

История медицины, здравоохранение, Крайний Север, врачи, Обдорский участок, инородческая больница, оспопрививание, коренные народы.

Развитие системы здравоохранения на Крайнем Севере, и в Тобольской губернии в частности, можно отнести к малоисследованным темам. Хотя состояние здоровья местного населения и не обходились стороной ни русской администрации, ни многочисленными исследователями, регулярно посещавшими северные пределы губернии, но вплоть до начала XIX в. никаких серьезных мер по организации медицинского обслуживания на отдаленных территориях не предпринималось. Незнание истории местной медицинской системы отразилось на содержании статей о дореволюционном здравоохранении в новейшей региональной энциклопедии, изобилующих фактическими ошибками и противоречивыми сведениями¹ [Ямал..., с. 40, 201, 314–315].

На рубеже XVIII–XIX вв. не только в Сибири, но и во всей России системы здравоохранения как таковой еще не существовало [История здравоохранения..., 2014, с. 12]. То есть не имелось ни определенной цепочки взаимосвязанных между собой медицинских учреждений, ни разветвленной системы специальных учебных заведений, ни системной государственной политики в этой области. Все находилось в стадии формирования. Базой системы охраны общественного здоровья являлись больницы Приказа общественного призрения, а также институт объездных, окружных (уездных), городских врачей, повивальных бабок и оспопрививателей. Но элементами российской повседневности они постепенно становятся только на рубеже XVIII–XIX столетий [Мирский, 1996, с. 129–139; История здравоохранения..., 2014, с. 14].

Цель статьи — раскрыть формирование системы медицинского обслуживания населения на Крайнем Севере Тобольской губернии в XIX — начале XX в. на основе изучения биографий медицинских специалистов, условий их деятельности, анализа работы Обдорского отделения Березовской инородческой больницы. Под территорией Крайнего Севера в данной работе подразумевается территория в границах Обдорской волости Березовского уезда. Исследование построено на архивных документах — Тобольской врачебной управы и Тобольского общего губернского правления. Врачебная управа являлась общим губернским учреждением, в задачи которого входили вопросы организации медицинского обслуживания, строительства и содержания больниц, кадровые вопросы, контроль санитарного состояния губернии, организация мер по предотвращению или прекращению эпидемий. Документы представлены медицинскими отчетами конца XIX — начала XX в., а также финансовыми документами и формулярными списками. Более широкий спектр информации содержится в рапортах врачей с мест командировок. К сожалению, таких документов, относящихся к районам Крайнего Севера, обнаружено немного; отчасти это объясняется плохой сохранностью документов, отчасти — вообще их, по-видимому,

¹ Например, в общем очерке к энциклопедии утверждается, что первая больница в Обдорске была открыта в 1895 г. на 5 коек и возглавил ее «ротный фельдшер» А.В. Васильев [Ямал..., с. 40]. На самом деле больница — отделение Березовской инородческой больницы — была открыта в 1893 г. во время пребывания доктора И. Зальмунина. Фельдшер Васильев имел специальное профессиональное образование, а ротным фельдшером был Е.И. Питерцев, и трудился он в с. Мужы. В статье «Врачебное дело» [Там же, с. 201] утверждается, что врачебная управа как орган, занимавшийся управлением врачебным делом в губернии, была создана в 50-е гг. XIX в., а открытие Березовской инородческой больницы отнесено к концу этого столетия, хотя на самом деле врачебные управы были организованы по указу 1797 г., а Березовская больница открылась в 1835 г.

Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии...

небольшим количеством. Оказание помощи населению Обдорского отделения носило ограниченный характер — врачей не хватало, а долгое время в Обдорске их и не было.

Рассматривать историю системы здравоохранения на Крайнем Севере вне контекста развития и состояния этой сферы социальной жизни в России, без учета специфики внутреннего состояния и положения окраинных земель в системе существовавших социально-экономических связей, бессмысленно. Поэтому, очевидно, некоторым преувеличением выглядит утверждение, что положение здравоохранения в Сибири в начале XIX в. было крайне неудовлетворительным. Более слабое по сравнению с европейскими государствами развитие общественной медицины в России объясняется целым рядом объективных факторов. Главный из них — низкая плотность населения и слабые внутренние связи между отдельными регионами, экономика которых базировалась на господстве полунатурального хозяйства, не особенно сильно зависевшего от внешних связей, и, как следствие, преобладание традиционного общества с присущими ему особенностями мировосприятия и мироощущения; в них врачу, фигуре из другой, западно-европейской культуры, еще предстояло занять свое место. Названные факторы стократно увеличивались в Сибири. Суровость климата, малая численность населения, раскиданного на огромной территории, изобилующей естественными преградами, отсутствие транспортной инфраструктуры, дороговизна, настороженное отношение к чужакам — вот сложности, с которыми сталкивались и врачи, и миссионеры, и путешественники, и администраторы [«И здесь появляется...», 2003, с. 62–63, 120–121, 125–127]. Указанные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют об объективной неготовности, с одной стороны, государства, а с другой — и самого местного населения к развитию общественной медицины. В таком деле желания и воли одного государства недостаточно, необходимо, чтобы и общество было готово участвовать в деятельности этой системы. Насколько возможна была подача медицинской помощи ничтожному числу жителей, разбросанных на огромной территории? Насколько она была возможна с точки зрения бюджета? Например, в медицинском отчете по Обдорскому участку за 1901 г. указывается, что за год услугами стационара воспользовалось только 48 чел., из них умерло 5, вне стен больницы медицинская помощь была оказана 1480 больным, из которых умер 21 чел. Между тем на содержание медицинского персонала государство тратило 2676 руб. в год [ГУТО ГАТ, ф. 352, оп. 1, д. 710, л. 53 об.–54]. Вопросы неспроста и в современную эпоху. Созревание необходимых предпосылок мы и наблюдаем на рубеже XVIII–XIX столетий [Темплинг, 2015].

В настоящий момент у нас нет серьезных данных, которые свидетельствовали бы, что эпидемии с завидной регулярностью «свирепствовали» на данной территории и уносили значительное число жертв среди местного населения. Эмоционально окрашенные оценки состояния здоровья, гигиены местного населения появляются лишь во второй четверти XIX в. и принадлежат людям, выросшим в совершенно иных условиях, иной санитарно-гигиенической культуре, которые остро реагировали на разницу между относительно обустроенным бытом там, где они проживали, и «гигиеническим хаосом» на периферии [Татарникова, 2013, с. 127–131]. По мнению некоторых современных исследователей, «корь, оспа, тиф, холера и венерические заболевания коренным народам до появления русскоязычного населения были неизвестны» [Вануйто, 2003, с. 131]. Но возникает вопрос, как «в обстановке жестокой эксплуатации, торгового обмана, обирания, отсутствия медицинской помощи, систематического недоедания и голода, эпидемий малые народы (ханты, манси, ненцы, селькупы и др.)» [Дьячков, 1980, с. 51] за многие века контактов с русскими, при ежегодном «свирепствовании эпидемий», так и не исчезли? Однако еще в начале XX в. А. Дунин-Горкавич убедительно доказал неравномерность демографических процессов среди народов Крайнего Севера [1995, с. 84, 139–141]. И задолго до него, в 20-е гг. XIX в., врач Ф. Белявский писал о незначительном распространении болезней среди населения Крайнего Севера, главным образом среди ханты. О ненцах же он и вовсе писал, что «слишком здоровый наружный вид самоедов доказывает, что болезни им не известны» [Белявский, 2004, с. 128–133, 172–173].

Представляется, что проблема появления эпидемических заболеваний и размеров жертв напрямую связана с уровнем плотности населения, его скученностью, интенсификацией коммуникаций местного населения с пришлым. Импульсивные впечатления, с которыми мы имеем дело при чтении путевых заметок путешественников, рапортов командированных чинов, не должны быть определяющими при изучении проблемы. По-видимому, пока нет никаких серьезных оснований утверждать, что состояние здоровья коренного населения Обского Севера на-

ходилось в каком-то особо удручающем состоянии. Оно было обычным для того времени. Белявский говорил об оспе как главной проблеме для здоровья, характерной для остяков и самоедов Обдорской волости. Проблемы возникают после того, как начинается хозяйственное освоение края, значительными темпами растет население как постоянное, за счет оседания русских и коми-зырян, так и временное, за счет сезонных рабочих, которые концентрировались на промыслах [Дунин-Горкавич, 1995, с. 80, 124; Берендеев, 2005, с. 127; Повод, 2006, с. 48–74]. Во всяком случае, следует дифференцировать наши представления о распространении заболеваний среди коренного населения. Подавляющая часть источников со сведениями о заболеваемости, кроме того, что появляются довольно поздно, связаны прежде всего с северной группой хантов, ненцы же и в конце XIX в. были малодоступны внешнему наблюдению. Зависимость заболеваемости от образа жизни была замечена современниками. В отчете за 1892 г. обдорский объездной врач И. Зальмуниин писал, что кочующие инородцы находятся в более выгодном положении, чем оседлые [ГУТО ГАТ, ф. 352, оп. 1, д. 342, л. 4 об.–5]. Бытовало мнение, что сифилис у инородцев — «зло, занесенное давно, и прогрессирует у инородцев оседлого образа жизни, кочующие самоеды мало соприкасаются с русскими и в этом отношении сохранились гораздо более, чем остяки». По сведениям Ф. Белявского, первая эпидемия сифилиса на Севере была зафиксирована в 1816/1817 г. Спровоцирована она была «козаками и купеческими работниками, наводняющих сию страну для торговых оборотов» [Белявский, 2004, с. 133]. Эпидемия «возвратной горячки» 1885 г., как было установлено специальным расследованием обдорского заседателя, началась с песков купца Бронникова [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 33, д. 218, л. 44 об.]. Примечательно, что эпидемические волны, захватывавшие северные территории, прослеживаются в 50-е, 80-е гг. XIX в.², что явно коррелируется с ростом притока постоянного и временного населения из других районов губернии, Сибири и Севера России [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 33, д. 218].

Наблюдения над документами также позволяют сделать вывод, что предполагаемая исследователями (в связи с «ежегодными эпидемиями») острая нужда во «враче» в этом отдаленном крае на самом деле была не такой уж чрезвычайной. Край не только долгое время обходился без медиков, но при определенных обстоятельствах и обдорского врача могли отправить в длительную командировку. Как это было, например, в 1892 г. В марте этого года обдорский врач И. Зальмуниин был командирован на крайний юго-восток губернии в Тюкалинский округ для борьбы с эпидемией брюшного тифа. Вернулся он только в начале июня [ГБУТО ГАТО, ф. 352, оп. 1, д. 294, л. 95]. Таким образом, в самое проблемное с точки зрения заболеваемости время — весеннее межсезонье — Обдорск оставался без доктора. Более того, осенью этого же года его хотели вновь командировать на юг, теперь уже в Ялуторовский округ, или в Березово для исполнения обязанностей окружного врача, вызванного в Тобольск [Там же, л. 105].

Но документы свидетельствуют и о том, что летом врач здесь нужен был еще меньше. В медицинском отчете по Обдорскому отделению Березовской инородческой больницы, в таблице о числе посещений по месяцам в графах за летний период не отмечено ни одного больного [Там же, д. 710, л. 2 об.–3]. Это не удивительно. Обдорск в это время года, по замечанию многих путешественников и администраторов, буквально «вымирал», почти все население от мала до велика выезжало на рыбную путину. Главной заботой врача в летнее время были рыбопромышленные пески, где концентрировались в значительном количестве сезонные рабочие. Объездной врач обязан был наблюдать за санитарным состоянием промыслов. Важным в оказании медицинской помощи было и то обстоятельство, что межсезонье с точки зрения возможности ее подачи нуждающимся на Крайнем Севере ограничивалось только рамками поселения, поскольку связи между населенными пунктами не существовало. Ни по суше, ни по реке в это время нельзя было никуда попасть. Таким образом, для продуктивной деятельности в распоряжении доктора оставались 4–5 зимних месяцев.

При такой специфической организации деятельности врача на Крайнем Севере подстерегала еще одна проблема — отсутствие практики и возможностей для профессионального совершенствования. Отрицательные последствия постоянного пребывания специалиста в отдаленных, малонаселенных местах для его профессионализма осознавались современниками. Так, врач Э. Шперк на примере своей службы в Гижигинском округе (побережье Охотского моря) показывает абсолютную бесполезность пребывания там врача, который не мог оказать помощь

² В 1885–1887 гг. эпидемии охватили почти всю губернию. На Севере от Обской губы до Кондинска распространялась «возвратная горячка» (тиф), в Тюмени и Тобольске бушевал дифтерит, отмечались случаи сибирской язвы и оспа.

населению, во-первых, из-за его малочисленности и разбросанности на огромной территории, а во-вторых, из-за отсутствия нужного количества медикаментов, завозившихся в те районы один раз в год в очень небольшом количестве, почта же приходила от одного до девяти раз в год. Врач как дипломированный специалист просто там «умирал». «Мне кажется, что продолжительное, непрерывное пребывание врача в малолюдных странах едва ли можно оправдать... Осмыслить пребывание врача в этих местах можно, поставив для него только две цели: 1) пребывание в известном пункте для искоренения господствующего там сифилиса, но для этого необходимо, чтобы даны были необходимые к тому средства, т.е. устроена больница... 2) посещение этих мест в видах изучения этиологии болезней севера, хотя подобные посещения принесут пользы для тамошнего населения не больше, чем вообще пребывание там окружного врача, но зато врач, посетивши страны с совершенно особыми условиями климата, социальной и гигиенической обстановкой народного быта, может вывести не мало полезных и интересных заключений об этиологии некоторых болезней; эта цель, конечно, чисто научная и не может быть навязана каждому официально — официальные путешествия приносят и плоды официальные» [Шперк, 1865, с. 493]

Важной частью реконструкции истории северного здравоохранения является изучение персоналий врачей и их помощников — лекарских учеников, фельдшеров, повивальных бабок, оспопрививателей. Низкий уровень медицинской помощи сельскому населению дореволюционной России в значительной степени обуславливался недостатком квалифицированных кадров. В Сибири их нехватка была особенно ощутимой. В 1864 г. в Томской губернии на одного врача приходилось 115 552 чел. только русского населения. В Тобольской губернии на одного врача приходилось от 59 селений в Тюкалинском округе, до 160 в Сургутском [Островская, 1975, с. 132.]. В первой половине XIX в. по «Штату присутственных мест в губерниях Тобольской, Томской, Иркутской» (1804, 1805 гг.) в западно-сибирских губерниях полагалось по 6 чиновников во врачебной управе и 35/31 медицинских чинов [Сибирь в XIX столетии, 1889, с. 254, 259]. Но и положенные штаты никогда полностью не набирались. В феврале 1873 г. врачебная управа сообщила губернатору о «несоответствии состояния врачебной части губернии требованиям надлежащего охранения народного здоровья». По штатам, утвержденным 6 декабря 1856 г., в губернии полагалось 29 врачей и 5 ветеринаров (без учеников и повивальных бабок). Однако из этого числа имелось вакансий: в 1864 г. — 20, в 1868 г. — 8, в 1869 г. — 7, в 1870 г. — 10, в 1871 г. — 9. Из 14 окружных врачей постоянно не доставало от 5 до 7 чел. [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 32, д. 809, л. 4–5 об.]. В Томской губернии в 1875 г. по штату полагался лишь один сельский врач [Там же, оп. 33, д. 155, л. 29–41]. По данным Сибирской энциклопедии, в 1880 г. врачебный персонал Западной Сибири (Тобольская, Томская, Акмолинская губернии и Семипалатинская область) насчитывал 10 врачей городских и 22 окружных, уездных и объездных; для сельчан и горожан было 16 больниц, 1 врач приходился на 100 тыс. м² [Сибирская советская энциклопедия, 1929, стб. 90].

Кто и когда из гражданских медицинских специалистов первым был назначен на Крайний Север? Ответ на этот вопрос остается открытым. Известно, что начало медицинского обслуживания гражданского населения губернии относится к 1764 г., когда в Тобольске была организована казенная аптека, учреждена должность губернского доктора с небольшим штатом помощников [Темплинг, 2015, с. 46–49]. Имеется только одно упоминание губернатора Д. Чичерина, датированное 1766 г., о рассылке лекарей и подлекарей из первого медицинского «десанта» 1764 г. в Березов, Якутск и Мангазею [РГАДА, ф. 344, оп. 1: ч. 1, кн. 16, д. 383, л. 255–255 об.]. Из них Э.А. Гофман трудился в Якутске, в 1770-е гг. И. Панаев был в Нерчинске, точное место пребывания подлекарей в документах не указано. По неподтвержденным документами сведениям, подлекарь Карп Шиц в это время значится скончавшимся в Березово. Возможно, он и был первым профессиональным **постоянным** медицинским специалистом на Крайнем Севере. Однако пройдет еще более полувека, прежде чем фигура врача в отдаленном поселении на краю ойкумены станет относительно привычной частью местного сообщества.

Несмотря на определенные усилия, наладить систему гражданского медицинского обслуживания на Крайнем Севере удалось не сразу. Нехватка специалистов ощущалась здесь постоянно. В июне 1811 г. березовский городничий в рапорте о распространившейся тогда в городе цинге сообщал, что из медицинских чинов в городе один лекарский помощник, да и тот по требованию земского суда отлучился с 24 мая в Кондинское комиссарство для оспопрививания, и больные «остаются без всякого от болезни лечения...» [ГУТО ГАТ, ф. 329, оп. 13, д. 465, л. 11]. В записке инспектора Тобольской врачебной управы (1864 г.) о состоянии медицинской части Бере-

зовского края говорилось, что существующие городские больницы в Березове и Сургуте находятся на большом расстоянии от жителей, а выездных врачей не хватает. Их отсутствие и частая сменяемость объяснялись суровостью климата, отдаленностью края, дороговизной [Там же, ф. 152, оп. 32, д. 345, л. 7]. Мало чем изменилась ситуация и 20 лет спустя. Летом 1887 г. Березовский комитет общественного здоровья, сообщая губернским властям о распространившейся на Кондинском участке тифозной горячке, сетовал, что «медицинскую помощь больным оказать пока некому, так как кондинский фельдшер Игленкин болен, фельдшер Калачев выбыл в село Чемашевское, в котором также есть больные. Кроме того, болезнь горячка не прекратилась также и в Сосьвинском крае, в котором вовсе нет фельдшера» [Там же, оп. 33, д. 218, л. 136].

Таким образом, долгое время в Обдорске вообще не было медицинских работников. Текущее обслуживание Обдорского участка осуществлялось березовскими выездным или городским врачом или фельдшером. В чрезвычайных случаях сюда командировались медицинские чиновники врачебной управы или врачи из других округов губернии. Пока мы знаем имена нескольких врачей, трудившихся в Обдорске, и известно о них немного. Сухие строчки формулярных списков рассказывают о жизненном пути, очевидно, первого обдорского выездного врача — Александра Алексеевича Алексева. Он был определен на эту должность еще молодым человеком, сразу после окончания Московской медико-хирургической академии в 1842 г. Здесь он прослужил почти 10 лет до своей кончины летом 1852 г. Вероятно, его заменил березовский городской врач И. Лютиков, который работал в Березове с осени 1840 г. В документах 1885 г. упоминается обдорский фельдшер Москвитин, а обязанности обдорского выездного врача исполнял березовский городской врач Биржишко, на смену которому в следующем году прибыл И. Боричевский. Во второй половине 80-х гг. эту должность занимал Маршалов, прославившийся тем, что принимал больных скарлатиной через специальное окошечко [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 33, д. 218, л. 107, 138 об., 227–228 об.]. В 1890 г. он перевелся в Тобольск в Приказ общественного призрения. Некоторое время северные территории обслуживались одним фельдшером. Это приводило к тому, что медицинская служба не контролировала ситуацию на территории и информация о заболеваниях поступала в губернское управление в обход врачебной управы, иногда в частном порядке (т.е. врачи об этом и не знали). Как, например, это произошло в середине 90-х гг. с распространением «черной оспы» между самоедами с Мужей и соседних юрт Салемановских Обдорского участка. В предписании губернской управы говорилось, что «о своевременной помощи и думать нечего, так как в Березовском округе один лишь фельдшер от Обдорска до Ледовитого океана» [ГУТО ГАТ, ф. 352, оп. 1, д. 294, л. 27–27 об.]. Об уже упоминавшейся эпидемии «возвратной горячки» 1885–1886 гг. губернские власти узнали из частного письма С.Н. Трофимова, доверенного лица купца И.Н. Корнилова на обских промыслах [Там же, ф. 152, оп. 33, д. 218, л. 103–105 об.].

В 1891 г. сразу после окончания Казанского университета в Обдорск прибывает И. Зальмунин, с которым связаны некоторые важные эпизоды в жизни обдорцев. В частности, Зальмунин, впервые провел перепись населения Обдорска, дал ему характеристику, организовал строительство больницы, пытался наладить санитарное просвещение путем чтения публичных лекций³. В 1893 г. обязанности обдорского выездного врача исполнял березовский окружной врач Осетров [ГАТО ГАТ, ф. 352, оп. 1, д. 371].

В конце XIX в., после введения в Сибири стационарной системы, был образован Обдорский врачебный участок⁴ в составе двух фельдшерских участков — обдорского и мужевского. По штатному расписанию в участке было положено иметь четырех специалистов — выездного врача,

³ Следует отметить одно недоразумение, вкравшееся в биографию И. Зальмунина, подготовленную В. Белобородовым и опубликованную в энциклопедии «Ямал». Оно касается утверждения, что Зальмунин в 1901 г. якобы «впервые провел в Обдорске оспопрививание среди населения» [Ямал..., 2004, с. 314–315]. Север, конечно, находился на периферии страны и научных, в том числе медицинских, достижений, но не все было так плохо. Оспопрививание становится предметом государственной заботы еще в XVIII в., и вакцинация населения и на Севере проводится уже в начале XIX в. Осенью 1811 г. создается Березовский комитет «предохранительной оспы», а «оспопрививательное просвещение» вменяется в обязанность приходским священникам (см.: [Церкви Обдорска, 2005, с. 148–150; ГУТО ГАТ, ф. 704, оп. 1, д. 25, л. 45–45 об.; Ф. 152, оп. 44, д. 140, л. 34–34 об.]). Инспектор Тобольской врачебной управы И.С. Пабст в 1806 г. сделал прививки детям инородцев Березовского уезда по методу доктора Дженнера (см.: [Палкин, 1967, с. 53]). Ф. Беляевский сообщал, что оспопрививание на Севере проводилось в 1820-х, хотя и было не очень эффективным [2004, с. 128–131].

⁴ Следует считать явным недоразумением утверждение В.И. Вануйто, что к середине XIX в. «сеть общегражданских лечебных заведений стационарного типа более или менее сформировалась» [2003, с. 127]. Ни о какой стационарной системе в Сибири середины XIX столетия речи вести нельзя. В это время был только поставлен вопрос об организации такой системы.

двух фельдшеров и объездную повивальную бабку. Резиденция врача, одного фельдшера и повивальной бабки располагалась в Обдорске, центром участка было Обдорское отделение Березовской инородческой больницы. Другой стационар — фельдшерский пункт — находился в Мужах.

С 1897 г. должность объездного врача занимал выпускник Томского университета Василий Рафаилович Поддъяков, о деятельности которого сохранились весьма нелестные замечания современников (см.: [Шемановский, 2005, с. 270–271, 274–275]). Фельдшерами служили: в Обдорске с осени 1889 г. Васильев Алексей Владимирович, окончивший Омскую фельдшерскую школу; в Мужах — в 1892 г. младший лекарский ученик В.Н. Соломонов, с 1895 г. младший лекарский ученик Ефим Иванович Питерцев, бывший ротный фельдшер. В 1892 г. здесь работали две повивальные бабки — А.Б. Красноярова, объездная, с жительство в Обдорске, и Евгения Яковлевна Бисерова, сельская, с жительство в с. Мужах. В апреле 1896 г. последняя займет должность объездной повивальной бабки. В 1906 г. заведующий Обдорским отделением был Подомков. Наблюдения над биографиями обдорских врачей обнаруживают интересную закономерность. Если первые врачи — А. Алексеев, В. Лютиков были выпускниками Московской медико-хирургической академии, то в конце XIX в. почти все должности замещаются питомцами сибирских учебных заведений — Томского университета, Омской фельдшерской школы, Тобольской повивальной школы. Таким образом, и этот, на первый взгляд малозначительный, факт отражает существенные изменения, которые произошли в Сибири во второй половине XIX столетия.

До строительства здания больницы в Обдорске прием больных осуществлялся врачом на своей квартире. В 1891 г. обдорское инородческое управление пожертвовало в пользу больницы старое здание, которое благодаря инициативе молодого врача И. Зальмунина и помощи состоятельных людей было реконструировано по плану епархиального архитектора Б.Б. Цинке⁵. К отремонтированному старому зданию, в котором разместились палата на 10 коек, перевязочная и операционная, а также кухня, пристроили помещение для аптеки, кладовой и туалета.

Таким образом, только с начала 90-х годов XIX в. жители Обдорска получили возможность стационарного медицинского обслуживания и теперь могли не совершать утомительных путешествий в Березов. Для представителей коренного населения лечение было бесплатным, поскольку это было отделение Березовской инородческой больницы, представители других категорий населения должны были лечение оплачивать самостоятельно. В сведениях о расходах Березовской инородческой больницы и ее Обдорского отделения в 1899–1901 гг. приводятся следующие цифры. В среднем за три года каждые сутки в больницу обращалось 9 чел. в Березове и 3 чел. в Обдорске. В общей сложности на всю больницу ежедневно — 12 чел. Из этой цифры исходили при составлении смет по содержанию больницы на следующие годы, и сумма не превышала 2000 руб. в год. В 1906 г. она увеличилась до 3290 руб. [ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 40, д. 249, л. 2]⁶.

Не представляется возможным оценить результаты организации такой системы. Нет объективных сравнительных данных, чтобы утверждать, что после ее создания смертность среди коренного населения резко снизилась или изменилась структура заболеваемости. Этот вопрос требует отдельного изучения. Однако, вероятно, постоянное присутствие квалифицированных медицинских кадров, снабженных лекарственными препаратами и инструментами, позволяло обеспечивать помощь хотя бы незначительному числу местных жителей. А налаживание систематического с начала XIX в. оспопрививания способствовало уменьшению масштабов этого заболевания и числа жертв. Во всяком случае, в начале XX в. М. Лахтин утверждал, что «за последние годы в больших размерах она не проявлялась» [1909, с. 14]. Приведенные факты также свидетельствуют, что на протяжении XIX в. медленными темпами происходило формирование системы медицинского обслуживания местного населения. Спорадические посещения врачами районов Крайнего Севера, характерные для первой трети столетия, постепенно уступают место постоянной практике специалистов — врачей, фельдшеров, повивальных бабок. В конце XIX в. на территорию Крайнего Севера распространяется стационарная система, в Обдорской волости открываются больничный стационар и фельдшерские пункты. Во второй поло-

⁵ В начале 1890-х гг. в завершающий этап вступили работы на строительстве каменного Петропавловского храма, руководил работами Б. Цинке. Зальмунин использовал это удачное стечение обстоятельств.

⁶ Стоит отметить, что сметы на содержание больниц в начале XX в. составлялись для Березовской инородческой больницы и Обдорского отделения. Это говорит о том, что Обдорская больница не была самостоятельной единицей, как это утверждается автором статьи «Врачебное дело» в энциклопедии [Ямал..., 2004, с. 201].

вине века среди медицинских специалистов выпускники сибирских профессиональных учебных заведений составляют значительную долю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белявский Ф.М. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень: Мандр и К^а, 2004. 296 с.
- Берендеев С.Ф. К вопросу об устройстве быта работников, занимавшихся рыбным ловом на промысловых «песках» Тобольского Севера // II науч. конф. «Тобольск научный 2005»: Материалы конф. Тобольск, 2005. С. 125–130.
- Вануйто В.Ю. Развитие здравоохранения на севере Тобольской губернии // Вестн. ТобГПИ им. Д.И. Менделеева. Тобольск: Изд-во ТобГПИ, 2003. № 2. С. 126–131.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. М.: Либерея, 1995. 376 с.
- Дьячков В.И. Особенности становления и развития здравоохранения в районах Тюменского севера в 1922–1940 гг. // Сов. здравоохранение. 1980. № 1. С. 51–55.
- «И здесь появляется заря христианства...»: (Обдорская миссия 30-е — 80-е гг. XIX в.): Источники / Сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и К^а, 2003. 328 с.
- История здравоохранения дореволюционной России (конец XIX — начало XX в.) / М.В. Поддубный, И.В. Егорышева, Е.В. Шерстнева и др.; Под ред. Р.У. Хабриева. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2014. 248 с.
- Лахтин М. Борьба с эпидемиями в допетровской Руси. М., 1909. 23 с.
- Мирский М.Б. Медицина России XVI–XIX вв. М.: РОССПЭН, 1996. 400 с.
- Островская Л.В. Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1975. С. 131–142.
- Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716–1868). Новосибирск: Зап.-сиб. кн. изд-во, 1967. 580 с.
- Повод Н.А. Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX в.). Новосибирск: Наука, 2006. 272 с.
- Сибирская советская энциклопедия. Т. 1–4. М., 1929–1931. Т.1, XXX, 988 стб.
- Сибирь в XIX столетии / Сост. В.К. Андриевич. СПб., 1889. Ч. 1: Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г.
- Татарникова А.И. Чем пахнут «чужие»: Санитарно-гигиеническая культура аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. (по материалам сибирской прессы) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 4 (23). С. 127–132.
- Темплинг В.Я. Тобольский медицинский факультет XVIII в. Начало // Большое городище. № 2 (35). 2015. С. 42–51.
- Церкви Обдорска: Летопись в документах. Вып. I: Васильевская церковь (1746–1824) / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. 360 с.
- Шемановский И.С. Избр. тр. / Сост., авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова. М.: Сов. спорт, 2005. 300 с.
- Шперк Эд. Несколько слов о жизни врачей и врачебной деятельности в инородческих округах Восточной Сибири // Медицинские вести. 1865. № 49. С. 477–480; № 50. С. 489–493.
- Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. Т. 1. Салехард; Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. 368 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
tmp1@mail.ru

The article reconstructs a process of shaping a system of medical service with population in the Far North, specifying certain facts. Subject to determination being a name of the first constant doctor in the history of Obdorsk. The author raises a question on differentiated assessment of health state among native peoples, correlating spread of epidemic diseases with growth of population density due to increasing a share of newly come population, both constant and temporary.

History of medicine, health care, Far North, doctors, Obdorsk health care district, non-Russian hospital, smallpox vaccination, native peoples.

«В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РЕЛИГИЯ ПЕРЕЖИВАЕТ СЕРЬЕЗНЫЙ КРИЗИС»: РЕАКЦИЯ СОВЕТСКИХ ВЕРУЮЩИХ НА АНТИРЕЛИГИОЗНУЮ ПРОПАГАНДУ¹

В.П. Ключева

Статья посвящена жизни верующих в советское время. Проанализированы программные заявления коммунистической партии, посвященные антирелигиозной борьбе и отношению к религии в целом, а также проведено сравнение декларируемых заявлений и реального отношения к верующим. Рассмотрены принципы деятельности профессиональных атеистов. Выделены основные направления научно-атеистической пропаганды: сферы образования и культуры. На примере школьного образования показано, как проводилась научно-атеистическая пропаганда, какова была роль учителя в этом процессе и выстраивании отношений между религиозными и неверующими учениками. Приведены примеры использования кинематографа и художественной литературы для создания образа верующего. Выделены две жизненные стратегии в религиозной среде: социализация в обществе и изоляция от него. Также приведены примеры латентной религиозности, особенно в сельской местности, и использования государством религиозных проявлений в своих интересах. Сделан вывод, что верующие сумели приспособиться к жизни в условиях тотальной антирелигиозной пропаганды.

Свобода совести, религиозная община, верующие, научно-атеистическая пропаганда, антирелигиозная работа, протестанты, христиане.

Несмотря на стереотип о советском периоде как времени жесткого давления на церковь и верующих, следует констатировать, что религия продолжала присутствовать в жизни многих советских граждан. Среди причин сохранения религиозных взглядов называлась слабая атеистическая работа. «Само существование религии в советском обществе многие теоретики и практики атеизма нередко выводили из недостаточной антирелигиозной пропаганды» [Сосковец, 2005, с. 198]. Современные исследователи, в свою очередь, считают, что «что никакого атеистического воспитания и даже атеистической пропаганды в Советском государстве никогда не было. Был воинствующий атеизм, была антирелигиозная, антицерковная борьба, в том числе и средствами пропаганды» [Там же]. Теме антирелигиозной работы посвящено значительное число исследований, большинство которых касается региональных особенностей организации антирелигиозной/атеистической пропаганды (см., напр.: [Зин, 2008; Федирко, 2009, 2011; Мавлютова, 2010; Бардилева, 2011]) или общих антирелигиозных практик (см., напр.: [Чаусов, 2009; Сосковец, 2013]). Мы рассмотрим, в каких сферах общественной жизни разворачивалась деятельность «профессиональных» атеистов, как реагировали верующие на давление и была ли у них возможность сохранить свои взгляды и убеждения.

В Советском Союзе взаимодействие с религиозными организациями и верующими гражданами выстраивали одновременно советские органы власти и коммунистическая партия. Регулирование правового положения религиозных организаций как общественных объединений находилось в ведении государства [Ключева, 2013б], а в ведении КПСС — борьба «за построение атеистического общества» и соответственно организация антирелигиозной пропаганды².

Позиция партийцев в отношении религии была четко обозначена в программе ВКП(б) (1919 г.): «Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду» [Законодательство..., 1971, с. 22].

На каждом партийном съезде внимание уделялось вопросам пропаганды, которая включала обязательный атеистический компонент: «Надлежит озаботиться выработкой особых мето-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-01-00488 «Христианские церкви Восточной Европы в период Холодной войны: публично-правовое положение и международная активность».

² Нужно уточнить, что на протяжении всего советского периода содержание атеистической работы менялось, но по сути она выступала как антирелигиозная, т.е. направленная против религиозного мировоззрения, показывающая религию и религиозные убеждения как нечто отрицательное.

дов антирелигиозной пропаганды в зависимости от социальной среды аудитории» (1923 г.). С официальных трибун заявлялось о недопустимости оскорбления чувств верующих: «...Необходимо следить за тем, чтобы не оскорблять религиозного чувства верующего, победа над которым может быть достигнута только очень длительной, на годы и десятки лет рассчитанной работой просвещения» (1924 г.) [Там же, с. 513–514]. Значительно позже, в 1954 г., в постановлении ЦК КПСС встречается разъяснение сложившегося отношения к религии: «Коммунистическая партия воспитывает советских людей в духе научного материализма и ведет идейную борьбу с религиозной идеологией, как с антинаучной идеологией» [Там же, с. 43].

Об этом же говорилось и в научно-популярной литературе: «...религия не может быть частным делом по отношению к Коммунистической партии, т.к. религия противоречит и враждебна научной марксистско-ленинской идеологии и несовместима с целями и задачами Коммунистической партии» [Беседы о религии и знании, 1962, с. 305]. Антирелигиозная и научно-атеистическая пропаганда стала частью социалистического строительства, в коммунистическом будущем для религии места не было: «В понятие социалистического строительства... входит подъем масс к подлинной социалистической, истинно-научной, т.е. разумеется, атеистически-материалистической культуре. По дороге к ней должны быть уничтожены все религиозные верования» [Луначарский, 1985, с. 451]. Такой подход был характерен на протяжении всего существования советского строя.

Однако фактическая деятельность борцов с религией сильно отличалась от реального положения дел. Само государство способствовало закреплению несоответствия между декларируемыми и реальными способами взаимодействия между религиозными сообществами и светским обществом. Еще в 1919 г. Луначарский заявил о возможности ограничений гражданских свобод, и в их числе свободы совести: «Свобода совести, мысли, слова может быть урезываема в Советской республике лишь постольку, поскольку ею злоупотребляют в целях прямой классовой борьбы против диктатуры пролетариата» [Деятели Октября о религии и церкви, 1968, с. 170].

В отношении всех конфессий действовала жесткая административная политика. Часть партийных и государственных деятелей воспринимали законодательство как «требование, обращенное лишь к религиозным объединениям и духовенству, освобождая себя от обязанности соблюдать советские законы о культах»; таким образом, «свобода совести, провозглашенная Конституцией СССР... не более как формальная декларация, рассчитанная на то, чтобы благоприятным образом воздействовать на общественное мнение зарубежных стран» [Советское законодательство о культах...].

К середине 1950-х гг. советское правительство в постановлении ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (07.07.1954) предложило свое видение деятельности религиозных объединений, которое и было принято «на вооружение» партийными и советскими органами в регионах. «Надо решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан нашей страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве. ...Церковь и различные религиозные секты значительно оживили свою деятельность, укрепили свои кадры и, гибко приспособившись к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию среди отсталых слоев населения. ...Религиозные предрассудки и суеверия отравляют сознание части советских людей, мешают их сознательному и активному участию в строительстве коммунизма» [Законодательство..., 1971, с. 36–37]. На местах партийные органы также повторяли риторику ЦК, указывая на «вред религиозных взглядов», подчеркивая, что религиозная идеология выступает «прямым антиподом научной социалистической идеологии» [ГАСПИТО, ф. 124, оп. 796, д. 15, л. 4].

В следующем постановлении ЦК КПСС, «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10.11.1954), предпринимается попытка частичного оправдания религиозности населения: «...большинство населения Советского Союза давно уже освободилось от религиозных пережитков; неизмеримо выросла сознательность трудящихся. Вместе с тем нельзя не учитывать того, что имеются и граждане, которые, активно участвуя в жизни страны и честно выполняя перед Родиной свой гражданский долг, находятся еще под влиянием разного рода религиозных верований» [Законодательство..., 1971, с. 41, 42–43]. Об этом же говорят и «профессиональные борцы» с религией: «Эти (религиозные) предрассудки продолжают отравлять сознание многих советских людей и в наше время, мешают их полнокровному и активному участию в строительстве коммунистического общества» [Наука и религия, 1957, с. 9]. С 1960-х гг. в атеистической литературе принято подразделять всех верующих на три группы: активные, пассивные и колеблющиеся [Бон-

«В настоящее время религия переживает серьезный кризис»...

даренко и др., 1988; Борунков, 1971; Шильдяшов, 1982; Организация и методика атеистического воспитания, 1986]. Предполагалась, что и работа среди этих групп должна вестись по-разному.

Общим в рассуждениях как партийных идеологов, так и специалистов-пропагандистов является подчеркивание, что «мы боремся с религией идейным, и только идейным путем». Силовое воздействие осуществляло государство, оправдывая это нарушением социалистического законодательства со стороны верующих.

Партийные и государственные органы понимали, что атеистическая пропаганда в обществе, даже совместно с разоблачительной работой силовых структур, не являлись спасением от «засилья» верующих. Уже в первые послереволюционные годы заявлялось о необходимости использования возможностей советского государства для проведения атеистических мероприятий: «...партия должна стремиться не только сама, не только своими силами бороться с религиозными предрассудками и устарелыми верованиями, но и использовать для этой цели как можно шире государственный просветительный аппарат» [Деятели Октября о религии и церкви, 1968, с. 171]. Борьба с идеологическим противником должна была вестись прежде всего на идеологическом фронте: в системе образования (школах, училищах и вузах) и сфере культуры (художественной литературе, кинофильмах и радиопостановках), научно-популярных изданиях и периодической печати.

В школах проводилась обязательная атеистическая работа, выявлялись дети верующих, на уроках предполагалось при обращении к естественно-научной тематике развенчивать религиозные представления. Такая работа осуществлялась не только во время учебных занятий, но и на кружках. «Необходимо придать известную антирелигиозную направленность и остальным школьным кружкам (историческим, литературным, юннатским, географическим и т.п.). Этого можно достичь путем включения в план занятий некоторых тем антирелигиозного характера, отвечающих специфике кружка» [Спутник антирелигиозника, 1939, с. 307]. Более того, учителям и детям вменялось в обязанность вести антирелигиозную работу с родителями и другими родственниками.

В постановлении «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (07.07.1954) говорится: «...Преподавание предметов (история, литература, естествознание, физика, химия и т.д.) насытить атеистическим содержанием...» [Законодательство..., 1971, с. 37]. Ему вторили школьные учителя. Так, по словам завуча одной из провинциальных школ (г. Тобольск), «нет ни одной науки, ни одной учебной дисциплины, которая не давала бы правильных научно-атеистических выводов о закономерности развития природы и общества, об отсутствии сверхъестественных сил, чудес» [Бекшенев, 1965, с. 3].

Зачастую интонации, с которыми все это произносилось, были оскорбительны для верующих детей. Антирелигиозная пропаганда в школе достигала накала в момент внешнего воздействия, например под влиянием проходивших в городе судов или демонстрировавшихся кинофильмов. С большими трудностями сталкивались дети верующих в средней школе в связи с атеистической направленностью преподавания. Об отношении к верующим школьникам и о своей школьной жизни в мемуарах подробно рассказала Наталья Винс (дочь Георгия Винса, одного из руководителей СЦ ЕХБ) [Винс, 2000]. Сохранились описания поведения детей в школе: «...как сектанты вели себя в школе, на уроках пения пели религиозные псалмы, не участвовали в детских играх, самодеятельности, общественных мероприятиях» [Бадмаев и др., 2006, с. 55]; или «все (дети) были резвыми, любознательными, веселыми. А он всегда был в стороне, мало интересующийся чем-либо, редко его встретишь на улице» [Свобода вероисповедания по-советски..., 2010, с. 83]. А ведь именно такое поведение, отличное от общепринятого, свидетельствовало об убежденности верующих в своей правоте и в связи с этим готовности пострадать «за веру» (см. подробнее: [Белякова, Добсон, 2015, с. 80–117]).

Однако бывали случаи, когда дети открыто заявляли о своих религиозных взглядах. Например, религиозные убеждения Натальи Винс не позволяли ей вступать в пионеры: «Я сама вижу, что это невозможно — верить в Бога, молиться — вступить в пионеры, пообещав бороться против религии» [Винс, 2000, с. 28]. Подобные случаи фиксируются и официальными документами: «В беседах с ребятами, Витя и Юра, ученики 6-го класса, рассказывают, что все баптисты (*имеются в виду дети из семьи баптистов*) — в пионеры не вступают, т.к. это не положено. <...> Часто дети не посещают политинформации, классные часы. Отец это объясняет тем, что в классе ведется антирелигиозная пропаганда» (из характеристики семьи Ивановых; глава семьи А.Ф. Иванов в начале 1980-х гг. был пресвитером баптистской общины в Тюмени) [ГАТО, ф. 5, оп. 1, д. 1657, л. 28]. Также были распространены отказы верующих школьников от вступления в комсомол [Клюева, 2013а; 2014, с. 235–237].

Сложно судить, насколько осознанно шло формирование отрицательного, вплоть до полного неприятия, отношения к детям из религиозных семей. Во много это зависело от точки зрения учителей. Кто-то во время уроков использовал научно-атеистический материал, а другие на факультативных занятиях читали вслух книгу о зверствах сектантов-пятидесятников, приносящих в жертву детей. Результатом такого чтения могла стать травля и избиение учеников из пятидесятнических семей. О подобном инциденте рассказывает В. Франчук [2003, с. 804–805]. Этот случай относится к 1974 г., но можно утверждать, что подобное происходило и раньше. В одной из атеистических брошюр приводится письмо верующей школьницы: «Меня называют сектанткой. Из-за этого меня стали ненавидеть в классе. Все настроение пропадает учиться. Из учителей даже такие есть, которые разговаривают со мной грубо, угрожающе. На глаза боюсь показываться тем, кто меня ненавидит...» [Огрызко, 1966, с. 104]. Можно предположить, что в других случаях учителя старались оградить ребенка от насмешек: «Я рассказала детям о нелепости религиозного мировоззрения, читали литературу, я предупредила ребят, что нельзя на Валеру пальцем показывать» [Свобода вероисповедания по-советски ..., 2010, с. 84].

Большее влияние на формирование восприятия образа верующих оказывали кинематограф и художественная литература, в частности литература для детей и подростков. Уже в первые революционные десятилетия были сняты фильмы на антирелигиозную тематику: например, «Отец Сергей» (режиссер Я. Протазанов, 1918), «Чудотворец» (режиссер А. Пантелеев, 1922), «Хозяин Черных скал» (режиссер П. Чардынин, 1923), «Старец Василий Грязнов» (режиссер Ч. Сабинский, 1924) «Праздник святого Йоргена» (режиссер Я. Протазанов, 1930). В середине 1950-х — начале 1960-х гг. был написан ряд повестей, в которых главными героями выступали верующие. Можно назвать такие повести, как «Старшая сестра» (автор Л. Воронкова, 1955), «Грешница» (автор Н. Евдокимов, 1960), «Чудотворная» (автор В. Тендряков, 1958), «Козыри монаха Григория» (автор А. Ананьев, 1964), «В союзе с Аристотелем» (автор Г. Михасенко, 1965) и др. По многим произведениям снимались кинофильмы (например, «Грешница» («Мосфильм», 1962); «Чудотворная» («Мосфильм», 1960) «Тучи над Борском» (Мосфильм, 1960), «Чудотворец из Бирюлево» («Центрнаучфильм», 1958), «Конец света» («Киностудия им. Горького», 1962) и др.) (см. подробнее [Федоров, 2013]). Из мультфильмов, напрямую посвященных антирелигиозной теме, можно назвать два: «Скорая помощь» («Союзмультфильм», 1949) и «Небесная история» («Союзмультфильм», 1962).

Оценить художественную ценность большинства названных произведений сейчас не представляется возможным. Однако получить некоторое представление об их содержании можно. «...Некоторые художники думают, что важнее всего показать наиболее страшные, наиболее уродливые проявления религиозного фанатизма. Например, в фильме «Тучи над Борском» показана попытка сектантов-пятидесятников распять на кресте одну из девушек, завербованных в секту. Такие случаи, бесспорно, имели место. Однако если мы хотим художественными средствами убедить зрителя в том, какой вред наносит религия советским людям, то подобный факт, на наш взгляд, не может быть положен в основу атеистических выводов. Почему? Да по той простой причине, что этот факт не типичен для деятельности большинства церковных и сектантских организаций» [ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 1425, л. 82]. Однако во вспомогательных материалах по атеистическому воспитанию эти фильмы рекомендовались для просмотра и обсуждения школьниками (к примеру, см.: [Огрызко, 1966; Филиппова, 1966]).

Весь культурный фон создавал резко отрицательный образ религиозного человека. В обществе существовал социальный заказ на создание образа «внутреннего врага» — религиозного фанатика. Возможно, сыграла роль и общая атмосфера «шпиономании» и жизни «во враждебном окружении». В первые послереволюционные годы (до 1929 г.) к религиозным людям зачастую относились как к «одураченным» или «невежественным», которых обманывали проповедники и священнослужители всех конфессий, о чем свидетельствуют название газетных статей: «Стригут овец духовных» [Валь, 1929, с. 4], «Беззастенчивое одурачивание. У братьев евангелистов» [Кунгурцев, 1928, с. 4] и др. После принятия постановления ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» (08.04.1929), когда большинство религиозных организаций было распущено, восприятие верующих, тайно собирающихся на молитвенные собрания по частным домам, стало отрицательным. Закрытые собрания вызывали настороженность и негативизм, особенно при все усиливавшихся государственных антицерковных действиях. В антирелигиозных журналах появляется уничижительная характеристика: «Всякая религиозная организация по природе своей контрреволюционна. Всякий, кто проповедует религию, кто занимается цер-

«В настоящее время религия переживает серьезный кризис»...

ковной или сектантской деятельностью,— творит контрреволюционное дело, ибо религия — непримиримый враг коммунизма» [Шафаревич, 1973].

Во многом и сами верующие способствовали созданию о себе мифов и отрицательных стереотипов. Действительно, многие собирались тайно, на квартирах. Религиозные принципы вступали в противоречие с современной жизнью. Отказ от участия в общественной жизни — от вступления в пионерскую организацию и комсомол, светских развлечений — для большинства советских граждан выглядел анахронизмом, а возможно, и насилием над личностью. Сами же верующие объясняли свое поведение следующим образом: «...многие верующие, независимо от конфессий, избегали этих “источников просвещения” (кинематограф, пресса), но не в силу своего “дремучего невежества” <...> а в силу своего категорически стойкого неприятия этой технологии лжи, клеветы, извращения действительности, технологии “промывания мозгов”» [Франчук, 2003, с. 608]. Однако следует учитывать, что в этом объяснении присутствует современное оправдание запретов (цитируемый текст написан в конце XX в., но описание ситуации относится к 1963 г.). Большинство верующих жили в «параллельном мире» с окружающей их действительностью. Репрессивная политика государства вынуждала быть постоянно готовым к арестам, что воспринималось как «страдания за веру».

В религиозной среде сформировались две тактики. Одна была направлена на социализацию в советском обществе, другая — на изоляцию от него [Беглов, 2008, с. 97]. Разные стили поведения были характерны для религиозных общин всех конфессий: православных (разделившихся на обновленцев и катакомбников, истинно-православных христиан), протестантов (среди которых были как члены легального союза ВСЕХБ, так и представители СЦ ЕХБ, нерегистрирующихся пятидесятников) и др.

Для тех, кто старался оградиться «от мира», характерным было представление о наступлении последних времен и грядущем Апокалипсисе (см. подробнее об эсхатологических представлениях: [Москаленко, 1978, с. 105–220]). В связи с этим периодически происходили всплески эсхатологических настроений. Еще в 1928 г. лидер пятидесятников И. Воронаев, ранее согласившийся официально зарегистрировать свой союз, писал: «Приближается конец мира, не подчиняйтесь власти». В пятидесятнической среде распространялась брошюра «Гонения», где обосновывалось крещение страданиями: «...когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Гонения для верующих предсказаны» [Ефимов, 1995, с. 46]. В 1948 г. в Тамбовской области православные восприняли землетрясение в Ашхабаде и цунами, обрушившееся на Камчатку, как знамение конца света [Вопросы истории религии и атеизм, 1961, с. 157]. В 1955 г. пятидесятники Крыма ожидали, что «приплывут корабли с заморской страны, возьмут всех крещенных духом, как в Ноев ковчег, и отвезут в “землю свободную”, где они будут благоденствовать и славить Бога. Однако сколько ни ожидали, но ни один корабль для такой цели так и не приплыл, и никто никуда не поехал». Подобный же случай произошел в Эстонии: «...приплывет большой белый корабль, заберет их и увезет куда-то навстречу Иисусу Христу, грядущему за Своей невестой. Многие ожидали этого с глубокой верой, но ни пророчество, ни ожидаемое так и не осуществилось» [Слободяник, 2000, с. 113]. Такие же настроения были присущи и пятидесятническим общинам Дальнего Востока [Островская, 2013]. По воспоминаниям участников, в начале 1960-х гг. в Казахстане верующие пятидесятники, получив откровение, вышли встречать Христа [Интервью с В.Д. 15.08.2013]. В 1970-е гг. во время полевых экспедиций в Воронежской, Тамбовской и Липецкой областях было зафиксировано ожидание «светопрествления и второго пришествия Христа» в связи с обострением международной обстановки [Вопросы научного атеизма, 1979, с. 201]. Подобные примеры могут быть приведены из жизни разных религиозных общин советского времени.

Для верующих, пытавшихся оградиться от светского/советского влияния, были характерны поведенческие особенности, например отказ от советских паспортов, участия в выборах и пр. Сохранились документы 1940-х гг., зафиксировавшие повседневную жизнь членов общины «истинно-православных христиан»: «...рядовые участники живут в домах с замурованными окнами, мужчины отпускают волосы, женщины отвергают брак. <...> Сектанты ведут паразитический образ жизни и проводят антисоветскую работу: налогов не платят, от выполнения государственных обязательств и от службы в армии уклоняются, на вызовы в советские органы не являются, соответствующих документов не принимают» [Беглов, 2008, с. 85]. После высылки в 1944 г. в восточные районы представители ИПХ не изменили свое поведение. Небольшая группа была выслана в Ханты-Мансийский округ. Будучи в ссылке, они продолжали высказывать свои убеждения, в частности отказываясь от участия в выборах. В результате местные власти перестали включать их в списки избирателей [ГАСПИТО, ф. 3894, оп. 2, д. 38, л. 9].

Все-таки большинство верующих стремились жить не нарушая советского законодательства. Если для легальной деятельности необходимо было пройти регистрацию, то они предполагали это сделать. Вопрос состоял в другом: насколько регистрация соответствовала конфессиональному поведению группы. К примеру, для большинства протестантов возможность легального существования была связана с участием в ВСЕХБ. При этом обрядово-догматические особенности вероучения баптистов сильно отличались от вероучения пятидесятников или меннонитов. Поэтому подобное объединение было искусственным и не устраивало ни евангельских христиан-баптистов, ни пятидесятников (подробнее о целях объединения см.: [Никольская, 2010; Ключева, 2015]). Перед православными и мусульманами также стояла проблема открытия культовых зданий. Одним из способов реализации потребности исполнения религиозных обрядов стал институт «нелегального священничества», характерный для православия и ислама. В районах, где число православных церквей было недостаточным, распространилось совершение религиозных служб вне церкви незарегистрированными священниками, монахами и др. [Беглов, 2008, с. 109]. Точно так же удовлетворению религиозных потребностей способствовали «нелегальные муллы», в роли которых «выступила сохранившаяся часть духовенства и просто мусульманских “авторитетов”» [ГАСПИТО, ф. 3894, оп. 2, д. 38, л. 156]. По мнению контролирующих органов, за таких духовных лиц зачастую выдавали себя самозванцы, не имеющие никакого отношения к религии. Хотя некоторые из мулл могли доказать свой статус документами, выданными Центральным управлением мусульман в Уфе [ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 885, л. 5].

Кроме прочего, в общественной среде по-прежнему присутствовал латентный религиозный фон, особенно свойственной сельской местности. Например, в Томской области в 1964 г. произошел казус, свидетельствующий о распространенности религиозных убеждений. На выпускной вечер в сельской школе десятиклассники, имеющие старообрядческие корни, пришли со своими чайными чашками, потому что «пить, по их вере, из других запрещалось» [Шильдяшов, 1982, с. 73]. По информации, собранной сотрудниками Института научного атеизма, религиозные воззрения были скорее продуктом обычаев и традиций, чем выражением религиозных убеждений. «Современный колхозник был религиозным, потому что “так его воспитала мать”, “старшие верили, и мы верим”» [Смолкин, 2009, с. 47]. Они же указывали, что в вузах были студенты-атеисты, которые пытались попасть домой на пасху, чтобы принять участие в общем праздновании.

Подобное мнение было характерно для исламского духовенства, объяснявшего, что «верность исламу служит достойным доказательством уважения обычаев и национальных традиций татарского народа» [Лагунов, 1964, с. 2]. Сохранность религиозных традиций особенно ярко проявлялась накануне праздников и при выполнении семейно-брачных обрядов — никах, имянаречение, обрезание. В документах встречаются упоминания о свадьбах «с соблюдением религиозного обряда» и проведении «суннат туй» [ГАСПИТО, ф. 3894, оп. 2, д. 29, л. 27; д. 38, л. 148; д. 39, л. 6].

Нужно отметить, что в действительности верующие не находились в жесткой оппозиции советскому государству. Они были частью общества и воспроизводили советскую модель поведения: язык, нормы и практики коммуникации, носили повседневную светскую одежду и др. При необходимости писали письма в органы власти. Более того, в спорных вопросах прибегали к авторитету советских вождей. Так, петропавловский пресвитер нашел неопровержимый аргумент в споре с парторгом: «Я прочитал у Ленина, что законы, ущемляющие религию, могли существовать только в капиталистическом обществе. Принес этот томик директору, который был еще и парторгом, и спросил: а в каком обществе сейчас мы живем, ведь нас (пятидесятников) тоже ущемляют?» [Интервью с В.Д., 15.08.2013]. Он же после суда над пятидесятниками в 1983 г. написал письмо в Совет по делам религий при Совете министров СССР, где обвинил местную власть в нарушении прав человека и Конституции СССР. В другом случае пятидесятники в ответ на газетную статью отказались участвовать в выборах: «Приходят переписчики, я говорю: “Мы голосовать не будем”. А в то время не голосовать невозможно было. Как? Почему? Я говорю: “Ну, вот такую клевету написали, и мы обращались к власти и они никаких мер не предпринимали, а зачем нам такая власть?”» [Интервью с В.Г., май 2008].

Власти старались использовать религиозные проявления в своих интересах. Встречались и анекдотичные случаи симбиоза местных чиновников и религиозных граждан. Например, в Тюменской области в д. Криванково (Шипаковский сельсовет) в течение долгих лет проводилось паломничество к источнику с ключевой водой, где собиралось до 400 чел. Здесь проходили моления и сбор денег. Самое интересное, что часть собранных средств сдавалось в сельсовет, что делало паломничество разрешенным «де-факто» [ГАСПИТО, ф. 3894, оп. 2, д. 38, л. 9–10].

«В настоящее время религия переживает серьезный кризис»...

Сельсовет перечислял полученные деньги в Госбанк по статье «случайные поступления», а затем использовали их для нужд сельсовета [Там же, л. 135]. Только после ряда предупреждений в 1959 г. «святое место» было замуровано, а земли вокруг него распаханы и засеяны кукурузой (см. подробнее [Ермакова, 2010]). В Кировской области, в дни проведения Великоорецкого крестного хода, в с. Великоорецком устраивалась ярмарка, организованная райпотребсоюзами трех соседних районов. По мнению уполномоченного Совета по делам РПЦ по Кировской области, собравшиеся местные жители пришли по традиции «погулять» на ярмарке. Его вывод подтверждается активной торговлей на рыночной площади, особенно бойко торговали спиртными напитками [ГАРФ, ф. 6991, оп. 3, д. 885, л. 24–28]. Подобные случаи демонстрируют варианты «взаимовыгодного сотрудничества» в условиях тоталитарного строя.

В целом, несмотря на активное присутствие антирелигиозной пропаганды в публичном советском пространстве, верующие сумели приспособиться и выработать стратегии выживания. Таким образом, политика государства, направленная на искоренение религии, оказалась несостоятельной. Советское общество, официально позиционирующееся как атеистическое, состояло не только из убежденных атеистов и верующих, но также из нерелигиозных людей, относившихся к религии индифферентно и воспринимавших религиозные обряды как часть народной традиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Информанты

Вл. Даманский, пресвитер ХВЕ, Петропавловск (Казахстан).
Вл. Головин, епископ ХВЕ, Тюмень (Россия).

Источники и литература

- Бадмаев А.А., Адыгбай Ч.О., Бурнаков В.А., Маншеев Д.М.* Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 168 с.
- Бардилева Ю.П.* Антирелигиозная пропаганда на европейском севере России по материалам журналов «Антирелигиозник» и «Безбожник» (1925–1941 гг.) // Вестн. СПбГУ. Сер. 2, История. 2011. № 3. С. 42–49.
- Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб»: Церковное подполье в СССР. М.: Издат. совет Русской православной церкви: Арефа, 2008. 352 с.
- Бекшенев З.* Мулла остается в одиночестве // Тюм. правда. 1965. 6 мая.
- Белякова Н.А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР: 1940–1980-е гг.: Исследование и источники. М.: Индрик, 2015. 512 с.
- Беседы о религии и знании.* М.: Политиздат, 1962. 320 с.
- Бондаренко В.Д., Косянчук А.С., Фомиченко В.В.* Религиозная община в современном обществе. Киев: Политиздат Украины, 1988.
- Борунков Ю.Ф.* Структура религиозного сознания. М.: Мысль, 1971.
- Валь Н.* Стригут «овец» духовных // Красное знамя. 1929 г. № 242.
- Винс Н.* Рубежи детства / Русская Миссия Благовестия. 2000. 175 с.
- Вопросы истории религии и атеизм.* Вып. IX: Современное сектантство и его преодоление: (По материалам экспедиции в Тамбовскую область в 1959 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 314 с.
- Вопросы научного атеизма.* М.: Мысль, 1979. Т. 24. 287 с.
- Деятели Октября о религии и церкви.* М.: Мысль, 1968. 240 с.
- Ермакова Е.* Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области // Антропол. форум. 2010. № 12 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: // http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/12online/ermakova/ermakova_old.
- Ефимов И.* Современное харизматическое движение сектантства. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. 319 с.
- Законодательство о религиозных культах.* М.: Юрид. лит., 1971. 336 с.
- Зин Н.В.* Организация атеистической пропаганды на территории владимирской области в 1943–1953 гг. // Россия в XX веке: Проблемы политической, экономической и социальной истории. СПб., 2008. С. 474–480.
- Клюева В.П.* Религия в последнее советское десятилетие: Воспоминания тюменских христиан о 1980-х гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 3. С. 175–181.
- Клюева В.П.* Свобода совести в СССР: От декларации до попыток реализации // История государства и права. 2013б. № 13. С. 17–20.
- Клюева В.П.* Верующие советского времени: Частные воспоминания и конструирование официальной истории // Историческая этнография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. Вып. 5. С. 234–238.
- Клюева В.П.* «Не они уступили, а с ними согласились»: Евангельские христиане-баптисты и пятидесятники в первое послевоенное десятилетие // Советское государство и общество в период позднего сталинизма: 1945–1953 гг. М.: Полит. энцикл.: Президент. центр Б.Н. Ельцина, 2015. С. 586–594.

В.П. Ключева

- Кунгурцев А. Беззастенчивое одурачивание: У «братьев» евангелистов // Красное знамя. 1928. № 86. С. 4.
- Лагунов Н. Человеку не по пути с богом: О некоторых вопросах атеистического воспитания // Тюм. правда. 1964. 5 февр. С. 2.
- Луначарский А.В. Религия и просвещение. М.: Сов. Россия, 1985. 544 с.
- Мавлютова З.Ш. Формы и методы антирелигиозной работы в Тюменском крае в 1920-е гг. // Омск. науч. вестн. 2010. № 6 (92). С. 23–26.
- Москаленко А.Т. Идеология и деятельность христианских сект. Новосибирск: Наука, 1978. 418 с.
- Наука и религия. М.: Знание, 1957. 432 с.
- Никольская Т.К. Августовское соглашение и позиции пятидесятников в 40–50-х гг. XX в. // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 3. С. 124–133
- Огрызко И.И. Дети и религия. Л.: Лениздат, 1966. 119 с.
- Организация и методика атеистического воспитания. М.: Политиздат, 1986. 304 с.
- Островская О.П. Феномен массовой миграции пятидесятников в г. Находку: Причины и следствия // Религиоведение. 2013. № 3. С. 29–36.
- Свобода вероисповедания по-советски: Тюменская община пятидесятников (христиан веры евангельской) на рубеже 1950–1960-х гг. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2010. 182 с.
- Слободяник В.А. Очерки по истории пятидесятничества / Ирпенская библейская семинария ВСО ЕХБ. 2000. 139 с.
- Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: Атеистическое воспитание в Советском Союзе, 1964–1968 // Неприкосновенный запас. 2009. № 3 (65). С. 36–52.
- Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением: (Доклад Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А.А. Пузина на совещании идеологических работников республик Средней Азии 5 февраля 1964 г.) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://forum.bakililar.az/index.php?showtopic=17921>.
- Сосковец Л.И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестн. ТГУ. 2005. № 288. С. 189–199.
- Сосковец Л.И. Антирелигиозные практики советского государства: Цели, структура, этапы, средства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 9. Ч. 2. С. 178–182.
- Спутник антирелигиозника. М.: ОГИЗ, 1939. 336 с.
- Федирко О.П. Коллективные формы атеистической работы на Дальнем Востоке в 50–70-е годы XX в. // Власть и управление на Востоке России. 2009. № 2. С. 88–94.
- Федирко О.П. Религиозное и антирелигиозное образование и пропаганда в социокультурном пространстве российского Дальнего Востока в 20–30-х годах XX в. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 235 с.
- Федоров А.В. Опыт герменевтического анализа советских аудиовизуальных медиатекстов антирелигиозной тематики на занятиях в студенческой аудитории // Инновации в образовании. 2013. № 7. С. 78–94.
- Филиппова Р.Ф. Об атеистическом воспитании школьников // Вопр. преодоления религиозных пережитков в СССР. М.; Л., 1966. С. 142–157.
- Франчук В. Просила Россия дождя у господ. Киев: Изд-во христианской миссии «Возможность», 2003. Т. 3. 1004 с.
- Чаусов А.И. Изменения в системе антирелигиозной пропаганды в 1954–1955 гг. (на примере Новгородской области) // Вестн. Новгород. ун-та. 2009. № 52. С. 21–23.
- Шафаревич И.Р. Законодательство о религии в СССР: Доклад Комитету прав человека. Париж, 1973 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.r-komitet.ru/law/faith/literature/razdel/shafarevitch>.
- Шильдяшов И.М. Религия в Сибири и атеистическое воспитание. Новосибирск: Наука, 1982. 208 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
vormpk@gmail.com

The article is devoted to life of believers in Soviet times. Subject to analysis being program statements of the Communist party devoted to antireligious struggle and treatment of religion on the whole, making a comparison between the declared statements and actual attitude toward believers. The author considers activity principles of professional atheists, specifying basic directions of atheistic propaganda: a sphere of education and culture. By the example of school education, it is shown in what way atheistic propaganda was performed, what was a teacher's role in that process and in building relations between religious pupils and non-believers. The paper quotes examples of using cinema and fiction for creating an image of a believer. Subject to specification being two life strategies in religious environment: socialization in the society and isolation from it. The article also quotes examples of latent religiousness, particularly in the country, and examples of the state using religious manifestations on its own account. The author comes to a conclusion that believers managed to adapt to life under total antireligious propaganda.

Freedom of conscience, religious community, believers, atheistic propaganda, antireligious work, Protestants, Christians.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЛЮТЕРАНСКИЕ ПАСТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Г.Н. Алишина

Столкновение Российской империи в Первой мировой войне с Германией и Австро-Венгрией существенно повлияло на положение лютеранской церкви в стране. Она стала объектом дискриминационной политики государства. В таких условиях пристальное внимание властей было приковано к деятельности лютеранских пасторов. Нередко их слова и поступки оценивались как предосудительные и влекли за собой меры репрессивного характера. В статье рассматриваются трудности, с которыми столкнулись лютеранские пасторы в годы войны, проступки, в которых они уличались, и виды наказаний, которым подвергались.

Лютеранские пасторы, Первая мировая война, Евангелическо-лютеранская церковь, Российская империя, ксенофобия, дискриминация, антинемецкая кампания.

Пребывание любого «инога», а уж тем более пришлого откуда-то извне меньшинства в рамках культурно отличного окружения всегда сопряжено с целым комплексом проблем и трудностей, связанных с процессом адаптации. Одним из ключевых вопросов для такого контингента становится вопрос идентичности, которую кто-то стремится сохранить и воспроизвести, а кто-то предпочитает изменить. И то, и другое — стратегии адаптации. Наиболее ярко и отчетливо проблема выбора и демонстрации идентичности мигрантским сообществом проявляется в острых кризисных условиях, диктующих необходимость однозначного решения. Исторической иллюстрацией в данном случае может послужить положение лютеран в Российской империи в годы Первой мировой войны. Обращение к этому сюжету предполагает рассмотрение такого вопроса, как существование пришлого меньшинства (в данном случае конфессионального) в условиях военного столкновения страны-донора и страны-реципиента, что напрямую связано с проблемами определения идентичности членов сообщества и оценки их потенциальной опасности для государства, в котором они проживают.

Евангелическо-лютеранская церковь в России начала свое существование с одного прихода в Москве в конце XVI в. К 1917 г. она насчитывала (за исключением Царства Польского) до 3,5 млн последователей [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1104, л. 1]. Она состояла из пяти консисториальных округов: Санкт-Петербургского, Московского, Лифляндского, Курляндского и Эстляндского, возглавляла которые Генеральная евангелическо-лютеранская консистория [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 253 об.–254].

Немало научных трудов посвящено истории этой конфессии в России. Пик исследовательского интереса к российским лютеранам пришелся на постсоветский период. В частности, имперскому и советскому этапам в истории лютеранской церкви в России посвящены монографии О. Курило [2002] и О.А. Лиценбергер [1999, 2004]. В ряде работ рассматриваются различные территориальные группы российских лютеран [Желновакова, 2010; Лиценбергер, 1996; Нам, 2011; и др.]. Однако все еще недостаточно изученным остается период Первой мировой войны, которому исследователи зачастую уделяют мало внимания, концентрируясь на событиях первых лет советской власти как наиболее трагичных в судьбе российских лютеран. И хотя есть публикации об отдельных лютеранских приходах в годы Первой мировой войны [Князева, Солодова; Машковцев, 2012], пока освещение этого периода в научных исследованиях нельзя назвать исчерпывающим. Малоизученной остается и проблема дискриминации лютеранской церкви, ее прихожан и духовенства в Российской империи, в то время как дискриминационной религиозной политике советского государства уделено достаточно много внимания. Обращение к вопросу о положении Евангелическо-лютеранской церкви России в годы Первой мировой войны позволит несколько

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

уменьшить эту диспропорцию, а также составить более полное представление о взаимоотношениях Российского государства и лютеран, проживавших на территории страны.

До начала Первой мировой войны положение Евангелическо-лютеранской церкви и лютеран в России можно оценить как весьма благополучное. Число последователей увеличивалось, чему прежде всего способствовали территориальные приращения империи и привлечение в страну иностранцев. Количество церквей и молитвенных домов росло. И хотя государственная власть на первое место безоговорочно ставила православие [Гавриленков, 2009, с. 149], лютеранская церковь имела возможность довольно успешно функционировать². Представители этой конфессии занимали высокие государственные посты, были полководцами, учеными, деятелями искусств и пр. Не будет преувеличением сказать, что вклад лютеран в политику, экономику, культуру и образование Российской империи был весьма значителен. И, как справедливо заметила О.А. Лиценбергер, хотя лютеранство считалось вероисповеданием иноземцев, ему самым удивительным образом было суждено оказать влияние на ход российской истории [Лиценбергер].

Положение Евангелическо-лютеранской церкви в России существенно изменилось (и не к лучшему) с началом Первой мировой войны. Столкновение с Австро-Венгрией и Германией спровоцировало в России резкий всплеск антинемецких настроений, вылившихся в широко-масштабную кампанию по борьбе с немецким засильем. Последняя включала в себя целый комплекс дискриминационных мер, от запрета преподавания на немецком языке до ликвидации немецкого землевладения. Притеснениям подверглись подданные вражеских государств, оказавшиеся на территории Российской империи, и российские подданные немецкого происхождения. Не избежали нападков и вероисповедания, присущие данным категориям населения страны. В первую очередь в число конфессий, вызывавших подозрение, попала лютеранская церковь. Она характеризовалась как особо опасная организация, преследовавшая узко национальные интересы. И хотя в число российских лютеран входили не только немцы и австрийцы, но и представители иных этнических групп (эстонцы, латыши и др.), все лютеране Российской империи стали объектом дискриминационной политики государства.

Уже в ноябре 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических обществ юношей и молодых людей и союза этих обществ в России. Из-за подозрений в помощи воюющим с Россией державам в декабре 1914 г. лютеранским приходам запретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий» [Сибирская жизнь, 1914, 30 дек.]. Особый недостаток в годы Первой мировой войны лютеранские общины испытывали в информации и снабжении духовной литературой. Дело усугублялось прекращением выпуска периодических изданий Евангелическо-лютеранской церкви. Кроме того, рост антинемецких настроений в годы войны серьезно затрагивал лютеранские приходы, особенно в крупных городах. Так, в мае 1915 г. в Москве антинемецкие выходки закончились погромом, в результате которого был причинен материальный ущерб евангелическо-лютеранскому приходу Св. Михаила. В целом наибольший пресинг в отношении лютеран исходил от военных властей, которые обвиняли неправославных христиан в германизме и антимилитаризме. Примером в данном случае может послужить распоряжение генерал-лейтенанта П. Курлова о полном запрещении немецкого языка в делах лифляндской евангелическо-лютеранской консистории [Новое время, 1915, 15 июня].

Первой реакцией российских лютеран на разразившуюся войну была демонстрация преданности Российскому государству. В конце июля 1914 г. в евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге были отслужены два торжественных молебствия о даровании русскому оружию победы [Новое время, 1914, 30 июля]. В отчете Евангелическо-лютеранской генеральной консистории о положении церковных дел за 1913–1914 гг. утверждалось, что «серьезность военного времени привлекла приходы на богослужения и наполнила церкви молящимися», а «торжественные молебны по возникновению войны... воодушевляли наши приходы» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 335 об.–336]. Нельзя забывать и том, что многие юноши и молодые мужчины лютеранского вероисповедания служили на момент начала военных действий в российской армии и были призваны в ее ряды во время войны. Для удовлетворения их духовных нужд в российской армии находились лютеранские проповедники, также вносившие свой вклад в победу над врагом [Подпрятков, 2010, с. 107]. Из-за подозрений в нелояльности в январе 1915 г. последовал приказ об отчислении военнслужащих-лютеран из фронтовых частей и о переводе их в

² Это, однако, не исключало возникавших время от времени осложнений в отношениях с государственной властью и различных текущих организационных проблем.

тыловые команды на Кавказский фронт [Чернова, 2005, с. 241–242]. Победа ковалась лютеранами и в тылу. Некоторые из них, например, трудились на промышленных предприятиях, работавших на нужды войны [Князева, Солодова].

Пожалуй, особенно тяжелая роль выпала лютеранским пасторам, которым приходилось заботиться о своей пастве в условиях недоверия и гонений. По данным за 1913–1914 г., число духовных лиц лютеранского вероисповедания в Российской империи составляло более 500 чел. По Петроградскому консисториальному округу духовной деятельностью было занято 122 духовных лица; по Московскому — 73; по Лифляндскому — 174; по Курляндскому — 131; по Эстляндскому — 67 [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 333]. С одной стороны, на них возлагалась огромная моральная ответственность за прихожан, а с другой — к ним было приковано пристальное внимание властей, считавших пасторов наиболее опасным контингентом в среде дискриминируемых иноверцев. В отчете Евангелическо-лютеранской генеральной консистории, например, сообщалось, что «во многих случаях пасторы... и тайно, и явно были... заподозрены в недостаточно серьезной преданности отечеству» [Там же, л. 336].

Прежде всего война существенно прибавила многим пасторам работы. И речь не только о необходимости оказывать духовную поддержку своим прихожанам, но и об увеличении их числа, а значит, и пасторских обязанностей. Количество прихожан росло за счет лютеран-беженцев, стремящихся оказаться подальше от ужасов войны, депортированных лютеран, выселенных из прифронтовой зоны во внутренние губернии страны, и военнопленных германской и австро-венгерской армий, размещать которых также предпочитали подальше от зоны боевых действий. Многие из них умирали, что требовало приглашения пастора для совершения погребения. Живые лютеране нуждались в крещении, причастии. В общем, работы у пастора было много [Князева, Солодова]. Особенно если учесть, что еще до войны некоторые пасторы сталкивались с большими трудностями в своей деятельности, например, из-за обширности вверенных им территорий. Проповеднику приходилось проезжать громадные расстояния, чтобы добраться до места пребывания прихожан. В первую очередь это касалось Кавказа и Сибири. Так, например, в 1911–1912 г. пастор Екатеринбургского прихода проехал 14 400 верст, а томский пастор — 15 000 верст [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 199 об.]. В условиях войны подобные трудности только возросли.

Авторитет пасторов среди прихожан, возможность влиять на восприятие последними происходящих событий служили поводом для подозрений. Власти пристально следили за деятельностью лютеранских пасторов и часто усматривали в их словах и поступках враждебность. Прежде всего это касалось пасторов тех консисториальных округов, что были близки к линии фронта. Однако удаленность от мест боевых действий не гарантировала безопасности. Пасторы внутренних губерний страны также неоднократно уличались в предосудительных с точки зрения безопасности государства поступках.

Диапазон преступлений, в которых уличались лютеранские пасторы в годы Первой мировой войны, был достаточно широк. К числу незначительных проступков можно отнести разговор на немецком языке после запрета его употребления. За это пастор Мариен-Магдаленского прихода Адольф Галлер был оштрафован на 300 руб. [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1057, л. 263 об.]. Более серьезным нарушением считались публичные заявления пасторов перед прихожанами, местными жителями или учениками, содержащие критику в адрес России, ее властей и порядков, и восхваляющие Германию. Так, например, лутрингенский пастор Адольф Брилинг, согласно донесению курляндского губернатора, в беседах с прихожанами позволил себе говорить, что «Германию в этой войне винить нельзя», «что для Германии не было никакого исхода, так как Россия на границах ее собрала громадные силы» и «что в начатии войны виновна Россия» [Там же, л. 38]. Подобные обвинения были выдвинуты в отношении Винфрида Гансена (пастор Рингенского прихода) [Там же, л. 45], Бруно Гассельбладта (пастор церкви Св. Иоанна в г. Ревеле) [Там же, л. 263], Августа-Константина Гершельмана (пастор Балтийско-Портского прихода) [Там же, л. 263] и др. Шиллинг Карл-Фридрих был наказан за то, что, «будучи враждебно настроен ко всему русскому, ни разу не молился о даровании победы русскому воинству, а также отказал Трикатенскому волостному старшине совершить молебен перед отправлением призванных запасных в сборный пункт» [Там же, л. 266–266 об.]. Еще одним серьезным преступлением в условиях войны был шпионаж. В нем, в частности, обвинялся пастор Гродзецкого прихода Слупецкого уезда Калишской губернии Рудольф Бузе [Там же, л. 98].

В зависимости от тяжести проступка лютеранские пасторы подвергались следующим видам наказаний:

- 1) штраф или краткосрочный арест;
- 2) устранение от должности;
- 3) запрет на жительство в конкретной местности или местностях, находящихся на военном положении, на время военного положения;
- 4) высылка в отдаленные от боевых действий губернии (чаще всего в Томскую губернию);
- 5) тюремное заключение.

За годы войны от антинемецкой кампании и репрессий пострадали 84 лютеранских пастора, из них 30 были сосланы в Сибирь [Желновакова, 2010, с.76]. Важно также помнить, что война сопровождалась множеством ложных доносов и клеветнических наветов, спровоцированных политикой шпиономании, проводимой на государственном уровне [Кадол, 2013, с. 359]. Жертвами подобной клеветы становились и лютеранские пасторы, очень в этом плане уязвимые из-за рода своей деятельности. Однако следует отдать должное силовым структурам: по доносам проводились проверки, которые могли закончиться оправданием оклеветанного лица. В качестве примера можно привести случай, произошедший с казанским лютеранским пастором Эдуардом Карловичем Гозйзелем (Гохайзелем) и его женой Иоанной Антоновной.

Осуществляя пасторскую деятельность не только в Казанской, но и в Вятской губернии, Э. Гохайзель всячески помогал депортированным и военнопленным, находившимся в данном регионе. Подобная деятельность довольно быстро привлекла внимание правоохранительных органов Казанской губернии. Уже осенью 1914 г. пастор попал под пристальный надзор Казанского губернского жандармского управления, стремившегося любыми способами пресечь работу Э. Гохайзеля среди военнопленных [Машковцев, 2012, с. 133]. Для этого жандармам был необходим лишь предлог, и он вскоре нашелся.

В декабре 1914 г. помощник начальника Казанской губернской тюрьмы П.П. Степанов заявил, что жена пастора неоднократно высказывалась весьма критично в адрес русского правительства и хвалила Германию, а также что «в доме пастора часто бывают какие-то собрания, на которых собираются немцы... для беседы удаляются в особую комнату с закрытыми дверями» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1057, л. 62–62 об.]. В ходе расследования было установлено, что источником данной информации являлась сестра жены П.П. Степанова М.М. Увакина, портниха, бывавшая в доме пастора. Ее показания были перепроверены и не нашли подтверждения. Также было установлено, что данная свидетельница не вызывает доверия из-за своей склонности к преувеличению, на что указали другие свидетели. По итогам этого расследования была доказана непричастность казанского пастора и его жены к какой-либо противоправной деятельности [Там же, л. 66–67 об.]. Начатое следственными органами дело было прекращено, и пастор избежал участи других лютеранских священников, подвергнутых различным репрессиям в разгар антигерманской кампании. Возможно, его спасла отдаленность губернии от линии фронта. Лютеранские пасторы, служившие в консисториальных округах, близких к местам боевых действий, в меньшей степени могли рассчитывать на столь благополучный финал.

Необходимо отметить, что в нелояльности были заподозрены и другие конфессиональные группы неправославного толка, к Германии практически никакого отношения не имевшие. Серьезным гонениям подверглись евангельские христиане и баптисты. Вывод об их «германизме» был сделан на том основании, что религиозные взгляды представителей данных течений берут начало в немецком протестантизме [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1016, л. 17–21]. По мнению О.В. Безносовой, в этот список пострадавших конфессий можно добавить штундистов³ и адвентистов. Последних обвиняли в связях с Германией, несмотря на то обстоятельство, что их организация являлась американской, а не немецкой [Безносова, 2005, с. 224].

Проповедники упомянутых религиозных течений также подвергались высылке и заключению под стражу. Это лишало верующих возможности удовлетворять свои духовные нужды. Они не могли крестить новорожденных, подобающе погребать умерших и сочетаться браком. Еще большие лишения терпели репрессированные духовные наставники. Помимо всех ужасов, которые они должны были испытать в пути по этапу, в тюрьмах вместе с уголовными преступниками, им приходилось переносить большие тяготы в местах ссылки: голод, грубое обращение,

³ На одном из заседаний Государственной думы штундисты были названы «опасными людьми» [РГИА, ф. 1483, оп. 1, д. 29, л. 11].

Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи...

неимоверный холод и т.д., о чем подробно рассказывается в записке религиозного и политического деятеля, руководителя Всероссийского союза евангельских христиан И.С. Проханова [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1016, л. 14–15]. Из этого следует, что притеснениям в годы войны подверглись не только лютеране, но и другие религиозные сообщества и их духовные наставники.

В России в годы Первой мировой войны, явившейся сильным стрессовым фактором для населения страны, наблюдался всплеск ксенофобии по отношению к различным этническим и религиозным сообществам, в том числе российским лютеранам. Лютеранская церковь была вынуждена мириться с подозрениями в свой адрес и откровенными притеснениями. Наибольший прессинг со стороны властей и общественности испытывали лютеранские пасторы, как духовные лидеры, имеющие влияние на рядовых верующих. За их деятельностью внимательно следили, и любой их шаг, расцененный как враждебный, мог привести к мерам репрессивного характера. Самыми серьезными наказаниями были высылка и арест. Чаще всего высылали в Сибирь, суровые условия которой стали настоящим испытанием для репрессированных проповедников. В столь непростых обстоятельствах лютеранским пасторам приходилось нести тяжкий груз ответственности. Долг священнослужителя заключался в заботе о прихожанах без каких-либо различий между ними, удовлетворении их духовных нужд. Долг российского подданного состоял в проявлении безоговорочной лояльности государству и преданности его интересам. И часто эти обязательства вступали друг с другом в конфликт. Этот непростой период для российских лютеран и их духовных наставников послужил прологом к еще более суровым испытаниям советской эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Неопубликованные источники

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Евангелическо-лютеранская церковь в России (отчеты, статистические данные, справки, газетные вырезки и пр.) (1910–1916 гг.).

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1016. Записка И.С. Проханова «Преследование евангельских и сродних им христиан в России во время войны» (1915 г.).

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1057. О предосудительной деятельности лютеранских пасторов во время войны. Ч. I (1914–1915 гг.).

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1104. О созыве Протестантского Церковного Собора для обсуждения назревших вопросов церковной жизни (1917 г.).

РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Газетные вырезки по вопросу ликвидации немецкого засилья (1915 г.).

Опубликованные источники

Новое время. СПб.

Сибирская жизнь. Томск.

Литература

Безносова О.В. «Борьба с немецким засильем» и жизнь религиозных общин юга Российской империи (1880–1917) // Российские немцы в инациональном окружении: Проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 14–19 сент. 2004 г. М., 2005. С. 222–229.

Гавриленков А.Ф. Проблемы духовной безопасности Российской империи в XVIII — начале XX в. // Вестн. Воен. ун-та. 2009. № 3 (19). С. 148–153.

Желновакова М.Ф. Причины появления протестантизма в Иркутской губернии // Изв. АлтГУ. 2010. № 3–4. С. 73–77.

Кадол А.Н. Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармскополицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Два с половиной века с Россией: (К 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 24–27 авг. 2012 г. М., 2013. С. 354–366.

Князева О.А., Солодова Т.С. Тульская евангелическо-лютеранская община. Лютерано-католический участок тульского Всехсвятского кладбища [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.etnosy.ru/node/485>.

Курило О. Лютеране в России: XVI–XX вв. СПб.: Фонд «Лютеранское наследие» World Wide Printing, 2002. 400 с.

Лиценбергер О.А. Лютеранская церковь в Поволжье: (С момента образования колоний до середины XIX века) // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 55–66.

Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). М.: Готика, 1999. 432 с.

Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). М.: Фонд «Лютеранское культурное наследие», 2004. 544 с.

Лиценбергер О.А. Роль лютеран в Российской истории [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://luther.ru/church/history/160-licenberger.html>.

Машковцев А.А. Лютеранская община Казани в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20): В 2 ч. Ч. II. С. 131–134.

Нам И.В. Планы реорганизации церковной организации лютеран Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Москва, 21–23 окт. 2010 г. М., 2011. С. 483–485.

Подпрятков Н. Деятельность органов власти по организации службы неправославного духовенства в русской армии // Власть. 2010. № 9. С. 105–107.

Чернова Т.Н. Проблема в лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: Проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 14–19 сент. 2004 г. М., 2005. С. 236–245.

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
galinaalishina@gmail.com*

A military confrontation of the Russian Empire with Germany and Austria-Hungary in the First world war significantly affected a position of the Lutheran Church in the country. It became an object of discrimination policy of the state. Under such conditions, close attention of the powers was riveted to activity of Lutheran pastors. Very often their words and actions were judged as reprehensible, resulting in measures of repressive character. The article considers difficulties the Lutheran pastors encountered during the war, misdeeds they were condemned in, and types of punishment they were imposed.

Lutheran pastors, First world war, the Evangelical Lutheran Church, Russian Empire, xenophobia, discrimination, anti-German campaign.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ И АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ БОРКИ 1 (Приишимье в начале I тыс. до н.э.)

Н.Е. Рябогина*, С.Н. Иванов*, А.С. Афонин*, А.В. Кисагулов**

Представлены результаты исследования среды обитания древнего населения в начале I тыс. до н.э. и в средневековье на многослойном городище Борки 1 в Нижнем Приишимье. Работа нацелена на накопление данных, отработку методических подходов и введение в научный оборот новых палинологических, карпологических и археозоологических материалов. Приведены фактические данные о составе пыльцы из культурного слоя первого этапа заселения в IX–VIII вв. до н.э.; пыльцы, семян растений и костных остатков млекопитающих второго этапа обитания в VII–VI вв. до н.э.; состава семян третьего этапа в конце IV и конце VI в. н.э. Впервые для региона опубликованы данные о составе карбонизированных макроостатков растений, извлеченных из культурного слоя с журавлевским комплексом и со средневековыми материалами. Показано, что в начале I тыс. до н.э. городище Борки 1 было окружено березовыми лесами; существенных отличий в природном фоне на протяжении всех этапов освоения мыса не выявлено. Однако особенности локальной растительности на поселении свидетельствуют о заметных масштабах антропогенного преобразования растительного покрова в средневековье и распространения сорной флоры. По данным анализа костных остатков журавлевского этапа обитания показано, что лошадь и мелкий рогатый скот были немногочисленны в составе домашнего стада, а хозяйство базировалось на разведении крупного рогатого скота, находившегося на придомном содержании. В то же время охота на крупных лесных копытных и рыбная ловля играли значительную роль в палеоэкономике населения второго этапа обитания.

Среда обитания, карпологический, пыльцевой, археозоологический анализ, Приишимье, переходное время от эпохи бронзы к раннему железу.

Введение

Отношение к природным изменениям как к детерминанту развития общества и палеоэкономическому стимулу в переломные исторические моменты нередко господствует в региональных культурно-хронологических моделях. Однако подобные построения для Западной Сибири порой не подкреплены фактами, иллюстрирующими трансформацию древних систем местообитания под влиянием окружающей среды. Отчасти это связано с недостатком информации о природных условиях, получаемой во время раскопок. Поэтому наши исследования направлены на последовательное накопление палеоботанических и археозоологических данных, свидетельствующих об условиях обитания конкретных поселений, с целью их последующей систематизации и анализа в контексте археологических материалов. Представленная работа ориентирована на отработку методических подходов и введение в научный оборот новых результатов исследования среды обитания населения в начале I тыс. до н.э. и в средневековье. В связи с этой задачей на многослойном городище Борки 1 в течение полевых сезонов 2012–2014 гг. собирался комплекс остатков растений и животных, сохранившихся в культурном слое. В частности, впервые получены материалы по карбонизированным макроостаткам растений в Приишимье.

Многослойное городище Борки 1 в Нижнем Приишимье рассматривается археологами как памятник, иллюстрирующий взаимодействие автохтонных групп населения и северных мигрантов в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку в начале I тыс. до н.э. Первоначально, в IX–VIII вв. до н.э., на территории, занимаемой городищем, проживало население раннего этапа красноозерской культуры, оставившее посуду с сузгунскими элементами и крестовой орнаментацией [Зах и др., 2015а]. Вероятно, это был небольшой освоенный участок мыса без укреплений, ограниченный оврагом и обрывом террасы. Позднее жилое пространство постепенно разрастается и сооружается городище, с напольной стороны защищенное оборонительной системой. Этот, второй этап обитания маркирован журавлевским комплексом. Тогда

были сооружены наземные жилища, следы которых практически не фиксируются на современной поверхности. Этот период датирован в пределах VIII–VI вв. до н.э. по журавлевской керамике [Там же] и в более узком диапазоне VII–VI вв. до н.э. по предметам (литейным формам) закрытого журавлевского комплекса ямы № 23 [Зах и др., 2015в]. С эпохой раннего средневековья, концом IV и концом VI вв. н.э., связан третий этап заселения городища Борки 1. Поселенцы ограничили внутреннюю площадку городища оборонительной системой с бастionsами, жилищные западины этого времени нарушили культурный слой с журавлевским комплексом. Исследователями выдвинута версия о последовательном существовании в это время здесь сначала населения карымской, а потом бакальской культуры [Зах и др., 2015б].

Объекты исследования

Городище Борки 1 расположено на высоком мысу левой террасы р. Ишима в Викуловском районе Тюменской области в 1 км к северо-западу от д. Борки. Мыс покрыт парковым березовым лесом с густым разнотравно-папоротниковым покровом, с обеих сторон площадка городища ограничена оврагами. Рядом находится р. Сартамок, одна из многочисленных проток Ишима в этом районе, в настоящее время она отшнуровалась от Ишима и местами полостью обмелела.

Источником информации о среде обитания населения многослойного городища Борки 1 послужили палинологические, карпологические и остеологические данные, собранные во время раскопок 2012–2014 гг.

Для спорово-пыльцевого анализа отобраны отдельные пробы из-под развалов керамики и вертикальные колонки проб на трех участках памятника. Пробы из-под крупных элементов посуды с сузгунскими элементами орнаментации и с крестовой орнаментацией взяты на уровне пола в жилище (кв. И-32), связанном с наиболее ранним периодом заселения мыса около IX в. до н.э. [Зах и др., 2015а]. К сожалению, археологический контекст мест пробоотбора двух вертикальных колонок оказался неясным, что вынудило нас отказаться от их дальнейшего исследования. В данной работе анализируется только материал колонки проб из погребенной почвы под валом внешней оборонительной линии городища Борки 1. Эта фортификационная линия, по-видимому, соотносится со вторым периодом функционирования городища. Под насыпью вала хорошо фиксировалась серая лесная почва, представленная темно-серой супесью. Ее верхняя граница маркирована прослойкой плотного желтого суглинка материковой породы, поэтому погребенная почва с сохранившимся дерново-гумусовым слоем хорошо дифференцировалась от отложений насыпи.

Для карпологического анализа отобрано 15 разновременных проб в разных археологических контекстах: из нижней части заполнения ям, вокруг очагов, у стенок котлована жилищ и вала в пределах внутренней площадки городища. Шесть проб приурочены к заполнениям ям и очагам в сооружениях № 2 и 3, включавшим журавлевские материалы. Остальные пробы содержали преимущественно культурный слой средневековья, но, по-видимому, многочисленные нарушения ранних культурных слоев сооружениями средневекового времени допускают смешение материала и не позволяют гарантировать культурно-хронологическую привязку материала этих девяти проб.

Костные остатки были исследованы по итогам раскопок 2013 и 2014 гг. В общей сложности проанализировано 7579 экз. костей. Однако из-за стратиграфической ситуации на некоторых участках раскопа 2013 г. на внутренней площадке городища оказалось невозможно надежно разделить костные остатки по периодам обитания. Вероятно, большая их часть соотносится со средневековым этапом IV–VIII вв. н.э. [Зах и др., 2015б]. В данной работе приводятся только результаты определений 351 экз. костных остатков из закрытых комплексов (ямы № 3 и 23) и предматерикового горизонта сооружений 2 и 3 с журавлевским комплексом керамики. Костные материалы 2014 г. включают 1428 экз. костей, все они получены с внешней площадки городища и связаны исключительно с журавлевским комплексом VIII–VI вв. до н.э. [Зах и др., 2015а].

Методы

Извлечение пыльцы и спор из грунта выполнено с применением сепарационного метода Гричука [Пыльцевой анализ, 1950] при использовании тяжелой жидкости ($\text{CdJ}_2 + \text{KJ} + \text{H}_2\text{O}$), с последующей обработкой плавиковой кислотой, без ацетализа. Анализ состава спор и пыльцы произведен на световом биологическом микроскопе «Микмед 2 вар. 2» при рабочем увеличении $\times 640$. Для объективной оценки состава палинологического спектра в каждой пробе подсчитыва-

лось не менее 150 пыльцевых зерен, в итоге в зависимости от сохранности и концентрации палиноморф в разных пробах их количество варьировалось от 150 до 550.

Для извлечения из культурных отложений карбонизированных семян и плодов растений применена методика водной флотации [Лебедева, 2009; Сергушева, 2013]. После флотации каждой пробы (10 л) с использованием сита размером ячеек 0,5 мм проводилась полная промывка оставшегося грунта с помощью мотопомпы. Выделение семян и плодов растений из флотационных проб и их последующие видовые определения осуществлялись в лабораторных условиях. Идентификация карпоидов выполнялась на основе анализа их морфологических признаков с использованием стереоскопического микроскопа «МБС-10». В работе анализируются исключительно карбонизированные остатки растений во избежание учета современных семян и макроостатков, случайно попавших в культурный слой в результате деятельности насекомых или роющих животных.

Изучение фаунистических остатков млекопитающих проведено с использованием эталонной коллекции ИЭРЖ УрО РАН, а также при помощи определителей фауны [Барышников, Тихонов, 2009]. Видовая принадлежность большей части костных остатков птиц и рыб не определялась.

Результаты

Палинологические данные

В составе пыльцы и спор грунта под развалами керамики (рис. 1) не выявлено существенных различий между пробами из-под керамики с сузгунскими элементами (проба 1–2) и с крестовой орнаментацией (проба 3–5). Развалы залежали совместно на уровне пола в одном жилище наиболее раннего этапа обитания, и сходство палинологических материалов было ожидаемо.

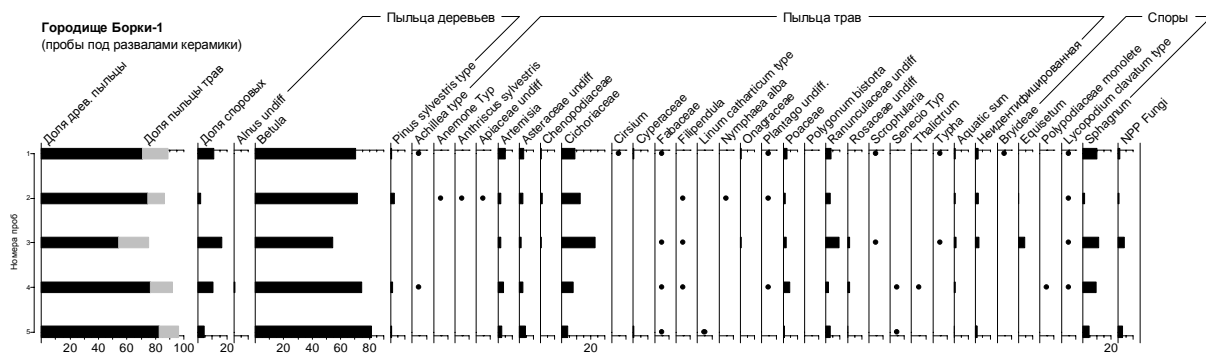

Рис. 1. Спорово-пыльцевой состав проб, отобранных на внутренней площадке городища Борки 1 (2012 г.) под развалами керамики, характеризующей наиболее ранний этап заселения: Пробы 1–2 — под развалами сосудов с сузгунскими элементами, 3–5 — с крестовой орнаментацией. Точками показано присутствие таксона в количестве менее 1 %.

В составе этих проб чаще всего встречается пыльца березы (60–80 %); по-видимому, это была основная лесообразующая порода в то время, так как пыльца других деревьев (ольхи и сосны) отмечена единично. Среди трав наиболее часто фиксировались разнообразные представители цикориевых (5–20 %); их обилие, так же как присутствие пыльцы маревых, иван-чая, полыни и большинства астровых, является антропогенным следом в спектрах. Пыльцы культурных или съедобных растений не обнаружено; лен, вероятно, дикорастущий. Пыльца злаков, розоцветных, бобовых и лютиковых встречается часто и характеризует состав луговых или опушечных растительных сообществ. Во всех пробах выявлена пыльца околводных трав (осок, кувшинки, рогоза) и трав, предпочитающих сырые луга (таволга, василистник). Учитывая, что памятник расположен на высоком берегу, наличие пыльцы этих трав в культурном слое, по-видимому, можно рассматривать как маркер эпизодов низкого уровня воды и зарастания берегов р. Сартамок уже в переходное к железу время. Споровые (5–15 %) представлены преимущественно сфагновыми мхами при участии хвощей и плаунов.

Колонка проб из погребенной почвы (рис. 2) имеет только одну хронологическую привязку — верхняя проба из палеодерна, содержит пыльцу и споры, накопившиеся незадолго до сооружения вала в VII–VI вв. до н.э. Нижние же пробы, вероятно, аккумулировали материал раннего периода обитания. Мешаный грунт насыпи вала не подходит для палинологического анализа.

Для сравнения с современной растительностью на диаграмме приведены также палинологические данные поверхностной пробы.

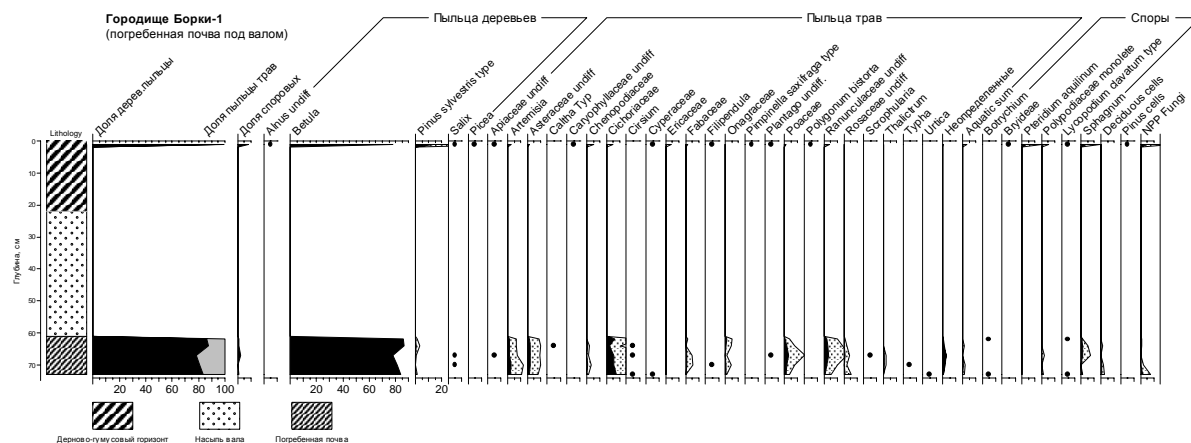

Рис. 2. Спорово-пыльцевой состав проб из погребенной под валом почвы, внешняя оборонительная линия городища Борки 1 (2013 г.). Точками показано присутствие таксона в количестве менее 1 %.

В отложениях погребенной почвы доля пыльцы деревьев составила от 75 до 80 %, в основном она представлена пыльцой березы, примесь ивы и сосны незначительна. Современный дерн, кроме пыльцы березы, содержит 13 % пыльцы сосны, встречается также ель; таким образом, сейчас состав лесов в районе изменился. Доля пыльцы трав колеблется от 8 до 15 %, во всех пробах обильно представлено семейство астровых, особенно много пыльцы цинкориевых, в нижней части погребенной почвы — пыльцы полыней. Часто встречается пыльца злаков, лютиковых, розоцветных и бобовых — представителей луговых, опушечных или лесных растительных сообществ. К сорнякам помимо цинкориевых и маревых можно отнести иван-чай, подорожник, бодяк, и крапиву. Ничтожно мала доля околородных растений (калужница, рогоз, осоки). Спор также мало (в сумме менее 1 %), в верхних пробах в их составе преобладают сфагновые мхи. Интересно, что споры орляка обыкновенного не встречены в погребенной почве, но хорошо представлены в составе поверхностной пробы, отражая распространение его зарослей вокруг городища. Таким образом, непосредственно перед сооружением вала в VII–VI вв. до н.э. в окружении городища преобладали березовые травяные леса, во время обитания здесь появилась сорная растительность рудеральной группы, расселяющаяся у домов, дорог, в замусоренных местах и на участках земляных работ. В целом же природная обстановка незначительно отличалась от современной: в настоящее время здесь более разреженный разнотравно-папоротниковый березовый лес, в составе растительности района появились смешанные и сосновые леса, а берега реки обмелели, заросли осокой и таволгой.

Семена и макроостатки

Всего в результате флотации выявлено макроостатков в количестве 1131 ед.: 1109 семян (в том числе 535 фрагментов семян) и 22 прочих остатка растений. Идентифицированные остатки растений были разделены на группы семян пищевых, сорных, степных-луговых-болотных растений, остатки деревьев и кустарников (табл. 1).

Группа пищевых растений представлена только семенами земляники и малины, никаких культурных растений не выявлено. Семена костяники, в обилии встречающейся вокруг городища в настоящее время, также не обнаружены. Пробы, отобранные внутри конструкций с журавлевским комплексом керамики, содержат минимальное количество семян ягод, однако частота встречаемости семян малины существенно увеличивается в пробах, связанных с культурным слоем средневекового времени. Возможно, поселенцы чаще собирали эту лесную ягоду на позднем этапе обитания городища.

Наиболее многочисленна группа сорных растений (насыщенность проб от 0,2–3,2 семени на 1 л грунта в культурном слое с журавлевским комплексом до 0,3–24,6 семени на 1 л грунта в культурном слое средневекового времени), представленных преимущественно семенами мари. Несмотря на данные о том, что в степных районах семена *Chenopodium* (маревых) могли быть допол-

Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1...

нительным растительным компонентом в мясомолочной палеодиете скотоводов [Anthony et al., 2005; Motuzaitė-Matuzevičiūtė et al., 2012], мы склонны рассматривать их преимущественно как сорные растения, доминирующие в рудеральных растительных сообществах около мест обитания людей. Наибольшая концентрация семян мари выявлена в пробах, отобранных вокруг прокалов, в заполнениях ям они встречаются реже, абсолютный максимум концентрации семян мари приурочен к участку с горелыми конструкциями средневекового времени. В меньшем количестве встречены карпоиды, идентифицированные как белена черная, горец и ярутка полевая. Это типичные сорняки, расселяющиеся на заброшенных местах и у дорог; вероятность использования белены в лекарственных целях или как ядовитого растения минимальна. В целом распределение группы семян сорных растений на памятнике косвенно указывает на захламленность поселения и более высокий уровень антропогенных нарушений растительности на средневековом этапе обитания.

Таблица 1

Состав и количество карбонизированных макроостатков из культурного слоя городища Борки-1

Археологический контекст проб	Журавлевский комплекс (заполнение ям и грунт около очагов в сооружениях № 2 и 3)						Средневековый комплекс (заполнение ям, грунт около горелых конструкций вала и очагов) и смешанный комплекс									
	№ образца	3я	4я	6я	9п	10п	15п	1я	2п	5п	7я	8я	11п	12п	13п	14п
Группа пищевых растений																
1/0								1/0								
1/2								1/0	2/19	1/0	1/6		3/3	2/2		
Сумма пищевых	2/2	0	0	0	0	0	0	1/0	3/19	1/0	1/6	0	3/3	2/2	0	0
Группа сорных растений																
Белена черная (<i>Hyoscyamus niger</i> L.)					1/0		1/0	2/0	0/2					1/0		
Горец (<i>Polygonum</i> sp.)	1/0					1/1			7/0							
Марь (<i>Chenopodium</i> sp.)	1/1	6/15	4/11	15/13	14/15	30/23	15/18	18/27	12/11	6/11	3/8	83/101	245/102	21/48	11/0	
Ярутка полевая (<i>Thlaspi arvense</i> L.)					1/0	1/0									1/0	
Сумма сорных	2/1	6/15	4/11	16/13	16/16	32/23	17/18	25/29	12/11	6/11	3/8	83/101	246/102	22/48	11/0	
Группа степных, луговых и болотных																
Горошек (<i>Vicia</i> sp.)	1/0	0/20	4/0	4/2	1/4	1/1	0/2	0/5	0/1					1/0	0/1	
Незабудка (<i>Myosotis</i> sp.)				1/0												
Осока (<i>Carex</i> sp.)	6/0			2/0	1/0	0/1	1/3	2/1				1/34	3/0			
Злаки (<i>Poa</i> type)						0/7		1/2							2/0	1/0
Щавель (<i>Rumex</i> sp.)	0/5														1/3	
Сумма степн., луг., бол.	7/5	0/20	4/0	7/2	2/4	1/9	1/5	3/8	0/1	0	0	1/34	4/0	3/4	1/0	
Группа остатков деревьев и кустарников																
Береза (<i>Betula</i> sp.)				4/0	1/0				1/0	1/0		1/0		1/0	4/0	
Почка	3/0								8/0	1/0	3/0			1/0	4/0	
Укороченный побег	0/1															
Хвоя	0/1															
Неидентифицированные макроостатки				1/0		4/0	2/0				0/2			3/2	3/0	
Всего макроостатков	14/10	6/35	8/11	28/15	19/20	37/32	21/23	39/56	15/12	11/17	3/10	88/138	253/104	33/54	19/0	

Примечание. В числителе — целые семена, в знаменателе — фрагменты семян; я — пробы из ям, п — пробы из прокалов.

Сборная группа из представителей степных, луговых или болотных трав выделена по семенам горошка, осок, злаков, щавеля и незабудки. Надежно идентифицировать вид горошка не удалось; возможно, это мышиный горошек или несколько близких ему видов. Их произрастание связано преимущественно с лугами, опушками или светлыми лесами. Интересно, что семена горошка отмечены в каждой из проб слоя с журавлевским комплексом и лишь эпизодически в культурном слое, связанном со средневековым комплексом. Семена осок и их фрагменты встречены на разных участках, но преимущественно около прокалов, в культурные слои семена осок могли попасть от тростниково-осоковых подстилок, матов или кровли крыши. Семена дикорастущих злаков, найденные в небольшом количестве в четырех пробах около прокалов, возможно, также остались от каких-то внутренних подстилок.

Костные остатки

Внутренняя площадка городища Борки 1 (2013 г.)

Из ямы № 3 было собрано 195 костей (табл. 2). Таксономическое определение произведено для 52 костных остатков. Особенностью данного объекта является большое количество кост-

ных остатков лося (63 % всех определимых костей). Также найден фрагмент черепа человека. Из ямы № 23 было собрано 94 костных остатка, в том числе определимых — 41 экз., включая четыре таксона млекопитающих и многочисленные кости рыб (табл. 2).

Таблица 2

Костные остатки из ям с журавлевским комплексом материалов на внутренней площадке городища Борки 1

Вид	Яма № 3		Яма № 23	
	Абс.	%	Абс.	%
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i>	7	4	1	2
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	6	3	6	6
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	3	2	—	—
Собака — <i>Canis familiaris</i>	—	—	1	1
Лось — <i>Alces alces</i>	33	17	1	1
Рыба — <i>Pisces</i>	2	1	32	34
Человек	1	> 1	—	—
Неопределимые	143	73	53	56
<i>Всего</i>	195	100	94	100

В яме № 3 найдена одна кость заплюсны лося со следами от среза. Лошади принадлежат 5 костей и 1 зуб. На основании слабой степени стирания жевательной поверхности можно предположить, что зуб принадлежал молодой особи. Обнаружена нижняя челюсть собаки. Все костные остатки рыбы в яме № 23 происходят от черепа и челюстей. Из 34 костей 4 принадлежат щуке (2 челюсти и 2 жаберные крышки). Видовая принадлежность остальных костей рыб не установлена. В яме № 23 из 53 фрагментов неопределимых костей 20 происходят из зольника и имеют характерную белесую окраску. В целом соотношение костных остатков из двух ям плохо сопоставимо, что говорит об их использовании в разных целях.

В культурном слое сооружения № 2 было найдено 39 костных остатков, 23 из которых определимые (табл. 3). На первом месте по численности находятся кости крупного рогатого скота (44 % всех костей из объекта). Костные остатки лося преобладают над таковыми лошади и мелкого рогатого скота, составляя 8 % всех костей. В слое сооружения № 3 обнаружено 23 фрагмента костей (табл. 3). Кости крупного рогатого скота занимает первое место по численности (61 % всех костных остатков). Костные остатки лошади и мелкого рогатого скота представлены единично, кости лося в выборке этого сооружения не встречены.

Таблица 3

Костные остатки из нижней части культурного слоя сооружений с журавлевским комплексом на внутренней площадке городища Борки 1

Вид	Сооружение № 2		Сооружение № 3	
	Абс.	%	Абс.	%
Крупный рогатый скот — <i>Bos Taurus</i>	17	44	14	61
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	1	3	1	4
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	2	5	1	4
Лось — <i>Alces alces</i>	3	8	—	—
Неопределимые	16	41	7	30
<i>Всего</i>	39	100	23	100

Таким образом, по данным анализа костных остатков в сооружениях, лошадь и мелкий рогатый скот были немногочисленны в составе домашнего стада, а крупный рогатый скот играл ключевую роль в хозяйстве населения памятника. В то же время в отдельных ямах внутри сооружений преобладали кости лося (63 % определимых костей) и рыбы (78 % всех определимых костей), что говорит о существенной роли охоты на крупных лесных копытных и рыболовстве в хозяйстве населения.

Внешняя площадка городища Борки 1 (2014 г.)

Всего в ходе раскопок было найдено 1479 экз. костей (табл. 4). Видовая принадлежность определена для 344 костей (23 % всех костных остатков). Незначительный процент определимых костей объясняется высокой степенью их раздробленности, в большинстве случаев они представлены кухонными остатками.

Видовой состав животных из культурного слоя с журавлевским комплексом на внешней площадке городища Борки 1

Вид	Количество костей	
	Абс.	%
Крупный рогатый скот — <i>Bos taurus</i>	171	12
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	77	5
Мелкий рогатый скот — <i>Capra et Ovis</i>	31	2
Собака — <i>Canis familiaris</i>	3	0,2
Лось — <i>Alces alces</i>	54	4
Бобр — <i>Castor fiber</i>	2	0,1
Косуля — <i>Capreolus pygargus</i>	4	0,3
Лисица — <i>Vulpes vulpes</i>	2	0,1
Неопределимые	1135	77
<i>Всего</i>	1479	100

Костные остатки крупного рогатого скота преобладают, это кости как минимум 12 особей, в основном взрослых, только 2 кости из 171 принадлежали молодым особям. Некоторые кости имеют следы от среза мяса. Кости лошади предположительно относятся к 6 особям, найден один молочный зуб лошади. В выборке содержится 31 кость мелкого рогатого скота, плохая сохранность не позволила дифференцировать кости козы и овцы. Интересно, что одна нижняя челюсть принадлежала старой особи, с сильно стертными зубами, и одна — молодой особи. Наличие возрастных особей крупного и мелкого рогатого скота может указывать на их использование не только в качестве источника мясной пищи. На этом участке раскопок более разнообразен состав дикой фауны; кроме лося идентифицированы кости бобра, косули и лисицы. Кости лося преобладают среди костей диких животных, в общей сложности определено 54 кости, в том числе 3 кости и 1 зуб принадлежали молодым особям. Одна таранная кость лося рассечена пополам и имеет следы обжига.

Заключение

К сожалению, по полученным данным невозможно составить представление о среде обитания и хозяйстве населения городища Борки 1 на протяжении всех этапов обитания, так как для первого и третьего из них получены лишь отрывочные сведения и только культурный слой журавлевского этапа исследован тремя методами.

Данные показывают, что городище постоянно функционировало в окружении березовых травяных лесов, немногим отличающихся от современных в этом месте. Сопоставляя палинологические данные первого и второго периодов обитания городища, видим, что и кардинальных отличий в природном окружении населения в IX–VIII вв. до н.э. и VII–VI вв. до н.э. не было. Однако ряд признаков позволяет предполагать более сухие условия во время красноозерского периода заселения по сравнению с последующими. Из анализа пыльцы и карпоидов следует, что на городище расселилась сорная растительность рудеральной группы, особенно много ее остатков выявлено в средневековом культурном слое. Более высокая встречаемость семян малины в средневековом слое может говорить как о пищевых предпочтениях населения, так и о большей доступности лесных ягод в это время. Кроме этого, в составе карбонизированных семян луговые и опушечные виды отмечены чаще в журавлевском культурном слое; возможно, в средние века лес стал более сомкнутым, а открытых участков в ландшафте — меньше. Ранее по пыльцевым данным торфяных отложений Калининского Ряма установлено, что в средневековье в этом районе уже активно развивались не только лиственные, но и хвойные леса [Ларин, Рябогина, 2006]. Состав и соотношение животных, употребляемых в пищу населением второго этапа обитания, соответствует хозяйству, базирующемуся на разведении крупного рогатого скота при незначительной доле лошади и мелкого рогатого скота, а также заметной роли охоты на лося. Несмотря на лесное окружение, жизненный уклад населения второго этапа обитания не был ориентирован на охоту так же, как у носителей красноозерской культуры [Косинцев, Стефанов, 1989]. Судя по количеству и возрасту домашних животных, их содержали придомно и использовали также для получения молока и шерсти (козы, овцы).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барышников Г.Ф., Тихонов А.Н. Млекопитающие фауны России и сопредельных территорий: Копытные. Ч. 1: Непарнопалые, парнопалые (свиные, кабарговые, оленевые). СПб., 2009. 164 с. (Определители по фауне России, издаваемые Зоологическим институтом РАН; Вып. 173).

Зах В.А., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н., Тигеева Е.В., Костомаров В.М., Илюшина В.В. Комплексы переходного от бронзы к железу и раннескифского времени городища Борки 1 в Приишимье // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всерос. конф., г. Тюмень, 6–10 апр. 2015 г. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015а. Вып. 3. С. 132–135.

Зах В.А., Еньшин Д.Н., Рафикова Т.Н., Костомаров В.М., Илюшина В.И. Раннесредневековые комплексы городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Там же. 2015б. С. 127–132.

Зах В.А., Илюшина В.В., Тигеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М. Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015в. № 2 (29). С. 4–14.

Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО РАН СССР, 1989. С. 105–119.

Ларин С.И., Рябогина Н.Е. К истории развития болотных экосистем подтаежного Приишимья в голоцене // Геоэкологические проблемы Тюменского региона. Тюмень: Вектор Бук, 2006. Вып. 2. С. 234–245.

Лебедева Е.Ю. Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2009. Вып. 1. С. 258–267.

Пыльцевой анализ / Под ред. И.М. Покровской. М., 1950. 479 с.

Сергушева Е.А. Археоботаника: Теория и практика: Научно-метод. изд./ Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2013. 82 с.

Anthony D.W., Brown D., Brown E., Goodman A., Kokhlov A., Kosintsev P., Kuznetsov P., Mochalov O., Murphy E., Peterson D., Pike-Tay A., Popova L., Rosen A., Russel N., and Weisskopf A. The Samara Valley Project: Late Bronze Age Economy and Ritual in the Russian Steppes // Eurasia Antiqua. 2005. 11. P. 395–417.

Motuzaitė-Matuzevičiūtė G., Telizhenko S., and Jones M.K. Archaeobotanical Investigation of Two Scythian-Sarmatian Period Pits in Eastern Ukraine: Implications for Floodplain Cereal Cultivation // Journ. of Field Archaeology. 2012. 37. P. 51–61.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
nataly.ryabogina@gmail.com

ivasenik@rambler.ru
hawk_lex@list.ru

**Тюмень, ИКЗ СО РАН
akis9119@gmail.com

The article illustrates investigation results regarding habitat of ancient population in the early I millennium B.C. and Middle Ages on the multi-layered site of Borki 1 in the Low Ishim basin, West Siberia. The paper aims at accumulating data, practising methodical approaches and introducing new palynological, carpological and archaeozoological materials into scientific circulation. The paper cites actual data on pollen composition from cultural layer in the first settlement stage in IX–VIII cc. B.C.; on pollen, plant seeds and fossil bones of mammals in the second settlement stage in VII–VI cc. B.C.; on seed composition in the third stage of the late IV and late VI cc. A.D. For the first time, subject to presentation for the region being data on composition of carbonized vegetation macro-residues extracted from cultural layer together with the Zhuravlevo complex and medieval materials. It is shown that in the early I millennium B.C. the site of Borki 1 was surrounded with birch woods. During every stage of the cape development, significant differences in the natural background have never been identified. However, distinctions of the local vegetation on the settlement testify to a noticeable scale of human transformation in the medieval vegetation cover and distribution of weed flora. Basing on analysis of fossil bones of the Zhuravlevo habitation stage, it is shown that the horse and small cattle were not numerous within their home herd, and the economy was based on household keeping of heavy cattle. At the same time, hunting big forest ungulates as well as fishing played a significant role in paleoeconomy of the population during the second habitation stage.

Habitat, carpological, palynological, archaeozoological analysis, Low Ishim basin, transitional time from Bronze age to Early Iron age.

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.Е. Пошехонова*, А.С. Афонин*, А.В. Кисагулов**, Д.О. Гимранов***,
А.Е. Некрасов***, С.А. Якимов****, А.С. Якимов**, А.И. Баженов*****

Статья посвящена исследованию отдельных элементов погребальной обрядности верхнетазовских селькупов с применением методов естественных наук. Зафиксированы предпочтения в выборе древесины для изготовления могильных конструкций. В захоронениях XVII–XVIII вв. была встречена древесина сосны и единично — ели, в захоронениях XIX в. — сосны и кедра. Опираясь на данные этнографии, можно констатировать сохранение в течение четырех веков традиции применения сосны, а погребальные конструкции из кедра и лиственницы стали делать лишь в XIX в. Результаты исследований остатков тризны и погребальной пищи дали представление об их составе и количественном соотношении ее элементов. В ходе поминок ели в основном рыбу, в меньшей степени — боровую и водоплавающую птицу, а также немного мяса белки и северного оленя. Погребальная пища состояла из рыбы, ягод черемухи, брусники и др. Преобладание рыбы позволяет сделать вывод о предпочтении ее в повседневном рационе. Одежду, обувь и утварь шили в основном из шкур северного оленя, что подтверждается этнографическими данными, в то время как использование меха лисицы и кунных для изготовления шуб не находит отражения в культуре северных селькупов.

Западная Сибирь, северные селькупы, новое время, могильные конструкции, погребальная и поминальная пища, одежда, исследование макроостатков растений и животных.

Введение

Данные естественно-научных исследований по материалам позднесредневековых археологических памятников, к сожалению, нечасто привлекаются при этнографическом изучении культур северных сибирских народов. Представленная далее информация, на наш взгляд, может существенно заинтересовать коллег — этнографов и археологов, так как конкретизирует представление о погребальном обряде северных селькупов в XVII–XIX вв. — период, относительно которого этнографические источники содержат весьма мало фактических сведений, а археологические вообще пока единичны.

Цель данного исследования состоит в получении подробной информации о некоторых элементах погребальной обрядности верхнетазовских селькупов в XVII–XIX вв. Эти сведения будут использованы в дальнейшем при изучении локальных особенностей культуры этой группы населения, ее трансформации за четыре столетия, истоков и инокультурного влияния на ее формирование. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить состав погребальной и поминальной пищи, выявить предпочтения в выборе пород древесины для изготовления погребальных конструкций и инвентаря, установить, из шкур каких животных были сшиты обувь, одежда и утварь захороненных. Немаловажно, что подобная информация дает представление не только о погребальной культуре, но и о повседневной жизни этих людей, например о том, из чего делали охотничье оружие, изображения духов-покровителей¹, игрушки, утварь и пр.

Материалы

Находки, о которых идет речь в статье, получены в ходе раскопок могильника Кикки-Акки (Красноселькупский район ЯНАО, верхнее течение р. Таз, устье р. Коралькы), функционировавшего с XVII до середины XIX в. [Пошехонова, 2015]. Датировка могил позднего периода (№ 1 и 2) установлена по вещевому комплексу: в них обнаружены ямщицкие колокольчики, бисер, ткань и позумент, т.е. изделия, которые могли быть сделаны только в XIX в. Захоронения XVII — начала XVIII в. (№ 3–5, 13) датированы по многочисленным подвескам и нашивкам, являвшимся украшениями костюмов

¹ Здесь и далее по тексту в аналогичных случаях приводится предположительный (наиболее вероятный) вариант атрибуции данного типа предметов.

и погребальных лицевых покрывал, точные аналоги которым обнаруживаются в могильниках южных селькупов этого времени [Чиндина, 1995; Боброва, Бодрова, 2013]. Такую датировку подтверждают результаты радиоуглеродного исследования образцов древесины — 285 ± 40 лет (СОАН-9030), 220 ± 50 лет (СОАН-9032), 270 ± 50 лет (СОАН-9033).

Исключительно хорошая сохранность находок, привлеченных для исследования, крайне нетипична для археологических памятников подзоны северной тайги. Обычно материалы не сохраняются так хорошо, за исключением участков с мерзлотой, что не относится к нашему случаю. Вероятно, этот феномен связан с «молодостью» могильника и консервацией объектов плотными могильными перекрытиями из дерева и бересты. Благодаря такой консервации из погребений получена довольно представительная коллекция артефактов из органических материалов. Однако в соответствии с задачами для исследования нами были отобраны лишь некоторые из них, а именно: древесина, представленная целыми изделиями и фрагментами, остатки погребальной и поминальной пищи, меховые предметы.

Самая многочисленная категория объектов исследования (556 костей) представлена палеозоологическими материалами, которые получены из двух погребений. Из погребения № 1 происходит нижняя челюсть животного, которая лежала на крышке верхней колоды. Остальной материал для палеозоологического исследования найден в захоронении № 2. Кости относятся к двум комплексам — остаткам тризны и погребальной пищи. Остатки тризны плотным спрессованным слоем вперемешку с грунтом лежали в центре погребения между двух слоев дощатых довольно толстых перекрытий.

Кости и чешуя рыб из остатков погребальной пищи были обнаружены в миске из оловянной бронзы с деревянной ложкой внутри, накрытой берестяной крышкой (рис. 1). Немаловажно, что кости рыб в большинстве случаев были повреждены, фрагментированы, их сломы истончены, как бы оплавлены. Здесь же найдены и другие объекты исследования. Миска стояла в ногах погребенного мужчины, на дне колоды, которая сверху была закрыта многослойным берестяным покрывалом, грунтом и двумя уровнями дощатых перекрытий.

Рис. 1. Миска с погребальной пищей из могилы № 2.

Содержимое миски состояло из щепочек, деревянной трухи, костей рыбы, но в основном из остатков черного цвета, которые располагались тонким слоем на дне емкости, небольшое количество прилипло к стенкам изнутри. Все это было тщательно собрано и промыто согласно методике, изложенной в работе Е.А. Сергушевой [2013]. В результате кроме костей и чешуи рыбы в миске были обнаружены визуально неопределимые плотные объекты, которые при намокании разбухли и приняли вид губчатого вещества размером до 4–5 см (предположительно кусочки мяса), частицы древесины, косточки плодов и семена (рис. 2).

Следующая категория объектов изучения представлена древесиной. В каждом захоронении находились колода или доски, из которых были сделаны довольно сложные могильные сооружения. Всего насчитывается 17 образцов от погребальных конструкций. Кроме того, определения проведены для деревянных вещей (13 шт.), составляющих погребальный инвентарь, в их числе до-

Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов...

рожная ложка, рукояти ножей, части сложносоставных ножен, изображение духа-покровителя, небольшое изделие (изображение злого духа?) из шаманского набора, древки стрел с обмоткой, корытообразные колчаны, деталь стержня охотничьего самоловного устройства.

Рис. 2. Содержимое миски из погребения № 2:

а — косточки плодов; б — кости и чешуя рыб; в — кусочки мышечной ткани (высушенные) и семена растений; г — размоченный кусочек мышечной ткани.

Отдельный блок объектов исследования составили волосы от шкур животных, из которых были сшиты одежда, обувь и утварь погребенных. Всего для анализа было отобрано 28 образцов волос от 15 изделий из захоронений № 1, 4, 13. В силу низкого уровня сохранности в большинстве случаев визуально определить, животному какого вида принадлежала шкура, оказалось невозможно: изменились цвет и конфигурация волос, они были смяты и сваляны. У нескольких вещей кожа-основа сгнила, нельзя было установить не только цвет, но и длину волос, в нашем распоряжении зачастую были лишь отдельные пучки обломанной шерсти.

Методы

Методика исследований обусловлена разными объектами и включает приемы, используемые в нескольких областях биологии.

Методика палеозоологических определений

Видовая диагностика остеологического материала производилась посредством сравнения костных остатков с эталонной коллекцией музея Института экологии растений и животных УрО РАН. Описание материала велось по методикам, разработанным сотрудниками музея.

Методика исследований содержимого бронзовой миски. Для извлечения растительных и животных остатков содержимое бронзовой миски (кроме костей рыб) было залито водой и вы-

держано до полного распада гумусных комков. После этого образец был слит на сито с отверстиями 0,5 мм и с целью удаления гумусных частиц промыт проточной водой. Разбухшие кусочки (предположительно мясо) были зафиксированы этиловым спиртом и отправлены на гистологическое исследование. Оставшуюся фракцию высушили и просмотрели под бинокулярным микроскопом «МБС-10», отбирая определяемые остатки.

Методика ксилотомических и карпологических исследований

Обработку и определение видовой принадлежности образцов древесины проводили по атласу В.Е. Беньковой и Ф.Х. Швейнгрубера [2004], а также по учебнику В.Е. Вихрова [1959]. Для размягчения образцы кипятили в воде, затем с них делали микросрезы по тангенциальной, радиальной и поперечной плоскостям. Полученные микросрезы исследовали под микроскопом в капле воды. Комплекс микроскопических признаков строения древесины в большинстве случаев обладает видоспецифичностью, так как анатомическое строение обусловлено генетически закрепленными признаками. Идентификация проводилась по признакам анатомического строения вторичной древесины. Особое внимание на поперечных микросрезках обращалось на характер перехода клеток от ранней древесины к поздней, на смоляные ходы; на тангенциальных — на рядность радиальных лучей и их высоту, а также выстилку смоляных ходов; на радиальных — на поровость стенок трахеид и характер лучевых элементов. Определение плодов и семян проводили по атласу Н.Я. Каца с соавт. [1965].

Методика гистологических исследований

Для гистологического исследования образца выполнено окрашивание ткани гематоксилин-эозином и по методу Ван-Гизона [Волкова, Елецкий, 1982]. При окраске по этому методу применяют два раствора: железный гематоксилин Вейгерта и кислую смесь пикрофуксина. Суть метода заключается в дифференциации по окраске различных компонентов ткани. Коллагеновые волокна соединительной ткани после окраски пикрофуксином имеют ярко-красный цвет, а мышечные и эластические волокна — буровато-красный или желто-зеленый. Железный гематоксилин Вейгерта окрашивает ядра клеток в темно-коричневый или буровато-черный цвет.

Методика определений видов животных по волосу

Строение волос отличается полиморфностью, но некоторые черты все же имеют диагностическую ценность при определении таксономической принадлежности млекопитающего [Чернова, Целиков, 2004]. Стержень волоса обычно состоит из кутикулярного слоя снаружи, сердцевины в центре и коркового слоя между ними. Кутикула представляет собой один слой клеток, форма которых может быть различной, но, как правило, плохо различимой при непосредственном рассмотрении под микроскопом [Гашев и др., 2002]. Поэтому для определения таксономической принадлежности по кутикуле были сделаны отпечатки волос на бесцветном фиксаторе (акрил). В некоторых случаях удалось получить микрофотографию непосредственно волоса: при этом была хорошо видна сердцевина волоса, на основе специфики строения клеток которой также можно прийти к тому или иному заключению.

К сожалению, данная методика не всегда позволяет определить млекопитающее по волосу вплоть до вида. Тем не менее на уровне отрядов видны четкие отличия в структуре. Препараты изготавливались согласно методикам, приведенным в учебном пособии по зимней полевой практике по зоологии позвоночных [Гашев и др., 2002]. Полученные образцы сравнивались с эталонными отпечатками, а также изображениями, приведенными в атласе волос млекопитающих [Чернова, Целиков, 2004].

Результаты

Палеозоологические исследования

Из погребения № 1 была получена нижняя челюсть лисицы. На первый взгляд челюсть принадлежала чрезвычайно мелкой особи. Однако, судя по длине первых двух моляров, она находится в пределах изменчивости вида и характеризуется средними размерами (табл. 1) [Кисагулов, 2015].

Таблица 1

Длина моляров лисиц, мм

	<i>N</i>	<i>M±m</i>	<i>min-max</i>	Особь из погребения № 1
Первый моляр	246	15,51±0,88	13,42–18,22	15,7
Второй моляр	238	7,17±0,46	6,02–8,91	7,37

Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов...

Все остальные кости найдены в могиле № 2. Из остатков тризны для определения было получено 393 объекта. Из них 25 костей принадлежали млекопитающим, 93 — птицам и 275 — рыбам (определялись только кости головы и позвонки, чешуя и другие кости не исследованы). Среди остатков тризны обнаружены только целые кости. Костные остатки млекопитающих причислены к двум видам: северному оленю и белке (табл. 2). Кости обыкновенной белки происходят от двух особей.

Таблица 2

Видовой состав костных остатков млекопитающих

	Количество костей
Северный олень — <i>Rangifer tarandus</i>	8
Обыкновенная белка — <i>Sciurus vulgaris</i>	17
Всего	25

Кости птиц принадлежали шести видам: свиязь, шилохвость, обыкновенный гоголь, белая куропатка, тетерев, глухарь (табл. 3). Подавляющее число составили кости глухаря, к остальным видам относились единичные кости. Среди костных остатков глухаря найдены элементы всех отделов скелета, из них самцам принадлежало 60 костей, происходящих как минимум от 5 особей; самкам — 23 кости как минимум от 4 особей. Две кости относились к молодым птицам, пол которых не установлен. Находки костей молодых особей позволяют предположить, что охота на них велась в конце лета (август). Возраст особей определялся по степени прирастания эпифизов.

Таблица 3

Видовой состав костных остатков птиц

	Количество костей	
	N	%
Глухарь — <i>Tetrao urogallus</i>	85	91
Белая куропатка — <i>Lagopus lagopus</i>	2	2
Обыкновенный гоголь — <i>Bucephala clangula</i>	2	2
Тетерев — <i>Lyrurus tetrix</i>	2	2
Свиязь — <i>Anas penelope</i>	1	1
Шилохвость — <i>Anas acuta</i>	1	1
Всего	93	100

Определено пять видов рыб: налим, щука, язь, муксун, плотва (табл. 4). Большая часть костей принадлежали налиму, некоторые были определены лишь до уровня семейства карповых.

Таблица 4

Видовой состав костных остатков рыб

Вид	Количество костей	
	N	%
Налим — <i>Lota lota</i>	152	55
Щука — <i>Esox Lucius</i>	99	36
Язь — <i>Leuciscus idus</i>	6	2
Муксун — <i>Coregonus muksun</i>	3	1
Плотва — <i>Rutilus rutilus</i>	3	1
Карповые — Cyprinidae	9	3
Неопределимые	3	1
Всего	275	100

Необходимо отметить, что остатки щуки — это в основном кости головы, северного оленя — элементы задних конечностей, остальные виды представлены костями всех отделов скелета.

Результаты исследований содержимого миски из погребения № 2

Определимые обломки и целые кости рыб (129 ед.) представлены остатками всех отделов скелетов — череп, кости туловища и конечностей. В результате выявлен следующий видовой состав: плотва (3 фрагмента черепа), язь (3 фрагмента черепа), карповые (39 чешуек, 68 фрагментов костей плавников, 16 фрагментов ребер), кроме того, имеются 32 неопределимых фрагмента костей.

В результате исследования растительных остатков выяснено, что в бронзовой миске в большом количестве содержались раздробленные косточки плодов черемухи (*Padus racemosa* (Lam.) Gilib), их плодоножки, а также несколько семян ягод брусники (*Vaccinium vitis-idaea* L.) и семена дикорастущих трав. Также содержимое миски включало остатки древесины и корки сосны кедровой (*Pinus sibirica* Du Tour), древесины и корки березы (*Betula* sp.), древесины осины (*Populus tremula* L.).

При анализе гистологических препаратов, окрашенных гематоксилин-эозином, определена ячеистая структура, которая напоминает строение поперечнополосатой мышцы (рис. 3, а). Она состоит из эндомизионных ячеек и перемизионных участков. На отдельных сегментах в эндомизионных участках находится эозинорильное вещество, лишенное жидкости. По гистологической структуре это поперечнополосатое мышечное волокно, состоящее из миоцитов. Гистохимической окраской по методу Ван-Гизона установлено, что соединительная ткань красного цвета, а мышечная ткань бледно-коричневая (рис. 3, б). Таким образом, гистологические анализы полностью подтвердили вывод о мышечной природе исследованного образца.

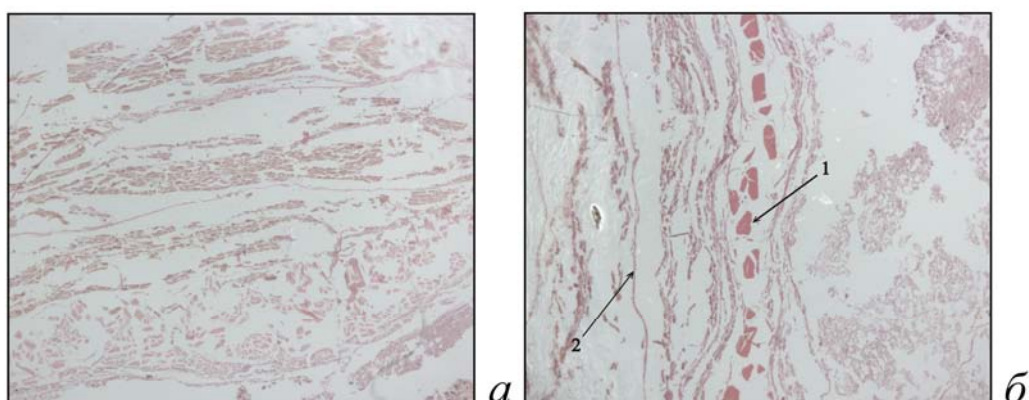

Рис. 3. Общий вид гистологического препарата, окрашенного гематоксилин-эозином (а), и гистохимическая окраска по методу Ван-Гизона (1 — мышечная ткань; 2 — соединительная ткань) (б).

Ксилотомические исследования

При исследовании элементов погребальных конструкций выявлено, что практически все они были выполнены из древесины сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), за исключением нижней колоды в первом погребении, которая была сделана из сосны кедровой (*Pinus sibirica* Du Tour) и доски под тазом индивида 1 из погребения № 13, изготовленной из ели (*Picea* sp.) (табл. 5). Вещи, составляющие погребальный инвентарь, были изготовлены из древесины различных пород (рис. 4), таких как ель (4 изделия), сосна обыкновенная (1), сосна кедровая (3), береза (*Betula* sp.) (3), осина (*Populus tremula* L.) (2).

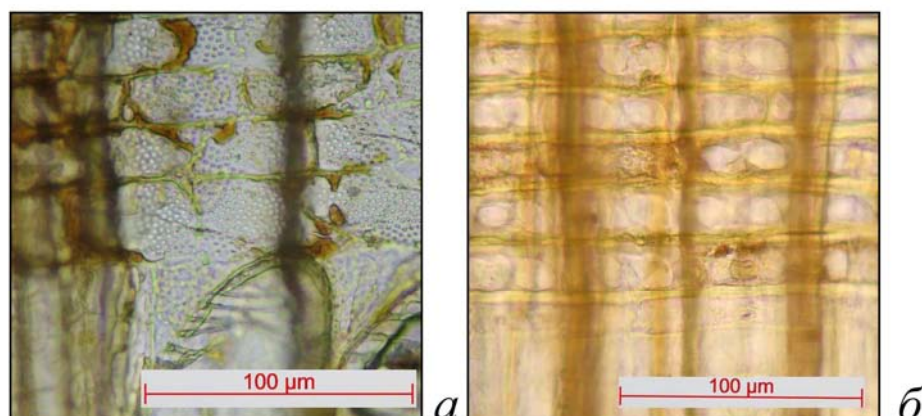

Рис. 4. Радиальный срез древесины березы (а) от фрагмента ножен № 25 из погребения № 1 и кедра (б) от правого колчана из погребения № 2.

Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов...

Определение видов животных по волосу

В ряде случаев было затруднительно определить видовую принадлежность шерсти по причинам схожести строения волос близкородственных таксонов, таких как северный олень — косуля, лисица — песец. Однако южная граница ареала песца не достигает верховьев Таза [Гептнер, 1967], следовательно, эти экземпляры шерсти скорее всего принадлежали лисице. А северная граница ареала сибирской косули не доходит до широты могильника, поэтому можно с уверенностью говорить о принадлежности волос северному оленю [Гептнер, 1961].

Таблица 5

Идентифицированная древесина погребальных конструкций и инвентаря

Погребение № 1	
Крышка верхней колоды	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Верхняя колода	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Крышка нижней колоды, юго-восточный конец	<i>Pinus sibirica</i> Du Tour
Нижняя колода, северо-западный конец	<i>Pinus sibirica</i> Du Tour, корка <i>Betula</i> sp.
Нижняя колода, под черепом	Корка <i>Pinus sibirica</i> Du Tour
Рукоять ножа (№ 12)	<i>Betula</i> sp.
Изображение духа-покровителя (№ 21)	(Ветка) <i>Betula</i> sp.
Фрагмент ножен (№ 23)	<i>Picea</i> sp.
Фрагмент ножен (№ 24)	<i>Populus tremula</i> L.
Фрагмент ножен (№ 25)	<i>Betula</i> sp.
Фрагменты древков стрел (№ 27)	<i>Picea</i> sp.
Погребение № 2	
Колчан	<i>Pinus sibirica</i> Du Tour
Колода, под черепом	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Доска перекрытия, северо-западный конец	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Ложка (№ 54)	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Погребение № 4	
Доска под черепом индивида 2	<i>Pinus sylvestris</i> L., корка <i>Betula</i> sp.
Доска над индивидом 2	Корка <i>Pinus sylvestris</i> L.
Доска над индивидом 2	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Доска под черепом индивида 1	Корка <i>Pinus sylvestris</i> L.
Доска над индивидом 1	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Доска со дна могилы между индивидами, юго-западный конец	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Изделие (изображение злого духа?) (№ 60/7)	<i>Pinus sibirica</i> Du Tour
Фрагменты древков стрел с обмоткой (№ 66)	<i>Picea</i> sp. и луб
Колчан (№ 66)	<i>Picea</i> sp. и корка <i>Betula</i> sp.
Погребение № 5	
Под черепом индивида 1	Корка и древесина <i>Pinus sylvestris</i> L.
Под черепом индивида 2	<i>Pinus sylvestris</i> L.
Рукоять ножа (№ 91)	<i>Populus tremula</i> L.
Погребение № 13	
Под черепом индивида 1	<i>Pinus sylvestris</i> L., корка <i>Betula</i> sp.
Доска под тазом индивида 1	<i>Picea</i> sp.
Деталь сторожка (№ 108)	<i>Pinus sibirica</i> Du Tour

Анализ показал, что в большинстве случаев одежда, обувь и утварь были изготовлены из меха северного оленя (*Rangifer tarandus* L.), шубы шили и из шкур лисицы (*Vulpes vulpes* L.) (табл. 6) (рис. 5). Рукава шуб и детали декора, части сумочек, украшения (меховые кружочки), малицы изображений духов-покровителей делали из шкур представителей семейства куниц (Mustelidae). На изучаемой территории проживают следующие представители этого семейства: лесная куница, соболь, горностай, ласка, выдра, редко россомаха. Кроме этого найдена основа куклы-скрутки (детская игрушка), выполненная из шкурки зайца-беляка (*Lepus timidus* L.).

Таблица 6

Видовая принадлежность образцов шкур

Погребение № 1	
Малица изображения духа-покровителя (№ 21)	Mustelidae
Погребение № 4	
Фрагмент меха из-под черепа индивида 1 (№ 60/18)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид. 1, сумочка, верхняя часть (№ 66/1)	<i>Rangifer tarandus</i> L.

Погребение № 4	
Индивид 1, сумочка, нижняя часть (№ 66/1)	<i>Vulpes vulpes</i> L.
Индивид 1, сумочка, верхняя часть с вышивкой (№ 66/1)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, фрагмент шкуры на правом бедре, наружная часть (№ 67)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, волоски с верхней тканевой части левого пима (скорее всего, относятся к шаманской парке) (№ 70)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, нижняя часть левого пима (№ 70) (кабус)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, шаманская парка, борт (№ 71)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, шаманская парка, широкие полосы по бортам (№ 71)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, шаманская парка, пола (№ 71)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 2, фрагмент под кольцом, таз, справа (№ 82)	<i>Vulpes vulpes</i> L.
Погребение № 13	
Индивид 1, шуба, борт (№ 104)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, шуба, левый рукав, район кисти (№ 111/2)	Mustelidae
Индивид 1, шуба, левый рукав, район подмышки (№ 125)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 1, шуба, левый рукав, район предплечья (—)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 2, шуба правый рукав, район кисти (№ 110/18)	Mustelidae
Индивид 2, шуба, борт (№ 110/18)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 2, шуба, левый борт (№ 110/18)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Индивид 3, шуба, левый рукав, средняя часть (№ 110/17)	Mustelidae
Индивид 3, шуба, левый рукав, средняя часть (№ 110/17)	Mustelidae
Индивид 3, шуба, полочка и спинка (№ 110/17)	<i>Vulpes vulpes</i> L.
Индивид 3, шуба, подол (№ 111/1)	<i>Vulpes vulpes</i> L.
Основы куклы-скрутки из меха (№ 105)	<i>Lepus timidus</i> L.
Двойной меховой кружок (№ 111/5)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Два меховых двойных полукруга (№ 111/5)	Mustelidae
Мешочек для подвесок (№ 111/3)	<i>Rangifer tarandus</i> L.
Сумочка для шитья, боковая часть (№ 111/4)	<i>Vulpes vulpes</i> L.

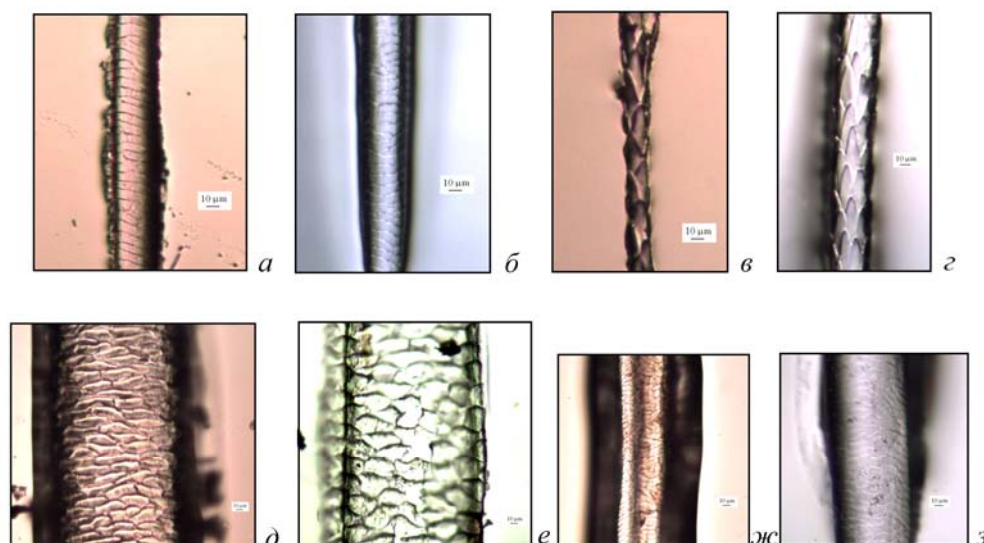

Рис. 5. Отпечатки кутикулы волос: а — № 105; б — эталонный волос зайца; в — № 82; г — эталонный волос песца; д — № 67; е — эталонный волос северного оленя; ж — № 111/5; з — эталонный волос куницы.

Обсуждение результатов

Результаты исследований остатков тризны и погребальной пищи дали представление о составе и количественном соотношении ее элементов. В ходе поминок захороненного в погребении № 2 ели в основном рыбу (в большом количестве налима, щуку и отдельные части язя, муксуна и плотвы). Боровой и водоплавающей птицы также было съедено значительное количество: в основном это глухарь (не менее 9 взрослых особей и, возможно, 1–2 молодые) и отдельные элементы свиязя, шилохвости, обыкновенного гоголя, белой куропатки и тетерева. Кроме этого в ходе поминок употребляли мясо белок и северного оленя.

Некоторые элементы погребального обряда северных селькупов...

В бронзовой миске, поставленной на дно колоды для умершего мужчины, находились плотва и язь (не исключено, что и другая рыба семейства карповых), раздробленные ягоды черемухи, немного брусники и дикорастущей травы, щепочки березы и осины, кусочки бересты и опилки кедра с корой, а также кусочки мяса (поперечнополосатой мышцы). Выяснение рецептов этого блюда в дальнейшем позволит нам проследить традицию приготовления погребальной пищи северными селькупками в XIX в. Однако же преобладание рыбы в погребальной пище позволяет сделать заключение о предпочтении ее в повседневном рационе, что полностью соответствует этнографическим данным [Селькупы..., 2013]. Состояние костей рыбы в обоих комплексах (тризна и еда в миске) может указывать на поедание ее в сыром или слабо обработанном виде. Прямым подтверждением рыбацкой направленности рациона питания, а также зафиксированных особенностей употребления рыбы может служить факт заболевания некоторых захороненных в могильнике Кикки-Акки дифиллоботриозом [Slepchenko, Ivanov, 2015].

Разнообразные погребальные конструкции и надгробные сооружения в настоящее время северные селькупы делают из сосны или кедра. Сохранились воспоминания, что до 1970-х гг. в п. Ратта, находящемся в 60 км от п. Кикки-Акки, вместо гроба еще использовали листовенничную колоду с крышкой. Деревья этих же пород выбирали для захоронения маленьких детей в спиленных стволах [Адаев, 2014]. В захоронениях могильника Кикки-Акки XVII–XVIII вв. была встречена древесина сосны и в одном случае ели, в захоронениях XIX в. — сосны и кедра. Вероятно, здесь мы можем констатировать сохранение в течение четырех веков традиции использования сосны в погребальной практике северными селькупками. Однако можно заключить, что могильные конструкции из кедра и листовенницы стали делать лишь в XIX в.

Известно, что зимнюю одежду северные селькупы шили целиком из шкур оленя, упоминается также одежда из меха зайца, однако сведения о шубах из лисицы или тем более из шкур куньих отсутствуют [Селькупы..., 2013]. Это промысловые виды животных, шкурками которых платили ясак, кроме того, они непрактичны в носке. Исключение составляют наборные шубы или подкладки для зимней одежды из лапок и хвостиков куньих, белок и т.д., т.е. тех частей шкур, которые могли отрезать на собственные нужды. Изготовление наборной одежды и утвари из крупных кусков шкур нескольких видов животных по известным источникам также не находит отражение в культуре северных селькупов, хотя и фиксируется у соседних групп восточных хантов, с которыми селькупы активно контактировали. Возможно, обнаруженный нами факт относится к ранним этапам формирования этнической группы (он зафиксирован только в могилах XVII–XVIII вв.), либо его можно объяснить заимствованиями.

Заключение

Полученные данные позволили охарактеризовать элементы погребальной обрядности северных селькупов. Зафиксированы предпочтения в выборе древесины для изготовления могильных конструкций. По выявленному составу погребальной и поминальной пищи в дальнейшем можно реконструировать рецепты соответствующих блюд. Удалось определить, из шкур каких животных были сшиты одежда, обувь и утварь людей, захороненных в могильнике Кикки-Акки, что, с учетом данных по покрою и приемам пошива, поможет проследить традиции и заимствования в этом компоненте культуры тазовских селькупов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаев В.Н. Варианты захоронений и типы надгробных конструкций у верхетазовских селькупов (по материалам этнографических исследований 2013 г.) // АВ ORIGINE: Археол.-этнограф. сб. ТюмГУ. Тюмень, 2014. Вып. 6. С. 104–122.

Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России: (Атлас для идентификации древесины деревьев, кустарников, полукустарников и деревянистых лиан России). Вена: Хаупт, 2004. 456 с.

Боброва А.И., Бодрова А.Ш. Пояса XVII века из Прикетья: Особенности технологии и декора // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск; Омск, 2013. С. 34–43.

Вихров В.Е. Диагностические признаки древесины главных лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 132 с.

Волкова О.В., Елецкий Ю.К. Основы гистологии с гистологической техникой. 2-е изд. М.: Медицина, 1982, 304 с.

Гашев С.Н., Селюков А.Г., Шаповалов С.И. Зимняя полевая практика по зоологии позвоночных: Учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 156 с.

Гелтнер В.Г. и др. Млекопитающие Советского Союза. М.: Высш. шк., 1967. Т. 1. 776 с.

Гелтнер В.Г. и др. Млекопитающие Советского Союза. М.: Высш. шк., 1967. Т. 2 (часть первая). 1013 с.
Кац Н.Я., Кац С.В., Кипиани М.Г. Атлас и определитель плодов и семян, встречающихся в четвертичных отложениях СССР. М.: Наука, 1965. 368 с.

Кисагулов А.В. Видовая диагностика корсака (*Vulpes corsac* L.) и обыкновенной лисицы (*Vulpes vulpes* L.) по изолированным щечным зубам и альвеолам // Экология, генетика, эволюция: Материалы Всерос. молодеж. конф. Екатеринбург, 2015. С. 61–66.

Пошехонова О.Е. Краниология верхнетазовских селькупов // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 46–52.

Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка / Н.А. Тучкова, С.В. Глушков, Е.Ю. Коселева и др. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 318 с.

Сергушева Е.А. Археоботаника: Теория и практика. Владивосток: Дальнаука, 2013. 84 с.

Чернова О.Ф., Целикова Т.Н. Атлас волос млекопитающих: Тонкая структура остевых волос и игл в сканирующем электронном микроскопе. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2004. 429 с.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 179–187.

Slepchenko S.M., Ivanov S.N. Paleoparasitological analysis of soil samples from the Kikki-Akki burial ground of the 17th–19th centuries in West Siberia, Russia // Journ. of Archaeol. Science. 2015. Vol. 2. P. 467–472.

*Тюмень, ИПОС СО РАН

poshehonova.olg@gmail.com

hawk_lex@list.ru

**Тюмень, ИКЗ СО РАН

akis9119@gmail.com

Yakimov_Artem@mail.ru

***Екатеринбург, ИЭРиЖ УрО РАН

djulfa250@rambler.ru

nekrasov@ipae.uran.ru

****ГАУЗ ТО «МКМЦ “Медицинский город”»

acvius@rambler.ru

*****Тюменский государственный университет

bazhenov-ikz-anatolii@mail.ru

The article is devoted to investigation of certain elements of burial rites with the Upper Taz Selkups, using methods of natural sciences. Subject to recording being preferences in the choice of wood for making grave constructions. In burials of XVII–XVIII cc., one comes across pinewood and in a few cases sprucewood, while in burials of XIX c. — pinewood and cedarwood. Relying on ethnographic data, we could state preservation of a tradition using pine during four centuries, while burial constructions of cedarwood and larchwood started to be made only in XIX c. The investigation results regarding residues of funeral feast and burial food gave an insight into composition and quantitative correlation of its elements. In the course of funeral repast they ate mainly fish, to a lesser extent, upland fowl and waterfowl, together with some squirrel and reindeer meat. Burial food consisted of fish, bird cherries, cowberries and others. Predominance of fish allows to conclude on its preference in their daily diet. As to clothing, footwear and utensils, those were mainly sewn of reindeer skins, which is confirmed by ethnographic data. At the same time, using fox and weasel for making fur coats was not reflected in the culture of North Selkups.

West Siberia, North Selkups, new time, grave constructions, burial food and funeral repast, clothing, investigation of vegetation and animal residues.

ИЗУЧЕНИЕ СУКЦЕССИЙ РАСТИТЕЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ГОРОДИЩА УФА II МЕТОДОМ СПОРОВО-ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА

Р.Г. Курманов

Представлены результаты спорово-пыльцевого анализа отложений средневекового городища Уфа II. Удалось реконструировать растительность с момента освоения территории городища до нашего времени. Выявлено 19 этапов сукцессии, характеризующих периодическое восстановление растительных сообществ (демутацию) на антропогенно нарушенных территориях. Растительность городища в субатлантическом периоде голоцена сменялась в следующей последовательности: синантропизированная опушка широколиственного леса — синантропизированная опушка смешанного мелколиственно-широколиственного леса — открытые пространства, занятые синантропной растительностью.

Городище Уфа II, реконструкция растительности, сукцессия растительных сообществ, спорово-пыльцевой анализ.

Городище Уфа II расположено в историческом центре г. Уфы, на правом берегу р. Белой, на мысу, образованном двумя глубокими оврагами (рис. 1). Оно открыто в 1953 г. известным уфимским краеведом П.Ф. Ищериковым. В 1958 г. изучение продолжил Н.А. Мажитов [Ищериков, Мажитов, 1962]. Культурный слой городища был датирован методом радиоуглеродного анализа в пределах первой половины II — второй половины VII в. [Levchenko, Sungatov, 2013]. На территории памятника обнаруживаются фрагментарные находки и более поздних периодов, культурные слои которых были разрушены в результате закладки и развития г. Уфы в XVIII в. и в последующее время [Мажитов и др., 2007а].

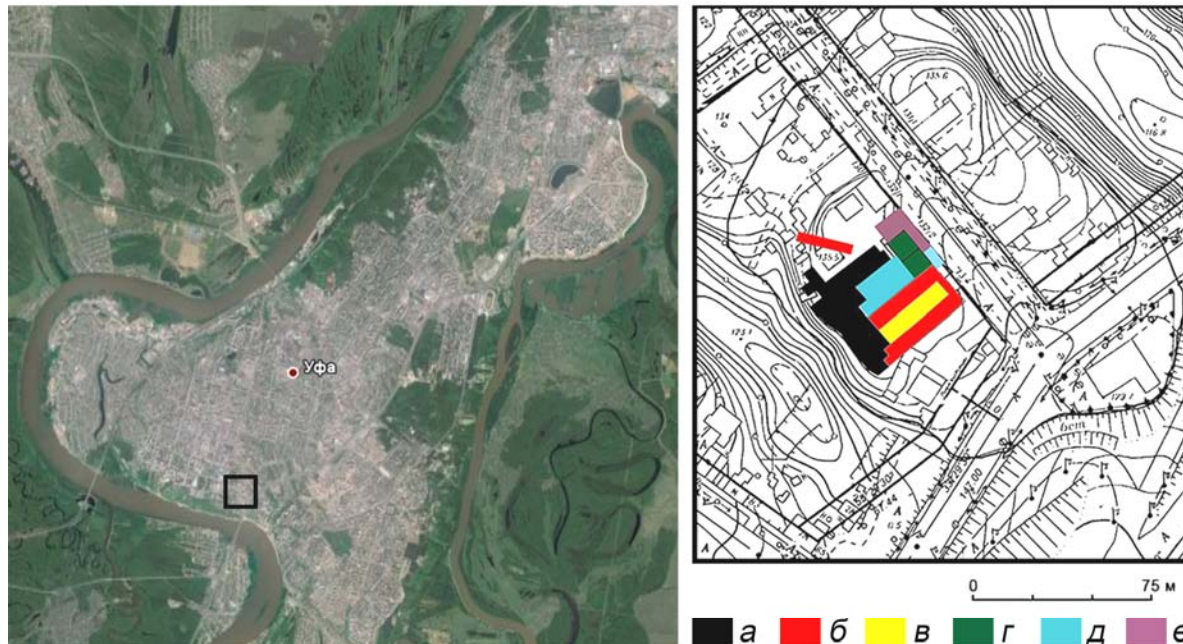

Рис. 1. Местонахождение городища Уфа II и расположение археологических раскопов:
а — 2006–2007 гг.; б — 2008 г.; в — 2009 г.; г — 2010 г.; д — 2011 г.; е — 2012 г.

Слой городища содержит материалы основных средневековых культурных групп Южного Урала, а также импорт с территорий Кавказа, Средней Азии и Причерноморья, что позволяет использовать его в качестве опорного памятника в изучении хронологии данного периода [Мажитов и др., 2007б, 2009а, б; 2011]. Состав находок очень богат и разнообразен, но преобладают обломки керамической посуды различных типов. В целом изделия и керамический комплекс с памятника указывают на его функционирование в достаточно широком хронологическом диапазоне с III до XII в. н.э. Наиболее ранние находки ассоциируются с носителями раннебахмутинской археологической культуры (имендяшевской и мазунинской), составившей пласт обитания III–V вв.; верхняя часть напластований лежит в хронологическом диапазоне чияликской культуры (X–XII вв.). Основная масса керамического комплекса представлена сосудами бахмутинской (III–VIII вв.), турбаслинской (V–VII вв.) и турбаслинско-бахмутинской культурных групп. Наличие керамики синкретического облика свидетельствует об интенсивных интеграционных процессах в среде турбаслинско-бахмутинского населения Уфимского мыса. Выделяется немногочисленная, но яркая группа керамики кушнаренковской (VI–VIII вв.) и караякуповской (IX–X вв.) культурных групп [Мажитов и др., 2009б]. В керамической серии с городища также имеются образцы привозной (раннебулгарской) посуды [Мажитов и др., 2011; Шутелева и др., 2013].

Таким образом, основная масса археологического материала относится к эпохе раннего средневековья. Вопросы внутренней хронологии памятника и динамики трансформации культурных стереотипов насельников городища пока детально не освещались.

Анализ спорово-пыльцевого состава отложений городища Уфа II (погребенная почва, культурные слои, содержимое хозяйственных ям) проводился нами на протяжении четырех последних лет [Курманов, Ишбирдин, 2011; Курманов, Ишбирдин, 2014]. При этом наиболее полную информацию о смене растительности на городище удалось получить при изучении образцов из четырех разрезов, заложенных на месте археологического раскопа 2011 г. Нами было установлено, что освоение территории началось в условиях естественных ландшафтов, представленных широколиственными лесами с доминированием липы, дуба и открытыми пространствами опушек и полей. Первые этапы связаны с уменьшением доли природных сообществ и появлением ассоциаций однолетних растений, характеризующих интенсивные нарушения почвы. В дальнейшем наблюдается чередование максимумов комплексов широколиственных лесов, опушечных и рудеральных сообществ. Всего выявлено четыре таких периода [Курманов, Ишбирдин, 2015]. Несмотря на большой объем проделанной работы остались не изученными культурные слои более поздних периодов, которые были разрушены на исследуемом участке в связи со строительством и развитием г. Уфы. Поэтому работа по анализу спорово-пыльцевого состава отложений и составлению наиболее полной летописи изменения растительности на городище Уфа II была продолжена.

Цель данной статьи — реконструкция растительности на территории городища Уфа II и выявление этапов сукцессии растительных сообществ во время его функционирования и в последующее время.

Материалы и методы

Для изучения спорово-пыльцевого состава отложений городища Уфа II заложен разрез на месте археологического раскопа 2012 г. (северная стенка, квадрат H2`б). Отбор образцов для анализа произведен послойно в 2014 г. Всего отобрано 50 образцов. Стратиграфическая колонка залегания точек отбора проб охватывала погребенную почву, культурные слои и почву над культурными слоями (рис. 2). Лабораторная обработка проб выполнялась по стандартной методике (сепарационный метод В.П. Гричука).

Результаты и обсуждение

В результате анализа 50 отобранных образцов было получено 44 репрезентативных палиноспектра. В 40 из них преобладала пыльца травянисто-кустарничковых растений: крапивы, злаков, лабазника, маревых, горца птичьего, конопли сорной, полыни; в 4 отмечено доминирование пыльцы деревьев: березы, сосны обыкновенной, липы сердцелистной. В 5 образцах число обнаруженных палиноморф не превышало 50 шт., в 1 пробе пыльца и споры не обнаружены.

В целом в составе образцов идентифицирована пыльца 63 таксонов. Наиболее широко представлены семейства сложноцветных (12 таксонов) и зонтичных (8). Среди выявленных таксонов преобладают представители луговой ценотической группы (40 % от общего числа таксонов). Вто-

Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II...

рое место занимают представители лесного (24 %); третье — рудерального ценотипа (20 %). К группе пасквальных растений отнесено 4 таксона (6 %). Также обнаружены единичные представители сегетального, степного и горно-степного, прибрежно-водного и болотного ценотипа (табл.).

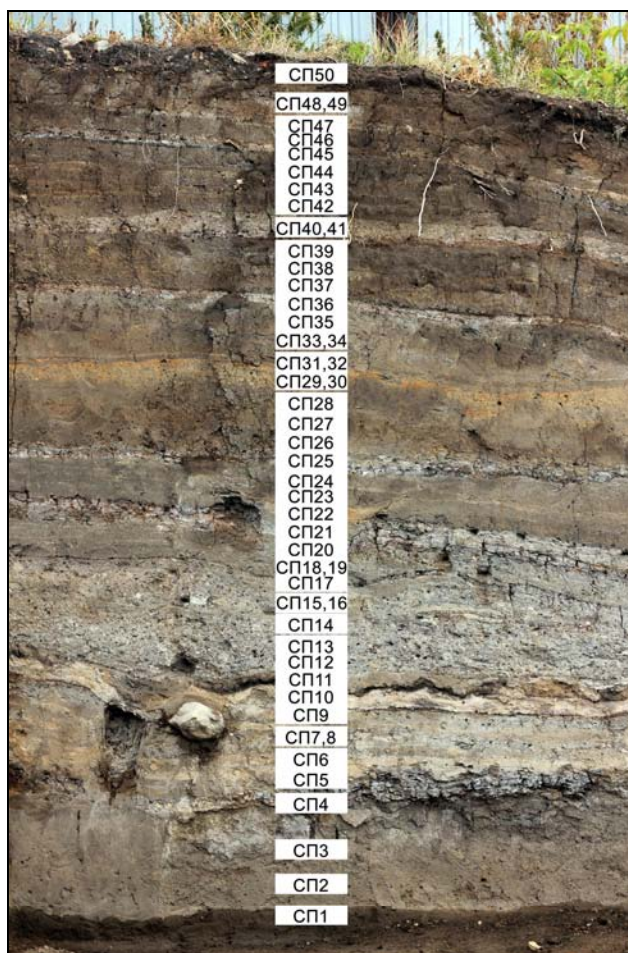

Рис. 2. Место отбора проб на спорово-пыльцевой анализ.

Ценотические типы флоры городища Уфа II

Ценотип	Таксоны	Число таксонов
Луговой	<i>Achillea</i> sp., <i>Angelica archangelica</i> , <i>A. sylvestris</i> , Apiaceae, Asteroideae, Brassicaceae, <i>Bupleurum</i> sp., Caryophyllaceae, <i>Campanula</i> sp., <i>Centaurea scabiosa</i> , Fabaceae, <i>Geranium</i> sp., <i>Heracleum sibiricum</i> , <i>Inula</i> sp., <i>Knautia</i> sp., <i>Lavatera thuringiaca</i> , <i>Pleurospermum uralense</i> , Poaceae, Rosaceae: <i>Filipendula</i> sp., Rubiaceae, <i>Sanguisorba officinalis</i> , Scrophulariaceae, <i>Solidago virgaurea</i> , <i>Valeriana wolgensis</i> , <i>Vicia</i> sp.	25
Лесной	<i>Abies</i> sp., <i>Alnus</i> sp., <i>Betula pubescens</i> type, <i>Calystegia sepium</i> , <i>Corylus avellana</i> , <i>Lycopodium</i> sp., <i>Picea</i> sp., <i>Pinus sylvestris</i> , <i>P. sibirica</i> , Polypodiaceae, <i>Quercus robur</i> , Rosaceae, <i>Salix</i> sp., <i>Tilia cordata</i> , <i>Ulmus</i> sp.	15
Рудеральный	<i>Arctium</i> sp., <i>Artemisia</i> sp., <i>Cannabis ruderalis</i> , <i>Carduus crispus</i> , <i>Carum carvi</i> , <i>Chamerion angustifolium</i> , Chenopodiaceae, Cichorioideae, <i>Cirsium setosum</i> , <i>Leonurus quinquelobatus</i> , <i>Rumex</i> sp., <i>Taraxacum</i> sp., <i>Urtica</i> sp.	13
Пасквальный	<i>Amoria repens</i> , <i>Convolvulus arvensis</i> , <i>Plantago</i> sp., <i>Polygonum aviculare</i>	4
Сегетальный	<i>Centaurea cyanus</i>	1
Степной	<i>Oryganum vulgare</i> , <i>Eryngium planum</i>	2
Горно-степной	<i>Ephedra distachya</i>	1
Прибрежно-водный	<i>Nuphar</i> sp.	1
Болотный	<i>Sphagnum</i> sp.	1

Спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 3) делится на 19 палинозон, отражающих этапы сукцессии растительных сообществ на изучаемой территории.

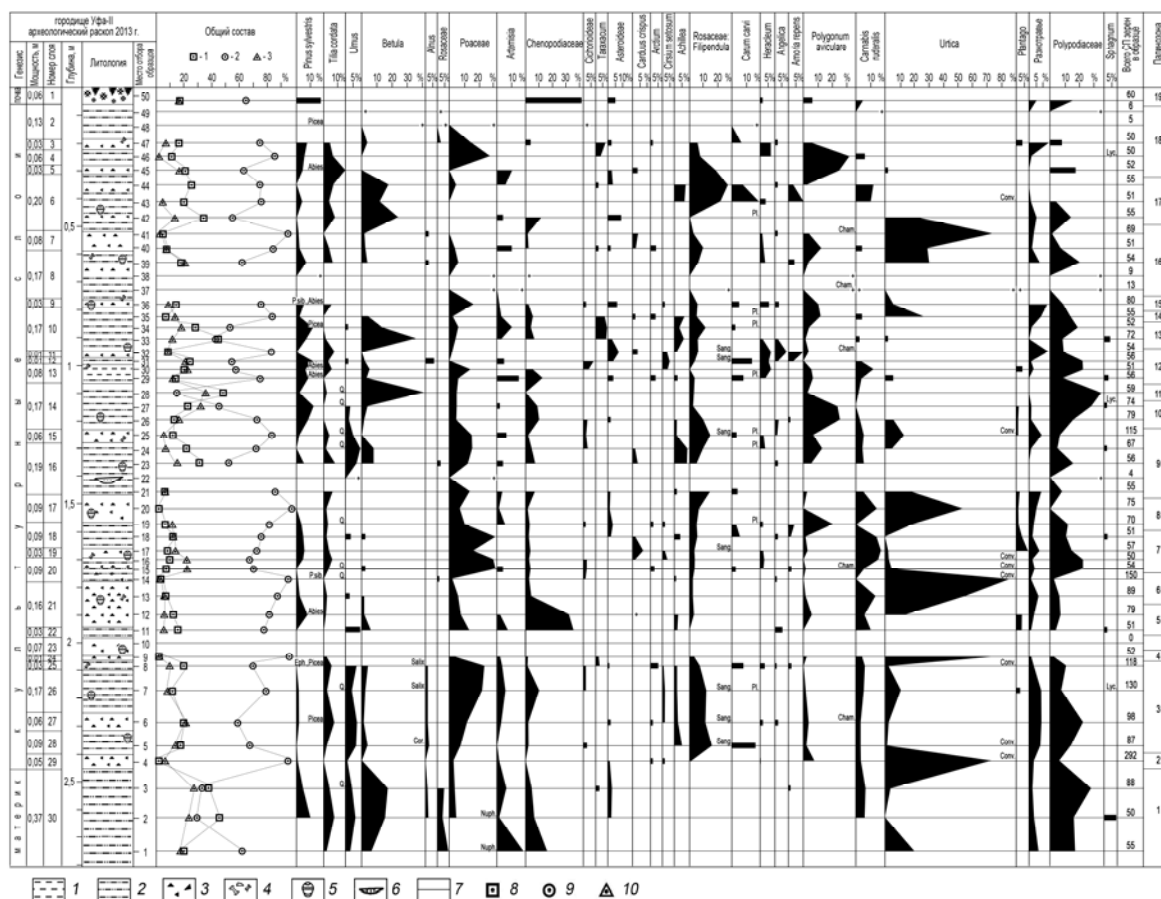

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений городища Уфа II, археологический раскоп 2012 г. (северная стенка, квадрат H2'б):

1 — глина; 2 — супесь; 3 — растительные макроостатки (тлен дерева и т.п.); 4 — костные остатки крупных и мелких млекопитающих; 5 — керамика; 6 — линза песка; 7 — границы стратиграфических подразделений, слоев; 8 — древесные, 9 — травянистые; 10 — споровые растения. В строках диаграмм указаны таксоны, представленные единичными пыльцевыми зёрнами. Сокращенные названия растений: Abies — *Abies* sp., Cham. — *Chamerion angustifolium*, Conv. — *Convolvulus arvensis*; Cor. — *Corylus avellana*; Eph. — *Ephedra distachya*; Lyc. — *Lycopodium* sp.; Nuph. — *Nuphar* sp.; Picea — *Picea* sp.; Pl. — *Pleurospermum uralense*; P. sib. — *Pinus sibirica*; Q. — *Quercus robur*; Salix — *Salix* sp.; Sang. — *Sanguisorba officinalis*. Знаком «+» отмечены места единичных находок.

Палинозона 1 характеризует смешанные березово-сосновые леса. На открытых участках формировались разнотравные луга с участием полыни, марей и злаков. В образцах серой супеси из нижней части разреза (сл. 30, инт. 2,60–2,82 м, СП 1, 2) выявлена пыльца прибрежно-водных (кубышка) и болотных (сфагнум) растений, что свидетельствует о существовании на изученной территории заболоченного водоема. Данные типы ландшафтов были распространены на Южном Урале в позднем неоплейстоцене [Курманов, 2012]. Высокая доля в палиноспектрах пыльцы широколиственных пород (липа сердцелистная, дуб черешчатый, вяз), рудеральных и пасквальных видов растений (крапива, конопля сорная, клевер ползучий, одуванчик, щавель) указывает на перемешивание слоев во время закладки городища.

Палинозона 2 отличается доминированием пыльцы рудеральных растений. Так, в спектре из образца истлевшей древесины (сл. 29, инт. 2,40–2,45 м, СП 4) преобладает пыльца трав (94 %): преимущественно крапивы (73 %) и горца птичьего (8 %). Среди единичных находок отмечены пыльцевые зёрна и других сорных растений: бодяк щетинистый, конопля сорная, вьюнок полевой, лопух, полынь. Также выявлена единичная пыльца многочисленных луговых растений (борщевик сибирский, валериана волжская, володушка, лабазник, злаки, астровые, мареновые, норичниковые, бобовые). Доля деревьев в спектре низкая (1 %), обнаружена пыльца сосны обыкновенной и вяза. Содержание спор папоротников не превышает 6 %. Отложения с палинозо-

Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II...

ной 2 характеризует первый этап освоения территории, происходивший в III–V вв. Он связан с уменьшением доли природных сообществ и появлением сообществ однолетних растений (крапива жгучая, горец птичий, конопля сорная), характеризующих интенсивные нарушения почвы.

Спектры палинозоны 3, выделенные из образцов желтой супеси (сл. 28, инт. 2,31–2,40 м, СП 5), истлевшей древесины (сл. 27, инт. 2,25–2,31 м, СП 6), серой супеси (сл. 26, инт. 2,08–2,25 м, СП 7), желто-серой супеси (сл. 25, инт. 2,05–2,08 м, СП 8), также характеризуются преобладанием пыльцы травянистых растений (60–79 %). Однако прежние доминанты рудералы сменяются луговыми растениями. На начальных этапах сукцессии (СП 5) процент рудеральных видов еще остается высоким за счет двулетников (тмин обыкновенный), пришедших на смену однолетникам, но позже (СП 6) их доля заметно снижается. Последующие локальные пожары, диагностированные по наличию пыльцы пиропфита — иван-чая узколистного, ведут к небольшим всплескам численности однолетних рудеральных растений (крапива жгучая, конопля сорная, марь белая) (СП 7), которые, в свою очередь, вновь уступают место двулетним (тмин обыкновенный и лопух) и многолетним сорнякам (бодяк щетинистый, одуванчик, цикориевые) (СП 8).

В спектрах данной палинозоны отмечено постепенное снижение доли однолетних пасквальных видов (горец птичий), которые в итоге, аналогично рудеральным, сменяются многолетниками (клевер ползучий, вьюнок полевой, подорожник).

Среди луговых растений существенно повышается роль злаков, доля пыльцы которых увеличивается с 8 до 23 %. Возрастает доля пыльцы лабазника (8–16 %). В составе травостоя увеличивается количество видов, растущих на заливных и пойменных лугах, по берегам водоемов и в приречных лесах (кровахлебка лекарственная, дудник лесной, дягиль лекарственный, реброплодник уральский, борщевик сибирский). Наблюдается повышение разнообразия лугового и степного разнотравья. Так, в составе спектров появляются неотмеченные ранее луговые (золотарник золотая розга, колокольчик, горошек, тысячелистник, зонтичные, крестоцветные), степные (душица обыкновенная) и горно-степные виды растений (эфедра двухколосковая).

Доля деревьев в спектрах варьируется в пределах 12–20 %. Доминирует пыльца широколиственных пород: вяза (5–7 %) и липы сердцелистной (2–8 %). Единично отмечены зерна лещины обыкновенной и дуба черешчатого. Мелколиственные породы представлены березой, ольхой и ивой; хвойные — сосной обыкновенной, елью, эфедрой двухколосковой. Доля спор папоротников, заселяющих опушки широколиственных лесов, на начальных этапах возрастает с 14 до 21 % (СП 5, 6), а затем снижается до 8–10 % (СП 7, 8). В целом палинозона 3 характеризует процесс демуляции — сукцессии, направленной на восстановление сообществ прежнего состава.

Палинозона 4 отражает новые нарушения почвы. В спектре из образца истлевшей древесины (сл. 24, инт. 2,04–2,05 м, СП 9) доминирует пыльца трав (94 %), преимущественно крапивы (73 %). Среди прочих идентифицированных таксонов преобладает пыльца рудеральных и пасквальных видов (конопля сорная, марь белая, полынь, горец птичий). Единично отмечены пыльцевые зерна луговых (злаки, лабазник, крестоцветные), лесных и опушечных растений (липа сердцелистная, папоротники).

В образце, взятом из зольника (сл. 23, инт. 1,97–2,04 м, СП 10), пыльца и споры не обнаружены. В спектрах палинозоны 5 продолжает доминировать пыльца рудеральных и пасквальных видов. При этом преобладание пыльцевых зерен маревых (32–35 %) и конопли сорной (6–10 %), а также высокая доля пыльцы полыни (1–8 %) в образцах бурой супеси (сл. 22, инт. 1,94–1,97 м, СП 11) и истлевшей древесины (сл. 21, инт. 1,86–1,94 м, СП 12), вероятнее всего, характеризует медленное зарастание кострища, то увеличение процента пыльцы подорожника и горца птичьего указывает на повышение интенсивности вытаптывания. Несмотря на снижение общего разнообразия лугового разнотравья, доля доминировавших ранее злаков остается довольно высокой (8–12 %). По влажным местам разрастаются дягиль лекарственный и сфагновые мхи.

Доля пыльцы деревьев варьируется в пределах 13–16 %. Хотя в спектрах и отмечено незначительное повышение процента пыльцы сосны и березы, но все же в составе травостоя продолжают преобладать широколиственные породы (в основном вяз). Содержание папоротников остается низким и составляет в среднем 5 %.

Палинозона 6 характеризует новую смену доминантов в составе однолетних рудеральных растений. В образце истлевшей древесины (сл. 21, инт. 1,78–1,86 м, СП 13) и пробе серо-бурой супеси с древесными остатками (сл. 20, инт. 1,75–1,78 м, СП 14) выявлены палиноспектры с

преобладанием пыльцы крапивы (55–85 %). Значительно снижается доля пыльцы маревых, конопля сорной и злаков. Также уменьшается содержание пыльцы горца птичьего. Среди единичных находок отмечена пыльца растений влажных лугов и опушек (валериана волжская, дягиль лекарственный, герань), лугов (тысячелистник, лабазник, крестоцветные, норичниковые, гвоздичные) и степей (душица обыкновенная). Доля спор папоротников и пыльцы деревьев продолжает снижаться, уменьшаясь до 2–3 %.

Палинозона 7 охватывает спектры образцов из серо-бурой супеси с древесными остатками (сл. 20, инт. 1,69–1,75 м, СП 15, 16), истлевшей древесины (сл. 19, инт. 1,66–1,69 м, СП 17) и серо-бурой супеси (сл. 18, инт. 1,61–1,66 м, СП 18). Данная зона характеризует новый этап демуляции. В спектрах вновь начинает доминировать пыльца злаков (10–34 %), а состав рудеральных растений вновь претерпевает изменения, в результате которых однолетние рудеральные (крапива жгучая, конопля сорная, марь белая) и пасквальные виды (горец птичий) заменяются на двулетники (тмин обыкновенный, чертополох курчавый, лопух) и многолетники (бодяк щетинистый, полынь, цикориевые; вьюнок полевой, клевер ползучий, подорожник). Причем, как и в первом случае, такая смена происходит дважды, что также обусловлено локальными пожарами (СП 15).

Вновь увеличивается разнообразие луговой растительности и возрастает доля видов, занимающих заливные и пойменные луга, а также опушки широколиственных лесов (борщевик сибирский, кровохлебка лекарственная, дягиль лекарственный, реброплодник уральский, валериана волжская). В спектрах появляется пыльца сфагнома (СП 18), указывающая на то, что прилегающие к городищу ландшафты снова заливались и заболачивались.

Доля пыльцы деревьев повышается, но незначительно (7–12 %), при этом в спектрах преобладает пыльца липы сердцелистной и сосны обыкновенной. Спорадически встречаются зерна других широколиственных пород (вяз, дуб черешчатый), а также пыльца мелколиственных деревьев (береза). Содержание папоротников сначала возрастает до 22 % (СП 15, 16), а затем после пожаров снижается до 10 % (СП 18).

Палинозона 8 характеризует четвертый этап нарушений. В палиноспектрах из образцов серо-бурой супеси (сл. 18, инт. 1,57–1,61 м, СП 19) и истлевшей древесины (сл. 17, инт. 1,48–1,57 м, СП 20) доминирует пыльца травянисто-кустарниковых растений (81–99 %). Начавшие было формироваться после пожара сообщества рудеральных и пасквальных растений с участием двулетников (тмин обыкновенный, лопух) и многолетников (бодяк щетинистый, пустырник пятилопастной, одуванчик, полынь, цикориевые, клевер ползучий, подорожник) сменяются фитоценозами, в которых доминируют однолетние сорняки (крапива жгучая, конопля сорная, марь белая, горец птичий).

Среди луговых растений отмечены злаки (8–10 %) и лабазник (6–8 %), единично встречаются пыльцевые зерна борщевика сибирского, реброплодника уральского, повоя заборного, астровые, норичниковых, гвоздичных, мареновых.

Группа древесно-кустарниковых растений (1–8 %) представлена преимущественно широколиственными породами: липой сердцелистной и дубом черешчатым. Из спектров постепенно выпадают папоротники.

Все описанные выше этапы сукцессий уже были отмечены нами ранее на основе анализа спорово-пыльцевого состава образцов из четырех разрезов, заложенных на месте археологического раскопа 2011 г.

Новый этап восстановительной сукцессии описывает палинозона 9. В образцах серо-бурой супеси (сл. 16, инт. 1,29–1,48 м, СП, 21, 23, 24) и истлевшей древесины (сл. 15, инт. 1,23–1,29 м, СП 25) выявлены спектры с преобладанием пыльцы трав (52–86 %). При этом отмечено постепенное увеличение содержания пыльцы луговых растений: злаков (11–15 %), лабазника (5–15 %), тысячелистника (1–9 %). Появляются опушечные виды, а также виды, растущие на заливных и пойменных лугах (борщевик сибирский, дягиль лекарственный, кровохлебка лекарственная, реброплодник уральский, валериана волжская). Сукцессия сорных сообществ идет по описанному выше пути: доля рудеральных и пасквальных видов постепенно снижается, на смену однолетникам приходят двулетники и многолетники.

В спектрах заметно возрастает доля пыльцы деревьев (7–32 %). Продолжает доминировать пыльца широколиственных пород: вяза и липы сердцелистной. Единично отмечены пыльцевые зерна дуба черешчатого. В спектрах из верхних слоев (СП 23, 24) повышается количество пыльцы березы (9 %). Содержание спор папоротников снижается и варьируется в пределах 6–16 %. Отмечены единичные споры сфагнома.

Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II...

В образце из линзы песка (сл. 16, СП 22) выявлены лишь единичные зерна вяза, злаков, папоротников.

Палинозона 10 характеризует повышение антропогенного влияния на территорию вследствие вытаптывания. Так, в образцах из нижней части слоя бурой супеси (сл. 14, инт. 1,11–1,23 м, СП 26, 27) выявлены спектры с доминированием пыльцы горца птичьего (23–25 %). Возрастает и содержание пыльцы других пасквальных видов (клевер ползучий, подорожник). Среди рудералов увеличивается доля пыльцы маревых (10 %). Из спектров постепенно исчезают крапива жгучая и конопля сорная. Происходит снижение разнообразия луговой растительности и ее доли в спектрах. Наличие пыльцы представителя влажных лугов (дягиль лекарственный) и спор сфагновых мхов указывает на то, что территория продолжает периодически подтапливаться.

В группе деревьев уменьшается доля пыльцы широколиственных пород (вяз, дуб черешчатый) (до 4 %), начинает доминировать сосна обыкновенная (9–12 %). Резко возрастает количество спор папоротников (17–28 %). Описанные особенности свидетельствуют о начале вырубок широколиственных лесов.

Позже на этих вырубках разрастаются вторичные мелколиственные леса, представленные березняками (палинозона 11). В образце из верхней части слоя бурой супеси (сл. 14, инт. 1,06–1,11 м, СП 28) обнаружен спектр с преобладанием пыльцы деревьев (49 %), в основном березы (42 %). Единично отмечены зерна дуба черешчатого, липы сердцелистной, сосны обыкновенной. Опушки смешанных лесов интенсивно зарастают папоротниками (36 %). На долю трав приходится 15 %. Преобладает пыльца злаков (7 %), единично отмечены зерна лабазника, горца птичьего, конопли сорной.

Палинозона 12 характеризует четвертый этап восстановительной сукцессии. В пробах глинистой серой супеси (сл. 13, инт. 0,98–1,06 м, СП 29, 30), серой супеси (сл. 12, инт. 0,97–0,98 м, СП 31), истлевшей древесины (сл. 11, инт. 0,96–0,97 м, СП 32) получены палиноспектры с преобладанием пыльцы трав и кустарничков (54–82 %). На начальных стадиях в спектрах (СП 29, 30) преобладают рудеральные и пасквальные виды (полынь, маревые, тмин обыкновенный, горец птичий, конопля сорная, крапива, лопух, цикориевые, подорожник). Позже их доля снижается, в спектрах остаются только двулетние и многолетние виды (тмин обыкновенный, бодяк щетинистый, клевер ползучий, пустырник пятилопастной, чертополох курчавый, цикориевые). Рудеральные сообщества сменяются луговыми. Возрастает процент пыльцы представителей влажных лугов и опушек (борщевик сибирский, дягиль лекарственный, дудник лесной, реброплодник уральский), а также других луговых видов растений (василек шероховатый, злаки, лабазник, астровые).

Наблюдается возобновление широколиственных лесов и уменьшение интенсивности вырубок. При этом если доля насаждений липы сердцелистной постепенно возрастает, то другие представители широколиственных пород, такие как вяз и дуб, исчезают из состава древостоя и уже не восстанавливаются. На то, что вырубки не прекращаются, указывает увеличение содержания пыльцы сосны обыкновенной (до 13 %) и спор папоротников (до 21 %), а также повышение доли пыльцы пород, составляющих вторичные леса (береза и ольха) (СП 30–31).

Палинозона 13, включающая палиноспектры образцов из нижней (сл. 10, инт. 0,90–0,96 м, СП 33) и средней части слоя серой супеси (сл. 10, инт. 0,84–0,90 м, СП 34), характеризует очередное разрастание вторичных березовых лесов. При этом в выделенных спектрах отмечена высокая доля пыльцы деревьев (29–46 %) и трав (43–52 %). В первой группе преобладает пыльца березы (14–36 %) и сосны обыкновенной (8–12 %); вторая группа представлена луговыми и сорными видами в одинаковых пропорциях, содержание которых варьируется в пределах 21–27 %. Среди луговых растений доминирует пыльца лабазника (7–12 %), злаков (4–6 %), тысячелистника (4–6 %). Единично отмечены зерна зонтичных (дягиль лекарственный, борщевик сибирский, реброплодник уральский). Наличие последних, в сочетании со спорами сфагновых мхов, указывает на то, что территория не прекращает заливаться и заболачиваться. Среди сорных растений преобладают рудеральные виды: одуванчик (7–8 %), полынь (3–10 %), маревые (4–7 %). Опушки зарастают папоротниками (8–19 %).

Палинозона 14 отличается повышением роли однолетних рудеральных и пасквальных сообществ. Так, в спектре образца из верхней части слоя серой супеси (сл. 10, инт. 0,79–0,84 м, СП 35) начинает доминировать пыльца крапивы (26 %) и горца птичьего (11 %). Также отмечена высокая доля пыльцевых зерен других рудералов: маревых и одуванчика (по 6 %). Встречена единичная пыльца двулетних видов: чертополоха курчавого и лопуха. Среди луговых растений преобладают лабазник и тысячелистник (по 6 %).

Доля деревьев значительно снижается (6 %), при этом в составе спектра продолжают преобладать пыльцевые зерна березы и сосны обыкновенной. Содержание папоротников уменьшается (13 %).

Палинозона 15 характеризует новый этап демуляции. В образце истлевшей древесины (сл. 9, инт. 0,76–0,79 м, СП 36) обнаружен палиноспектр с доминированием пыльцы трав (76 %). В спектре преобладает пыльца луговых растений: злаков (16 %), лабазника, валерианы волжской, астровых (по 6 %), борщевика сибирского (5 %). Также отмечена единичная пыльца дягиля лекарственного, повоя заборного, крестоцветных, норичниковых, гвоздичных. Количество доминировавших ранее рудеральных видов (крапива, маревые) снижается до 16 %. Их начинают сменять двулетники (тмин обыкновенный) и многолетники (бодяк щетинистый, цикориевые, полынь). Доля пасквальных видов (горец птичий) остается высокой (10 %), что указывает на продолжительное вытаптывание.

В группе древесно-кустарниковых растений (15 %) преобладают хвойные породы: сосна обыкновенная (5 %), сосна сибирская (3 %), пихта (единичные зерна). При этом отмечено заметное повышение доли пыльцы липы сердцелистной (6 %). Содержание папоротников продолжает уменьшаться (9 %).

В период формирования отложений палинозоны 16 шло увеличение антропогенной нагрузки на территорию (вырубки и вытаптывание), участились случаи пожаров. В составе образцов бурой супеси с желтыми прослоями древесины (сл. 8, инт. 0,64–0,76 м, СП 37, 38) идентифицированы лишь единичные пыльцевые зерна, принадлежавшие преимущественно сорным растениям (маревые, полынь, одуванчик, конопля сорная, крапива, подорожник, горец птичий, щавель, иван-чай узколистный).

В образце бурой супеси с желтыми прослоями древесины (сл. 8, инт. 0,59–0,64 м, СП 39) и образцах истлевшей древесины (сл. 7, инт. 0,51–0,59 м, СП 40, 41) обнаружены спектры с преобладанием пыльцы трав (61–94 %), в основном рудеральных и пасквальных видов. При этом доминирует пыльца крапивы (29–74 %) и горца птичьего (3–12 %). Среди прочих сорных видов отмечены как однолетние (марь белая, конопля сорная), так и двулетние (чертополох курчавый, лопух) и многолетние (полынь, одуванчик, клевер ползучий, иван-чай узколистный) растения. Среди луговых видов высокая доля пыльцы характерна для лабазника, злаков, борщевика сибирского. Содержание папоротников сначала возрастает до 20 %, а затем постепенно снижается до 1 %.

Среди деревьев (4–19 %) продолжает преобладать пыльца хвойных (сосна обыкновенная) и широколиственных пород (липа сердцелистная).

Палинозона 17 характеризует третий случай распространения вторичных березовых лесов. Так, в образцах бурой супеси с желтыми прослоями древесных остатков (сл. 6, инт. 0,31–0,51 м, СП 42–44) доля пыльцы березы варьируется в пределах 12–24 %. Наблюдается увеличение площадей липовых насаждений (4–9 %). В целом в полученных спектрах преобладает пыльца трав (55–77 %), в основном представителей рудеральной растительности. Сукцессия сорных сообществ протекает по описанной ранее схеме: однолетники (крапива жгучая, марь белая, конопля сорная) сменяются двулетниками (тмин обыкновенный) и многолетниками (одуванчик, полынь). Среди пасквальных видов преобладает клевер ползучий (4–12 %), единично отмечена пыльца горца птичьего и вьюнка полевого. В спектрах появляется пыльца сеgetальных видов (василек синий).

В образцах из верхней части слоя (СП 43, 44) возрастает доля пыльцевых зерен лабазника (22–27 %) и тысячелистника (6–7 %). Среди единичных находок преобладает пыльца зонтичных (борщевик сибирский, дягиль лекарственный, реброплодник уральский).

Доля папоротников в спектрах сначала сокращается с 13 до 4 %, а затем они исчезают.

Палинозона 18 характеризует новый этап демуляции. В спектрах из образцов истлевшей древесины (сл. 5, инт. 0,28–0,31 м, СП 45), серой супеси (сл. 4, инт. 0,22–0,28 м, СП 46) и образца из слоя угольков (сл. 3, инт. 0,19–0,22 м, СП 47) доминирует пыльца трав (62–86 %). При этом наблюдается увеличение доли пыльцы луговых растений (до 44 %). Повышается содержание пыльцы злаков (до 28 %), а также опушечных видов и видов, растущих на влажных лугах (борщевик сибирский, дягиль лекарственный, валериана волжская, володушка). Доля пыльцы лабазника сокращается с 19 до 6 %.

Несмотря на широкое распространение луговой растительности в окрестностях городища, на самой его территории разрастается горец птичий. Содержание пыльцы данного вида достигает 32 %, что свидетельствует о длительном вытаптывании. Среди рудеральных растений

Изучение сукцессий растительных сообществ городища Уфа II...

преобладают двулетники и многолетники (чертополох курчавый, тмин обыкновенный, полынь, одуванчик, щавель, лопух).

На начальных этапах (СП 45) наблюдается восстановление липовых лесов. Доля пыльцы липы сердцелистной возрастает до 15 %. Однако постепенно, вероятно, из-за непрекращающихся вырубок липа исчезает из состава древостоя. В более поздние периоды (СП 46, 47) в спектрах начинает преобладать пыльца хвойных (сосна обыкновенная) и мелколиственных (береза) пород. Споры папоротников встречаются спорадически, и в целом наблюдается уменьшение их доли в составе спектров.

В образцах красно-бурой супеси (сл. 2, инт. 0,06–0,19 м, СП 48, 49) обнаружена единичная пыльца ели, березы, розоцветных, злаков, цикориевых, тмина обыкновенного, конопли сорной, споры папоротников.

Палинозона 19 отличается доминированием пыльцы рудеральных и пасквальных видов растений. Так, в образце почвы (сл. 1, инт. 0–0,06 м, СП 50) выявлена высокая доля пыльцы маревых (42 %), горца птичьего (7 %), конопли сорной и астровых (по 5 %). Единично обнаружены зерна борщевика сибирского, щавеля, норичниковых. Деревья представлены сосной обыкновенной (18 %), а споровые — папоротниками (17 %). Палинозона характеризует сильно синантропизированные открытые пространства. Подобные растительные сообщества могли сформироваться лишь в условиях современного города.

Таким образом, сукцессия растительных сообществ средневекового городища Уфа II и прилегающих территорий протекала в следующей последовательности:

- 1) березовая лесостепь и опушечные сообщества;
- 2) рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (крапива жгучая);
- 3) луговые и опушечные сообщества;
- 4) рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (крапива жгучая);
- 5) рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (маревые);
- 6) рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (крапива жгучая);
- 7) луговые и опушечные сообщества;
- 8) рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (крапива жгучая);
- 9) луговые и опушечные сообщества;
- 10) пасквальные сообщества с преобладанием однолетних видов (горец птичий);
- 11) вторичные мелколиственные леса и опушечные сообщества;
- 12) луговые и опушечные сообщества;
- 13) вторичные мелколиственные леса, луговые и опушечные сообщества, рудеральные сообщества;
- 14) рудеральные и пасквальные сообщества с преобладанием однолетних видов (крапива жгучая, горец птичий);
- 15) луговые и опушечные сообщества;
- 16) рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (крапива жгучая);
- 17) вторичные мелколиственные леса, рудеральные и луговые сообщества;
- 18) луговые, опушечные и пасквальные сообщества с преобладанием однолетних видов (горец птичий);

Значительно позже, в период развития г. Уфы, на данной территории были распространены рудеральные сообщества с преобладанием однолетних видов (маревые).

Заключение

Таким образом, для спорово-пыльцевого состава материкового слоя характерно смешение комплексов, характеризующих плейстоценовую березовую лесостепь и участки широколиственных лесов, что связано с перемешиванием верхнего горизонта почвы в период закладки городища. Первые этапы освоения связаны с появлением сообществ однолетних рудеральных растений. В дальнейшем наблюдаются чередования максимумов комплексов луговых и опушечных, рудеральных и пасквальных сообществ, вторичных мелколиственных лесов. Нами отмечено шесть периодов демутации (палинозоны 3, 7, 9, 12, 15, 18). Постоянное увеличение антропогенной нагрузки (непрекращающиеся рубки и длительное вытаптывание) привело к постепенному сведению широколиственных лесов на сопредельной территории и способствовало распространению синантропной растительности.

Основываясь на том, что основной массив керамики, зафиксированный в нижних слоях исследуемого участка, принадлежал населению бахмутинской культуры, предполагаем, что накопление отложений начиная с ПК 2 соотносится со временем бытования этих комплексов в III–V вв. Дальнейшие напластования демонстрируют присутствие турбаслинского, кушнаренковского и караякуповского населения (VI–IX вв.). Итак, при обобщении полученных результатов спорово-пыльцевого анализа установлено, что смена растительности в середине субатлантического периода голоцена на городище проходила в такой последовательности: синантропизированная опушка широколиственного леса — синантропизированная опушка смешанного мелколиственного-широколиственного леса. В конце субатлантического периода на данной территории были распространены открытые пространства, занятые синантропной растительностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. Уфа: ИИЯЛ БФ АН СССР, 1962. Т. 1. С. 140–150.

Курманов Р.Г. История широколиственных лесов горно-лесной зоны Южного Урала в позднем неоплейстоцене и голоцене по палинологическим данным // Современная палеонтология: Классические и новейшие методы: Тез. докл. Девятой Всерос. науч. школы молодых ученых-палеонтологов, 1–3 окт. 2012 г. М., 2012. С. 28–29.

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Палинологическая характеристика отложений городища Уфа-II // Материалы регион. науч. конф. «Археология в БашГУ: Итоги и перспективы», посвященной 50-летию археологической экспедиции БГУ. Уфа, 2011. С. 97–102.

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Характеристика хозяйственной деятельности жителей городища Уфа-II по палинологическим данным // Методы палеоэкологических исследований: Тез. докл. палинологической школы-конференции с междунар. участием. М.: Изд-во МГУ, 2014. С. 36–37.

Курманов Р.Г., Ишбирдин А.Р. Реконструкция растительности на городище Уфа II и прилегающих ландшафтов по данным спорово-пыльцевого анализа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1. С. 101.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н., Сунгатов Ф.А. Средневековой город Башкорт (Уфа) // Вестн. АН РБ. 2007а. Т. 12. № 3. С. 40.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Иванов В.А. и др. Городище Уфа-II: Материалы раскопок 2006 года. Уфа, 2007б. Т. I. 160 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. Сокровища Древней Уфы: Уфа: Башкортостан, 2008. 112 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Сатаров Т.Р. и др. Городище Уфа-II: Материалы раскопок 2007 года. Уфа, 2009а. Т. II. 224 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. и др. Городище Уфа-II: Материалы раскопок 2008 года. Уфа, 2009б. Т. III. 368 с.

Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н. и др. Городище Уфа-II: Материалы раскопок 2009 года. Уфа, 2011. Т. IV. 244 с.

Шутелева И.А., Щербаков Н.Б., Леонова Т.А. и др. Уфа-II — средневековое городище на Южном Урале: Материалы раскопок 2013 года. Уфа: Инеш, 2013. 192 с.

Levchenko V.A., Sungatov F.A. Building the radiocarbon chronology for the archaeological site Ufa-II, Bashkortostan, Russia: is this the elusive «Bashkort» of medieval sources? // Radiocarbon. 2013. Vol. 55, N 2/3. P. 1278–1285.

Уфа, ИГ УНЦ РАН
ravit_kurmanov@mail.ru

The article presents results of spore-pollen analysis regarding sediments of medieval settlement of Ufa II. We succeeded to reconstruct vegetation from the moment of development of the settlement territory up to the present time. Subject to specification being 19 stages of succession, characterizing a periodic recovery of plant communities (demutation) on anthropogenically disturbed areas. The vegetation of the settlement in the Subatlantic period of the Holocene was transformed in the following sequence: from a synanthropized edge of mixed small-leaved-and-broad-leaved forest — into open spaces occupied by synanthropic vegetation.

Settlement of Ufa II, reconstruction of vegetation, succession of plant communities, spore-pollen analysis.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы (**объемом 2000–2500 знаков**);

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют переведенные на английский язык:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— аннотацию, написанную качественным английским языком (2000–2500 знаков с пробелами);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. После названия на латинице цитируемой статьи, монографии, сборника в квадратных скобках дается название на английском языке. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;

— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);

— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984d, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Яблонской. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

Плата за публикацию статей не взимается.

Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА — Архив Кабинета археологии
АМАЭ — Архив МАЭ РАН
АН СССР — Академия наук СССР
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВИРГО — Вестник Императорского Русского географического общества
ВСЕХБ — Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов
ВЭГУ — Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия
ГАПК — Государственный архив Пермского края
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГАОУ ТО «МКМЦ «Медицинский город» — Государственное автономное учреждение здравоохранения Тюменской области «Многопрофильный клинический медицинский центр «Медицинский город»»
ГБУТО ГАТО — Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области»
ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ УНЦ РАН — Институт геологии Уфимского научного центра РАН
ИИ АН РТ — Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИКЗ СО РАН — Институт криосферы Земли СО РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИЗА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
ИЭРИЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных УрО РАН
КААЭ — Камская археолого-этнографическая экспедиция
КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИА СПбИИ РАН — Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник МАЭ
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СЦ ЕХБ — Совет церквей евангельских христиан-баптистов
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТТИ ЮФУ — Таганрогский технологический институт Южного федерального университета
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ХВЕ — Христиане веры евангельской
ЦГИ РБ — Центральный государственный архив Республики Башкортостан
ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Электронный журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 4 (31)

2015

Редактор

Верстка

Художник

Перевод на английский

Е.М. Зах

М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова

С.А. Иларионова

Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 15.11.2015.
Уч.-изд. л. 21,9.

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Коллектив ИПОС СО РАН сердечно поздравляет Михаила Григорьевича Ганопольского с 70-летним юбилеем и желает успешной творческой деятельности, здоровья и оптимизма на долгие годы.

М.Г. Ганопольский — главный научный сотрудник ИПОС СО РАН, доктор философских наук. Он родился 6 декабря 1945 г. в г. Кировограде, в 1970 г. окончил Одесский государственный университет по специальности «Математика». В 1971 г. переехал в Тюмень, работал в Гипротюменьнефтегазе и СибНИПИгазстрое, заведующим лабораторией прикладной этики в Тюменском индустриальном институте, ведущим научным сотрудником НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. С 1989 г. работает в ИПОС СО РАН. В 1981 г. защитил кандидатскую и в 1998 г. — докторскую диссертацию по философии.

М.Г. Ганопольский занимается проблемами моделирования региональных отраслевых систем, управления социальными процессами в регионе, этикой организаций, этической регионалистикой, разрабатывает проблематику социальных технологий нового освоения в контексте эволюции регионального этоса, преподает в Тюменской государственном нефтегазовом университете и Тюменском государственном университете, руководит исследованиями аспирантов. Под его руководством успешно защищены три кандидатские диссертации. Михаил Григорьевич — автор более двухсот научных работ, член редколлегии журнала «Ойкумена: Регионоведческие исследования» (Владивосток, «Дальнаука»). Наиболее значимые труды — «Региональный этос: Истоки, становление, развитие» (1998), «Устойчивое развитие региона: Вопросы методологии и социально-культурный контекст» (2001).

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ISSN 1811-7465

9 771811 746005 >